

16+

ISSN 2309-4281

ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2021

Том 9, № 4 (33)

Самарский государственный социально-педагогический университет
www.sgspu.ru

ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Основан в 2013 году

16+

2021. Том 9, № 4 (33)

ISSN 2309-4281

Научный журнал
Выходит ежеквартально

Электронная версия:
<https://elibrary.ru>

Учредитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Главный редактор

Оксана Константиновна Позднякова,
доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, профессор кафедры
педагогике и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический
университет», г. Самара, Россия)

Заместитель главного редактора

Инесса Юрьевна Яковлева,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии и межкультурной
коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический
университет», г. Самара, Россия)

Ответственный секретарь

Мария Валерьевна Магазирова,
ассистент кафедры
английской филологии и межкультурной
коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический
университет», г. Самара, Россия)

Тел.: 8(846)207-41-41

E-mail: inessayakovleva2013@mail.ru

**Адрес учредителя,
редколлегии и редакции:**
443099, Россия, г. Самара,
ул. М. Горького, 65/67.
Тел.: 8(846)207-43-60
E-mail: red_izd@sgspu.ru

Начальник РИО
О.И. Сердюкова

Редакторы:
И.Я. Балягина, С.А. Жукова
М.Д. Лозанская, М.Ю. Назарова

Технический контроль
и размещение
в библиографических
базах данных
научных публикаций
А.С. Яицкий

Сайт: <http://sgspu.ru>

Подписано в печать 26.11.2021

Выход в свет 01.12.2021

Формат 60×84 1/8

Печать оперативная

Усл. п.л. 26

Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательство
Самарского государственного
социально-педагогического
университета
443099, Россия, Самара,
ул. М. Горького, 61/63

Отпечатано в типографии СГСПУ

© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2021

Свободная цена

Сведения о членах редколлегии

Главный редактор

Позднякова Оксана Константиновна, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Заместитель главного редактора

Яковлева Инесса Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Члены редколлегии

Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Алехин Игорь Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой педагогики (ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия).

Андронов Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии (ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск, Россия).

Бездухов Владимир Петрович, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики и психологии (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Буранок Олег Михайлович, доктор педагогических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Васильева Дарина Георгиевна, доктор социологии искусства, профессор теории воспитания и дидактики, заведующий кафедрой музыкальной эстетики, музыкального воспитания и исполнительства (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Варна, Болгария).

Виноградова Галина Александровна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии (ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Россия).

Дмитриева Людмила Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия).

Доброзракова Галина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью (ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия).

Догнал Йозеф, доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков факультета гуманитарных наук (Университет им. Масарика, г. Брно, Чехия), профессор кафедры русского языка факультета гуманитарных наук (Университет Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия).

Енгальчев Вали Фатехович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и юридической психологии (ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия).

Каньо Юдита, доктор, научный сотрудник (Педагогический Университет, г. Людвигсбург, Германия).

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва, Россия).

Колобова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия).

Кострова Ольга Андреевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Которова Елизавета Георгиевна, доктор филологических наук, профессор института германистики (Зеленогурский университет, г. Зелена-Гура, Польша).

Латас Фернандо Магелланес, доктор, профессор (Университет, г. Севилья, Испания).

Лелакова Ева, доктор наук, профессор кафедры английского языка и литературы факультета гуманитарных наук (Жилинский университет, г. Жилин, Словакия).

Лельчицкий Игорь Давыдович, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, директор института педагогического образования (ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия).

Литвиненко Наталья Валерьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики дошкольного и начального образования (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия).

Мичалак Рената, доктор наук, профессор (Университет им. А. Мицкевича, г. Познань, Польша).

Мкртумян Мельс Паргегович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории психологии (Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна, г. Ереван, Армения).

Николина Вера Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и андрогогики (ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», г. Нижний Новгород, Россия).

Нуеши Мона, профессор кафедры немецкого языка факультета гуманитарных наук (Каирский университет, г. Каир, Египет).

Ощепкова Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации (ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Москва, Россия).

Павлова Анна, доктор, научный сотрудник кафедры славянских языков (Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга, г. Майнц, Германия).

Пашикуров Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы института филологии и межкультурной коммуникации (ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия).

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Самсонова Надежда Владиславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта института рекреации, туризма и физической культуры (ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта», г. Калининград, Россия).

Ответственный секретарь

Магазирова Мария Валерьевна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, Россия).

Тел.: 8(846) 207-41-41.

СОДЕРЖАНИЕ

Лица. События

Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования. <i>Об итогах II международной научно-практической конференции (Е.Ю. Долгова)</i>	8
--	---

Активные процессы в славянских языках в начале XXI века

<i>Бушев А.Б.</i> Русский язык: стремительная архаизация пласта советизмов, активная неологизация и изменения в коммуникации	13
<i>Вяткина А.И., Иванян Е.П.</i> К вопросу о девиациях в прагматонимах – названиях пищевых продуктов	21
<i>Кудрявцева Е.С.</i> Семантика белорусских модально-волевых частиц и средства ее отражения в английском языке	26
<i>Кузнецова Н.Н.</i> О семантических неологизмах 2020-х годов	35
<i>Маковский А.О.</i> Особенности адаптации романских и германских номинаций в литературном белорусском языке	39
<i>Мишурная Ю.В.</i> Грамматическая адаптация англицизмов в современном белорусском языке <i>Мишурная Ю.В.</i> Граматычная адаптацыя англіцызмаў у сучаснай беларускай мове	45
<i>Питонакова С.</i> Слова о коронавирусе как новая часть языка массмедиа <i>Pitoňáková S.</i> Koronaslová ako nová súčasť (mediálneho) jazyka	52

Когнитивные модели славянского языкового сознания

<i>Валчак-Миколайчакова М.</i> Чем были оснащены цариградские кухни? (На основе книги «Готварска книга» Петка Славейкова) <i>Walczak-Mikołajczakowa M.</i> W co były wyposażone carogrodzkie kuchnie? (Na podstawie książki “Gotvarска книга” Petka Sławejkowa)	59
<i>Джинджолия Г.</i> Фразеологизмы, описывающие состояние опьянения	66
<i>Дзурякова Я.</i> Восприятие Татр авторами поколения штура как средство обучения литературной географии <i>Dzuriaková Ja.</i> Vnímanie Tatier u autorov štúrovskej generácie ako prostriedok výučby literárneho	73
<i>Карякина В.Л.</i> Концепт <i>покорность</i> в русской языковой картине мира	82
<i>Радченко М.В.</i> О деривационных средствах выражения речевой агрессии в российских и хорватских СМИ ...	90
<i>Русанова О.С.</i> Глагольно-именные сочетания с компонентом <i>творити</i> в русских деловых текстах XIII–XVII вв.	97
<i>Шестернёва Л.Г.</i> Пасхальный рассказ как жанр русской литературы	102

<i>Шетэля В.</i> Возврат к источникам: тексты песен Яна Кохановского в ощущении читателя нашего времени <i>Szetela W.</i> Powroty do źródeł: teksty pieśni Jana Kochanowskiego w odczuciu czytelnika naszych czasów	107
---	-----

Теоретико-методические подходы к изучению славянских языков и диалектов

<i>Адумян А.С.</i> Подготовка к сочинению единого государственного экзамена по русскому языку: лингвометодический аспект	112
<i>Белкина Ю.А., Михайлова А.А.</i> Реализация культуроведческого подхода в преподавании русского языка (работа с интерактивным листом о жизни А. Невского при изучении числительных)	117
<i>Возняк-Вжесиньска Э.</i> Достижения новой специализированной польской лексикографии <i>Woźniak-Wrzesińska E.</i> Osiągnięcia polskiej terminografii – na przykładzie wybranych branżowych słowników przekładowych	122
<i>Галушко Е.Ф.</i> Метаязыковые комментарии в речи русских жителей Ульяновской области	142
<i>Лацкова М.</i> Лексико-семантические особенности межъязыковых омонимов в славянских языках <i>Lacková M.</i> Lexikálno-sémantické osobitosti medzijazykových homoným v slovanských jazykoch	151
<i>Лелакова Э.</i> Лексико-семантические связи между существительными одного синонимического ряда <i>Leláková E.</i> Lexikálno-sémantické vzťahy medzi podstatnými menami tvoriacimi synonymický reťazec	157
<i>Мурзаева Т.И.</i> Устойчивые особенности южнорусского говора на территории позднего заселения	164
<i>Подлецки М.</i> Проект электронного словаря польских фразеологизмов, лишенных лексических сегментов <i>Podletsky M.</i> Projekt elektronicznego słownika polskich związków frazeologicznych pozbawionych segmentów leksykalnych	170

Проблемы сопоставительного изучения славянских и неславянских языков

<i>Айрян З.Г.</i> Образ Армении в стихотворении «Песня о наших камнях» С. Капутикян и в вольном переводе Е. Евтушенко	172
<i>Зоричич Н.</i> О деривационных возможностях новейших англоязычных заимствований в русском и хорватском языках (на примере текстов СМИ и интернет-форумов)	179
<i>Плесник Л.</i> Новейшие аналитические прилагательные в области спортивной терминологии (руско-чешский сопоставительный аспект)	190
<i>Рычева Е.А.</i> Англоязычные заимствования в политическом дискурсе в России и Чехии: прагматический аспект	197
Наши авторы	203

CONTENTS

Faces. Events

- Slavic Languages in the 21st Century: Modern Aspects of Research and Practice.
Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference (E.Yu. Dolgova) 8

Active Processes in Slavic Languages in the Early Years of the 21st Century

- Boushev A.B.*
Dramatic Processes in the Modern Russian Language: Sovietisms Become Part
of Obsolete Vocabulary, Neologisms Grow in Number, Communication Undergoes Changes 13
- Viatkina A.I., Ivanyan E.P.*
On the Deviations in Pragmatonyms – Names of Food Products 21
- Kudriavtseva E.S.*
The Semantics of Belarusian Modal Particles and Ways of Expressing it in English 26
- Kuznetsova N.N.*
Semantic Neologisms in Early 2020^{ies} 35
- Makovsky A.O.*
The Adaptation Peculiarities of Romanic and Germanic Nominations
in the Standard Belarusian Language 39
- Mishurnaya Yu.V.*
Grammatical Adaptation of Anglicisms in the Modern Belarusian Language 45
- Pitonakova S.*
Coronavirus Words as a New Part of (Media) Language 52

Slavic Language Awareness Within Cognitive Framework

- Valchak-Mikolaychakova M.*
What Were Tsarograd Kitchens Equipped with?
(Based on the Book “Готварска книга” by Petka Slavejkov) 59
- Dzhindzholia G.*
Idioms on Drunkenness 66
- Dzuriakova Ja.*
The Štúr Generation Authors’ Perception of the Tatry in Teaching Literary Geography 73
- Karyakina V.L.*
Submissiveness as Part of the Russian Conceptual Sphere 82
- Radchenko M.V.*
Derivational Means of Expressing Verbal Aggression in Russian and Croatian Media 90
- Rusanova O.S.*
Verbal-Nominal Collocations with Component *Tvoriti*
in the Russian Formal Language of the 13–15th Centuries 97
- Shesternyova L.G.*
Easter Story as A Genre of Russian Literature 102
- Szetela V.*
Back to the Origins: Lyrics by Jan Kohanowski as Perceived by Today’s Reader 107

Theoretical and Methodological Approaches to Studying Slavic Languages and Dialects

<i>Adumyan A.S.</i> Teaching Writing a Use (Ege) Composition in Russian: Linguomethodological Aspect	112
<i>Belkina Ju.A., Mikhailova A.A.</i> Teaching Russian in Terms of Cultural Studies (Interactive Sheet on A. Nevskiy's Life as a Means of Teaching Numerals)	117
<i>Wozniak-Wrzesinska E.</i> Features of Polish Lexicography as Exemplified in the Latest Dictionaries	122
<i>Galushko E.F.</i> Metalanguage Comments in the Ulyanovsk Region Russian Residents' Speech	142
<i>Lackova M.</i> Lexico-Semantic Peculiarities of Interlingual Homonyms in Slavic Languages	151
<i>Lelakova E.</i> Lexico-Semantic Relations between the Nouns of One Synonymic Chain	157
<i>Murzaeva T.I.</i> Stable Features of the South Russian Dialect on the Territory of Late Settlement	164
<i>Podletsky M.</i> Project of an Electronic Dictionary of Polish Phraseological Units Devoid of Lexical Segments	170

Issues Relating to Comparative Description of Slavic and Non-Slavic Languages

<i>Hayryan Z.G.</i> Image Of Armenia in the Poem "The Song Of Our Stones" by S. Kaputekyan and Its Free Translation by Ye. Yevtushenko	172
<i>Zorichich N.</i> On the Derivational Potential of the Most Recent English Loanwords in the Russian and Croatian Languages (Based on Mass Media Texts and Internet Forums)	179
<i>Plesnik L.</i> Latest Analytical Adjectives in Sports Terminology (Russian-Czech Comparative Aspect)	190
<i>Rycheva E.A.</i> English Borrowings in Political Discourse in Russia and Czech Republic: Pragmatic Aspect	197
Our Authors	205

Лица. События

Faces. Events

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБ ИТОГАХ И МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

SLAVIC LANGUAGES IN THE 21ST CENTURY: MODERN ASPECTS OF RESEARCH AND PRACTICE

PROCEEDINGS OF THE 2ND INTERNATIONAL
SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

21 мая 2021 года в стенах ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» состоялась II международная научно-практическая конференция «Славянские языки в XXI веке: современные аспекты исследования», приуроченная к традиционному празднованию на филологическом факультете СГСПУ Дня славянской письменности и культуры. Конференция прошла в дистанционной форме с использованием средств видеоконференц-связи (Microsoft Teams).

Организаторами конференции выступили кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (далее СГСПУ) и филологический факультет Белостокского государственного университета (г. Белосток, Республика Польша).

В конференции приняли участие ученые из Армении (Ереван), Белоруссии (Минск), Италии (Бергамо), Польши (Познань), Словакии (Жилина), Хорватии (Задар), Чехии (Острава, Пльзень, Прага), России (Ижевск, Москва, Оренбург, Самара, Саратов, Сызрань, Тверь, Ульяновск).

Цель конференции состояла в обсуждении перспектив изучения фактов истори-

ческого развития и современного состояния славянских языков. Основными направлениями работы конференции были заявлены следующие:

1. Активные процессы в славянских языках на рубеже XX–XXI веков.
2. Славянские литературные языки в историческом развитии.
3. Славянская диалектология и лингвогеография: история и современность.
4. Исследования в области этнолингвистики в славянских странах.
5. Актуальные проблемы славянской лексикографии.
6. Кирилло-мефодиевское наследие славян.
7. Языковая картина мира славян.
8. Современное состояние межславянских языковых, литературных и культурных связей.
9. Сопоставительные исследования славянских и неславянских языков.
10. Изучение славянских лингвокультур в вузе и школе: опыт и перспективы.

В президиум конференции вошли: проректор по научно-исследовательской работе СГСПУ, доктор исторических наук, профессор Александр Иванович Репинецкий; декан филологического факультета

СГСПУ, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Светлана Евгеньевна Подлесова; заместитель декана филологического факультета, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Татьяна Евгеньевна Баженова; заведующий кафедрой русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ, кандидат филологических наук, доцент Ольга Ивановна Кальнова; профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ, доктор филологических наук, действительный член (академик) Международной академии наук педагогического образования Елена Павловна Иванян; доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, кандидат филологических наук Елена Юрьевна Долгова.

Конференцию предваряла торжественная часть, в рамках которой прозвучали песня «Горница» и студенческий гимн «Гаудеамус» в исполнении концертного хора «Juventus» студентов СГСПУ.

В приветственном слове проректор по учебно-методической работе и качеству образования СГСПУ, кандидат филологических наук, доцент Наталья Николаевна Кислова отметила важность и ценность существования подобной научной площадки для обсуждения актуальных проблем славяноведения, активных процессов в современных славянских языках; выразила удовлетворение тем, что конференция становится традиционной и собирает большое количество участников; пожелала участникам конференции успешной и плодотворной научной работы.

С приветственным словом выступили представители международных отделов вузов – организаторов конференции: Валерия Витальевна Бондарева, начальник международного отдела Самарского государственного социально-педагогического университета, и Роберт Шимуля, заместитель декана филологического факультета по

международным связям Белостокского государственного университета. Прозвучали слова взаимной благодарности, была выражена надежда на дальнейшее сотрудничество и продолжение научных и деловых контактов на университетском уровне.

Пленарное заседание открыл доклад Марины Васильевны Радченко, доктора филологических наук, профессора отделения русистики Задарского университета (Задар, Хорватия). В докладе шла речь о деривационных средствах выражения речевой агрессии в российских и хорватских СМИ. Внимание исследователя было сосредоточено на структурно-семантических особенностях экспрессивных окказиональных новообразований, дающих негативную характеристику различным актуальным общественно-социальным и политическим событиям и явлениям, а также на продуктивных словообразовательных моделях, по которым возникают подобные новообразования в двух указанных славянских языках.

В продолжение темы сопоставительного анализа славянских языков прозвучали пленарные доклады доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Елены Павловны Иванян «Эвфемизмы в славянских языках: общее и особенное» и кандидата филологических наук, доцента кафедры дошкольного образования СГСПУ Ирины Владимировны Гуровой «*Гейт*-лексемы 2018–2020 гг. в славянских языках».

На секционных заседаниях были рассмотрены теоретико-методические подходы к изучению славянских языков и диалектов, активные процессы в славянских языках в начале XXI века, проблемы сопоставительного изучения славянских и неславянских языков, особенности когнитивных моделей славянского языкового сознания.

Проблеме заимствований в славянских языках был посвящен доклад Екатерины Алексеевны Рычевой, кандидата филологических наук, старшего преподавателя философского факультета института восточноевропейских исследований Карлова

университета (Прага, Чехия). В исследовании на тему «Англоязычные заимствования в политическом дискурсе в России и Чехии: прагматический аспект» автор показал, что англицизмы в речи российских и чешских политиков часто сопровождаются различными метаязыковыми комментариями, которые интенсифицируют прагматическое воздействие высказывания и активизируют оппозицию «свой – чужой».

Тему заимствований лексических единиц продолжил доклад Ники Зоричич, аспиранта докторантуры гуманитарных наук Задарского университета (Задар, Хорватия), дидактического ассистента Бергамского университета (Бергамо, Италия). В работе «О деривационных возможностях новейших англоязычных заимствований в русском и хорватском языках (на примере текстов СМИ и интернет-форумов)» автор уделил особое внимание освещению вопросов первичной и вторичной адаптации англоязычных заимствований в языке современных российских и хорватских СМИ и в языке интернет-коммуникации.

Об особенностях адаптации романских и германских номинаций в современном литературном белорусском языке шла речь в докладе Антона Олеговича Маковского, аспиранта Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь). Докладчик убедительно доказал, что иноязычные номинативные единицы, используемые носителями белорусского языка, проходят процесс адаптации к системе языка-реципиента с разной скоростью и характеризуются различной степенью ассимиляции.

В докладе Лукаша Плесника, кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры славистики Островского университета (Острава, Чехия), анализу подверглись новейшие аналитические прилагательные в области спортивной терминологии в русском и чешском языках. Автор показал, что, несмотря на значительную роль стандартных греко-латинских компонентов в составе спортивных терминов, последние десятилетия отмечены ростом ко-

личества терминоэлементов английского происхождения. Такого рода лексические единицы образуют большую часть аналитических прилагательных в области современной спортивной терминологии и в русском, и в чешском языках.

Изучению темы моделирования ономастических полей были посвящены доклады Натальи Дмитриевны Осиповой, аспиранта кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ (Самара, Россия) и Натальи Викторовны Гонновой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ (Самара, Россия).

Проблема девиаций в прагматонимах – названиях пищевых продуктов была представлена в докладе Анжелы Ивановны Вяткиной, преподавателя кафедры русского языка филиала военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани (Сызрань, Россия), и Елены Павловны Иванян, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ. Особое внимание в исследовании было уделено особенностям создания, функционирования прагматонимов и причинам возникновения девиаций в прагматических единицах тематической группы названий пищевых продуктов.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад кандидата филологических наук, доцента, старшего научного сотрудника Института литературы им. М. Абеяна НАН Республики Армения Заруи Геворковны Айрян «Образ Армении в стихотворении “Песня о наших камнях” С. Капутикян в вольном переводе Е Евтушенко». Основной посылкой осуществлённого в работе анализа стало положение о необходимости комплексной оценки качества перевода, учитывающей переводческие нормы и степень выполнения переводом присущих ему функций.

Полевой анализ языкового материала был осуществлен в докладе «Чем были

оборудованы кухни Царьграда? (по книге Петки Славейкова “Готварска книга”))» Мариолы Валчак-Миколайчаковой, доктора гуманитарных наук, профессора, заведующего кафедрой южнославянских языков Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша). Материальной основой исследования стала лексика, относящаяся к тематической группе наименований кухонной утвари.

Отражению междиалектных связей в лексике говоров Среднего Поволжья был посвящен доклад Татьяны Евгеньевны Баженовой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ. В центре внимания докладчика оказалась лексика растительного мира, в частности тематическая группа наименований грибов.

Тему изучения диалектной речи продолжил доклад «Метаязыковые комментарии в речи русских жителей Ульяновской области» Елены Федоровны Галушко, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). Докладчику удалось показать разнообразные мотивы комментариев носителей диалекта к содержанию речи, разграничить типы метаязыковых комментариев по экстралингвистическим параметрам.

Когнитивным моделям славянского языкового сознания был посвящен доклад Валентины Леонидовны Каряжиной, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ (Самара, Россия). В центре внимания докладчика оказался концепт *покорность* в русской языковой картине мира. Автор рассмотрел языковые средства репрезентации дополнительных когнитивных характеристик рассматриваемого концепта (на материале, представленном в Национальном корпусе русского языка) и представил обоснованные выводы о варьировании смыслового и культурологического содержания концепта *покорность* в зависимости от контек-

ста употребления и существенных различиях его оценочных характеристик в разных дискурсах.

О разделительных конструкциях в славянских языках шла речь в докладе Ольги Анатольевны Починяевой (Ананьевой), кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ. Докладчик осуществил многоаспектное сопоставительное описание разделительных конструкций в русском, украинском, белорусском, польском и болгарском языках, выделил контрастирующие элементы системы дизъюнктивности в славянских языках, обозначил специфику категории разделительности в системе сложносочиненного предложения.

В рамках методического подхода к изучению русского языка прозвучал доклад «Программа “Лик” как звено духовно-нравственного воспитания учащихся при обучении русскому языку (из опыта проведения элективного курса в 10–11 классах)» Юлии Алексеевны Белкиной, кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ (Самара, Россия).

Продолжил тему доклад о реализации культурологического подхода в преподавании русского языка, ставший результатом совместного научного творчества Анны Александровны Михайловой, студента 4-го курса филологического факультета СГСПУ, и Юлии Алексеевны Белкиной, кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ (г. Самара, Россия). Авторы подробно изложили методику создания интерактивного листа, нацеленного на ознакомление учащихся с жизнью и подвигами Александра Невского на уроках русского языка в среднем звене, рассмотрели методические возможности интерактивных моделей обучения.

Достижениям новой специализированной польской лексикографии и представлению проекта электронного словаря польских фразеологизмов, лишенных лексических сегментов, были посвящены доклады маги-

странтов факультета польской и классической филологии Университета им. Адама Мицкевича (Познань, Польша) Эвелины Возняк-Вжесиньской и Матеуша Подлецки.

Глагольно-именные сочетания с компонентом *творити* в деловых текстах русского языка XIII–XVII веков стали объектом изучения Оксаны Сергеевны Русановой, аспиранта, ассистента кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). Автор доклада осуществил качественный аналитический обзор работ в области исторической фразеологии, произвел лингвостилистический и статистический анализ языкового материала, собранного методом сплошной выборки в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Заочное участие в работе конференции приняли ученые из Западночешского университета (Пльзень, Чехия), Жилинского университета (Жилина, Словакия), Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь), Минского государствен-

ного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь), Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия), Тверского государственного университета (Тверь, Россия), Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия), Саратовского государственного национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Подводя итоги работы, председатели секционных заседаний Елена Павловна Иванян, Ольга Ивановна Кальнова, Татьяна Евгеньевна Баженова и Елена Юрьевна Долгова поблагодарили участников конференции за высокий уровень научных докладов, пригласили присутствовавших на конференции специалистов в области славистики и русистики принять участие в следующей, третьей международной конференции, которая состоится в мае 2023 года и традиционно будет приурочена к празднованию Дня славянской письменности и культуры.

Е.Ю. Долгова

Активные процессы в славянских языках в начале XXI века

Active Processes in Slavic Languages in the Early Years of the 21st Century

УДК 811.161.1

**РУССКИЙ ЯЗЫК:
СТРЕМИТЕЛЬНАЯ АРХАИЗАЦИЯ ПЛАСТА СОВЕТИЗМОВ,
АКТИВНАЯ НЕОЛОГИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В КОММУНИКАЦИИ
DRAMATIC PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE:
SOVETISMS BECOME PART OF OBSOLETE VOCABULARY,
NEOLOGISMS GROW IN NUMBER, COMMUNICATION UNDERGOES CHANGES**

© 2021

А.Б. Бушев

A.V. Boushev

В статье рассматриваются основные изменения в современном русском языке: архаизация обширного пласта советской лексики, активные процессы неологизации и заимствований, появление «возвращенной лексики». Анализируются языковые и риторические особенности коммуникации в блогах, для которой характерна новая нормативность, «разговорность» текста письменной фиксации, оценочность, ирония и вербальная агрессия. В качестве методологии анализа языковой личности используется дискурсивный анализ текстов вербального поведения последней. Языковая и риторическая специфика общения в блогах проливает свет на динамику складывания новой нормы, нового узуса коммуникации. Материал статьи релевантен для теории языка и для лингводидактики.

Ключевые слова: изменения языка; изменения коммуникации; языковая личность; архаизация; неология; возвращенная лексика, сетевая коммуникация, новые дискурсы; дискурсивный анализ.

The paper discusses the main changes in the modern Russian language – the lexemes of the Soviet period become part of obsolete vocabulary, there appear more and more neologisms and borrowed words, particular lexical units revive. It analyses linguistic and rhetorical changes in blog communication, which establishes new language norms, contributes to the colloquial character of the written texts, displays evaluative and ironical attitude and verbal aggression as well. Studying the blog communication in terms of the participants' linguistic identity, the author employs the discourse analysis to reveal the verbal aspect of the texts under consideration. The linguistic and rhetorical features of blog communication is what the new norms in the Russian language come from, they are what enter common usage. The target audience are those interested in the language theory and applied linguistics.

Keywords: changes in the language; changes in communication; linguistic identity; obsolete vocabulary; neologisms; revived vocabulary; net communication; new discourses; discourse analysis.

Объекты современных лингвистических исследований могут быть разными, а именно:

- язык как системно-структурное образование;
- языковая личность (= носитель), представленная как автор и как реципиент

(её мышление, сознание, деятельность, намерения и т.д.);

– текст и дискурс (текст как отпечаток дискурса – речи в конкретных общественно-политических условиях);

– социальные группы (и присущие им вербализованные ценности, типичная текстовая деятельность);

– паралингвистические объекты (дизайн, кинесика);

– «нефилологические» объекты, подающиеся дискурсии (политика, этика, культура).

Настоящая статья посвящена выявляемому в поведении русской языковой личности изменениям русского языка (точнее, русской речи) в начале XXI века.

Языковая личность в филологической герменевтике понимается и как носитель языка (группа носителей), и как языковая способность носителя языка, и как совокупность текстов и способность к их пониманию, и как словарная языковая личность (лексикон). Языковая личность определяется и как комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессе порождения текстов. При этом показательна комплексность подхода: язык предстает не односторонне, а во всех своих ипостасях одновременно – и как система, и как текст, и как способность.

Примем следующее определение: **языковая личность** – это любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих тестах системных строевых средств данного языка для отражения видения им и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире.

Посмотрим на феномен динамичной нормы языка, меняющейся прежде всего под воздействием новых средств коммуникации (электронных форматов неустной – неписьменной речи).

Приведем пример. Преподаватель высшей школы, профессиональный филолог пишет мне в ответ на вопрос о программе конференций Zoom, вдруг ставшей так актуальной для всех нас в эпоху коронавирусного кризиса:

Не буду умничать. Я сама частенько захожу на ютуб и смотрю обучающие видео, как работать с той или иной программой. Я не буду посылать все ссылки. Можете забить в поиск, как работать в зум с компьютера, как работать в зум с телефона, как работать учителю и т.д. Просто для дискорда, когда я делала, не было обучающих видео. В зум у меня все получилось интуитивно. За последнее время появилось много тьюториалс по такого рода программам в ютубе. Я сама очень часто прибегаю к помощи таких видео. Надеюсь, что ответила. Я не продвинутая))) я люблю учиться у других на ютубе))) – Отправлено из Mail.ru для Android.

В этом тексте отражаются все изменения коммуникации – дисплейные тексты смартфонов в межличностном текстинге, новые феномены, имеющие транслитерированные названия (ютуб, зум, дискорд), кальки (*Я не продвинутая*), профессиональное просторечье компьютерщиков (*захожу на ютуб, забить в поиск*), использование престижных транслитерированных синонимов (*много тьюториалс* = много шпаргалок, подсказок, текстов), иконические значки типа скобок. В целом так бы никогда не сказали и не написали по-русски еще каких-то 20 лет назад. Это позволяет сделать первые выводы: норма характеризуется крайней динамичностью; на нее влияют средства коммуникации. Об этом еще совсем недавно говорил в интервью порталу «Православие и мир» В.Г. Костомаров [1].

Методы, позволяющие оценить изменения в языке, в речи, в коммуникации представляют собой наблюдения языкового поведения носителей языка и анализ их вербальной деятельности; это и словарная работа, и оценка дискурсов на предмет с точки зрения наличия неологизмов и особенностей стиля, и оценка типичных, статистически достоверных черт новой коммуникации.

Материалом дискурсных исследований служат публицистический, научный,

электронный, художественный, разговорный, деловой дискурсы во всем их многообразии. В них мы видим отражение и переизъявление нескольких процессов – стремительной архаизации части вокабуляра, увеличения числа неологизмов и особенно заимствований как стремления к обновлению части слов и отражения появления новых понятий, «возвращения» лексики, стремительных изменений в манере коммуникации в связи с появлением новых фактур речи.

Архаизация большого пласта лексики происходит очень стремительно, хотя мы того или нет. И это видно не только по фронтальному анализу Толкового словаря Совдепии (слова типа *стахановец, бусыгинец, твердозаданец*) [2].

Советская история ушла в прошлое. Последнее советское поколение пытается запечатлеть свою Атлантиду: такова деятельность «Народного архива», сочувственное отношение к нему В. Шарова, Л. Улицкой. Вступает в жизнь поколение, которое не знает, что красный шейный платок назывался пионерским галстуком.

Многое из советской истории – отдельные предметы быта, феномены советской повседневности – уже не понятно: *лимитчики, тунейдцы, 101 километр, черная суббота, несунуны, налог на бездетность, тринадцатая зарплата, ударник коммунистического труда, калым, поездка на картошку, премия, местком, отказники, летуны, стенка, «Хельга», «Рамона», авоська, номер на руке, фарцовщик, боты «Прощай, молодость», жировка, шарага, шабашник, красный уголок, ОБХСС, самиздат, самопал, самострок, собачья радость, сидеть (прецедентное «Хорошо сидим!»), стоять («два часа отстоял»), сунуть («Я ей шоколадку сунул»), ходить по магазинам. Феномен коммунальной квартиры по законам словесности перекочевал из фольклора в авторские тексты. Эти авторские тексты фольклорны: «...Система коридорная: На тридцать восемь комнаток – Всего одна уборная» (В. Высоцкий). Данный феномен*

нашел отражение в фильмах, цитаты из которых, в свою очередь, пошли в народ. Вспомним коммунальную квартиру в «Покровских воротах», трифоновский «Обмен», некоторые пьесы Розова, фильмы «По семейным обстоятельствам», «Москва слезам не верит» или даже роли – роль Л. Гурченко в фильме «Старые стены» и т.д. Феномен хрущевки нашел отражение в творчестве публициста Е. Пищиковой. На основе устных преданий создаются целые книги-описания.

Все вышесказанное стимулирует вывод: архаичный исторический контент уже не освоить без педагогических усилий, без дискурсивного обсуждения, в том числе с помощью материалов Сети.

Обращает на себя внимание желание зафиксировать это время в частном мемуарном дискурсе [см., например: 3–5].

«Возвращенная лексика» – это прежде всего лексика, связанная с православием: *ектенья, епитимья, соборование, евхаристия*; это названия праздников, икон, церковной утвари, слова, выражающие понятия русской религиозной философии (*теодицея, исихазм* и т.д.). В какой-то мере возвращенной оказалась гимназическая, лицейская, кадетская лексика, консервативно-монархическая идея и средства её обыязковления.

Обратимся к **заимствованиям и неологизмам**. Анализ отдельных изменений в языке производился в исследованиях по неологии [6 ; 7]. Работы по неологии в романских, германских, славянских, тюркских языках описывают феномены *франглэ, денглиш, англофеня* и т.д.

Раздаются голоса о «порче языка». Но это не более, чем публицистическая метафора.

Дело в том, что новые слова появляются не просто так. Лексический уровень языка – наиболее подвижный, отражающий развитие общества, его науки, техники, культуры. Например, произошла тотальная смена экономического дискурса – появился рыночный дискурс. И при исследовании

русского экономического дискурса бросаются в глаза слова, выражающие новые понятия (новые концепты), скажем, в маркетинге, менеджменте: *франчайзинг*, *факторинг* и др.

Иноязычные заимствования вызваны модой и отсутствием в языке-рецепторе слов, обозначающих новые понятия, т.е. как языковыми, так и внелингвистическими причинами. За экологическими и социальными изменениями стоят целые дискурсы. В них отражение и интеграции и глобализации мира, и роли английского языка как новой латыни [8].

Вот примеры из сферы интернет-маркетинга: *лонгриды*, *лендинги*, *лайфхаки*, *лиды*. Здесь есть свои премудрости. *Лендинг* – страница, продвигаемая, как правило, с помощью контекстной рекламы, та, на которой *посетитель (лид)* должен совершить *конверсионное действие*, то есть заказать у вас нечто, составляющее ваш *оффер*. *Лендинг* должен быть максимально *таргетированным*. Сайты и блоги являют собой *площадки для продвижения контента*. При выборе площадки нужно обращать внимание на ее *заспамленность*. Количество входящих ссылок должно превышать число исходящих, на сайте не может быть много рекламы и должны иметься видимые «следы» реальных пользователей – *лайки*, *расширивания*, *комментарии*.

Сфера экологии дает следующие неологизмы: *carbon neutrality*, *sustainability*, *net zero*...

Общеизвестно, скажем, что в неанглийском дискурсе поп-культуры правят бал англицизмы.

Показательны мнения о заимствовании концептов в «непереваренном» виде [9]. Исследователи изучают, как носитель оперирует этими новыми словами в дискурсе [7]. Изучается и обретение языком доселе малознакомых ему и мышлению концептов *европейские ценности*, *прайваси* и т.д. Работы по этнолингвистике А.Д. Шмелева, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной [9] и их аргументированная критика [10] позволяют судить о «непереводимости», «русскости»,

«английскости» понятий. Вновь становится очевидной истина классической лексикологии: понятия интернациональны, слова национальны. Тождественность концептов демонстрируется тождественностью моделей метафорического осмысления мира. Скажем, показательны миллиарная метафора, создание образа врага, битвы с ним в дискурсе о коронавирусе на всех языках.

Доказательность и универсальность полученных выводов демонстрируются при обращении к языкам другого строя. В современных тюркских языках бросаются в глаза слова «греко-латинского фонда», англицизмы, вкрапления из русских варваризмов: *grants*, *marketing*. В тюркоязычной академической речи слышатся европейские слова: *конференция*, *республика*, *филология*, *кандидат*, *доктор*, *методика*, *кафедра*, *Пушкин*. Обращает на себя внимание наличие заимствований в повседневной речи тюркских народов в сфере технологии.

Новые единицы в лексике – это не только заимствования, но и неологизмы. Возьмем, например, появление в эпоху коронавируса связанных с ним неологизмов. Возникли новые феномены, которые требуют именования. «*Самоизоляция*» – калька с «*self-isolation*». «*Социальное дистанцирование*» – калька с «*self-distancing*». Продуктивна просторечная модель существительных на *-ка* (*удаленка*, *дистанционка* – как *Манежка*, *молочка* и т.д.). Существуют и другие просторечные элементы (*подцепить корону*). С одной стороны, неологизмы отражают новые социальные феномены, а с другой стороны, в них проявляются процессы варваризации и вульгаризации языка.

Появились неологизмы, выражающие ироническое отношение к объекту именования: *ковидеворс*, *ковидеотки*, *карантиния* (это «безбашенная вечеринка»), *коронилы* = *милениалы в эпоху коронавируса*, *заразноработчие*, *карантикулы*, *скарантинить время*.

Язык шутит и играет. В русском лексиконе возникли такие слова, как *коронавируье*, *карантец*, *ковидло*, *макароновирус* и *гречко-*

хайп ('нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой макарон и гречки'), *маскобесье*, *вируспруденция*, *карантэ* ('умение владеть собой в самоизоляции'), *расхламинго* ('популярное домашнее занятие, связанное с уборкой во время вынужденного карантинного безделья'). Появились «номинации людей и их отношением к пандемии: *коронапофигисты*, *ковигисты*, *карантье* ('владелец собаки, сдающий её в аренду для прогулок'), *голомордые*. Это типичные слова, созданные на случай.

Жаргон – явление исключительно лексическое, паразитирующее на литературном языке. Слова, создаваемые на случай, демонстрируют лингвокреативность, лингвоцентризм современного жаргона – вплоть до нарочитой неграмотности, игры, фонетизации письма и т.д.

Таким образом, часть понятий (и следовательно) слов устаревают, часть появляется. То, что появляется в языке, регистрирует неология. Типичные списки новых и ключевых слов, слов года публикуют многие авторитетные издательства.

Описание вербального поведения и коммуникации, стилистики новых дискурсов позволяет говорить **об инновациях в речи, в коммуникации**.

Если изменения в языке несущественны и проявляются в основном на лексическом уровне, то изменения в речи очень существенны. Меняется употребление языка в речи, нормы стилей (нормы публицистики, нормы научного дискурса), появляются новые фактуры речи – электронный дискурс лично-публичного общения [11 ; 12].

Возникли новые дискурсы: дискурс равных возможностей, дискурсы субкультур, дискурсы определённых политических идеологий, поп-дискурсы (хипстерский дискурс) и т.д. Есть расхожая метафора: «язык попался в сети». В сети попался не язык, а речь.

Так, по-иному происходит выражение эмоций: *Unc! Vay! Vax!*

Иным представляется в речи соотношение *стандарт/субстандарт*. Новые пла-

сты субстандарты, так называемые «общий жаргон», «молодёжный жаргон», «компьютерный жаргон», отражают изменение условий коммуникации, темпа жизни и т.п. – цивилизации [13].

Мы видим следующие причинно-следственные связи: изменения коммуникационных возможностей и коммуникационных стилей – изменения в коммуникации; изменение коммуникации – новые фактуры речи (неустная и неписьменная речь).

То, что речь очень изменилась, в какой-то мере отражает современная беллетристика. В какой-то мере мы можем понять это, обращаясь к электронной фактуре [10 ; 11].

В языковой ткани современного русского медийного дискурса мы наблюдаем тенденции варваризации, вульгаризации, стереотипизации и лингвокреативности, что отражено в выдвигаемой нами концепции русской языковой личности профессионального переводчика [16]. Не будем забывать и о том, что социальные сети характеризуют демонстрация частного, пренебрежение нормами грамотной речи в угоду «спонтанности».

Вульгаризация языка проявляется прежде всего в аргументации, вульгаризмах, сквернословии. Достаточно назвать количество литераторов, оскорбившихся матом.

Показательны сокращения, риторические особенности – нарочитая неграмотность, языковая игра, инвективность, вербальная агрессия, ирония.

Нормировать сетевую коммуникацию бесполезно (хотя элементарные этикетные решения существуют). Со временем медийный узус будет существенно влиять на разрушение нормы литературного языка, складывание новой нормы, нового узуса коммуникации.

Сетевая коммуникация отражает личностные свойства и интересы участников. Она оказалась весьма агрессивной, лишённой рефлексивности.

Для нее характерно такое явление, как социальный солипсизм, описанный социологами еще в конце прошлого века. В их исследованиях общение предстаёт не

как лингвистический, а как психологический, социологический феномен. Это общение лично-публичного характера, для которого характерны анонимность, безнаказанность, карнавализация, бесчисленные легкие возможности самопрезентации [17].

Конкретные методики анализа языковой личности включают в том числе дискурсивный анализ ее вербального поведения. В качестве материала нами взяты популярные блоги в Тинькофф-журнале и на Яндекс-дзене.

Продемонстрируем *оценочность суждений* (примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации):

Ее имя Земфира Исмаиловна, и этим сказано все;

Като эта дама?;

Очень неприятная и безответственная особа. Должна уйти (оскорбительная оценка);

Непонятно, кто крышует эту темную личность (агрессивность, оскорбительная оценка);

Почему до сих пор на свободе эта дама?;

Это настоящая идеологическая диверсия против русского искусства;

Страшилище (оскорбительная оценка);

Вот что значит нерусский человек в Третьяковке (разжигание межнациональной розни);

Мне кажется, что эту нехаризматичную и недалекую женщину специально поставили, а зачем? сами догадайтесь (намек, инсинуация);

Чем быстрее ее убрать, тем меньше накосячит (разговорность, юмористическая оценка);

По каким критериям выбирают таких унылых вялых старух, которые оживляются очевидно только при получении бешеных зарплат;

Но куда смотрит министерство культуры? (ирония, пейоративность);

Не в кражах дело. Всегда из музеев воруют, и не только у нас. Трегулова как личность не внятна. И не менеджер, и не художник. Да и внешность. С другой стороны Москва требует доходов от музеев, а как их добыть? Вот и мечется тетка;

Одна дюже старая. Загубит там все;

Неужели власть имущие не видят, что «девушка» не тянет? Или такие же и власти;

Серая мышь;

Видимо, у нее надежная крыша;

На пресс-конференции по поводу кражи Куинджи она сидела с пофигистским видом, как будто не у нее украли. И вообще клон Набиулиной. Непробиваемая броня;

Статья хамская, заказная, написана вульгарным, пошлым языком!

Нередко вызывать иронию и навлекать на себя оскорбления может автор постов (в данном случае – об известном актере Д.):

Красавицы, хающие Д., выкладывайте свои фото. Очень хочется посмотреть на вашу красоту;

Востребованный актёр, несмотря на внешность. Вы бы на себя посмотрели. Вы на себя в зеркало смотрели, бабули?);

Сколько же здесь праведных женщин и мужичков. Ой, мля!;

Автор статьи туп, глуп и неразвит. Д. – целая эпоха кинематографа. Куда вам дешевки до него;

Афтар решил блеснуть умением облить помоями талантливого артиста. Сам оказался в дерьме. Это участь всех подобных;

Ну что вы накинулись, оскорбляете злорадно прет через край. Будьте снисходительны.

В текстах обращают на себя внимание грамотность и (нарочитая?) неграмотность, эмодзи, употребление прописных букв, знаков препинания. Как видно, при оценках блогеры не чураются сквернословия. Блог об известном актере являет собой креолизованный текст, сопровождается фото: был и стал, могила сына, фото бывшей жены.

Стиль электронного текста своеобразен и отличается от стиля печатного текста. Даже в простейших текстах мы уже видим средства языковой экономии, типичные для SMS-сообщений. Показательными характеристиками таких текстов являются краткость, ожидание незамедлительного ответа, неформальный характер сообщений, пренебрежение ошибками и допущение творчества в способах сокращения информации [18]. В глаза сразу бросаются безграмот-

ность и словотворчество. Говоря о сокращениях на уровне слова, отметим, что часто используются лишь согласные, лишь несколько начальных букв слова или первые и последние буквы. Характерно использование цифр, звучащих как определенное сочетание букв, небуквенных символов, отражающих смысл слова, букв (их алфавитного чтения) вместо слов с аналогичным звучанием (*www http, жжж, КГ/АМ, ИМХО*). Возможна фонетизация письма. Надо ли обижаться на ПАМАГИТЕ, ВАЩЕ? Характерны неологизмы, слова общего жаргона типа *хай, лук, фэшн-блогер, кликбейт*. Показателен язык вражды [13]. Люди пишут в блогах зло: «*Морщинистую Стриженову поперли с первого канала*». Добрейшей души люди, наши блогеры придумывают заголовки типа «*Почему в МГУ сливают факультеты*» или (о космонавте) «*Карьера Валентины Т. – от звезд до обнуления*».

Изложенный материал и его обсуждение позволяют сделать ясный вывод, релевантный и для лингводидактики, и для теории: язык не портится. Практически (за исключением динамики лексического фонда, связанной с социальными и технологическими изменениями) не меняется. В речи наблюдаются процессы вульгаризации и варваризации, лингвокреативности и стереотип-

ности. Коммуникация в новых средах характеризуется анонимностью, вербальной агрессией, инвективностью, ироничностью, солипсизмом, карнавализацией. В последнем случае меняются экстралингвистические условия речевого действия.

Уже в первых исследованиях общения в Сети содержались наблюдения над характером коммуникации в ней: отмечались ироничность, агрессивность, аддикция, безграничные игровые возможности при анонимности масок и т.д. [17]. Это общение лично-публичного характера, для которого характерны анонимность, безнаказанность, карнавализация, бесчисленные легкие возможности самопрезентации. Изучение особенностей коммуникации в сети позволяет подчеркнуть такие ее особенности, как использование графики и эмодиконов, грамотность и нарочитую неграмотность вплоть до фонетизации письма, разговорность, сниженность лексики, агрессивность (прежде всего инвективностью), публичность частного, оценочность.

Изложенный материал релевантен для лингводидактики в связи с медиасоциализацией. Имеющаяся языковая и риторическая специфика общения в блогах проливает свет на динамику складывания новой нормы, нового узуса коммуникации.

* * *

1. Филолог Виталий Костомаров. Норма языка скоро погибнет (интервью с А. Матрусовой). URL: <https://www.pravmir.ru/filolog-vitaliy-kostomarov-norma-yazyika-skoro-pogibnet/> (дата обращения: 01.06.2020).

2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-пресс, 1998. 700 с.

3. <https://zen.yandex.ru/media/moscowstories/esli-ne-putaet-na-taganke-i-v-taganke-znachit-svoim-5f9d639c3910530e0dd932b7> (дата обращения: 01.04.2021).

4. <https://zen.yandex.ru/media/moscowstories/taganka-pacanami-my-zabiralis-v-podvalchik-hramasviatogo-nikolaia-i-igrali-v-kladoiskatelei-5f9994138dfa154b7e39604a> (дата обращения: 01.04.2021).

5. <https://zen.yandex.ru/media/moscowstories/malyi-palasheskii-bani-rassol-poeziia-5a3c1b09dcaf8e894aad02a8> (дата обращения: 01.04.2021).

6. Гончарова Е.А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 21 с.

7. Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 40 с.

8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Русский язык, 1998. 846 с.

9. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

10. Павлова А.В., Прожилов А.В. От лингвистики к псевдолингвистике // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 89–109.

11. Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей III междунар. науч.-практ. конференции. Москва, РУДН, 25 апреля 2019 г. : в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М. : РУДН, 2019. Т. 1. 396 с. ; Т. 2. 380 с.

12. Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей IV междунар. науч.-практ. конференции. Москва, РУДН, 29 апреля 2020 г. : в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М. : РУДН, 2020. Т. 1. 396 с. ; Т. 2. 376 с.

13. Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе : материалы междунар. заоч. науч. конференции. 16 марта 2018 г., г. Таганрог / отв. ред. О.В. Кравец. Ростов на-Дону : РГЭУ (РИНХ), 2018. 1 электрон., опт диск (CD-ROM).

14. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.

15. Калашникова А.А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 19 с.

16. Бушев А.Б. Языковая личность профессионального переводчика : монография. Тверь : Лаборатория деловой графики, 2010. 265 с.

17. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М. : Флинта : Наука: 2009. 584 с.

18. Палкова А.В. Лексический курс носителей немецкого языка – пользователей Интернета : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 200 с.

**К ВОПРОСУ О ДЕВИАЦИЯХ В ПРАГМАТОНИМАХ –
НАЗВАНИЯХ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ
ON THE DEVIATIONS IN PRAGMATONYMS –
NAMES OF FOOD PRODUCTS**

© 2021

А.И. Вяткина, Е.П. Иванян

A.I. Viatkina, E.P. Ivanyan

Прагматонимы – наименования продуктов деятельности человека – являются объектом искусственной номинации. Их распространенность и повторяемость способствует их внедрению в обыденную речь и сознание носителей языка и повышает их рекламный потенциал.

В данной статье излагаются результаты исследования девиации в прагматонимах, возникновение которых можно объяснить использованием элементов языковой игры. В качестве объекта исследования выбраны наименования продуктов питания, что объясняется высокой частотностью их использования в обыденной речи и малой изученностью этой категории слов. Выявляются и описываются особенности прагматонимов как части ономастического пространства, причины возникновения девиаций в них. Определяются связи между феноменами девиация и языковая игра. Рассматриваются приемы фонетической и графической языковой игры, используемые при создании названий продуктов, указываются способы окказионального словообразования, которые представляют возможности для языковой игры.

Ключевые слова: дискурс; языковые единицы; ономастика; прагматонимы; торговые марки; рекламное имя; девиация; ономастическое пространство; периферийное пространство; функции прагматонимов; норма; окказионализмы; языковая игра; типы языковой игры; словообразование.

Pragmatonyms – names of foods produced by people - are the object of artificial nomination. Their abundance and reoccurrence results in their becoming part of everyday usage and native speakers' awareness and contributes to their commercial success.

This article presents the findings of studying deviation in pragmatonyms, which are the results of the language play. The names of food products were chosen as the object of research due to their common usage in everyday speech, as well as lack of works about the issue. The features of pragmatonyms as part of the onomastic space, the causes of deviations in them are identified and described. The interrelations between the phenomena of deviation and language play are analysed. The devices of phonetic and graphic language play employed in the process of naming products are considered, the ways of occasional word-formation are displayed, all of those are to be a good basis for language play.

Keywords: discourse; language units; onomastics; pragmatonyms; trademarks; advertising name; deviation; onomastic space; peripheral space; functions of pragmatonyms; the norm; occasional words; language play; types of language play; word-formation.

Интерес лингвистов к онимам объясняется тем, что изменяется способность слова стать именем собственным, а также непосредственным участием данных единиц в формировании языковой картины мира. Кроме того, особенности их создания и функционирования представляют собой практический интерес для культурологов, маркетологов, социологов и представителей других сфер деятельности.

Наиболее актуальным является вопрос о возникновении и роли названий различных товаров. Это обусловлено практи-

ческими целями: перед производителем стоит задача выбора наиболее удачных наименований, так как от них напрямую зависит экономическая эффективность производства.

История названий товаров берет свое начало с момента появления на товарах специальных отметок, указывающих на изготовителя продукта и служивших гарантом качества. Впоследствии это привело к возникновению наименований, дифференцирующих товары на рынке.

Исследовательский интерес к названиям товаров повысился в 1990-е годы в связи с увеличением значения рекламы в результате установления на постсоветском пространстве рыночных отношений. Изучению данных единиц посвящены работы таких лингвистов, как И.В. Подольская [1 ; 2], И.В. Крюкова [3], А.В. Суперанская [4], В.И. Супрун [5] и др.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольская определяет прагматонимы как разряд онимов, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью [2, с. 92]. Это искусственно созданные онимы. Среди характерных черт прагматонимов можно выделить наиболее значительные: они функционируют в экономическом дискурсе, «маркируют» серию и тип однородных объектов; им свойственны оригинальность и уникальность, способность хорошо запоминаться, легко различаться, быстро идентифицироваться. Это обуславливает выполнение ими ряда функций: информативной, идентифицирующей, эстетической, экспрессивной, юридической и рекламной, которая предполагает одновременную реализацию функции аттрактивной (привлечения внимания) и суггестивной (воздействия на психику). Отметим, что вместо лингвистического термина «прагматоним» часто используется «заимствованный» из других сфер деятельности термин «товарный знак», а И.В. Крюкова употребляет термин «рекламное имя» [3, с. 7].

И.В. Подольская считает, что прагматонимы относятся к периферийной ономастике. От номинативных единиц ядерного и околядерного пространства их отличает ряд признаков: недостаточные системность и структурированность, подверженность влиянию языковой моды, орфографическая нестабильность, использование для обозначения разнообразных по структуре однотипных объектов названий, недолговечность [3, с. 92].

Значение прагматонимов включает четыре компонента: классифицирующий,

индивидуализирующий, бытийный и прагматический. Информацию для покупателей несут первые три компонента. Прагматический формирует дифференцирующий покупательский спрос.

Товарные знаки являются объектами интеллектуальной собственности и законодательно регистрируются.

Существуют определенные требования к названию товара – это краткость, точность, емкость, благозвучие, эмоциональность. Оригинальность рекламного имени определяет степень его эффективности, способность выделиться на фоне других именованных, привлечь внимание адресата и осуществить рекламную функцию. Стремление создателей наименований к дифференциации товара, к оригинальности товарного знака приводит к тому, что в прагматонимах часто можно наблюдать девиации – отклонения от норм языка.

Е.Н. Ремчукова считает, что отклонение от нормы в названиях товаров объясняется стремлением к созданию креативного имиджа, «маски автора», выражению авторской иронии, является демонстрацией «лингвистического остроумия», лингвистическое экспериментирование со словом или его формой и т.д. [6, с. 305].

Намеренное отступление от законов языка является основой приема «языковая игра» (термин введен в научный оборот Л. Витинштейном [7]).

О.В. Журавлева указывает, что языковая игра основывается на манипуляции когнитивными моделями смыслопорождения, отражающими стабильное состояние всей системы языка, а не только словарного состава [8, с. 6]; что этот прием используется осознанно и намеренно.

В.И. Шаховский отмечает, что языковую игру не надо считать недопустимым нарушением языковых и речевых норм. Она является результатом их оригинального нестандартного варьирования на основе креативной компетенции участников коммуникации в определенном дискурсе [9].

Исследователи предлагают различные классификации языковой игры.

Так, С.И. Сметанина выделяет игру графическую, морфологическую, фонетическую, словообразовательную, игру с многозначностью, с сочетаемостью слов, а также использование в тексте нескольких приемов языковой игры [10].

Е.С. Бутакова, исследуя эргонимы, разграничивает графическую, морфологическую, орфографическую, словообразовательную, синтаксическую игру. Она называет такие приемы языковой игры: использование графических средств для выделения семантически значимых элементов; транслитерация и транскрипция; совмещение графических систем разных языков; выделение внутри одного слова семантически значимых единиц и формантов, совпадающих по звучанию со словом русского языка, прямо или косвенно указывающих на специфику деятельности организации с данным именем; совмещение типов языковой игры [11, с. 147].

Фонетические девиации возникают в результате фонетической языковой игры. Например, торговая марка крупяных изделий «Увелка» образовалась от названия реки Увелька, замена мягкого звука на твердый предпринята в целях повышения солидности названия; в прагматониме «Фрутоняня» для благозвучия в корне «фрукт» опускается звук [к].

В ходе игры номинатор может намеренно нарушать орфографические нормы: пюре «Спеленок», конфеты «Сливки-щасливки»; в названии «БананаМама» используется соединительная гласная «а» вместо «о», что приближает написание слова к его произношению.

Отклонения в написании слова могут появиться в результате использования приемов графической языковой игры. Графическая игра – это изменение графической формы прагматонима для того, чтобы привлечь внимание потребителя. Активное использование при создании наименований различных графических средств объясняется более быстрой реакцией современного поколения на краткие, яркие, выразительные тексты. В связи с этим форма, длина

строк влияет на скорость чтения и осмысления прочитанного. Графические приемы разделяются на буквенные и небуквенные.

Достаточно распространенный вид графической языковой игры – использование вместо русского суффикса -ов- иноязычного -off- (иногда с использованием кириллического алфавита -офф – «обратная транслитерация»). Такой германизированный вариант транскрипции имели русские фамилии переезжавших в Европу и Америку эмигрантов первой волны. У многих из них было аристократическое происхождение, поэтому иностранный формант -off вызывает ассоциации с элитарностью и определенным статусом [12, с. 136]. Известные мировые бренды «Smirnoff» «Nemiroff», «Мягkoff» и «Medoff» стали моделью для образования других торговых марок. По этому принципу созданы следующие названия: сырki «Сырkофф», колбаса «Деликате-софф», кондитерские изделия «Пирожни-кофф», томатная паста «Томатофф».

Одним из отклонений от современных языковых норм является использование Ъ. Эта графема существует в русском алфавите, но утратила первоначальную функцию и имя. В современном дискурсе она является символом дореволюционной России и связанных с той эпохой представлений о надежности и высоком качестве [13, с. 136]. В связи с этим актуально введение в наименования товаров данного архаического элемента алфавита: мука «С. Пудовъ», колбаса «Вегановъ», маринованные грибы «Мелень», кетчуп «Махевъ», масло «Молградъ», томаты «Маринадовъ», молоко «Толкачевъ».

Цель применения разнообразных приемов графической игры – повышение внимания потребителя за счет его стремления разгадать несколько загадок в этом оригинальном кроссворде. Использование в наименованиях торговых марок национально маркированных имен собственных имеет коммерческой целью речевое воздействие на потребителя, продвижение отечественных товаров и способствует укреплению российского рынка. Употребление

знаков разных графических систем расширяет возможности для создания новых, дополнительных смыслов названия и ассоциативных рядов.

В процессе словообразовательной языковой игры возникают окказионализмы, используемые в какой-либо конкретной ситуации и не входящие в систему языка. Е.А. Земская считает, что окказиональное словообразование свойственно любому живому языку, так как оно обусловлено появлением новых вещей или явлений [14]. При создании словообразовательных окказионализмов намеренно нарушаются законы словообразования. Е.А. Земская разграничивает образование новых слов с использованием как обычных словообразовательных средств и способов, но с нарушением законов их действия, так и специфических способов [15].

Словообразовательная игра при создании наименования пищевого продукта направлена на привлечение внимания покупателя. Ее результатом является своеобразным кроссворд, привлекающий новизной и требующий отгадывания заложенного в окказионализме смысла. Словообразовательные девиации возникают в результате использования следующих приемов словообразовательной игры:

– создания окказионализмов, которые основаны на использовании паронимичных составляющих: сироп «Радоград», консервированные оливки «Оливьера», масло «Златожар», «Благодар», хлеб «Хлебодар», мармелад «Фрумеладка», печенье «Сладо-

неж», «Сладоград», драже «Фрубик», закваска «Злагода»;

– создания новых слов путем соединения русских и иноязычных компонентов: томатная паста «Томатино», специи «Фрутаром», консервы «Консервлэнд», конфеты «Желато-мармелато», «Суфаэль».

– образования по конкретному образцу, или «предсказамус-прием»: кулинарная смесь «Вкуснотека», сыр «Сырцеед».

Среди названий пищевых продуктов часто встречаются прагматонимы, появившиеся в результате использования одновременно двух и более приемов языковой игры. Например, в торговой марке «Золотая FISHка» это лексико-синтаксический способ, гибридизация и графический каламбур.

Отклонением от нормы является создание новых слов путем совмещения приемов игры графической (использования знаков двух графических систем) и словообразовательной: зефир «Long Зефиروفф», сок «BAPinff».

Итак, можно сделать вывод, что рассмотренные нами случаи девиаций в прагматонимах – названиях продуктов питания являются результатом использования при их создании приемов языковой игры, под которой понимается осознанное нарушение или изменение привычных лексической и грамматической форм слова и словосочетания, имеющее цель воздействовать на адресата, заставить его задуматься и проявить эмоции. Девиации – это оригинальный способ достижения прагматической цели, то есть создания креативного имиджа рекламируемого объекта.

* * *

1. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.

2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1998. 192 с.

3. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 348 с.

4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 365 с.

5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000. 171 с.

6. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // *Humaniora: Lingua Russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII / отв. ред. И.П. Кюльмоя. Тарту : Тартуский ун-т, 2009. С. 303–316 .

7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. 612 с.

8. Журавлева О.В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 207 с.

9. Шаховский В.И. Эмотивный код языка и его реализация в языковой игре // Эмотивный код языка и его реализация : коллективная монография. Волгоград : Перемена, 2003. 174 с .

10. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.

11. Бутакова Е.С. Лингвистическая креативность в Томской эргонимии // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 3(131). С. 146–152.

12. Шаховский В.И. Эмоциональный интеллект в языковой игре // Художественный текст и языковая личность. Томск : ТГПУ, 2003. С. 74–82.

13. Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 241 с.

14. Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славянской культуры, 2004. 688 с.

15. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992. 220 с.

СЕМАНТИКА БЕЛОРУССКИХ МОДАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ ЧАСТИЦ И СРЕДСТВА ЕЕ ОТРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE SEMANTICS OF BELARUSIAN MODAL PARTICLES AND WAYS OF EXPRESSING IT IN ENGLISH

© 2021

Е.С. Кудрявцева

E.S. Kudriavtseva

Данная работа посвящена исследованию семантики модально-волевых частиц в белорусском языке и средствам ее передачи в английском языке. Мы определяем частицы в белорусском языке как неполнозначные слова, которые выражают дополнительные смысловые, модально-волевые, эмоционально-экспрессивные оттенки значений языковых единиц – слов, словосочетаний или предложений, а также принимают участие в выражении отдельных морфологических категорий. Принципиальная разница между частицей в белорусском и английском языках заключается в том, что частица в белорусском модифицирует значение слова, в то время как в английском языке частица может полностью изменить это значение, например, во фразовых глаголах, которые состоят из глагола и частицы.

В статье на основе анализа извлеченных из общего корпуса белорусского языка высказываний публицистического стиля, содержащих модально-волевые частицы, описывается семантика данных частиц и делается попытка определить средства передачи отдельных модальных значений на английский язык.

Ключевые слова: частица; семантика частиц; модально-волевые частицы; побудительная модальность; волеизъявление; прагматика; оттенки значений; побуждение; коммуникативная лингвистика; условность; желательность.

The paper focuses on the study of the semantics of modal-volitional particles in the Belarusian language and the means of its preservation in English. We determine particles in the Belarusian language as incomplete words that express additional semantic, modal-volitional, emotional or expressive shades of the meanings of linguistic units – words, phrases or sentences, that take part in the expression of certain morphological categories.

The fundamental difference between a particle in Belarusian and English is that a particle in Belarusian modifies the meaning of a word, i.e. adds an emotional tone to it, while in English a particle can completely change the meaning of a word, for example, in phrasal verbs that consist of a verb and a particle.

The article describes the semantics of these particles based on the analysis of journalistic style statements extracted from the general corpus of the Belarusian language, containing modal-volitional particles, and attempts to determine the ways of expressing individual modal meanings into English.

Keywords: particle; semantics of particles; modal-volitional particles; motivating modality; volition; pragmatics; shades of meanings; motivation; communicative linguistics; conventionality, desirability.

Данное исследование фокусируется на особенностях семантики частиц в белорусском и английском языках и их функционирования как средства выражения модальных значений.

Несмотря на давний высокий интерес к семантике частиц, который в первую очередь был вызван развитием коммуникативной и когнитивной лингвистики, не утихают дискуссии о внутриязыковой квалификации этих языковых единиц – их грамматических и лексических характеристиках, структуре и границах как класса слов. Не теряют актуальности проблемы выделения

частиц в отдельную часть речи, разграничения частиц и других служебных и знаменательных частей речи, функционирования частиц в языке, так как некоторые ученые считают возможным рассматривать частицы изолированно от предложения, в котором они действуют, без учета контекста [1].

В белорусском языке частицы – это «неполнозначные слова, которые выражают дополнительные смысловые, модально-волевые, эмоционально-экспрессивные оттенки значений языковых единиц – слов, словосочетаний или предложений, а также при-

нимают участие в выражении отдельных морфологических категорий» [2, с. 610].

В английском языкознании нет единого и согласованного определения частицы (“particle”). Одни ученые относят к частицам артикли и предлоги, другие считают частицами все те слова, которые не принадлежат к остальным частям речи, не меняют свою форму и в основном не имеют лексического значения. Традиционным может считаться определение, предложенное Р. Кованом: «Частица – это такая часть речи, которая не может склоняться или спрягаться, тем самым является широкой категорией, которая может включать множество слов» [3, с. 67].

Принципиальная разница между частицей в белорусском и английском языках заключается в том, что частица в белорусском модифицирует значение слова, т.е. добавляет ему различные оттенки значения, в то время как в английском языке частица может полностью изменить значение слова, например, фразового глагола, который состоит из глагола и частицы. Именно эти существенные различия в сущности и функциях частиц в двух языках доказывают необходимость сравнительно-сопоставительного анализа данной части речи.

Цель статьи – выявление общих и специфических семантических характеристик модально-волевых частиц в белорусском языке и определение их коррелятов в английском языке.

Вопрос о наличии у частиц лексического значения решается по-разному. Так, многими лингвистами был сделан вывод о том, что частицам не присуще собственное лексическое значение; другие исследователи связывают значение частиц с дополнительными оттенками, которые они приносят в значения полнозначных слов, словосочетаний и предложений; третьи считают, что частица может иметь своё лексическое значение.

Значение частиц можно охарактеризовать как коммуникативное, являющееся дополнительным к референциальному содержанию высказывания [4]. Значением частицы

как отдельного слова является то отношение, которое выражается ею в предложении.

Из-за особого характера лексического значения частиц сложно дать адекватное описание семантики этих языковых единиц. Действительно, асемантичность частиц приводит к тому, что в результате компонентного анализа в семный состав частиц часто «вписываются» семы соотносимых существительных, а выделение «чистого» значения» частицы оказывается практически невозможным [5].

Частица не образует синтаксической связи с теми компонентами высказывания, к которым она относится. Внесение частиц в синтагму или удаление из нее не меняет саму синтаксическую структуру, представляя собой коммуникативную добавку к смыслу высказывания. Таким образом, частицы – это не структурные элементы; следовательно, они синтагматически нейтральны [6].

В то же время, не являясь членом предложения, частица влияет на смысл высказывания. Как отмечает Б.А. Ильиш, она «играет важную роль в определении семантического содержания предложения» [7, с. 98].

Одна из основных особенностей частиц – ориентированность на конкретный речевой акт. С.Е. Маковеева отмечает, что говорящий располагает частицу в зависимости от того, что хочет подчеркнуть, выделить в данной конкретной коммуникативной ситуации. Существуют и другие части речи, служащие для усиления значения других компонентов высказывания (например, усилительные наречия), но именно исключение синтагматической закреплённости свидетельствует о переходе слова в класс частиц [4].

Асинтагматичность частиц, отсутствие закреплённой позиции в структуре предложения, широкая отнесенность, а также возможность дистантного расположения по отношению к выделяемому компоненту делает невозможным формулирование каких-либо синтаксических правил употребления частиц. Следовательно, сущность частиц как языкового знака выражается только в рамках прагматического компонента [4].

Поскольку прагматическая интерпретация высказывания производится на базе его семантической репрезентации (логической формы), актуализация частицей прагматических функций осуществляется посредством реализации ее семантических функций. Иначе говоря, прагматический эффект от введения частицы в высказывание должен объясняться исходя из ее языкового значения с учетом принципов и правил прагматики.

Белорусский язык имеет разветвленную систему частиц. По значению и выполняемой в предложении роли их можно разделить на четыре группы: 1) смысловые, 2) модальные, 3) эмоциональные, 4) формообразующие.

Модальные частицы выражают разные модальные оттенки, а именно: утверждение, отказ, вопрос, размышление, желание, побуждение. Их подгруппой являются модально-волевые частицы, которые используются для выражения воли человека, придавая высказыванию оттенок пожелания, просьбы или предложения. К модально-волевым относятся частицы *бы*, *дай* (*дайце*), *давай* (*давайце*), *няхай* (*хай*), *ды*, *бадай*.

Материалом настоящего исследования послужили извлеченные из общего корпуса белорусского языка Беларускі N-корпус [8] высказывания публицистического стиля, содержащие модально-волевые частицы. Закономерности передачи значения белорусских модально-волевых частиц на английский язык были выявлены при помощи поисковой системы для перевода в контексте *Reverso Context* [9].

1. В исследованном материале частица *бы* (*б*) встретилась в сочетании с глаголом в форме прошедшего времени (54%), с инфинитивом (40%), с предикативом (3%), и менее всего с местоимением (2,6%). Наш материал подтверждает, что «общим семантическим компонентом почти для всех контекстов употребления частицы *бы* (*б*) является ирреальность, то есть обозначение си-

туаций, о которых говорящий не готов с уверенностью утверждать, что они имели место» [10].

Внутри общего значения ирреальности можно выделить следующие оттенки:

1) предположительной или условно-предположительной возможности действия: *Я апусціла во так рукі, а ён адходзіць, і адходзіць, і адходзіць – мо каб ён страляў, дык ён папаў бы ў мяне;*

2) желательности: *Зірнуць бы цяпер на звычайную фатаграфію звычайнай дзяўчынкі, напрыклад, старажытнай Грэцыі ці Рыма...;*

3) вежливо-предупредительного пожелания, совета, предложения: *А вам адпачыць бы як след, чуеш, Багдан?;*

4) опасения: *Не прастудзіць бы дзіця! – сказала яна гучна, каб пачуў жыхар...*

У частицы *бы* значение предположительной или условно-предположительной возможности действия переводится на английский язык при помощи сочетаний модального глагола *would* и инфинитива без частицы *to*, модального глагола *would have* (*could have*) и причастие прошедшего времени.

Значение желательности на английский передается при помощи сочетаний модального глагола *would* и инфинитива смыслового глагола без частицы *to*, модального глагола *should* и инфинитива смыслового глагола без частицы *to*, глагола *want* и инфинитива смыслового глагола.

Значение вежливо-предупредительного пожелания, совета, предложения выражается при помощи модального глагола *should*, *might want* в сочетании с инфинитивом смыслового глагола и выражением *had better*.

Значение опасения выражается при помощи модальной конструкции *had better* и выражения *I hope you* + инфинитив смыслового глагола без частицы *to*.

бы			
предположительная возможность действия	<i>І мы на век вякоў ужо былі бы вольныя</i>	<i>would</i> + инфинитив без частицы <i>to</i>	<i>We would be free for ever and ever –</i>
		<i>would have</i> + причастие прошедшего времени	<i>We would have been free for ever and ever –</i>
		<i>could have</i> + причастие прошедшего времени	<i>We could have been free for ever and ever –</i>
желательность	<i>Зірнуць бы цяпер на звычайную фатаграфію звычайнай дзяўчынкі, напрыклад, старажытнай Грэцыі ці Рыма...</i>	<i>would</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>I would like to look at this ordinary photo of an ordinary girl for example from Greece or Rome –</i>
		<i>should</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>I should like to look at this ordinary photo of an ordinary girl for example from Greece or Rome –</i>
		<i>want</i> + инфинитив смыслового глагола	<i>I want to look at this ordinary photo of an ordinary girl for example from Greece or Rome</i>
вежливо-предупредительного пожелания, совета, предложения	<i>А вам адпачыць бы як след, чуеш, Багдан?</i>	<i>should</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>You should get some rest, Bogdan –</i>
		<i>might want</i> + инфинитив смыслового глагола	<i>You might want to get some rest, Bogdan –</i>
		<i>had better</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>You'd better have some rest, Bogdan –</i>
опасения	<i>Не прастудзіць бы дзіця! – сказала гучна, каб пачуў жыхар</i>	<i>had better</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>We'd better not let the child get a cold! – she said loudly, for her tenant to hear –</i>
		<i>hope</i> + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>I hope we don't let the child get a cold! – she said loudly, for her tenant to hear –</i>

2. Частицы *хай/няхай* чаще всего образуют формы императива 3-го лица, то есть выражают косвенное побуждение. Важно отметить, что в ситуации употребления формы императива 3-го лица адресат не совпадает с исполнителем желаемого действия: адресат должен передать побуждение исполнителю, который не является участником речевой ситуации.

В составе конструкций с частицами *хай/няхай* чаще всего встречаются формы глагола прошедшего или будущего времени совершенного вида 3-го лица, а также изредка 1-го и 2-го лица.

Частицы *хай/няхай* являются полными синонимами. В предложениях они стоят обычно на первом месте: – *Няхай ідуць, – мне ўжо ўсё роўна... я ўжо, гавару, адна асталася. Няхай, гавару, ідуць.*

К ключевым значениям конструкции с частицами *хай/няхай* можно отнести:

1) желательное значение – говорящий хочет, чтобы осуществилась некоторая ситуация, которая желательна для него, но не зависит от чьей-либо воли. Говорящий не подразумевает, что в результате его высказывания будут выполнены какие-то действия: *Моцны голас, што разлэгся далёка над натоўпам: «Няхай жыве незалежная Беларусь!»;*

2) побуждение – говорящий желает побудить отсутствующего в ситуации общения человека совершить некоторое действие, способствовать осуществлению некоторой ситуации: – *Скажы маме маёй, няхай хоць піць прынясе;*

3) невмешательство – говорящий общается о том, что не будет вмешиваться в ситуацию, которая часто вообще не зави-

сит от его воли: – *Не буду я кратаць іх – няхай дзе пакладзены, там і ляжаць;*

4) разрешение – говорящий в ответ на запрос о разрешении или согласии разрешает 3-му лицу совершить некоторое действие или соглашается с тем, что некоторая ситуация будет реализована: – *Так вось і скажыце людзям – няхай карыстаюцца на здароўе. А мы тут...;*

5) допущение – говорящий пытается побудить адресата считать какую-либо ситуацию допустимой: *І хай не выносяць яго... вынесе з манастыра, хай не дапаможа яму... ні ў будучым, хай пракрыты будзе ён...*

У частицы *няхай* большинство значений (4 из 5: желание, невмешательство, разрешение и допущение) переводится на английский язык при помощи конструкции «глагол *let* + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы *to*».

Значение побуждения можно передать при помощи выражения *tell somebody to do something*, конструкции «*make* + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы *to*». Прямое дополнение в подобных случаях выражается существительным в общем падеже или личным местоимением в объектном падеже.

няхай			
желание, невмешательство, разрешение и допущение	– <i>Няхай ідуць, – мне ўжо ўсё роўна ... я ўжо, гавару, адна асталася</i>	<i>let</i> + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	– <i>Let them walk, – for all I care... I am left here alone –</i>
побуждения	– <i>Скажы маме маёй, няхай хоць піць прынясе</i>	<i>tell somebody to do something</i>	<i>Tell my mom to bring me something to drink –</i>
	– <i>Няхай рабяты едуць са мной, а то последняе ...</i>	<i>make</i> + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Make them come with me, or else...?</i>

3. Модально-волевая частица *ды* употребляется с глаголами в форме третьего лица, имеет омонимы среди частиц других групп (утвердительная, вопросительная, восклицательная), а также среди союзов (противительный, соединительный и т.д.).

Семантика модально-волевой частицы *ды* раскрывается в побуждении к действию с оттенками настойчивой просьбы, приказания, пожелания:

1) *Ды ты падумай галавой, атрымліваецца, я павінен два месяцы толькі на твае патэльні працаваць!;*

2) *Ды вы не хвалюйцеся, я адсюль не пайду;*

3) – *Пачакай, Лі-Лі! Ды пачакай ты!..*

В аналитическом сочетании *ды... ж*, в котором частицы расположены дистантно

по отношению друг к другу, значение настойчивой просьбы усиливается благодаря характеру второго компонента – частицы *ж*, являющейся усилительной:

1) – *Ды скажыце ж вы! – у роспачы закрычала Міра;*

2) *Хто мы? Ды паслухайце ж нашы песні. Што ў іх?!*

Значение настойчивой просьбы, приказания, пожелания, выражаемое частицей *ды*, может передаваться на английский язык при помощи смыслового глагола в форме повелительного наклонения, т.е. инфинитивом без частицы *to*.

Отрицательная форма смыслового глагола в повелительном наклонении образуется при помощи вспомогательного глагола *to do* и отрицательной частицы *not*.

ды			
настойчивой просьбы, приказа, пожелания	<i>Ды ты падумай галавой, атрымліваецца, я павінен два месяцы толькі на тваём заводзе працаваць!</i>	инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	– Think about it, I have to work for two months just on your plant –
отрицательная форма	<i>Ды вы не хвалюйцеся, я адсюль не пайду</i>	вспомогательный глагол <i>to do</i> + частица <i>not</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	Don't you worry , I am not walking away from here –

4. Модально-волевая частица *дай(це)* служит для образования форм повелительного наклонения. Она употребляется с формами 1-го лица единственного числа и вносит в высказывание значение побуждения, при этом желаемое действие относится к субъекту предложения.

Частица *дай* имеет два значения:

1) призыв дать чему-либо осуществиться (34 из 44 найденных контекстов, или 77%): – *Не гарачыся. Дай падумаць, – спакойна адказаў Рудкоўскі*. В предложениях, где частица *дай* выражает это значение, по семантике она приравнивается к словам *позволь, разреши* [11]. При этом частица всегда стоит в начале синтаксической конструкции: *Дай пахукаю, не вырываўся...*;

2) внутренне решение, на которое зачастую имеется лексическое указание (*ду-*

маю, падумал, гавару и т.д.) (10 примеров, или 23%): – *Іду, думаю: дай зірну, ці жывая*.

Частица *дай* совпадает по форме с другими частями речи, включая императив глагола давать – *Дай мне, пожалуўста, ручку*; а также с междометными выражениями, как например, *Дай Бог... / Не дай Бог...*

Конструкции с частицей *дай*, которая выражает призыв дать чему-либо осуществиться, передается на английский язык при помощи сочетания «глагол *let* + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы *to*», вопроса с модальным глаголом *can*, или же, для проявления большей вежливости, – *could*. Значение внутреннего решения передается при помощи конструкции «модальный глагол *shall* + местоимение *I* + инфинитив смыслового глагола без частицы *to*» и вопросительного выражения *why not*.

дай			
призыв дать чему-либо осуществиться	– <i>Сястрыца, галубка родная, дай мне пасядзець, пакуль яны ад'едуць...</i>	<i>could</i>	– <i>My dear sister, please, could I sit here until they leave... –</i>
		<i>can</i>	– <i>My dear sister, please, can I sit here until they leave... –</i>
	<i>О не! Дай мне падумаць</i>	<i>let</i> + прямое дополнение + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Oh no! Let me think for a moment? –</i>
внутреннее решения	<i>Дай, думаю, праведую Мароза, ці жывы хаця?</i>	<i>why not</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	Why not check up on Maroz, is he still alive? – <i>I thought –</i>
	<i>Іду, думаю: дай зірну, ці жывая</i>	<i>shall</i> + местоимение 1 лица единственного числа + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Walking past I thought: shall I check if she is alive –</i>

5. Частица *давай(це)* вносит в высказывание значение побуждения с оттенками настойчивой просьбы, приказа, пожелания, обращенного к другому лицу, обычно как к совместному деятелю [12, с. 105]. Она также является частью аналитической формы повелительного наклонения и употребляется с формами 1-го лица множественного числа.

В зависимости от степени формальности взаимоотношений говорящего и адресата, к которому обращено предложение, частица *давай* может использоваться в варианте *давайце*.

У частицы *давай(це)* можно выделить следующие значения:

1) побуждение к совместному действию: *Дзе яны, нашы пісьмы, Сямён? Давай калі-небудзь пачытаем!*;

2) начало интенсивного действия: *Як яны давай страляць, дык я давай бегчы. Мы траёх тады спасліся...*;

3) призыв к согласию или закреплению договоренности: – *Давай сустрэнемся*

ў 12.00 каля гатэля «Вандроўнік» на прыпынку ... – Давай...;

4) внутреннее решение делать что-либо: *«Давай, – думаю я, – пайду пагляджу на магілу...».*

На английский язык предложения с частицей *давай* в значении побуждения к совместному действию передаются при помощи сочетания глагола *let*, местоимения *us* и инфинитива смыслового глагола без частицы *to*; в значении показателя начала интенсивного действия – при помощи выражения «фразовый глагол *go ahead with* + существительное *start* + причастие настоящего времени». Выражаемой этой частицей значение призыва к согласию или закреплению договоренности передается следующими словосочетаниями: «модальный глагол *can we, let's, why don't we, shall we, will* + инфинитив смыслового глагола без частицы *to*». Значение внутреннего решения делать что-либо сделать передается при помощи выражения «глагол *start* + причастие настоящего времени».

давай			
совместное действие	<i>Давай расставім усе кропкі над «і»</i>	<i>let's</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Let's set the record straight –</i>
показатель начала интенсивного действия	<i>... наставілі нас, сорак чалавек у вочарадзь, і давай страляць</i>	<i>go ahead with</i> + существительное	<i>... they lined us up, 40 people, and went ahead with shooting –</i>
		<i>start</i> + причастие настоящего времени	<i>... they lined us up, 40 people, and started shooting –</i>
призыва к согласию или закреплению договоренности	<i>Давайце сыграем з адкрытымі партыямі</i>	<i>can we</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Can we play a clean game? –</i>
		<i>let's</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Let's play a clean game? -</i>
		<i>why don't we</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Why don't we play a clean game? –</i>
		<i>will</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Will we play a clean game? –</i>
		<i>shall we</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>Shall we play a clean game? –</i>
внутреннего решения делать что-либо	<i>Падышоў я бліжэй, давай прыглядацца, а гэта наш сваяк з Крупіцаў</i>	<i>start</i> + причастие настоящего времени	<i>I came closer and started looking closer, and that was our brother-in-law from Krupitsy –</i>

б. Слово *бадай* в белорусском языке относится к разряду слов и может быть частицей, наречием и вводным словом. Частица *бадай* – модально-волевая; во всех случаях употребления она выражает недобрые пожелания, проклятия:

• «*А бадай табе, чортавай Смерці, халера ў жывоце*», – *думаў Гервасій і спяваў, каб не загаласіць ад крыўды*;

• – *А бадай з вас дух, – сказаў ён раптам*;

• – *А бадай ты захлынуўся гэтай сваёю песняю! – ціха бурчаў дзед Юзафовіч, але так, каб пачуў Уладзік*.

Для усиления эмоциональности высказывания модально-волевая частица *ба-*

дай может соединяться с усилительной частицей *жа*:

• *А бадай-жа ты скіс! – радасна выгукнуў Янка*;

• *Усё на свеце нічога не варта...*

А бадай жа яно проклята было!

Тот факт, что было найдено лишь 9 примеров, содержащих частицу *бадай*, позволяет нам сделать вывод, что в наше время данная частица встречается крайне редко.

Недобрые пожелания, проклятия, выраженные на белорусском языке при помощи частицы *бадай*, могут передаваться на английский язык при помощи выражения *I hope you* и инфинитива смыслового глагола без частицы *to*.

<i>бадай</i>			
недобрые пожелания, проклятия	<i>А бадай з вас дух, – сказаў ён раптам</i>	<i>I hope you</i> + инфинитив смыслового глагола без частицы <i>to</i>	<i>I hope you die – he said unexpectedly</i>

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено несоответствие содержания понятия частица в белорусском и английском языках. Было установлено, что в белорусском языке наиболее общим значением модально-волевых частиц в белорусском языке является семантика побудительности – ее выражает 84% модально-волевых частиц (*бы, няхай, ды, дай, давай*), желательности – 67% исследованных частиц (*бы, няхай, ды, бадай*), а также ирреальности.

Проблема отсутствия прямых эквивалентов белорусских модально-волевых частиц в английском языке решается исполь-

зованием многообразия языковых средств английского языка, таких как синтетические и аналитические конструкции выражения повелительного наклонения в английском языке, модальные глаголы и конструкции с ними, а также глаголы желания и модальные конструкции.

Наиболее часто модально-волевые значения белорусских частиц передаются при помощи модальных глаголов (*will* – 8%, *would* – 23%, *shall* – 16%, *should* – 15%, *can* – 15%, *could* – 15%, *might* – 8%) и конструкций с ними – 42% от общего количества способов выражения.

* * *

1. Русская грамматика. В. 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1980. 543 с.
2. Беларуская мова : энцыклапедыя / пад рэд. А.Я. Міхневіча; Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1994. 655 с.
3. Cowan R. The Teacher's Grammar of English with Answers : A Course Book and Reference Guide, Cambridge University Press, 2008. 670 p.
4. Маковеева С.Е. Частицы в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 169 с.
5. Тарасевич Л.А. Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование : дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2016. 284 с.
6. Шишков Д.Ю. О коммуникативной роли частиц в предложении // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2007. № 5(2). С. 221–224.
7. Ильиш Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1948. 348 с.
8. Национальный корпус белорусского языка. URL: <http://bnkorus.info/korus.html> (дата обращения: 01.03.2021).
9. Reverso Context : контекстный словарь. URL: <https://context.reverso.net/translation/> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Добрушина Н.Р. Семантика косвенного склонения: корпусное исследование грамматической полисемии : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 425 с.
11. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции : монография. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2015. 112 с.
12. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : АН СССР, 1960. 371 с.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ 2020-Х ГОДОВ

SEMANTIC NEOLOGISMS IN EARLY 2020ies

© 2021

Н.Н. Кузнецова

N.N. Kuznetsova

Проблема фиксации и описания новых слов постоянно стоит перед лингвистами, лексикографами. Период существования лексемы в качестве неологизма всегда был ограничен, а с появлением Интернета он стал еще более коротким. Это обуславливает необходимость создания словников неологизмов или статей, посвященных новым словам. В данной статье описываются достижения неологии последних лет и рассматриваются семантические неологизмы 2010-х годов. Делаются выводы о том, что большинство из них, во-первых, относятся к сфере Интернета (являясь наименованиями распространенных там понятий или оценками пользователей); во-вторых, носят сленговый характер (многие из них относятся к сленгу блогеров); в-третьих, употребляются в переносном значении, являющемся результатом метафоризации – основного механизма языка.

Ключевые слова: неологизмы; неология; неография; активный и пассивный словарный запас; классификации неологизмов; семантические неологизмы; словники; словари новых слов; динамические словари; сленг.

Linguists and lexicographers are constantly facing the problem of identifying and describing new words. The term of neologism's life has always been limited, and with the Internet it has become even shorter. This justifies the necessity for the wordlists of neologisms or entries on the new words. This article describes the latest achievements of the neology and considers the semantic neologisms of the 2010s. It concludes that most of them belong to the thematic group of the Internet sphere (being the names of concepts and users' posts), as well as to the layer of slang (many of them belong to bloggers' slang) and that they are used in the transferred meaning, which is the result of the main mechanism of the language – that of metaphorization.

Keywords: neologisms; neology; neography; active and passive vocabulary; classifications of neologisms; semantic neologisms; wordlists; dictionaries of new words; dynamic dictionaries; slang.

Проблема описания новой лексики всегда остро стоит перед лингвистами по двум причинам. Во-первых, новые слова фиксируют появление в жизни общества в данный период новых предметов и понятий, становясь их «визитной карточкой». Еще академик Л.В.Щерба писал, что благодаря изучению новых слов мы можем составить впечатление о живых явлениях и процессах в языке [Цит. по: 1]. В настоящее же время наблюдается неологический бум: Интернет способствует тому, что новые языковые единицы с периферии словаря перемещаются к центру стремительно [1 ; 2].

Во-вторых, даже раньше, когда в нашей жизни не было Интернета, создавать словари новых слов было сложно. Их написание, издание и распространение занимало определенное время, и ко времени выхода словаря неологизмы (которые прижились

в обществе) уже успевали перейти из пассивного в активный запас. С появлением же Интернета срок существования слова в качестве нового стал еще более коротким. Поэтому для фиксации неологизмов есть два пути: либо создавать словники с описанием значений слов и особенностей их функционирования в Интернете (и они есть, например, [3]), либо писать статьи, посвященные данному вопросу.

Как отмечают исследователи, проблемы неологии стояли уже в начале XX века. В настоящее время они исследуются достаточно широко.

В исследованиях по неологии выделяются тенденции, которые влияют на появление новых слов в языке: экстралингвистические и внутриязыковые (экономия речевых усилий) [1]. Всесторонне исследовала иноязычные неологизмы Е.В. Маринова [2]. Она

отметила целый ряд важных моментов: 1) неологизмы отвечают одной из важных тенденций XX–XXI веков – множественности номинаций; 2) в настоящее время появилась форма письменного заимствования – через электронные СМИ (устная форма характера для некодифицированных сфер существования языка); 3) неологизмы – это системное явление, и мы можем рассматривать различные аспекты системности: парадигматические отношения новых слов, «показатели» закрепления слов в языковой системе, процессы функционирования неологизмов и их словообразовательные возможности.

Л.В. Шалина подвергает анализу различные синонимы термина «неологизм»: «новшество», «новообразование», «инновация» [4]. О.В. Косович говорит о необходимых (называющих новые явления) и избыточных (имеющих синонимы) неологизмах [5].

Безусловно, рассматриваются различные классификации неологизмов [6], а также авторские слова [7 ; 8], тематические группы неологизмов [9 ; 10] и проч.

Уже существуют учебные пособия [11 ; 12], в которых рассматривает широкий круг вопросов неологии.

В настоящее время различают неологию как науку о новых словах и неографию – ответвление лексикографии. Выделяют три типа словарей, которые отражают новую лексику: толковые, динамические и словари новых слов [1 ; 13–15].

Сферой наших интересов является лексика. Преподавание в вузе требует постоянного обновления учебного материала – и теоретического, и дидактического. Тем более это касается темы «Лексика с точки зрения активного и пассивного запаса», где одним из объектов изучения являются новые слова. В связи с этим начиная с 1990-х мы уже дважды обращались к этой теме. Так, в 2002 году мы рассматривали большие группы неологизмов, появившихся после перестройки во всех сферах жизни общества [16]. Статья, вышедшая в 2014 году, была посвящена новой лексике 2000-х [17].

Как известно, неологизмы делятся:

1) на собственно лексические, которые чаще всего называют новое явление в жизни общества, реже – появляются как синонимы к уже имеющимся словам (однако между такими синонимами, как правило, имеются семантические различия);

2) словообразовательные неологизмы: – слова, которые формируют словообразовательное гнездо собственно лексического неологизма, появившегося в языке; – аффиксальные и сложные образования от слов, которые уже были в языке;

3) семантически неологизмы – новые значения слов.

В данной статье мы обратимся к третьей группе. На наш взгляд, для лингвистов она представляет особый интерес, поскольку именно при расширении семантики слова можно наблюдать работу механизмов языка, в том числе и образование переносных значений. Итак, целью статьи является описание семантики новых слов 2010-х.

Следует отметить, что среди современных неологизмов значительную долю составляют слова, относящиеся к сленгу – это обусловлено действием общеязыковой тенденции к снижению. Отмечается много лексем, входящих в сленг блогеров, что объясняется широким распространением данного вида деятельности внутри Сети.

По нашим наблюдениям и по опросам студентов филологического факультета Оренбургского госпедуниверситета частотными стали следующие случаи употребления слов в новых значениях:

– (цифровые) *площадки, платформы* – социальные сети, Ютуб, Инстаграмм, Тик-Ток и прочее – все, где можно общаться или работать с аудиторией в Интернете;

– *продукт* – лексема употребляется в переносном значении по отношению к интеллектуальной собственности – всему, что может предложить человек в Интернете: курсу, услугам, руководству (тutorиалу). Может использоваться и как синоним слова *контент*: *блог, сайт*;

– *коллаборация* (в *коллабе*, *коллабиться*) – совместная деятельность, как правило, – в целях получения прибыли. В настоящее время многие бренды в целях рекламы предлагают коллаборации известным блогерам-миллионникам или исполнителям, медийным личностям; кроме того, блогеры могут объединяться или рекламировать других блогеров с целью их продвижения и т.д.;

– *плюшки* – скидки, бонусы, подарки, которые предлагаются брендом или блогером с целью привлечения клиентов или подписчиков;

– *вирусный пост* – материал в Интернете, который стал широко известен, разлетелся по соцсетям и пабликам;

– *ламповый, лампово* (например, атмосфера) – приятный, теплый, душевный, уютный. По различным источникам в Интернете, появление данного значения связано с нецифровым, «ламповым», т.е. живым, хотя и несовершенным, звучанием проигрывателя, транзистора, музыкальных инструментов и проч.;

– *залипательный* (ролик, фильм, блог, игра и др.) – притягательный, такой, от которого трудно оторваться. Данная лексема заметно активизировалась с широким распространением смартфонов и айпадов, т.е. телефонов, на которых можно делать все: и писать письма, и смотреть видео, и играть в игры, и проч., и поэтому человек как бы «прилипает» к устройству, не замечая, как летит время;

– *годный* – употребляется как общеоценочное прилагательное со значением ‘хороший’ или – скорее – ‘подходящий’. Имеет целый ряд производных: *годно, годничок, годнота*;

– *знатный* (знатно) – синоним слова *годный*, но указывающее на большую степень качества – ‘замечательный’;

– *токсичный* – на развитие переносного значения, безусловно, повлияло исходное, прямое – ‘отравляющий, вредный’. В наши дни данная лексема употребляется

по отношению к человеку, который часто испытывает негативные эмоции, «выливая» их на окружающих; в силу этого люди в его присутствии ощущают значительный дискомфорт и поэтому стараются его избегать;

– *прохладное* – что-то личное или необычное, что вызывает интерес, задевает чувства и эмоции пользователей. (Английское *cool* переводится не только как «крутой», но и «прохладный» – игра значениями многозначного слова);

– *прилетело* – ответная реакция (отзыв, комментарий, действие) негативного характера на что-либо в Интернете или реальной жизни;

– *пробили дно* (или просто *днище*) – отзыв о чем-то из ряда вон выходящем в негативном плане (‘ниже некуда’). В последнее время многие блогеры часто употребляют это выражение в отношении звезд шоу-бизнеса, лиц, которые стали известными о какому-либо поводу в СМИ. Вариант: «*Это просто днище*»;

– *вкатило* – ‘понравилось’, ‘было хорошо воспринято’ (часто – подписчиками, аудиторией);

– *ну такое* – ‘не очень’, ‘так себе’, ‘вообще не то’;

– *минус* (мозг, рука, книга, что угодно), гиперболически-иронически – когда что-то случилось с рукой, ногой, книгой, кто-то «вынес мозг».

Итак, в данной статье мы рассмотрели семантические неологизмы. Большинство из них, во-первых, относятся к сфере Интернета (являясь наименованиями распространенных там понятий или оценками пользователей), во-вторых, носят сленговый характер, в-третьих, употребляются в переносном значении, являющемся результатом метафоризации – основного механизма языка.

В дальнейшем мы планируем обратиться к остальным группам новых слов – собственно лексическим и словообразовательным неологизмам.

* * *

1. Ефремов В.А. Современная академическая неография: проблемы и перспективы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 3(19). С. 14–19.
2. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 44 с.
3. Модные слова. URL: <https://модные-слова.рф> (дата обращения: 22.04.2021).
4. Шалина Л.В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 4(8). С. 73–77.
5. Косович О.В. Актуальные проблемы изучения феномена неологии // *Lingua mobilis*. 2013. № 1(40). С. 55–57.
6. Воронцова Ю.А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-1. С. 111–114.
7. Голубева А.Ю., Тимашова М.В. Способы образования и перевода окказиональных слов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 1(212). С. 50–54.
8. Громова Е.Н., Засецкова Е.Н. Передача авторских неологизмов при переводе художественного текста // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 2(102). С. 3–10.
9. Замальдинов В.Е. Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире // Русский язык в школе. 2020. № 5. С. 55–60.
10. Чугунова С.А. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3(41). С. 64–77.
11. Попова Т.В. Русская неология и неография : учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург : УГТУ – УПИ, 2005. 96 с.
12. Сенько Е.В. Теоретические основы неологии. Владикавказ : Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2001. 108 с.
13. Буцева Т.Н. О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 85–89.
14. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии. М. : Знак, 2008. 320 с.
15. Жданова Е.А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3(1). С. 388–392.
16. Кузнецова Н.Н. Основные черты современной речи // Культура профессиональной речи будущих педагогов : межвуз. сборник научных трудов, посвященный 70-летию Магнитогорского гос. ун-та. Магнитогорск : МаГУ, 2002. С. 16–22.
17. Кузнецова Н.Н. Новые слова и выражения в речи 2010-х // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 3. С. 95–100.

**ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ
РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ НОМИНАЦИЙ
В ЛИТЕРАТУРНОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**THE ADAPTATION PECULIARITIES
OF ROMANIC AND GERMANIC NOMINATIONS
IN THE STANDARD BELORUSIAN LANGUAGE**

© 2021

А.О. Маковский

A.O. Makovsky

Географическое положение Республики Беларусь определяет ее активные политические и экономические связи, ставшие основой языковых контактов белорусского этнокультурного сообщества с мировыми этносами и культурами. Интерес к проблеме языковых контактов обусловлен тем, что речевое взаимодействие накладывает отпечаток на системы языков-реципиентов, интенсифицируя процесс модификации всех языковых уровней. Одним из наиболее подверженных влиянию внешних языковых контактов является лексический уровень, который активно пополняется за счёт иноязычных вкраплений с их дальнейшей ассимиляцией. В этом процессе иноязычные номинативные единицы могут менять статус с «иноязычного вкрапления» на «заимствованное слово», которое впоследствии может потерять связь с языком-донором и стать частью исконной лексики языка-реципиента. С процессом заимствования неразрывно связан процесс адаптации. Иноязычные номинативные единицы, используемые носителями белорусского языка, проходят процесс адаптации к системе языка-реципиента с разной скоростью и характеризуются различной степенью ассимиляции. Определение особенностей адаптации иноязычной лексики и факторов, влияющих на ее скорость и эффективность способствует более глубокому пониманию процессов взаимовлияния языков различных языковых групп и необходимых условий, способствующих пополнению лексического состава белорусского языка.

Ключевые слова: адаптация; романские и германские номинации; фонетико-графическая ассимиляция; грамматическая ассимиляция; номинативная единица; иноязычное вкрапление; заимствование; заимствованное слово; языковой контакт; языковые уровни; транскрипция; транслитерация; прямое включение; флексия; финал.

The geographical position of the Republic of Belarus determines its active political and economic contacts, which found the basis of the linguistic contacts of the Belarusian ethnocultural community with world ethnic groups and cultures. The problem of language contacts is especially topical in the modern linguistics because speech interaction affects the systems of recipient languages intensifying the modification of all the language levels. One of the most affected ones by the interlinguistic contacts is the lexical level, as it is actively replenished by gradually assimilating foreign language inclusions. The process of assimilation can change the status of foreign nominative units from “foreign language inclusions” to “borrowed words”. The latter can gradually lose their connection with the donor language becoming parts of the recipient language. This adaptation process is an inseparable part of the borrowing process. Foreign language nominative units used by the Belarusian language speakers are characterized by different rates and degrees of assimilation. Determination of the adaptation peculiarities of borrowed nominative units and factors affecting the speed and efficiency of their adaptation contributes to better understanding of the mutual influence of languages belonging to different language groups as well as the necessary conditions of the replenishment of the Belarusian lexical system.

Keywords: adaptation; Romanic and Germanic nominations; phonetic assimilation; graphic assimilation; grammatical assimilation; nominative unit; foreign language inclusion; borrowing; loan word; language contact; language levels; transcription; transliteration; direct inclusion; inflection; final part.

В XXI веке, в период глобализации, интенсивного расширения экономических, политических, культурных международных связей и межъязыковых контактов, изучение процессов заимствования приобретает особую значимость и актуальность [1]. Их

анализ может помочь выявить особенности функционирования и направление развития языка-реципиента. Более того, как отмечает Э.Ф. Володарская, «изучение этого процесса как результата контактов между народами и их языками имеет важное значение

для решения ряда лингвистических проблем, а также вопросов, связанных с историей, археологией, психологией и другими науками» [2, с. 96].

Изучение проблемы лексического заимствования имеет давнюю традицию. С.К. Булич еще в конце XIX в. отметил, что заимствования, возникающие в результате межнациональных контактов, в значительной степени способствуют развитию языка [3]. Проблему классификации и вопросы адаптации заимствований рассматривали Э. Хауген [4], С.А. Карцевский [5]. Роль иноязычных лексем в современной коммуникации исследует Л.П. Крысин [6]. А.В. Гаврилов [7] изучает функциональную ассимиляцию новых европейских заимствований в русском языке. Заимствованиям в белорусском языке посвятили труды А.М. Булыка [8], А.И. Журавский [9], В.М. Галай [10]. А.А. Станкевич описывает основные виды заимствований и способы адаптации иноязычной лексики в белорусских народных наречиях [11].

Согласно принципам движения процесса познания «от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности» [12, с. 150], в теории заимствования большое внимание уделяется системным изменениям иноязычных номинаций в процессе их развития в языке-реципиенте. Как любое динамическое системное явление, процесс заимствования предполагает наличие нескольких сменяющих друг друга стадий. Согласно Л.Н. Сорокиной, эти стадии следующие: ввод иностранного материала в язык; адаптация к системе языка-реципиента и вхождение в нее; результат заимствования – освоенное слово, «для заимствованного слова – это третья стадия, стадия его функционирования в речи заимствовавшего его языка по нормам последнего» [13, с. 101]. При таком понимании процесса ассимиляции заимствования, находящиеся на третьей стадии, не будут отличаться от других слов языка-реципиента.

Проходя названные стадии, заимствования могут быть ассимилированы языком-реципиентом полностью или частично.

В зависимости от языкового уровня они могут адаптироваться формально (фонетически и морфологически), семантически и на уровне словообразования.

Целью данного исследования является установление основных механизмов и особенностей адаптации романо-германских номинаций в белорусском языке. Данная цель предполагает решение следующих задач: анализ способов и степени адаптации романо-германских номинаций к системе белорусского языка, определение факторов, влияющих на эффективность процессов их адаптации.

Анализ корпуса современных романо-германских заимствований из 2 364 слов, составленного на основе «Беларуска-рускага тлумачальнага слоўніка новых слоў і новых значэнняў слоў» (сост. В.И. Уласевич и Н.М. Даугулевич) [14], а также «Слоўніка іншамоўных слоў» (авт.-сост. А. Булыка) [15], показал, что все заимствованные номинации, зарегистрированные в этих словарях, графически ассимилируются и передаются на письме в соответствии с графическими правилами белорусского языка (*апартэйд, байкот, брыфінг, буфер, бундэсвер, дыктат, пратэст, інкогніта, ностра-конта* и т.д.). Однако это не говорит об абсолютном отсутствии в белорусском языке графически не ассимилированных заимствованных единиц. Белорусский N-корпус включает варианты прямого включения иноязычных единиц (*usb, hdmi, DVD*), которые могут быть рассмотрены как графически не адаптированные. Отсутствие таких единиц в словарях можно объяснить градуальным характером ассимиляции. При включении в состав языка-реципиента иноязычные номинации сначала проходят этапы фонетической и графической ассимиляции и только после этого – грамматической. Однако они «подчиняются» фонетическим и графическим законам языка-реципиента не сразу и выделяются на фоне исконной лексики некоторыми особенностями произношения [16, с. 16]. Поэтому большинство графически не ассимилированных единиц можно отнести к категории полностью не ассимилированных, включение кото-

рых в состав словарей может быть нецелесообразным. Однако, как отмечает А.И. Дьяков, такие единицы, «становятся фактом узуального словоупотребления и имеют статус полноправного заимствования» [17, с. 8].

Как отмечает Н.С. Валгина, фонетическая адаптация «протекает неравномерно и противоречиво, с трудно уловимой закономерностью» [18, с. 56]. Так, немецкий умляут *ö*, несмотря на фонетическую близость звукам белорусского языка, не сохраняет свои фонетические характеристики, заменяясь на буквы *i*, *э*, соответствующие звукам [i], [ɛ] (*Börse* – *біржа*, *Möbel* – *мэбля*).

Графическая адаптация заимствованных номинаций происходит двумя основными способами: транслитерации (*бастыён* – *bastione* [bast'jone]) и практической транскрипции (*а-джорна* – *a giorno*; *газета* – *gazzetta*; *графіці* – *graffiti*) при преобладании последнего. Это справедливо в отношении заимствований из всех исследуемых нами языков. Для немецкого языка можно указать также тенденцию систематического использования транслитерации для передачи определённых буквенных сочетаний. Все выделенные нами примеры адаптации немецких номинаций путём транслитерации: *прэйскурант* (*Preiskurant* произносится на немецком языке как [praiskurant], где комбинация *ei* передается как [ai]); *палтергейст* (от нем. *Poltergeist*) и *цэйтнот* (от нем. *Zeitnot*) – адаптированы по одной модели.

В некоторых случаях трудно различить способы транскрипции и транслитерации. В итальянском языке графические и фонетические характеристики слов во многом совпадают, что делает возможным определение способа адаптации таких номинаций в равной степени как транскрипции, так и транслитерации. Менее выражено сходство между данными способами адаптации в немецком и английском языках. При этом совпадение написания и произношения упрощает восприятие номинаций, способствует более эффективной их фонетико-графической адаптации.

При этом значительное влияние на фонетическую и графическую адаптацию оказывает наличие языка-медиатора и его структурные особенности. Например, итальянская по происхождению номинация *джакузі* (слово *Jacuzzi* образовано «от фамилии братьев-предпринимателей» [15, с. 70]) адаптирована как английское слово, так как английский выполнял роль языка-медиатора.

Характер (морфологической) грамматической адаптации зависит от того, насколько внешний облик заимствованного слова соответствует морфологическим моделям заимствующего языка [19, с. 261]. В качестве основных показателей грамматической ассимиляции существительных выступает получение ими форм рода, числа и склонения, характерных для белорусского языка. Для прилагательных таким показателем является форма степеней сравнения, а также формы рода, числа, падежа, определяемые в процессе согласования с существительными. Заимствованные глаголы всегда изменяются по правилам белорусской языковой системы и всегда подлежат грамматической ассимиляции, наречия же, будучи инвариантами, не подлежат грамматической ассимиляции.

Среди исследованных лексических единиц можно выделить как грамматически ассимилированные (*цытадэль*, *рэнтаваць*, *лабіраваць*), модифицированные белорусскими морфемами, так и неассимилированные (*інкогніта*, *профі*, *янкi*), которые сохраняют свою первоначальную форму, подвергаясь только фонетической и графической адаптации.

В ходе исследования было установлено, что в белорусском языке общее количество грамматически адаптированных номинативных единиц романо-германского происхождения значительно превышает количество неадаптированных (95%). Этот факт свидетельствует о том, что романо-германские по происхождению лексические единицы активно входят в номинативную систему белорусского языка. Практически абсолютными показателями грамматической ассимиляции (98,4%) характеризуются

заимствования из немецкого языка. Грамматически освоено 96,3% английских заимствований. Значительно ниже показатель грамматической ассимиляции итальянских по происхождению слов – 63,4%.

Среди выделенных нами грамматически не ассимилированных единиц наибольшее число составляют существительные (*альпары, банка, жыро, мафіёзі, янкi, япi, экстазі, мюслі, суслі, профі*). Немецкие заимствования представлены исключительно классом существительных (*мюслі, суслі, профі*). Некоторые итальянские заимствования могут выступать как существительные и наречия (*пьяна, фортэ, пиянісіма, фарцісіма, крэшчэнда*). Среди английских грамматически не ассимилированных заимствований встречаются существительные (*ралі, рэгбі, шоу, хіпi, вікi, ска, піяр, бікiні, медыя*) и прилагательные (*мідзі, максі, міні, сексі, топлес*).

Процессы грамматической ассимиляции происходят под влиянием ряда факторов, наиболее очевидный из которых – коммуникативная активность заимствованных единиц, так как процессы ассимиляции не могут происходить без активного использования заимствованных номинаций. Однако важен баланс между скоростью заимствования и скоростью освоения, поскольку темпы появления новых заимствований могут превышать темпы их освоения белорусским языком.

Еще одним значимым фактором, влияющим на процесс усвоения заимствованных номинативных единиц, является характер и структура внутренних систем контактных языков.

Так, в процессе грамматической ассимиляции существительных важно соотношение значения рода в исходном языке и в языке-реципиенте. Например, в итальянском языке все существительные оканчиваются на гласную: существительные женского рода в единственном числе обычно на *-a* и во множественном – на *-e*, а существительные мужского – на *-o*, *-i* в единственном и множественном числе соответственно. Поэтому пришедшие из итальян-

ского слова *опера, кантата, піцца, паста, валюта* легко усваиваются белорусским языком, так как при их усвоении не возникает ситуации «противоречия» между внутренней формой (значением рода) и внешней формой (флексией). Существительные же мужского рода, оканчивающихся на гласную, для белорусского языка не характерны. Поэтому такие существительные, пришедшие из итальянского языка, не могут полностью адаптироваться к белорусской морфологии: они относятся к классу несклоняемых, значение рода у них может изменяться, как в *il saldo* (мужской род) – *сальда* (средний род). Однако бывают случаи, когда ситуация несовпадения финалей решается путем сокращения итальянского существительного до согласного, что способствует полному его включению в грамматическую систему белорусского языка: *statisto* – *статыст*, *favorito* – *фаварыт*, *conto corrente* – *контакарэнт*, *pagamento* – *пагамент*. Такие существительные сохраняют свой первоначальный род и изменяются по числам и падежам. Подобная ситуация наблюдается при адаптации не только итальянизмов. Оканчивающиеся на гласный звук существительные мужского рода есть во всех трех анализируемых нами языках (см. *профі* из немецкого, *янкi, япi* – из английского и т.д.). Однако для итальянского языка они более типичны, прямым следствием чего является большое количество грамматически не ассимилированных существительных-итальянизмов.

Процесс грамматической адаптации, как правило, приводит к изменениям финалей заимствованных номинаций. Для германизмов можно выделить следующие основные модели смены финалей:

en, e – ø: *Vorposten* – *фарпост*, *Chiffre* – *ушфр*, *Spionage* – *шпіянаж*, *Probe* – *проба*, *Tabelle* – *табель*, *Schablone* – *шаблон*, *Marschrute* – *маршрут*, *Spritze* – *шпрыц*, *Staffage* – *стафаж*, *Schaiibe* – *шайба*, *Filliale* – *філіял*, *Finte* – *фінт*, *Straffe* – *штраф*;

ø – a: *Mark* – *марка*, *Poliklinik* – *поліклініка*, *Roket* – *ракета*;

ier – a: *Rapier – рапіра*;
e – a: *Rente – рэнта, Disenterie – ды-
 зентэрыя*;

tion – цыя: *Dokumentation – даку-
 ментацыя, Unifikation – уніфікацыя,
 Inventarisatio – інвентарызацыя*;

sion – сія: *Diversio – дыверсія*;

um – а, я: *Ambulatorium – амбулато-
 рыя*;

ie – а, я: *Onkologie – анкалогія*.

Английские заимствования обычно видоизменяются следующим образом:

ist – ъ, ік: *scientologist – саентолаг,
 testologist – тэстолаг, ufologist – уфолог,
 business analyst – бізнес-аналітык*;

ics – іка: *economics – эканоміка, ergo-
 nomics – эрганоміка, electronics – элек-
 троніка; dianetics – дыянетыка*;

y – ія: *imageology – іміджалогія, tech-
 nology – тэхналогія*;

er – іст: *programmer – праграміст,
 freestyler – фрыстайліст*;

tion – цыя: *defragmentation – дэфраг-
 ментацыя, modernization – мадэрнізацыя,
 emulation – эмуляцыя, installation – інста-
 ляцыя, pop-production – поп-прадукцыя, di-
 versification – дыверсіфікацыя, inhumation –
 інгумацыя*;

ity – асць, іта: *interactivity –
 інтэрактыўнасць, utility – утыліта, trans-
 sexuality – транссексуальнасць*;

er – ар: *installer – інсталатар, block-
 buster – блокбастар, poster – постар*;

o – а: *program – праграма, rock-
 group – рок-група*.

Также продуктивны модели сохранения некоторых английских финалей, таких как *-ing* в отглагольных существительных (*дэмаркетинг, стрымінг, фостэрынг*); *-ism* в обозначениях культурных и социальных направлений (*аруэлізм, эўфуізм, бантызм*). Однако *vegetarianism* не входит в данную модель, переводясь как *вегетарыянства*.

Основные модели изменений финалей итальянизмов связаны с ранее упомянуты-

ми особенностями существительных мужского и женского рода:

o – ъ: *pasquillo – пасквиль, basso –
 бас, unisono – унісон, pasticcio – пасціи,
 mezzanino – мезанин, statisto – статыст,
 studio – студыя, mocaccino – макачына,
 netto – нета, brutto – брута*;

o – а: *pareo – парэа, arco – арка,
 fiasco – фіяска, maestro – маэстра*;

e – ъ: *baritone – барытон, belvedere –
 бельведэр, finale – фінал*.

При этом в процессе ассимиляции итальянизмов обычно сохраняются окончания женского рода единственного числа *-a* (*pizzeria – піцэрыя, firma – фірма, carriera – кар’ера, fuori – фора, spada – унага, avaria – аварыя, posta – пошта*) и множественного числа мужского рода *-i* (*spaghetti – спагетці, ravioli – равіёлі, tutti-frutti – тучі-фруці*).

Процессу грамматической ассимиляции не подвергаются и аббревиатуры, пришедшие в белорусский язык в основном из английского (*ПК, СМС, Ай-Би-Эм, Ви-Ай-Пи*). Этим можно объяснить более низкие показатели грамматической ассимиляции английских заимствований по сравнению с немецкими.

Таким образом, на процесс адаптации романо-германских номинаций в белорусском языке влияют структурные особенности языков-доноров и языка-реципиента, а также особенности языка-медиатора. К факторам, влияющим на процессы адаптации, относятся коммуникативная активность заимствованных единиц, баланс между скоростью возникновения заимствованных номинаций и их освоением, близость формы заимствованной единицы системе языка-реципиента. Общее количество адаптированных заимствований достаточно велико – 95%. Такие показатели могут свидетельствовать о том, что рассматриваемые заимствованные номинативные единицы активно используются в белорусском языке.

* * *

1. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
2. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96–118.
3. Булич С.К. Заимствованные слова и их значение для развития языка. Варшава : Тип. М. Зенкевича, 1886. 18 с.
4. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М. : Прогресс, 1972. С. 61–80.
5. Карцевский С.И. Язык, война и революция // Из лингвистического наследия. М. : ЯСК, 2000. С. 215–265.
6. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 143–161.
7. Гаврилов А.В. Функциональная ассимиляция новых европейских заимствований в русском языке: на материале переводов английской литературы второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 206 с.
8. Булыка А.М. Семантычная структура запазычанняў у беларускай мове XIV–XVIII стст. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 29. Мінск, 1986. С. 40–46.
9. Жураўскі А.І. Германізмы ў беларускай мове // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. У 5 т. Т. 1. Мінск : БелСЭ, 1985. С. 75–76.
10. Галай В.М. Аб словах нямецкага паходжання ў народных гаворках // Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 1997 г. Мінск : Белдзяржуніверсітэт, 1998. С. 102–104.
11. Станкевіч А.А. Лексіка іншамоўнага паходжання ў беларускіх народных гаворках // Беларускія слова: дыялектнае і запазычанае : зб. артык. па матэр. навук. чытанняў, прысвеч. памяці Е.С. Мяцельскай (Мінск, 26–27.04.2011) / пад агул. рэд. М.Р. Прыгодзіча. Мінск : Права і эканоміка, 2011. С. 149–158.
12. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М. : Наука, 1976. 174 с.
13. Сорокина Л.Н. Ситуация, процесс и результаты заимствования в лексике // Иностранные языки в высшей школе : сборник. Вып. 14. М. : Высшая школа, 1979. С. 97–105.
14. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / склад. В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. Мінск : Аверсэв, 2013. 253 с.
15. Слоўнік іншамоўных слоў. Актуальная лексіка / аўт.-склад. А.М. Булыка. Мінск : Харвест, 2005. 336 с.
16. Москвин В.П. Правильность современной русской речи. Норма и варианты. Теоретический курс для филологов : учебное пособие. Ростов на-Дону : Феникс, 2006. 252 с.
17. Дьяков А.И. Графическая ассимиляция англицизмов // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск, 2012. Вып. 2. С. 12–21.
18. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие. М. : Логос, 2003. 304 с.
19. Клементьева Е.В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5(27). С. 260–263.

ГРАМАТЫЧНАЯ АДАПТАЦЫЯ АНГЛІЦЫЗМАЎ
У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ
ГРАММАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ
GRAMMATICAL ADAPTATION OF ANGLICISMS
IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

© 2021

Ю.В. Мішурная

Ю.В. Мишурная

Yu.V. Mishurnaya

Мэта дадзенага даследавання – выявіць асаблівасці адаптацыі англіцызмаў да граматычнай сістэмы сучаснай беларускай мовы. Аб'ектам даследавання сталі англіцызмы, запазычаныя беларускай мовай на мяжы XX – XXI стст. Крыніцай матэрыялу паслужылі сучасныя лексікаграфічныя крыніцы, тэксты сродкаў масавай інфармацыі і інтэрнэт-сайты. Аналіз фактычнага матэрыялу выявіў, што асваенне англіцызмаў адбываецца ў рэчышчы ўстойлівай традыцыі асваення запазычанняў. Назоўнікі набываюць граматычныя катэгорыі роду і ліку і ўдзельнічаюць у склонавым словазмяненні. Прыметнікі і дзеясловы нацыяналізуюцца з дапамогай словаўтваральных і словазмяняльных афіксаў. Большасць англіцызмаў захоўваюць сваю часцінамоўную прыналежнасць як у мове-донары. У адзінкавых выпадках назіраецца поўнае граматычнае пераасэнсаванне і змяненне часцінамоўнай прыналежнасці англіцызмаў. Англамоўныя складаныя словы і словазлучэнні функцыянуюць у беларускай мове ў якасці марфалагічна нерасчлянёных, лексікалізаваных адзінак. Выяўлена, што становіцца рэгулярным функцыянаванне англамоўных назоўнікаў у ролі аналітычных прыметнікаў.

Ключевые слова: беларуская мова; запазычанні; англіцызмы; граматычная адаптацыя; граматычныя катэгорыі; лексікалізацыя; аналітычныя прыметнікі; аналітызм.

Цель исследования – выявить особенности адаптации английского языка к грамматической системе современного белорусского языка. Объектом исследования явились англицизмы, заимствованные из белорусского языка на рубеже XX–XXI веков. Источником материала послужили современные лексикографические источники, медиатексты и интернет-сайты. Анализ фактического материала показал, что существительные приобретают грамматические категории рода и числа и участвуют в склонении. Прилагательные и глаголы национализируются с помощью словообразовательных и словоизменяющих аффиксов. Большинство англицизмов сохраняют свою частичную лингвистическую принадлежность, как в языке-доноре. В единичных случаях происходит полное грамматическое переосмысление и изменение частичной языковой принадлежности англицизмов. Сложные английские слова и фразы функционируют в белорусском языке как морфологически неразрывные, лексикализованные единицы. Выявлено, что функционирование английских существительных в роли аналитических прилагательных становится регулярным.

Ключевые слова: белорусский язык; заимствования; англицизмы; грамматическая адаптация; грамматические категории; лексикализация; аналитические прилагательные; аналитизм.

The aim of this study is to reveal the peculiarities of adaptation of the Anglicisms to the grammatical system of the modern Belarusian language. The Anglicisms borrowed by the Belarusian language in the latest period has become the object of the research which is carried out on the basis of the lexicographic sources, mass media texts and Internet sites. The analysis of the factual material shows that the adaptation of the Anglicisms proceeds in line with the established tradition of adaptation of borrowings. The nouns acquire the grammatical categories of gender and number and participate in case inflection. The adjectives and the verbs are nationalized with the help of derivational and inflectional affixes. Most Anglicisms retain their part-of-speech affiliation as in the donor language. Some Anglicisms undergo complete grammatical transformation and part-of-speech shifts. The English compound words and phrases function in the Belarusian language as morphologically undivided, lexicalized units. It has been established that the functioning of English nouns as analytical adjectives is becoming regular.

Keywords: the Belarusian language; borrowings; Anglicisms; grammatical adaptation; grammatical categories; lexicalization; analytical adjectives; analytic character.

Сярод працэсаў, звязаных з папаўненнем слоўнікавага складу сучаснай беларускай мовы, даследчыкі аднагалосна называюць запазычанне іншамоўнай лексікі як адзін са спосабаў намінацыі новых з’яў, большая частка якіх у цяперашні час – гэты запазычаны з англійскай мовы [1 ; 2]. Трапляючы ў новае моўнае асяроддзе, англамоўныя запазычаны падвяргаюцца значным змяненням. У першую чаргу падпадае пад змены фармальны бок запазычанняў. Разам з фанетыка-графічным асваеннем, асаблівае месца ў працэсах фармальнага пераафармлення новай адзінкі ў прымаючым моўным асяроддзі займае граматычная адаптацыя. Граматычная адаптацыя выяўляецца ў падпарадкаванні запазычанняў нормам і заканамернасцям новай граматычнай сістэмы і набыцці граматычных асаблівасцей, якія ўласцівы спрадвечным словам прымаючай мовы [3, с. 120].

У працэсе граматычнай адаптацыі іншамоўная адзінка, у залежнасці ад часцінамоўнай прыналежнасці, уключаецца «у сістэму асноўных марфалагічных формаў і катэгорый гэтага граматычнага класа, вылучаецца яе марфемная структура» [4, с. 178]. Так, асноўную масу запазычанняў з англійскай мовы складаюць назоўнікі. Адаптуючыся да граматычнай сістэмы беларускай мовы, «назоўнікі англійскага паходжання набываюць граматычныя значэнні і катэгорыі ліку, роду, скланення» [5, с. 69] і афармляюцца адпаведнымі фармальнымі паказчыкамі. Прыметнікі і дзеясловы афармляюцца з дапамогай тыповых для беларускай мовы словаўтваральных і словазмяняльных афіксаў.

Важна адзначыць, што марфалагічная прыналежнасць запазычанага слова да пэўнай часціны мовы часцей за ўсё не мяняецца пры пераходзе з адной мовы ў іншую. Тым не менш, у шэрагу выпадкаў на глебе прымаючай мовы мае месца поўнае граматычнае пераасэнсаванне і змяненне часцінамоўнай прыналежнасці запазычанага слова [3, с. 121]. Адзначаны рэдкія выпадкі, калі англійскія прыметнікі ў беларускай мове пераходзяць у разрад суб-

стантываў. Так, напрыклад, назоўнік *unisex* ‘тое, што прызначаецца і для мужчын, і для жанчын (адзенне, парфумерыя, прычоска)’ узыходзіць да англійскага прыметніка *unisex* ‘прызначаны для абодвух палоў’, назоўнік *military* ‘стыль адзення, у якім выкарыстоўваюцца элементы ваеннага абмундзіравання’ – да прыметніка *military* ‘які адносіцца да ўзброеных сіл краіны’.

Сярод англійскіх запазычанняў у беларускай мове асабліва варта адзначыць і такія выпадкі, калі назоўнікі-англіцызмы ў мове-крыніцы ўзыходзяць да словазлучэнняў. Пры пераходзе з англійскай мовы ў беларускую такія словазлучэнні губляюць свой другі кампанент і, як правіла, запазычваюцца толькі адзінкі, якія знаходзяцца ў прэпазіцыі і служаць азначэннем у мове-крыніцы. У новай моўнай сістэме такія адзінкі субстантывуюцца, аднак захоўваюць семантыку ўсяго англамоўнага словазлучэння. Так, напрыклад, такія субстантывы, як *хэндс-фры* ‘спецыяльнае прыстасаванне для мабільнага тэлефона, якое дазваляе размаўляць па тэлефоне, не трымаючы яго ў руках’, *лоў-кост* ‘сістэма таных авіяперавозак за кошт адмовы ад некаторых пасажырскіх паслуг’, *сэканд-хэнд* ‘былыя ва ўжыванні, патрыманья, не новыя рэчы (звычайна адзенне)’ у англійскай мове функцыянуюць як прыметнікі, на што ўказваюць лексікаграфічныя крыніцы (адпаведна: *handsfree device*, *low-cost airline*, *second-hand clothes* [CD]).

Варта таксама звярнуць увагу на тое, што ў асобных выпадках у працэсе граматычнай адаптацыі назіраецца лексікалізацыя англійскіх словазлучэнняў ці цэлых фраз. Як справядліва заўважае беларуская даследчыца С. У. Вараб’ева, «у англійскай мове цяжка правесці выразную мяжу паміж словазлучэннем і складаным словам» [6, с. 59], таму немагчыма вызначыць дакладную колькасць выпадкаў лексікалізацыі найноўшых англіцызмаў. Тым не менш, аналіз матэрыялу сведчыць, што запазычваюцца не толькі аднаслоўныя лексемы, але і цэлыя словазлучэнні і фразы, якія функ-

цыянуюць у новым моўным асяроддзі як адно слова ці самастойныя, марфалагічна нерасчлянёныя лексічныя адзінкі. Так, напрыклад, у беларускай мове адбываецца поўная лексікалізацыя такіх англамоўных спалучэнняў, як *брэйн-дрэйн* (ад англ. *brain drain*) 'уцечка мазгоў', *хэпі-энд* (ад англ. *happy end*) 'літаральна: шчаслівы канец, паспяхова развязка', *бодзі-арт* (ад англ. *body art*) 'від мастацкай творчасці, дзе галоўным аб'ектам з'яўляецца цела самога мастака', *брэнд-імідж* (ад англ. *brand image*) 'знешні вобраз, уяўленне аб брэндзе, якія застаюцца ў свядомасці спажываўца, пакупніка', *бэбі-бум* (ад англ. *baby boom*) 'значнае павелічэнне колькасці дзяцей, народжаных у якой-небудзь сацыяльнай групе за пэўны прамежак часу' і інш.

Адаптацыя назоўнікаў да граматычнай сістэмы сучаснай беларускай мовы. Як ужо адзначалася, сярод запазычанняў у сучаснай беларускай мове значна пераважаюць назоўнікі. Агульнавядома, што ў англійскай мове адсутнічае катэгорыя роду назоўнікаў. У беларускай жа мове важным этапам граматычнай адаптацыі запазычаных назоўнікаў з'яўляецца аднясенне іх да пэўнага роду.

Род англіцызмаў вызначаецца згодна з нормамі сучаснай беларускай мовы. У радавой класіфікацыі назоўнікаў вызначальным з'яўляецца характар гукаў у фіналі слова. Асноўны масіў англійскіх запазычанняў на беларускай глебе афармляецца цвёрдым канцавым зычным і мае нулявы канчатак у назоўным склоне адзіночнага ліку, і, адпаведна, папаўняе клас субстантываў мужчынскага роду: *бігборд*, *сіквел*, *біткойн*, *рынгтон*, *хэштэг*, *айфон*, *прыквел*, *слэнг*, *фрэш*, *кантэнт*, *флос*, *лофт* і інш. У адзінкавых выпадках да субстантываў мужчынскага роду адносяцца запазычання, якія заканчваюцца на мяккі зычны, напрыклад, *троль*. Таксама невялікая колькасць нязменных адушаўлёных назоўнікаў з фіналлю на галосны, якія называюць асоб мужчынскага полу, адносяцца да катэгорыі мужчынскага роду [7, с. 123]: *хіні*, *зомбі*, *сек'юрыці* і інш.

Акрамя таго, «родавызначэнню найноўшых англіцызмаў дапамагае наяўнасць у іх тых жа словаўтваральных элементаў, што і ва ўжо асвоеных запазычанняў» [8, с. 179]. Так, на аснове ўжо сфарміраваных некаторых устойлівых разрадаў раней запазычаных англіцызмаў граматычна лёгка адаптуюцца і набываюць катэгорыю мужчынскага роду найноўшыя англіцызмы-назоўнікі, якія заканчваюцца на **-мент**: *харасмент*, *істэблішмент*, *дывелапмент*; **-ар/ер**: *стрымер*, *спічрайтар*, *фудблогер*; **-бол**: *пейнтбол*, *стрытбол*; **-інг/-ынг**: *лістынг*, *адвертайзінг*, *фішынг*; **-мен/-ман**: *фронтмен*, *споўксмен*, *растаман* і інш.

У той жа час звяртае на сябе ўвагу той факт, што англіцызмы-назоўнікі мужчынскага роду з фіналлю **-ар/ер**, якія называюць асоб па прафесіі ці родзе дзейнасці, патэнцыйна могуць называць асобу жаночага полу: *блогер*, *іміджмейкер*, *бодзібілдар*, *дывелаптер*, *рыэлтар*, *нюсмейкер* і інш. Удакладненне радавой прыналежнасці такіх лексем у беларускай мове адбываецца ў кантэксце: *У сваю чаргу блогер радыёстанцыі «Эхо Москва» Алена Васільева сёння паведаміла, што ў аўторак у Пскове – жалоба [N-K]; Мяне зачэпілі ў інтэрнэце фота дзяўчат-бодзібілдару з натрэніраванымі целамі [N-K]; Сусветна вядомы іміджмейкер Міла Ануфрыева пагадзілася сустрэцца з юнымі куцюр'е [N-K]. У некаторых выпадках намінацыя асоб жаночага полу адбываецца пры дапамозе далучэння словаўтваральных суфіксаў жаночасці, напрыклад, *блогерка*, *мадэратарка*, *менеджарка* і інш.*

У шэрагу выпадкаў род назоўнікаў у беларускай мове вызначаецца згодна з полам аб'екта, які называе назоўнік. Так, напрыклад, да мужчынскага роду адносяцца назоўнікі, якія называюць асоб мужчынскага полу: *бойфрэнд* 'хлопец-сябар дзяўчыны; палюбоўнік', *метрасексуал* 'малады чалавек, які сочыць за модай і сваім знешнім выглядам, выкарыстоўваючы крэмы, парфум і пад.', *плэйбой* 'багаты малады чалавек, які весела бавіць час у элітным грамадстве і заляцаецца да жанчын' і інш. Клас назоўнікаў жаночага роду папаўняюць

англіцызмы, якія называюць асоб жаночага полу, такія як *гёрл-фрэнд* ‘сяброўка маладога чалавека; палюбоўніца’, *кавер-гёрл* ‘фотамадэль, якая здымаецца для вокладак ілюстраваных часопісаў’, *лэдзі-бос* ‘жанчына-кіраўнік’ і інш.

Да жаночага роду адносяцца лексемы, якія афармляюцца ў граматычнай сістэме прымаючай беларускай мовы або шляхам далучэння да асновы англіцызма канчатка **-а/-я**: *дыянетыка, дыскета, акупунктура, утыліта, вікіпедыя* і інш., або шляхам субстытуцыі іншамоўнага суфікса больш звыклым для носьбітаў беларускай мовы, напрыклад, **-tion** > **-цыя**: *installation* > *інсталяцыя, reception* > *рэцэпцыя* і інш. У адзінкавых выпадках сродкамі граматычнага афармлення назоўнікаў жаночага роду могуць служыць словаўтваральныя суфіксы. Напрыклад, англіцызм *цішотка* ‘майка’ (ад англ. *t-short*) атрымаў катэгорыю жаночага роду шляхам далучэння суфікса прадметнасці **-к(а)**: *У яе ў руках кветкі, на мне цішотка St. Pauli* [N-K].

Назоўнікаў ніякага роду ў беларускай мове няшмат. Да дадзенай катэгорыі адносяцца неадушаўленыя нескланяльныя назоўнікі, якія заканчваюцца на галосную: *бінга, памэла, проксі, фрысбі, кантры, паблісіці, прайвесі, юзабіліці, барбекю, шоу* і інш. Акрамя таго, катэгорыя нескланяльных субстантываў ніякага роду папаўняецца за кошт лексем, якія вылучыліся са складу складаных слоў і ўспрымаюцца ў адносінах да іх як усячэнні, напрыклад, *прома* ‘рэклама, папулярызацыя каго-ці чаго-небудзь з мэтай камерцыйнага поспеху’ ← *прамоўшн* (от англ. *promotion*): <...> *рабіць такое-сякое прома запісанага матэрыялу* [N-K].

У некаторых найноўшых англіцызмаў граматычная катэгорыя роду вар’іруецца, што з’яўляецца заканамернай з’явай у працэсе адаптацыі іншамоўных слоў да новага моўнага асяроддзя. Перш за ўсё, найбольшая варыятыўнасць назіраецца сярод неадушаўленых нескланяльных назоўнікаў. Так, у БРТСНЧЗС род англіцызмаў-назоўнікаў *кеш’ю* і *экстазі* вызначаецца як мужчынскі і ніякі. Англіцызм *паці* ‘ве-

чарына’, які нядаўна ўвайшоў у беларускую мову, у тэкстах СМІ функцыянуе ў ніякім і жаночым родзе: *Мы хочам запрасіць шмат знаёмых гуртоў, як украінскіх, так і польскіх, і зладзіць вялікае незвычайнае паці* [N-K]; *18 снежня ў LOFT-cafe <...> – бразільская паці на дзень нараджэння капудэйры* [N-K].

Прычынай радавога вар’іравання, на наш погляд, з’яўляецца выкарыстанне розных прынцыпаў у працэсе радавой класіфікацыі. З аднаго боку, прытрымліванне агульнапрызнанай тэндэнцыі аднясення неадушаўленых нескланяльных назоўнікаў з фіналлю на галосны да катэгорыі ніякага роду (*кеш’ю, экстазі, паці* – н. р.), з іншага боку, вызначэнне роду на аснове семантычнай прыметы (*кеш’ю* – ‘арэхападобны плод трапічнага дрэва’, *экстазі* ‘моцны полісінтэтычны наркотык’ – м.р., *паці* ‘вечарына’ – ж. р.).

Што датычыцца лікавай класіфікацыі, то выяўлена, што большая частка прааналізаваных намі англійскіх назоўнікаў у беларускай мове мае проціпастаўленне па ліку і ўжываецца як у форме адзіночнага, так і ў форме множнага ліку. У дадзенай групе прадстаўлены канкрэтныя адушаўленыя і неадушаўленыя назоўнікі, якія называюць прадметы і з’явы рэчаіснасці, асоб па родзе дзейнасці і г.д.: *бургер, чартар, падкаст, трэйлер, постар, утыліта, смартбук, холдынг, шоўмен, сёрфер, стрымер* і інш.

Вылучаюцца таксама лексіка-семантычныя групы англіцызмаў-назоўнікаў, якія маюць толькі формы адзіночнага ліку. Да дадзенай групы адносяцца назоўнікі з адцягненай семантыкай, якія называюць: а) напрамкі ў музыцы і танцы: *грандж, фолк-мадэрн, індастрыял, кантры, тэктонік* і інш.; б) напрамкі ў мастацтве, стыль у інтэр’еры і да т.п.: *вінтаж, арт-ф’южн, лофт* і інш.; у) віды спорту, спартыўныя гульні, аздараўленчыя працэдуры: *дартс, алтымат, пілатэс, дыянетыка, акупунктура* і інш.; г) абстрактныя паняцці: *аўтастоп, анлайн, афлайн, бэбі-бум, фэшин, драйв* і інш.; д) працэсы ці віды дзейнасці: *фостарынг, трэкінг, падкастынг, прадакшн, фрыланс* і інш.

Адзначым, што акрамя назоўнікаў з адцягненай семантыкай у беларускай мове папаўняюць клас *singularia tantum* рэчыўныя назоўнікі, якія называюць прадукты харчавання і напоі: *папкорн, памэла, джынтонік, шэры* і інш., а таксама рэчывы, тканіны і да т.п.: *лайкра, тэфлон, латэкс, стрэйч* і інш.

Нязначную групу складаюць назоўнікі, якія функцыянуюць толькі ў форме множнага ліку. Да дадзенай групы адносяцца канкрэтныя назоўнікі, якія называюць парныя ці шматсастаўныя прадметы, як зменныя (*стрынгі, легінсы, батлы, снэкі*), так і нязменныя (*капры, танга*). Таксама сюды адносяцца нескланяльныя зборныя назоўнікі: *гёрлс, масмедыя, медыя, мультымедыя*.

Важным этапам далейшай адаптацыі англіцызмаў да граматычнай сістэмы беларускай мовы з'яўляецца іх уключэнне ў парадыгму скланення і ўдзел у склонавым словазмяненні. Значная колькасць назоўнікаў-англіцызмаў таксама, як і спрадвечна беларускія словы, размяркоўваецца па трох тыпах скланення ў залежнасці ад сістэмы флексій у адзіночным ліку і радавой формы.

Сярод найноўшых назоўнікаў-англіцызмаў вылучаецца невялікая група нескланяльных назоўнікаў. Асноўную масу дадзенай групы складаюць назоўнікі ніякага роду з фіналлю на галосны і на цвёрды зычны *ў*: *лобі, бінга, фэнтэзі, хэндс-фры, паблісіці, мілітары, прайвесі, юзабіліці, ноўхаў* і інш. Некаторыя назоўнікі-англіцызмы мужчынскага і жаночага роду таксама ўваходзяць у разрад нескланяльных назоўнікаў, напрыклад, *кавер-гёрл, гёрлфрэнд, бізнес-лэдзі* – ж.р.; *хай-тэк, плэй-оф, драйв-ін, опэн-эйр, унісекс* – м.р. Гэта катэгорыя нескланяльных назоўнікаў можа з'яўляцца ўзорам частковага граматычнага асваення іншамовнай лексікі. Такія назоўнікі, паводле сцверджання А. Я. Баханькова, «хоць і не маюць разгалінаванай сістэмы граматычных склонавых формаў» [9, с. 168], аднак склонавыя значэнні такіх адзінак вызначаюцца іх аналітыка-сінтаксічнымі асаблівасцямі, іх спалучальнасцю з іншымі словамі ў сказе: *У плэй-оф на рахунку Аляксея 4 (1 + 3)*

дзеісных балы ў 5 гульнях (Звезда. 17.03.2021).

Адаптацыя прыметнікаў да граматычнай сістэмы сучаснай беларускай мовы. Доля найноўшых англіцызмаў, якія папаўняюць клас прыметнікаў, нязначная ў сучаснай беларускай мове. Адаптуючыся да новай граматычнай сістэмы, асновы запазычаных прыметнікаў афармляюцца з дапамогай ад'ектыўных суфіксаў (як правіла, суфікса *-н*) і сістэмы флексій: *крэатыўны* (ад англ. *creative*), *дыгiтальны* (ад англ. *digital*), *транспарэнтны* (ад англ. *transparent*), *сексуальны* (ад англ. *sexual*), *юзабельны* (ад англ. *usable*) і інш. У адрозненне ад мовы-донара, прыметнік у беларускай мове не можа выкарыстоўвацца самастойна і дапасоўваецца да назоўніка, дубліруючы яго значэнні роду, ліку і склону: *Я не буду падрабязна спыняцца на медыйнай анталогіі, на тым, чым дыгiтальны суб'ект <...> адрозніваецца ад жывой істоты* [N-K].

Звяртае на сябе ўвагу даволі шырокі клас запазычаных англамоўных назоўнікаў, якія функцыянуюць у прымаючай беларускай мове ў ролі аналітычных прыметнікаў, ці аналітаў. Такія аналітычныя прыметнікі выконваюць атрыбутыўную функцыю ў адносінах да назоўніка і могуць размяшчацца ў прэпазіцыі (*сэлфі-здымак, вэб-выданне, кантры-альбом, юзабіліці-тэціраванне, плэй-оф-гульня* і інш.) і постпазіцыі (значна радзей): *станік бікіні, бізнес айці, чэк такс-фры, стыль унісекс* і інш.). Некаторыя адзінкі могуць знаходзіцца як у прэ-, так і постпазіцыі: *топлес-фармат – здымак топлес, барбекю-мангал – сезон барбекю, соўл-фэстываль – стылістыка соўл* і інш.

Актыўнае функцыянаванне аналітаў, асабліва прэпазіцыйных, у лексічнай сістэме сучаснай беларускай мовы мы можам растлумачыць шэрагам прычын. Па-першае, запазычаннем разглядаанай аналітычнай словаўтваральнай мадэлі з англійскай мовы (параўн. англ. *selfie photo* 'сэлфі-здымак', *web publication* 'вэб-выданне' і да т.п.). Па-другое, няздольнасцю аманімічна суадносных з імі запазычаных назоўнікаў утвараць

на беларускай глебе адпаведныя адносныя прыметнікі, таму іх роля ў якасці азначальнага слова (аналітычнага прыметніка) становіцца неаспрэчнай у маўленні [10]. Так, напрыклад, дадзеныя назоўнікі не маюць вытворных прыметнікаў у сучаснай беларускай мове і выступаюць як аналіты ў састаўных намінацыях: **топлес** (*топлес-акцыя, топлес-парад, топлес-мітынг*), **сэлфі** (*сэлфі-палка, сэлфі-здымак*), **вэб** (*вэб-платформа, вэб-выданне, вэб-рэсурс*), **прамоўшн** (*прамоўшн-акцыя, прамоўшн-пляцоўка, прамоўшн-кампанія*), **фэшин** (*фэшин-індустрыя, фэшин-калекцыя, фэшин-паказ*) і інш.

Прыкметнае павелічэнне колькасці аналітаў у сучаснай беларускай мове сведчыць аб паступовым руху марфалагічнай сістэмы беларускай мовы ў бок аналітызму. Нельга не заўважыць, што многія лінгвісты адзначаюць рост колькасці аналітычных прыметнікаў англійскага паходжання і ў іншых славянскіх мовах на мяжы ХХ–ХХІ стст., што тлумачыцца агульнай тэндэнцыяй інтэрнацыяналізацыі нацыянальных моў у эпоху моўнай глабалізацыі і англамоўнага ўплыву [11–13].

Адаптацыя дзеясловаў да граматычнай сістэмы сучаснай беларускай мовы. Сучасных англіцызмаў, якія папаўняюць клас дзеясловаў, няшмат. Асновы англамоўных дзеясловаў у новай прымаючай сістэме «беларусізуюцца» з дапамогай сістэмы дзеяслоўных афіксаў.

У беларускай мове асновы запазычаных дзеясловаў афармляюцца пры дапамозе дзеяслоўнага суфікса **-ірава/-ырава**: *мімікрыраваць* (ад англ. *to mimicry*), *сканіраваць* (ад англ. *to scan*), *прамаціраваць* (ад англ. *to promote*), *інсталіраваць* (ад англ. *to install*) і інш. Значна радзей у афармленні дзеясловаў выкарыстоўваецца суфікс **-ава**, напрыклад, *рэміксаваць* (ад англ. *to remix*).

Таксама частотным становіцца афармленне дзеяслоўных англамоўных асноў з дапамогай суфіксаў **-і** і **-а**. Такія дзеясловы адносяцца да субстандарту і функцыянуюць у маўленні сучаснай моладзі ці адносяцца да камп'ютарнага жаргону: *апгрэйдзіць* (ад

англ. *to upgrade*), *флудзіць* (ад англ. *to flood*), *троліць* (ад англ. *to troll*), *лайкаць* (ад англ. *to like*) і інш.

У рэдкіх выпадках асваенне англамоўных дзеясловаў адбываецца таксама прэфіксальна-суфіксальным (заскрыніць (ад англ. *to screen*) ці прэфіксальна-суфіксальна-постфіксальным спосабамі, напрыклад, *зalogініцца* (ад англ. *to log in*)).

Нельга не адзначыць, што англамоўныя дзеясловы, трапляючы ў новае моўнае асяроддзе, губляюць граматычныя катэгорыі мовы-донара і арганічна ўключаюцца ў склад новых катэгорый, уласцівых дзеясловам прымаючай беларускай мовы. Так, напрыклад, як і спрадвечна беларускія дзеясловы, дзеясловы-англіцызмы ўключаюцца ў граматычную катэгорыю трывання, з дапамогай прэфіксаў утвараюцца дзеясловы закончанага трывання: *адсканіраваць* < *сканіраваць*, *зарэміксаваць* < *рэміксаваць*. Афармленне англійскага дзеяслова *інсталіравацца* постфіксам **-ца** (*інсталіравацца* < *інсталіраваць*) сведчыць аб яго ўключэнні ў катэгорыю зваротнасці і г.д.

Такімі чынам, праведзены аналіз моўнага матэрыялу выявіў, што найноўшыя англамоўныя запазычаныя арганічна ўліваюцца ў граматычную сістэму сучаснай беларускай мовы і падпарадкоўваюцца асноўным заканамернасцям яе граматычнага ладу. Граматычная адаптацыя англіцызмаў ажыццяўляецца ў рамках традыцыйных механізмаў асваення запазычанняў: англіцызмы ўключаюцца ў граматычныя катэгорыі беларускай мовы і афармляюцца адпаведнымі фармальнымі паказчыкамі. У адзінкавых выпадках адбываецца поўнае граматычнае пераасэнсаванне і лексікалізацыя англіцызмаў. Пры гэтым англамоўныя запазычаныя таксама ўплываюць на граматычную сістэму прымаючай беларускай мовы. Уплыў запазычанняў выяўляецца ў актыўным функцыянаванні ў мове высокапрадуктыўных аналітычных словаўтваральных мадэляў, калі назоўнік з атрыбутыўным значэннем (аналітычны прыметнік) ставіцца перад назоўнікам, які ён азначае.

Скарачэнні

1. БРТСНЧЗС – Уласевіч В.І. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў. Мінск : Аверсэв, 2013. 253 с.
2. CD – Collins Dictionary. URL: <https://collinsdictionary.com> (дата обращения: 04.03.2021).
3. N-K – Беларускі N-корпус. URL: <https://bnkorus.info> (дата обращения: 08.04.2021).

* * *

1. Лукашанец А.А. Праявы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму // Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне : XVI Міжнар. з'езд славістаў, Бялград, 19–27 жн. 2018 : тэат. блок. Мінск : Права і эканоміка, 2019. С. 4–15.
2. Савасцюк М.Л. Полісемантычныя англамоўныя запазычэнні ў мове сучаснай беларускай публіцыстыкі // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. філалогія. 2017. № 1. С. 98–105.
3. Гринев С.В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М. : Наука, 1982. С. 108–135.
4. Станкевіч А.А. Мова і грамадства: міжмоўныя кантакты і лексічнае ўзаемадзеянне ў беларускіх народных гаворках. Мінск : РІВШ, 2012. 220 с.
5. Кавалёва Л.Я. Англіцызмы ў тэрміналогіі сучаснай беларускай літаратурнай мовы : манаграфія. Гродна : ГрДУ, 2007. 186 с.
6. Воробьева С.В. Системно-структурные преобразования семантики слова в процессе лексического заимствования (на материале новейших англицизмов в русском языке) : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2003. 156 с.
7. Даўгілевіч Н.М. Новыя нарматыўныя слоўнікі беларускай мовы: спрэчныя пытанні // Беларуская лінгвістыка. Мінск : НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. 2010. № 65. С. 123–127.
8. Воробьева С.В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2009. № 5(42). С. 178–186.
9. Баханькоў А.Я. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад агул. рэд. А.Я. Баханькова. Мінск : АН Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я.Коласа, 1994. 463 с.
10. Мишурная Ю.В. Английские заимствования в роли аналитических прилагательных в современном белорусском языке // Альфа-2020: сб. науч. статей IV международной научно-практической интернет-конференции молодых исследователей. Гродно : ГрГУ, 2020. С. 661–665.
11. Zemská E. Aktivnye processy v russkom slovoobrazovanii našego vremeni // Acta Neophilologica. 2006. № 8. S. 9–21.
12. Карпіловська Є. Тенденції розвитку сучасного українського лексикону: чинники стабілізації інновацій // Українська мова. 2007. № 4. С. 3–15.
13. Маринова Е.В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 628–630.

KORONASLOVÁ AKO NOVÁ SÚČASŤ (MEDIÁLNEHO) JAZYKA
СЛОВА О КОРОНАВИРУСЕ КАК НОВАЯ ЧАСТЬ ЯЗЫКА МАССМЕДИА
CORONAVIRUS WORDS AS A NEW PART OF (MEDIA) LANGUAGE

© 2021

S. Pitoňáková

С. Питонакова

S. Pitonakova

Pandémia koronavírusu zasiahla nielen do našich životov, ale aj do oblasti mediálnej komunikácie, v rámci ktorej sa informácie vymieňajú najčastejšie (i keď nielen) prostredníctvom jazyka, pričom autor sa snaží tematiku priblížiť cieľovým recipientom čo najpriateľnejšie, najrozumiteľnejšie a zároveň primerane zaujímavo. Obohacovanie jazyka o nové slová je prirodzenou súčasťou vývinu jazyka. Je to obraz živosti jazyka a zároveň odraz nielen rôzne intenzívnych kontaktov s inými jazykovými spoločnosťami, ale aj aktuálnej situácie – spoločenskej, kultúrnej, politickej aj vedecko-technickej. Pre obdobie pandémie koronavírusu je príznačný nárast používania dovtedy menej často používaných slov a tiež nárast úplne nových tzv. koronaslov v každodennej komunikácii aj v mediálnych naratívach. Cieľom článku je reflektovať aktuálnu situáciu prostredníctvom zmapovania nových „koronaslov“ prezentovaných v rôznych mediálnych komunikátoch.

Ключевые слова: koronavírus; jazyk; mediálny komunikát; „koronaslová“.

Пандемия коронавируса повлияла не только на нашу жизнь, но и на сферу средств массовой информации, в которой чаще всего (хотя и не только) обмениваются информацией на языке. Обогащение языка новыми словами – естественное развитие языка. Это картина живости языка и в то же время отражение не только различных интенсивных контактов с другими языковыми сообществами, но и текущей ситуации – социальной, культурной, политической и научно-технической. Период пандемии коронавируса характеризуется увеличением использования ранее реже употребляемых слов, а также увеличением количества совершенно новых слов о коронавирусе в повседневном общении, а также в текстах СМИ. Цель статьи – отразить текущую ситуацию путем сопоставления новых слов о коронавирусе, представленных в различных средствах массовой информации.

Ключевые слова: коронавирус; язык; медиа-коммуникация; слова о коронавирусе.

The coronavirus pandemic has affected not only our lives, but also the field of media communication, in which information is most often (though not only) exchanged through language, whereas the author tries to introduce the topic to the target recipient as acceptable, understandable and reasonable as possible and at the same time in an appropriately interesting way. Enriching language with new words is a natural development of language. It is an image of the liveliness of language and, at the same time, a reflection of not only various intensive contacts with other linguistic communities, but also of the current social, cultural, political, and scientific-technical situation. The period of the coronavirus pandemic is characterized by the increase in the use of so far less frequently used words and also completely new words, so-called “coronas”, in everyday communication, as well as in media narratives. The aim of the article is to reflect the current situation by mapping new “coronavirus words” presented in various means of media communication.

Keywords: coronavirus; language; media communication; “coronavirus words”.

Pre obdobie pandémie koronavírusu je príznačný nárast používania dovtedy menej často používaných slov a tiež nárast úplne nových tzv. koronaslov v každodennej komunikácii aj v mediálnych naratívach. Cieľom článku je reflektovať aktuálnu situáciu prostredníctvom zmapovania nových „koronaslov“ prezentovaných v rôznych mediálnych komunikátoch.

Metodológia.

V mediálnom prostredí – predovšetkým v oblasti spravodajstva – je evidentná snaha čo najrýchlejšie poskytnúť recipientovi čo najpresnejšiu informáciu a najaktuálnejšiu (komplexnú) informáciu o vybranej téme (v printovej, zvukovej alebo audiovizuálnej podobe). V priestore médií je najrozšírenejšia forma komunikácie prostredníctvom jazyka (v zmysle

štrukturalistického pohľadu teda komunikácia prostredníctvom (znakových – jazykových symbolov), ale pri komplexnom posudzovaní mediálneho diskurzu je potrebné zohľadňovať aj konkrétnu tematickú oblasť, ako aj spoločenské a sociálne determinanty. Jazyková podoba (predovšetkým výber slov v mediálnych komunikátoch) je teda vyústením vzájomnej interakcie médií a ich používateľov – v spoločnosti sa etablujú slová používané v mediálnych komunikátoch a zároveň tvorcovia mediálnych obsahov používajú lexiku pochádzajúcu z prostredia bežných používateľov jazyka (a teda niekedy aj hovorovú).

Predmetom skúmania boli rôznorodé mediálne komunikáty zverejnené v online prostredí slovenských médií a zároveň aj diskusie týkajúce sa týchto komunikátov. Zaujímalo nás aj to, aké slová súvisiace s pandémiou vystupujú do popredia vo vybranej cieľovej skupine respondentov.

Na pozadí mediálnych naratívov predovšetkým v spravodajskom a publicistickom prostredí sme mapovali:

- 1) zvýšený výskyt dovtedy známych, ale málo používaných (odborných) slov,
- 2) výskyt nových slov súvisiacich s pandémiou koronavírusu.

Základným výskumným cieľom bolo overiť prítomnosť nových „koronaslov“ v mediálnych komunikátoch, nateraz bez detailnej identifikácie frekvencie ich výskytu, identifikovať výrazy charakterizujúce jednotlivé obdobia pandémie. Zaujímali sme sa aj o významové posuny vybraných slov v novej komunikačnej situácii. Sekundárnym cieľom bolo poukázať na živosť slovenského jazyka a hravosť, kreativnosť jeho používateľov, čo sa prejavuje aj v mediálnych komunikátoch bez ohľadu na ich ne/spisovnosť, pretože „ak nové slová používatelia potrebujú, tak sú spisovné.“ [1]

Výsledkom je identifikácia (nových) lexém, ktoré sa postupne, prirodzeným spôsobom, stali súčasťou nielen hovorovej komunikácie, ale aj mediálnych komunikátov, verejných výstupov..., zmapovanie slov charakterizujúcich obdobie pandémie (chron-

logicky, na mesačnej báze) a ich ukotvenie v rámci tzv. koronajazyka (definujeme ako špecifický jazyk používaný v období pandémie). Keďže ide o špecifické, mimoriadne a ešte neukončené obdobie, nie je možné uvedené výsledky považovať v tejto chvíli za komplexné a definitívne.

„Koronaslovo“ definujeme ako:

- 1) lexému významovo a vecne spojenú s výrazom „korona“ a „Covid“,
- 2) slovo aktuálne, vecne alebo príznakovo používané v súvislosti s pandémiou koronavírusu.

V rámci prieskumu sme identifikovali, že zvýšená frekvencia koronaslov sa viaže k niekoľkým tematickým okruhom a špecifickej oblasti pozdravov v komunikácii (tzv. 3 O + P):

1. Ochorenie COVID-19 a s ním súvisiace spôsobené koronavírusom SARS-CoV-2 (koronavírus 2).
2. Osobné ochranné pomôcky a ďalšie prostriedky preventívne pôsobiace voči infekcii.
3. Opatrenia súvisiace obmedzeniami života občanov/spoločnosti.

Samostatnou kapitolou sú pozdravy, ktoré sa významne zmenili na úrovni neverbálnej komunikácie (nemožnosť podania rúk, objatia, bozku...), ako aj na verbálnej úrovni. Neoficiálne aj oficiálne pozdravy pri lúčení (Dovidenia! Do skorého videnia! Zbohom! Čau!) sú v komunikácii často nahrádzané frekventovaným pozdravom Bud'/te (Zostaňte) zdravý/í! Bud'/te negatívny/í!)

Vstup koronaslov do slovenského jazyka aj do slovenského mediálneho prostredia.

Infekčné ochorenie s názvom COVID-19 spôsobené vírusom SARS-CoV-2 (koronavírus 2) sa podľa dostupných informácií začalo šíriť v čínskom Wu-chane v roku 2019. Na území Slovenskej republiky bol prvý prípad potvrdený 6. marca 2020, celosvetová pandémia spôsobená spomínaným vírusom bola Svetovou zdravotníckou organizáciou vyhlásená o 5 dní neskôr. Na pandémiu takých rozmerov sme neboli pripravení a neboli na ňu pripravené ani médiá, ktoré sa okrem rôznych ekonomických dopadov ako dôsledku krízy museli už od jej počiatku

vyrovnať predovšetkým s enormným spoločenským dopytom po kvalitných informáciách a teda okamžite prinášať kvalitné informácie týkajúce sa obsahovo mimoriadne náročnej témy.

V počiatkoch pandémie bola situácia nielen neočakávaná, ale aj neprehľadná prejavilo sa to aj v mediálnych obsahoch. Postupne prichádzali informácie z Číny, ale ešte 29.1.2020 sme v slovenských médiách čítali článok s titulkom „Opatrný optimizmus: Investori panikária, ale koronavírus zatiaľ nevyzerá ako čierna labuť. (...) A hoci sa v tomto momente dajú ekonomické náklady len ťažko vyčíslieť, koronavírus bude mať podľa analytikov iba malý vplyv na globálnu ekonomiku, a s najväčšou pravdepodobnosťou pôjde o dopad krátkodobý.“ [2]

Už o niekoľko týždňov neskôr médiá prinášajú celkom iné titulky, ktoré kopírujú aj mediálne nazeranie na situáciu: Čierna labuť sa vrátila. Hrozí najväčšou ekonomickou krízou našej doby. [3]

V médiách začali rezonovať témy z oblasti zdravotníctva, ktorému sa dovtedy nevenovala až taká významná pozornosť, do popredia vystupovali odborníci (epidemiológovia, hygienici, dátoví analytici...), o ktorých sa do vzniku pandémie v mediálnom priestore príliš nehovorilo a do nášho každodenného jazyka sa doslova pretlačili slová, ktoré sme dovtedy používali ojedinele (rúško) alebo vôbec (COVID).

Samotné ochorenie, s ním súvisiace následky a opatrenia naprieč celou spoločnosťou, sa stali nosnou témou bežného života občanov a nadhlo aj nosnou témou naprieč celým mediálnym priestorom. Mimoriadne stúpil záujem o niektoré mediálne obsahy – predovšetkým spravodajstvo a diskusné relácie. Rekordnú sledovanosť dosahovali predovšetkým televízie. [4] Nadpriemernú sledovanosť dosahovali globálne informačné platformy, naopak predajnosť printových médií postupne klesla, niektoré printové médiá pre nedostatok finančných zdrojov plynúcich z inzercie dokonca zanikli.

Dopyt po informáciách bol zo strany recipientov predovšetkým v prvých týždňoch enormný. Novinári prinášali obrovské množ-

stvá informácií o počte nakazených, spôsobe šírenia, liečenia ochorenia... Mediálny záujem o túto tému bol vyšší aj v porovnaní s inými epidémiami. „Len počas januára 2020, čo bol vôbec prvý mesiac, kedy na svet prenikli informácie o prítomnosti novej, v tom čase ešte epidémie, bolo zaznamenaných viac ako 41-tisíc v anglickom jazyku publikovaných tlačených spravodajských článkov, kde sa objavilo slovo koronavírus. Takmer 19-tisíc článkov malo toto slovo dokonca zahrnuté vo svojom titulku. Len pre porovnanie, v auguste 2018, kedy bola vyhlásená epidémia eboly, zaznamenaných bolo asi 1 800 anglických tlačených spravodajských článkov, pričom toto slovo sa dostalo do asi 700 nadpisov.“ V takýchto krízových momentoch sa totiž objavuje aj úroveň spoločenskej zodpovednosti voči verejnej bezpečnosti – kolektívnemu zdraviu. Práve zodpovednosť sa zdala byť aj v časoch koronavírusu dôležitá, keďže len podľa štúdie Global Web Index až 68% ľudí hľadalo informácie a aktualizácie týkajúce sa koronavírusu na internete.“ [5, s. 103]

V slovenskom mediálnom prostredí realizovala výskum FMK UCM v Trnave s nasledujúcimi výsledkami: „V slovenských médiách bolo v minulom roku publikovaných takmer 518 000 príspevkov na tému „COVID-19“ a „koronavírus“. Najviac príspevkov bolo publikovaných v onlinových médiách (451 680), nasledovali printové médiá (38 098) a agentúrne spravodajstvo (13 769 agentúrnych správ). V televíznom vysielaní bolo odvysielaných 11 583 a v rozhlasovom vysielaní 2 761 príspevkov.“ [6]

V reakcii na pandémiu sa v mediálnom prostredí, ako aj v jazyku bežných používateľov začali vyskytovať nové slová spojené s aktuálnou situáciou – označili sme ich ako koronaslová. Pandémia koronavírusu má dopad aj na jazyky, ktoré (nechcane a nečakane) obohatila o desiatky nových slov. Napríklad v Českej republike bol realizovaný zaujímavý počin, keď výskumníci vytvorili wordcloud slov, ktoré boli v mediálnom priestore v sledovanom období (7. – 12. 2020) použité prvýkrát. „...v rámci každodennej aktualizácie slovníka rozpoznávania Beey

spracovali celkom 18 756 televíznych a rozhlasových relácií. V nich našli 178 826 výskytov nových slov. (...) Najviac výskytov má v tomto ohľade podstatné meno koronavírus (42 180) a od neho odvodené prídavné meno Koronavírusová (6 172). S rozširovaním vírusu súvisí tiež alternatívny názov ochorenia Covid (13 144 zmienok) a od neho odvodené adjektívum covidový (325 výskytov).“ [7]

Aj slovenský jazyk pandémie koronavírusu obohatila. V médiách aj v bežnej komunikácii sa začali intenzívne používať slová, ktorá boli známe aj pred pandemiou, ale v bežnej komunikácii ako aj v prostredí médií sa vyskytovali menej často (vírus, pandémia, rúško, dezinfekcia, respirátor, rukavice, ochranný oblek...). Zároveň vzniklo mnoho zložených slov, ktorých základ tvorí slovo korona (koronavírus, koronapríznyky, koronakríza, koronatestovanie, koronaočkovanie, koronapanika, koronaprázdniny, koronadovolenka, koronasezóna, koronastyle, koronaúčes, koronalieky, koronapárty...).

Ďalšou skupinou slov sú novotvary so slovotvorným základom „covid“ (covid automat, covid mapa, covid pass, covid príznaky, covid test, covid semafor...).

Bohatosť slovenského jazyka a tvorivosť Slovákov a Sloveniek sa prejavila v bežných prehovoroch, ale aj v rôznych diskusiách v online priestore. Pod vplyvom náročnej (psychicky, fyzicky...) situácie funguje predovšetkým v online priestore mnoho novotvarov spadajúcich do oblasti nespisovnej lexiky. Zaevidovali sme aj slová – covidiot/koronaaidiot (človek, ktorý nedodržiava opatrenia), covidkovia (osoby infikované koronavírusom), zarúškovať sa (nasadiť si rúško, nosiť rúško), ale aj iné podoby slova rúško (rúcho – ako vyjadrenie negatívneho vzťahu k odporúčanému prostriedku osobnej ochrany). Okrajovo je možné spomenúť aj

výskyt vulgárnych slov, ktorých slovotvorný základ tvorí slovo najčastejšie slovo korona.

Ďalšou časťou sú slová a slovné spojenia, ktorých súčasťou je pandémia. V nadväznosti na pandemickú situáciu vznikla aj špecifická „pandemická mediálna produkcia“. Zaznamenali sme spojenie – pandemický seriál (napr. česká mediálna odpoveď na tzv. pandemické filmy – pandemický seriál *Láska v čase korony*, americký televízny seriál *Globálna pandémia*, RTVS pripravila dokumentárny cyklus *Pandémia SK...*

Našu pozornosť sme orientovali predovšetkým sa spravodajské a publicistické mediálne obsahy a na základe ich sledovania sme vytvorili príklady koronaslov podľa definovaných tematických oblastí:

1. Ochorenie COVID-19 spôsobené koronavírusom SARS-CoV-2 (koronavírus 2) a výrazy spojené priamo s ochorením a jeho liečbou – koronavírus, COVID-19, COVID oddelenia (alebo Červené zóny), remdesivir, ivermectin, kyslík, pľúcny ventilátor, infikované osoby, nakazené osoby...

2. Osobné ochranné pomôcky a ďalšie prostriedky preventívne pôsobiace voči infekcii – rúško, odstup, rukavice, karanténa, ochranný štít, respirátor, ochranný oblek...

3. Opatrenia súvisiace obmedzeniami života občanov/spoločnosti – pandemické opatrenia (celoplošné/lokálne) testovanie, núdzový stav, mimoriadny stav, lockdown, home office, koronaprázdniny, pandemická (karanténna) PN, pandemická OČR, MOM-ka (mobilné odberové miesto)...

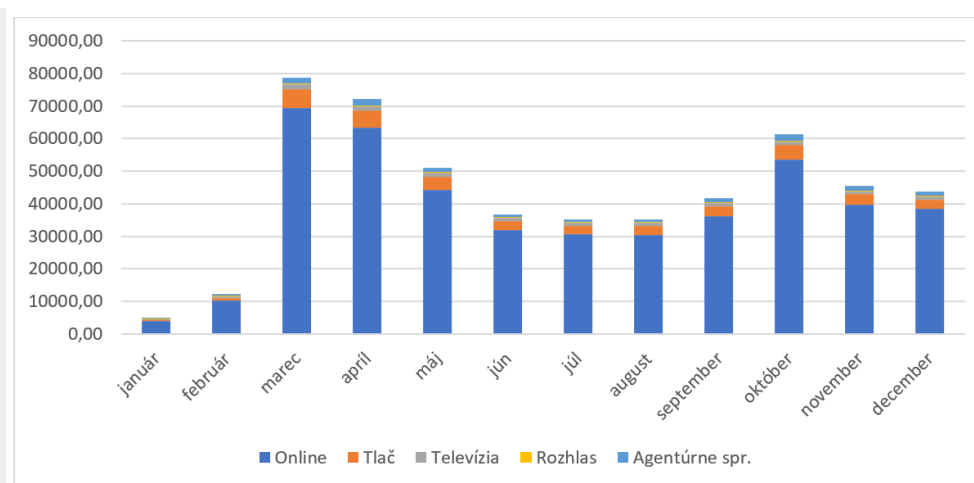
V nasledujúcej časti je v mesačných intervaloch uvedený vývoj pandémie prostredníctvom (pod)tém, slov, slovných spojení mapujúcich aktuálnu epidemiologickú situáciu tak, ako sa postupne objavovali v mediálnych komunikátoch.

Používanie koronaslov na časovej osi

Prílev (nových) jazykových jednotiek – začiatok ich intenzívnejšieho používania (nie prvé použitie slova) znázornený na časovej osi.
1. Január 2020 – koronavírus (niekedy skrátaná neformálna podoba – korona), COVID-19, Wu-chan, Čína, krízový štáb, hlavný hygienik...
2. Február 2020 – koronavírus, COVID-19, pendler, lyžiari, dovolenka...
3. Marec 2020 – prvý prípad, pozitívny test, ochranné pomôcky, testovacie súpravy, rúško, dezinfekcia, odstup (ruky), rukavice, karanténa, samoizolácia, hraničné kontroly, zrušené medzinárodné lety, núdzový stav, mimoriadny stav, lockdown, pandémie, home office (práca z domu), koronaopatrenia, pandemická (karanténna) PN, pandemická OČR, protipandemické opatrenia, prvá vlna pandémie, PCR testy, permanentný krízový štáb, konzílium odborníkov, trasovanie, prvá obeť, COVID pavilón, COVID zóna, červená zóna, pandemické lôžka, koronapanika, samoizolácia, prvá vlna...
4. Apríl 2020 – prvá fáza uvoľňovania opatrení, hoax, konšpiračná teória, kurzarbeit, koronatéma, koronadiskusie, korona.gov (názov domény)...
5. Máj 2020 – druhá, tretia, štvrtá fáza uvoľňovania opatrení...
6. Jún 2020 – piata fáza uvoľňovania opatrení, priaznivá epidemiologická situácia, test na protilátky, dovolenka...
7. Júl 2020 – uvoľňovanie opatrení...
8. August 2020 – druhá vlna pandémie, semafor (klasifikácia okresov podľa aktuálnej epidemiologickej situácie – zelený, oranžový, červený), druhá vlna...
9. September 2020 – rekord (v dennom prírastku nakazených)...
10. Október 2020 – celoplošné testovanie, antigénové testy...
11. November 2020 – plošné testovanie, mobilné odberové miesta...
12. December 2020 – COVID automat (sedem fáz označovaných od zelenej po čiernu farbu podľa epidemiologickej situácie), (prvá, druhá dávka), očkovanie, vakcína (plus rôzne názvy), bublina...
13. Január 2021 – nový variant koronavírusu...
14. Február 2021 – mutácie koronavírusu, nežiadúce účinky po očkovaní, COVID pass...
15. Marec 2021 – tretia vlna, respirátor...

Nečakane dlhé obdobie pandémie so všetkými dopadmi na spoločnosť aj jednotlivcov sa postupne odrazili v miere záujmu o tému, médiá sa témou naďalej zaoberali/zaoberajú, ale intenzívnejšie riešia špecifické podtémy súvisiace s pandemiou tak, ako postupne rezonovali v spoločnosti (možno

pozrieť vyššie). „Najviac príspevkov bolo publikovaných v marci, kedy sa na Slovensku potvrdil prvý pozitívny prípad ochorenia COVID-19 a apríli. Počet mediálnych výstupov v nasledujúcich mesiacoch postupne klesal. Nárast môžeme vidieť opätovne v októbri.“ [8]

Počet mediálnych výstupov za obdobie 1. 1. – 31. 12. 2020. Zdroj: vlastné spracovanie FMK UCM (údaje: MONITORA, 2021) [9]

hovorového slova (ad hoc používaného v spoločnosti) pôsobí (ak je vhodne použité) dôveryhodnejšie, približuje redaktora recipientovi.

Médiá sú v čase krízovej situácie zdrojom dôležitých informácií, môžu ovplyvňovať správanie a konanie ľudí. Z tohto dôvodu je nevyhnutné, aby mimoriadnym spôsobom dbali na vhodný výber slov a konštrukciu naratívu s akcentom na objektívne a plnohodnotné informovanie. V tomto kontexte môžeme v závere príspevku pripomenúť dve dôležité témy – (pandemické/korona) hoaxy a (pandemické) titulky, pričom každá z nich si vyžaduje veľkú pozornosť a samostatné spracovanie. Nedostatočne pripravená informácia, dezinterpretácia faktov, manipulatívne či zbytočné hyperbolizácie titulkov môžu vyvolať

negatívne a v niektorých prípadoch neočakávané reakcie recipientov, čo sa môže prejaviť negatívnym dopadom vo vzťahu k jednotlivcom alebo spoločnosti (správanie, konanie). „Dôverčivosť pri falošných správach sa zvyšuje so zvyšujúcou sa expozíciou a časom sa predlžuje.“ [10, s. 6] Zvlášť v dobe internetu je dôležité na uvedené myslieť, nakoľko „internet sa stal dobrým partnerom, ale aj silným konkurentom „tradičných“ médií. To mu v súčasnosti zaisťuje pozíciu mimoriadne populárneho komunikačného prostriedku viazaného na mladých a generácie mediálneho publika stredného veku.“ [11, s. 16] Nevhodný výber slov môže v krízových situáciách významne prispieť ku kvalite spravodajskej a publicistickej informácie a môže ovplyvniť rozhodovanie a konanie ľudí.

* * *

1. Rybárová, E.: Jazykovedkyňa: Ak nové slová používatelia potrebujú, tak sú spisovné. [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <<https://plus.sme.sk/c/22416314/jazykovedkyňa-sibyla-mislovicova-korona-i-koronovy-su-spisovne-slova.html>>.

2. Theconversation; Marketwatch: Opatrný optimizmus: Investori panikária, ale koronavírus zatiaľ nevyzerá ako čierna labuť. [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <<https://Openiazoch.Zoznam.Sk/Cl/201314/Opatrny-Optimizmus-Investori-Panikaria-Ale-Koronavirus-Zatial-Nevyzera-Ako-Cierna-Labut>>.

3. Trend.sk [online]. [2020-18-04]. Dostupné na: <<https://www.trend.sk/spravy/cierna-labut-2vratila-hrozi-najvacsou-ekonomickou-krizou-nasej-doby>>.

4. E.Dennik.sk [online]. [2020-18-04]. Dostupné na: <<https://e.dennik.sk/minuta/1855060>>.

5. Mathiasová, A.: Availability of Online News During the COVID-19 Pandemic Marketing Identity: COVID-2.0. Trnava: FMK UCM. 2020. ISBN 978-80-572-0108-3. DUCHARME, J.: News Coverage of Coronavirus in 2020 is Very Different Than it Was For Ebola in 2018. (Dostupné na: <<https://time.com/5779872/coronavirus-ebola-news-coverage/>>) [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <<https://fmk.sk/download/Marketing-Identity-2020-SK.pdf>>. S. 98–109

6. FMK UCM v Trnave: Rok 2020 v médiách a výsledkoch vyhľadávania. Čo si Slováci googlili najviac? [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <<https://fmk.sk/rok-2020/>>.

7. Volná, V.: Záplava koronaslov ve slovníku rozpoznávače Beey. [online]. [2021-08-03]. Dostupné na: <<https://www.newtontech.net/cs/blog/18568-zaplava-koronaslov-ve-slovníku-rozpoznávace-beey/>>.

8. FMK UCM v Trnave: Rok 2020 v médiách a výsledkoch vyhľadávania. Čo si Slováci googlili najviac? [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <<https://fmk.sk/rok-2020/>>.

9. FMK UCM v Trnave: Rok 2020 v médiách a výsledkoch vyhľadávania. Čo si Slováci googlili najviac? [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <<https://fmk.sk/rok-2020/>>.

10. Fielden, A. – Grupač, M. – Adamko, P.: How users validate the information they encounter on digital content platforms : the production and proliferation of fake social media news, the likelihood of consumer exposure, and online deceptions. In: Geopolitics, History, and International Relations. New York: Addleton Academic Publishers. ISSN 1948-9145. Roč. 10, č. 2 (2018). S. 51–57. [online]. [2021-18-03]. Dostupné na: <https://www.researchgate.net/publication/329282234_How_users_validate_the_information_they_encounter_on_digital_content_platforms_The_production_and_proliferation_of_fake_social_media_news_the_likelihood_of_consumer_exposure_and_online_deceptions>.

11. Višňovský, J. – Radošinská, J.: Online Journalism: Current Trends and Challenges. 2017. In: The Evolution of Media Communication / edited by Beatriz Peña Acuña. - 1. vyd. - Rijeka : InTech, 2017. ISBN 978-953-51-3197-7, [online]. [2021-08-03]. Dostupné na: <https://www.academia.edu/44083494/online_journalism_current_trends_and_challenges>. S. 3–22.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Slavic Language Awareness Within Cognitive Framework

УДК 811.162

W CO BYŁY WYPOSAŻONE SAROGRODZKIE KUCHNIE?
(NA PODSTAWIE KSIĄŻKI „ГОТВАРСКА КНИГА” ПЕТКА СЛАВЕЙКОВА)

ЧЕМ БЫЛИ ОСНАЩЕНЫ ЦАРИГРАДСКИЕ КУХНИ?
(НА ОСНОВЕ КНИГИ «ГОТВАРСКА КНИГА» ПЕТКА СЛАВЕЙКОВА)

WHAT WERE TSAROGRAД KITCHENS EQUIPPED WITH?
(BASED ON THE BOOK “ГОТВАРСКА КНИГА” BY PETKA SLAVEJKOV)

© 2021

M. Walczak-Mikołajczakowa

М. Валчак-Миколайчакова

M. Valchak-Mikolaychakova

Материальной основой статьи является лексика, извлеченная из книги Петки Славейкова «Готварска книга, или Наставления за всякакви гостбы според както ги правят в Цариград и разны домашны справы събраны от разны книги», изданной в 1870 году, которую принято считать первой болгарской кулинарной книгой. Знаменитый писатель представил кулинарную панораму Стамбула второй половины девятнадцатого века, давая также исторические свидетельства о кухонных приборах, способах их использования и действиях, которые можно было бы выполнять с их помощью. Автор обсуждает лексемы, относящиеся к кухонному оборудованию, их происхождение и способ использования, указывая на их жизнеспособность в современном болгарском языке. Турецкие названия кухонной утвари так глубоко укоренились в болгарском языке, что выжили, несмотря на многие десятилетия пуристской лингвистической политики и очищение болгарского языка от заимствованных из Османской империи слов.

Ключевые слова: кулинарная книга; кухонное оборудование; лексика; заимствования; жизнеспособность заимствованных слов.

The material basis of the article is the vocabulary extracted from the book «Готварска книга, или Наставления за всякакви гостбы според както ги правят в Цариград и разны домашны справы събраны от разны книги» by Petek Slavejkov published in 1870, which is usually regarded as the first Bulgarian cookbook. The famous writer presented the culinary panorama of Istanbul in the second half of the 19th century, giving also historical testimony to kitchen utensils, ways of using them and activities that could be performed with their help. The author discusses lexemes relating to kitchen equipment – their origin and method of use - pointing to their viability in modern Bulgarian. The Turkish names of kitchen utensils were so deeply rooted in Bulgarian that they survived despite many decades of purist linguistic policy and the purification of the Bulgarian language from Ottoman borrowings.

Keywords: cookbook; kitchen equipment; vocabulary; borrowings; the vitality of borrowings.

W roku 1870 ukazała się w Stambule – przez Bułgarów nazywanym Carigradem – książka Petka Sawejkowa zatytułowana „Готварска книга, или Наставления за всякакви гостбы според както ги правят в Цариград и разны домашны справы събраны от разны

книги” [1]. Dzisiaj traktuje się ją jako pierwszą bułgarską książkę kucharską, choć w istocie nie dotyczy ona tradycyjnych bułgarskich potraw, lecz kuchni różnych narodów zamieszkujących wielokulturową stolicę imperium osmańskiego.

„Готварска книга” jest dla historyków języka bułgarskiego interesująca z wielu względów. Petko Sławejkow jako jeden z najważniejszych przedstawicieli inteligencji epoki Odrodzenia Narodowego, nauczyciel, poeta, tłumacz, folklorysta, publicysta i polityk wywierał duży wpływ na poglądy jemu współczesnych dotyczące kształtującego się właśnie wtedy nowobułgarskiego języka literackiego [2, s. 75–83]. Był to wpływ bardzo istotny, gdyż Sławejkow mógł swoją wizję języka propagować nie tylko na łamach wydawanych przez siebie gazet i czasopism, ale także popularyzować ją poprzez przekłady z greki, rosyjskiego i jako tłumacz Pisma Świętego [3, s. 71–103]. W niniejszym artykule nie będzie mnie jednak interesować morfologiczna czy składniowa charakterystyka tekstu, lecz określona grupa leksyki związana z kuchennymi utensyliami.

Wychodzę z założenia, że otaczające człowieka rzeczy są ważne, że mówią wiele o ludziach, społecznościach i kulturach. Nie jestem zresztą odosobniona w tym przekonaniu – od z górą dwudziestu lat w światowej humanistyce nastąpiły zmiany nazywane „zwrotem ku przedmiotom” lub „zwrotem ku rzeczom” (ang. *Return to Things*), można już nawet mówić o ukształtowaniu się związanych z tym nowych metodologii w zakresie filozofii, socjologii, a nawet historii [4 ; 5]. Do językoznawstwa badania utrzymane w metodologii zwrotu ku przedmiotom (szczególnie na polskim gruncie) dopiero się przebijają, a przecież żyjemy otoczeni rzeczami, zatem dzieje człowieka to również dzieje rzeczy, zaś ich zmieniający się w czasie językowy opis (ich sposób nazywania) stanowi integralną część historii każdego języka.

Książka kucharska Sławejkowa zawiera 289 różnego rodzaju przepisów, a oprócz tego porady dotyczące wyboru różnorodnych produktów (szczególnie mięsa i ryb), ich przechowywania i sposobów konserwacji. Współczesnego czytelnika niektóre z zamieszczonych w książce przepisów mogą dziwić, inne wydawać się niezdrowe lub odpychające, jeszcze inne są z dzisiejszego punktu widzenia zbyt pracołłonne. Wszystkie one są jednak świadectwem sztuki kulinarnej uprawianej

w normalnych domostwach dziewiętnastowiecznego Stambułu przez przedstawicieli różnych nacji (Sławejkow opisuje potrawy przyrządzane m.in. na sposób angielski, francuski, holenderski, małoruski, a nawet amerykański). Kuchnia stanowiła obiekt jego zainteresowania, przypuszcza się nawet, że sam był niezłym kucharzem [6], chociaż narracja w książce prowadzona jest w 3.osobie liczby mnogiej (*турятъ, пекжтъ, варятъ*), a sam Sławejkow przyjmuje pozycję obserwatora cudzych poczyńań. We wstępie do nowego¹ wydania książki Rada Banialieva pisze:

Четиридесет и три годишният Славейков е писал книгата си в добро настроение на духа и с познания както в кулинярия, така и по въпроса за влиянието на заситения стомах върху вечно тревожната българска душа [7].

[Czterdziestotrzyletni Sławejkow pisał swoją książkę w dobrym duchowym nastroju, dysponując wiedzą zarówno z zakresu kulinariów, jak i tą, która dotyczy wpływu pełnego brzucha na wiecznie zatrwożoną bułgarską duszę].

Jaki był w rzeczywistości talent kulinarny Sławejkowa trudno powiedzieć, skoro jeden z jego przyjaciół, Swetosław Miłarow, wspominał, że pisarz podejmował go plastrami jabłek zalanymi czerwonym winem, po które sięgało się palcami i przyjemnie chrupało podczas rozmów [7, s. 3]. Nie były to zatem posiłki zbytnio wyszukane. Nawiasem mówiąc, Sławejkow nie podawał ich na stół sam, lecz wykonywała to pomagająca mu w prowadzeniu domu pani K.²

¹ Chodzi o reprint pierwszego wydania „Готварска книга”, który ukazał się w roku 2018 (choć rok ten nie jest nigdzie w książce wskazany). Jest to wydanie specjalne, które kupić można jedynie w bułgarskiej cerkwi pw. Św. Stefana w Stambule. Poza tym książka ta, w uwspółcześnionej wersji językowej była w Bułgarii wielokrotnie publikowana przez różne wydawnictwa, m.in. w roku 1991, 2015 oraz dwukrotnie bez daty wydania.

² Sławejkow mieszkał w Stambule sam, bez żony Iriny.

Kompilując przepisy z najróżniejszych źródeł (ich różnorodność znajduje swoje odzwierciedlenie tak w stylistycznej warstwie języka, jak i w stopniu szczegółowości receptur) bułgarski pisarz stworzył panoramę kulinarnego Stambułu drugiej połowy XIX wieku, a niejako przy okazji – gdyż nie poświęcał temu specjalnej uwagi – także świadectwo historyczne dotyczące kuchennych sprzętów, sposobów posługiwania się nimi i czynności, jakie można było z ich pomocą wykonać.

Przepisy pochodzące z „Готварска книга” nie są zbyt szczegółowe, autor używa niekiedy określeń „weź tyle, ile trzeba” (*колкото трѣба*), „biorą sporo” (*избиратъ доста*) albo „wsyp trochę” (*тури малко*), najczęściej zaś pisze jedynie o produktach, zapominając o nazwaniu naczynia, w jakim należałoby daną potrawę przygotować. Podobnie jest z innymi narzędziami – Sławejkow nazywa czynność, jaką należy wykonać, ale nie wspomina przy pomocy jakiego przyrządu się to robi (por.: *Колкото юфкы ще трѣбатъ толкози тѣсто замѣсватъ съ малко соль*, s. 44), uważając za pewne, że są to rzeczy ogólnie wiadome.

Kiedy jednak nazwanie naczynia jest nieodzowne, pojawiają się różne nazwy, z których większość przetrwała w języku i jest używana także współcześnie. Najogólniejszą nazwą naczyń jaką stosuje jest *сѣждѣ* (l. mn. *сѣждове*) – konsekwentnie zapisywany z podwojoną literą *с*. Naczynia mogą być różnej wielkości, powinny też być wykonane z konkretnych materiałów (drewna, gliny), o czym autor wspomina, kiedy jest to konieczne, por.:

• *Турятъ го въ по-гольмѣ сѣждѣ и го вярятъ* (s. 23).

• *Сетнѣ отдѣлятъ коститѣ ѝ и ѣж нареждатъ въ сѣждове* (s. 23).

• *Половинѣтъ отъ него турятъ въ единѣ сѣждѣ и отгорѣ му нареждатъ попаренѣтъ рыбѣ* (s. 34).

• *В дървен сѣждѣ натуряй единѣ редѣ говеждинѣ, натрупана съ трѣвѣ душицѣ (простѣ риганѣ)* (s. 121).

• *Като ги турятъ въ единѣ прѣстенѣ сѣждѣ, поливатъ ги съ врѣлѣ водѣ* (s. 69).

• *Кѣсоветѣ ги турятъ въ прѣстенѣ (глинянѣ) или дървенѣ сѣждѣ* (s. 96).

• *Турятъ го въ по-гольмѣ сѣждѣ, само бакѣренѣ да не* (s. 194).

• *Сетнѣ зематъ само жѣлтѣкътъ на 50 яйѣца, чалкадисватъ¹ ги въ единѣ сѣждѣ и ги възварятъ твърдѣ малко съ прѣцѣденѣтъ водѣ* (s. 23).

Sławejkow ma świadomość, że rzeczownik *сѣждѣ* jest hiperonimem mogącym zastąpić inne, bardziej szczegółowe nazwy: *Овоцѣя като ябѣлки, крушы и дюлы найлесно се спазватъ, ако ги туришь въ качѣ, чибурѣ или другѣ какѣв да е сѣждѣ плоскѣ и широкѣ* (s. 93).

Ponieważ większość potraw opisywanych przez Sławejkova, to dania powstające metodą obróbki cieplnej, proces ich powstawania odbywa się na piecu lub w piecu (*на пѣчка, въ пѣчка*). Raz tylko pojawia się słowo *фурна* oznaczające piekarnik: *Земѣ та сварѣ цвиклото, или по-добрѣ опеци го въ пепель въ пецѣ (на фурнѣтъ)*, *защото по-лесно му ся обѣля кожата* (s. 90). Piekarnik znajdziemy też w nazwie dania *отъ кѣймѣ фурунѣ кебабѣ* (s. 28), chociaż w opisie mowa znów o piecu: *завиватъ въ неѣж кѣймѣтъ, коѣто турятъ въ единѣ тѣпѣѣж въ пецѣтъ да ся опеце*. Do przygotowania niektórych potraw potrzebny jest też otwarty ogień: *Опърлеватъ на пламѣкътъ нѣколко овчи или ягнешкы крака* (s. 56). Sławejkow opisuje też potrawy, które należało przyrządzać na ognisku w garnku zawieszonym na specjalnym trójnogu nazywanym *пиростѣя* lub *садѣжак* [8, s. 437]. Nazwy te nie były chyba wśród Bułgarów zbyt rozpowszechnione, skoro autor podawał oba synonimy, por.: *Като ся мине*

¹ Czasownika *чалкадисвам* nie odnotowują współczesne słowniki, brak go nawet w *Речник на редки, остарѣли и диалектни думѣ в литературата ни от XIX и XX век*. Pochodzi on od tur. *çalkalmak* ‘wstrząsnąć, rozbełtać’ i oznacza ‘roz mieszać, rozmaćić, rozkłócić, rozbełtać’ [11, s. 58].

2 часа, турятъ го въ еднѣ дълбокѣ тепсиѣ и го варятъ до единѣ часъ и половинѣ на пиростіѣжтѣ (саджакъ) (s. 29); тогаз турятъ еднѣ кадаифенѣ тепсиѣ наопаки на еднѣ пиростія (саджакъ) върху пепелянѣ огньнѣтъ (s. 45)

Aby można było przyrządzić potrawę na piecu, upiec ją, ugotować, udusić lub usmażyć, potrzebne są różnego rodzaju garnki, patelnie, czasami ruszt. Wśród najczęściej wymienianych przez Sławejkova naczyń do gotowania znajdują się *тенджерѣ* ('garnek') i *тава*. Do przygotowania większej ilości potraw, szczególnie płynnych, służył *котель*. Garnki bywały różnej wielkości i rozmaitego przeznaczenia (por. *хелваджійска тенджерѣ* przeznaczona do przygotowywania chałwy). Tę drugą nazwę – *тава* – Słownik bułgarsko-polski tłumaczy jako 'brytfanna, blacha do pieczenia' [9, t. II, s. 1069], jednak taki przekład wydaje się nieprecyzyjny. Używana na Bałkanach *тава* jest naczyniem, jakiego nie znajdziemy w polskiej kuchni – od brytfanny różni ją brak przykrywki, a od blachy kształt i głębokość. Jest to bowiem okrągłe naczynie o dość wysokich brzegach, ale podobnie jak nasze blachy pozbawione uchwyty. Jest ono dość uniwersalne i można w nim wykonywać dość wymyślne dania różnymi metodami (np. podsmażać lub dusić), choć najczęściej na koniec *тава* wstawiana jest do piekarnika i potrawę się zapieka. Przygotowywanym w ten sposób potrawom Sławejkow poświęcił cały rozdział, tytułując go *За ястиѣта които се правятъ въ тавы*. Znajdziemy w nim przepisy na dania zarówno z mięsa, jak i ryb, owoców morza oraz warzyw: *Месо въ тавѣ*, *Скабрица въ тавѣ*, *Миды въ тавѣ*, *Патладжены въ тавѣ*, *Дробъ (джигеръ) въ тавѣ*, *Рыба хамсиѣ въ тавѣ* (s. 41–43).

W garnku (*тенджерѣ*) potrawy są gotowane lub duszone, często pod przykryciem (*подъ капакътъ*).

• *Раздѣлятъ ѣж на двѣ части и заедно съ месото ѣж турятъ въ еднѣ тенджерѣ. Като възери прѣпнѣнятъ ѣж и ѣж снематъ отъ огньнѣтъ* (s. 24).

• *Следъ като извадятъ дробътъ и тѣрбухътъ на агнето, турятъ го въ еднѣ голѣмѣ тенджерѣ цѣличко* (s. 29).

• *Подиръ ги варятъ пакъ заедно съ добръ опраженъ лукъ и съ прѣжтѣ имъ водѣ, като затворятъ добръ капакътъ на тенджерѣжтѣ* (s. 35).

Niekiedy przykrywka musi być uszczelniana, by para z garnka nie wydobywała się na zewnątrz. W tym celu używa się ciasta, a niekiedy uszczelnioną ciastem przykrywkę oblepia się jeszcze papierem, por.: *Тогазъ намѣстятъ направлѣнѣтъ кюфтѣта въ тасътъ и като замажатъ съ тѣсто капакътъ на тенджерѣжтѣ, варятъ го до 1–2 часа* (s. 40); *подиръ замазватъ капакътъ му добръ съ тѣсто и отгоръ залѣпнѣтъ книжъ за да не излѣза никакъ парата му* (s. 35); *като замажатъ съ тѣсто капакътъ на тенджерѣжтѣ, варятъ го до 1–2 часа* (s. 40).

Kolejne dwa naczynia niezbędne do przygotowania potraw to *менсиѣ* i *тасъ*. Słownik bułgarsko-polski tłumaczy je odpowiednio jako: 'blacha do pieczenia' [9, t., II 1078] oraz 'misa' [9, t. II, s. 1072]. Wydaje się jednak, że nie są to tłumaczenia dokładne, w pełni oddające przeznaczenie oraz różnorodność przedmiotów kryjących się pod przytoczonymi nazwami. O ile *менсиѣ* rzeczywiście reprezentuje różne rodzaje i formy blach do zapiekania czegoś (np. *кадаифѣна менсиѣ* jest przeznaczona specjalnie do wypieku słodkości nazywanych *кадаиф*), to Sławejkow używa też określenia *дълбока менсиѣ* i według niego służy ona do przygotowywania potraw w kąpielu wodnej, tzn. wstawia się do niej inne naczynie). Do przygotowania niektórych słodkości *менсиѣ* musi być wyłożona specjalnym papierem: *после зематъ еднѣ сгоднѣ тепсиѣ, постилатъ ѣж съ черчивѣ кехадѣ и турятъ отгоръ тази смѣсъ* (s. 72). *Тасъ* natomiast może pełnić różnorakie funkcje, nie tylko takie, jakie przewiduje się dla misek (np. W cytacie powyżej po przykryciu i uszczelnieniu pokrywki pełni funkcję garnka, w którym gotuje się mięso). Używając słowa

масъ Сławейkow ma zapewne na myśli charakterystyczne dla krajów Azji Mniejszej głębokie miedziane naczynie zwężające się lekko ku górze i wyposażone w uchwyt. Potwierdza to definicja zamieszczona w *Български тълковен речник*:

Тас (пер.-тур.)

1. Дълбока медна паница.
2. Металически съд за гребане вода в баня. Тас-кебап вид яхния с дребни къчета месо. [10, s. 951).

Naczynia określane przez Sławejkova wspólnym mianem *масъ* musiały być zapewne różnorodne, skoro w niektórych miejscach precyzuje ich nazwę poprzez określenie ich przeznaczenia (por. *чорбянъ масъ*, s. 29).

Tak modne od kilku lat w bułgarskich restauracjach *сачове* w drugiej połowie XIX wieku nie były powszechnie znane, skoro pisarz kilkakrotnie używając tego słowa, tłumaczył jego znaczenie albo wyróżniał w druku kursywą:

• *тъсто (...), което като разточатъ, пекътъ на сачъ (връшникъ, желъзна черетя)* (s. 44)

• *ако сачътъ е мъденъ по лесно става* (s. 46)

Nie zdobyły one jednak większej popularności i nie przyjęły się ani w kuchni domowej, ani w dwudziestowiecznych restauracjach. We współczesnych restauracjach (najczęściej w stylizowanych na ludowe) potrawy przygotowywane *на сач* pojawiły się nie wcześniej niż piętnaście lat temu i wszystko wskazuje na to, że zostały zapożyczone z kuchni serbskiej, gdzie zawsze były popularne.

Pewne zdziwienie budzić może fakt, że naczyniem, które tylko raz pojawia się w przepisach zebranych przez Sławejkova jest patelnia. Została ona wymieniona jedynie jako naczynie niezbędne do przygotowania wyjątkowo mało wykwintnej potrawy, nazwanej po prostu *економическа гозба* – mowa o kartoflach smażonych w smalcu: *Наръжи на дребно единъ късъ сланинж и ъж опръжи*

добръ на тиганътъ, послъ ъж тури край огънътъ да не изстива (s. 79). Nieodzwonne natomiast są szpady szpadki do smażenia kebabów (*шиши* i mniejsze *шишичета*).

Często stosowanym w carogradzkich kuchniach przyrządem był młódcierz (*хаванъ*) – w zależności od produktu poddawanego ubijaniu drewniany lub metalowy – oraz stanowiący jego integralną część tłuczek (*токмакъ*). Jeśli tłuczek stanowił odrębne narzędzie, powinien być wykonany z drewna bukszpanowego, co gwarantowało jego twardość, a zarazem trwałość. Proces przygotowywania potrawy nazywanej *кюль-бастия* rozpoczyna się następująco: *Зематъ откъдъ ребрата месо, което ся нарича пръзола, наръзватъ го заедно съ грабнакя, и го биътъ добръ съ чешшировъ токмакъ или въ хаванъ до дъто са поплоци...* (s. 31). Końcowym etapem przygotowanie tego dania było usmażenie mięsa na ruszcie. Ruszt pojawia się w kilku przepisach i nazywany jest tak samo jak współcześnie, tzn. *скарпа*. Raz tylko Sławejkow podaje alternatywny rzeczownik *сковрада*: *Подиръ турятъ ги върху скаржтж (сковрадъ) на умгренъ огънъ и го пръвиватъ често, до дъто се опеке добръ* (s. 31).

Do długotrwałego przechowywania produktów w piwnicach służą naczynia takie jak gliniana *делва* i drewniana *каца* (por. *месото за осоляване го турятъ на пръсолъ аъ делвы или въ качета*, s. 98), rzadziej *бъчовка* lub *бъчевка*¹ 'beczułka' (*да ся набъхти бъчовката съ месото*, s. 109, *затулятъ го и замазватъ го въ бъчевкы съ лютъ (кескынъ) пръсолъ*, s. 110). W takich samych naczyniach przyrządza się również owocowe napoje chłodzące: *Натурватъ зрглы ябълкы въ кацж, заливатъ съ чтстж студенж водж (...)* *напълни съ тгъхъ до горъ еднж отъ шестъ ведра бъчовкж* (s. 165–166).

Spośród sztuców potrzebnych do przygotowania potraw Sławejkow najczęściej wymienia nóż (zwykle zaznaczając, że musi być ostry – *единъ остъръ ножъ*). Co ciekawe, kiedy mówi o krojeniu czegoś, nie wspomina o desce, na której zwykle się tę czynność wykonuje. Deska pojawia się tylko

¹ Sławejkow używa obu wariantów wyrażenia, czasami nawet w obrębie jednego przepisu.

w przepisie na *кебабъ кюфте*, czyli siekane kotleciki – tam jednak nie wymienia narzędzia do siekania (pisze tylko: *Зематъ 1 окж телешко или овчѣ месо (...), кжйдисватъ го добръ на еднж дьскж*, s. 39), choć należy przypuszczać, że mógł to być tasak, do dziś nazywany wyrazem *сатър*¹, zapożyczonym z tureckiego.

Oprócz poza Sławejkow wymienia również łyżkę i łyżeczkę (*лъжица, лъжичка*). W jednym z przepisów pojawia się także *поварейка* – łyżka, zapewne dość sporych rozmiarów, używana do mieszania gotowanych potraw, chochła – a w innym *дървена лопатка*. Łyżki i łyżeczki służą nie tylko do mieszania produktów, są także miarką, którą wyznacza się potrzebną ilość jakiegoś składnika², np. *турятъ му малко месж чорбж, или ако нѣма, нарѣзватъ добръ главж лукъ, опрѣжватъ го съ еднж лъжицж масло* (s. 23).

Produkty odmierza się także za pomocą ceramicznych lub szklanych naczyń – służą do tego *чаши* i *стаканъ*. Szklane naczynia o różnym przeznaczeniu były w stambulskich kuchniach wykorzystywane powszechnie. Sławejkow czasami używa ich konkretnych nazw (*чашиа, бутылка/бутилка*), często jednak stosuje hiperonimiczną, ogólną nazwę *стжкло* (np. *натурватъ ги въ едно голѣмо стжкло*, s. 195), w formie deminutywnej, oznaczającą zapewne słoiki – *стжклета* (por. *турятъ го в стжклета* s. 73).

Wiele składników potraw wymagało przesiewania przez różnego rodzaju sita i rzeszota, również same potrawy na pewnych etapach przygotowania wymagały precedzania. Do wykonywania tych czynności służyły precedzania służą różnego rodzaju przedmioty i tkaniny:

• *Просѣватъ ги прѣзь реиштѣ* (s. 160).

• *Прѣцѣждатъ го [месо] прѣзь рѣшеткж* (s. 64).

¹ *Български тълковен речник* definiuje *сатър* jako: [ар.-тур.] Широко кѣс нож за сечене на месо, кокали и др. [10, s. 855].

² Podobnie jak *ведро*, które nie jest nazwą naczynia lecz miarą ilości cieczy, por. (...) *напълни съ тѣхъ до горѣ еднж отъ шестъ ведра бѣчовкж*.

• *Исцѣди ги прѣзь сито* (s. 179).

• *Истискватъ сокѣтъ прѣзь платно и го прѣцѣждатъ прѣзь фланелж* (s. 188).

• *Като го процѣдятъ прѣзь фланелж или шеякъ* (s. 167).

• *Прѣцѣждатъ прѣзь чистѣ астарѣ*³ (s. 65).

• *Подирѣ истискватъ пѣнжтж на доматытъ прѣзь астарѣ* (s. 67).

• *Прѣцѣждатъ го прѣзь чисто платно* (s. 164).

• *Прѣцѣждатъ сокѣтъ прѣзь платнянж цѣдилкж* (s. 178).

Najstaranniejszej filtracji wymagała rakija, dlatego nalewki precedzano przez jakiś specjalny papier (por. *прѣцѣди ѣж прѣзь хартиѣж*, s. 202). Papier w różnych postaciach bywał w kuchni wykorzystywany w rozmaitych celach: wykładano nim blachy (tzw. *халваджийска хартия*), opakowywano ser przed opieczeniem (*хартия за прозорцытъ*), owijano mięso i inne produkty, a nawet uszczelniano przykrywki garnków (por. *замазватъ капакѣтъ му добръ съ тѣсто, и отгорѣ залѣпятъ книгж за да не излѣза никакъ парата му*, s. 35).

W stambulskich kuchniach wykorzystywane były również igły i nici, których jednak Sławejkow nie nazywa po imieniu (tyko raz, na s. 38 wspomina nici lub sznur – *концы или кжнанѣ*, którymi zaszywa się mięso przyrządzane na sposób francuski), lecz informacje o nich przemycy używając czasownika *зашиватъ*. Mówi natomiast o jakiejś specjalnej igle (nazwanej po prostu *игла*), za pomocą której można się pozbyć pestek z owoców wiśni i czereśni. Możemy

³ *Астар* jest zapomnianym dziś słowem – słowniki (w tym wyrazów obcych oraz *Речник на редки, остарели и диалектни думи...*) odnotowują tylko nazwę ich wykonawcy (*астарджия*), objaśniając ją jako ‘tkacz wykonujący cienkie tkaniny’. W *Słowniku bułgarsko-polskim* jest ona tłumaczona jako ‘podszewka, materiał podszewkowy’ [9, t. II, 1148].

przyпускając, że chodziło o agrafkę (bułg. безопасна игла) – przedmiot do dziś używany przy tego typu pracach.

Podobnie też, jedynie z rodzaju wykonywanej czynności możemy się domyśleć istnienia wałków do ciasta, które wydają się zapewne autorowi książki czymś tak oczywistym, że pisze jedynie *като ги разточатъ* lub *като почне да ся точи* (s. 44, 45). Sławejkow nie wymienia naczyń, w których miesi się ciasto na chleb, chociaż przytacza przepis na kilkanaście rodzajów chleba. Pobieźnie opisuje też sposoby wędzenia mięs i serów, natomiast dość szczegółowo omawia proces budowy piwnic i zimnic, zwracając uwagę na cyrkulację powietrza w nich, zapobiegającą powstawaniu nieprzyjemnych zapachów, pleśnienia itp.

Podsumowując musimy zauważyć, że większość nazw naczyń i przyborów kuchennych użytych przez Petka Sławejkova w pierwszej bułgarskiej książce kucharskiej z 1870 r. jest stosowana do dziś. Kuchenne turczyzmy były w języku bułgarskim tak silnie zakorzenione, że przetrwały mimo kil-

kudziesięciu lat purystycznej polityki językowej i oczyszczania języka bułgarskiego z osmańskich zapożyczeń. Używane na co dzień, wyparły słowiańską leksykę niemal całkowicie, pozostawiając miejsce jedynie dla rodzimego noża, widelca i łyżki. Nawet kiedy zmieniło się tradycyjne wyposażenie kuchni i zostało zastąpione nowoczesnymi garnkami i patelniami, ich nazwy pozostały niezmienione.

Co ciekawe, Sławejkow również dla określenia czynności wykonywanych w kuchniach podczas przygotowywania posiłków używał tureckich czasowników (por. smażyć – *кавжрдисвамъ*; siekać – *кжйдисвамъ*). Te jednak zostały z czasem wyparte przez słowiańskie odpowiedniki i przetrwały jedynie w dialektach. Omówienie czasowników związanych z procesami gotowania, smażenia, marynowania, czyli tym wszystkim, co działo się w kuchni podczas przygotowywania potraw i konserwowania produktów żywnościowych stanie się przedmiotem kolejnego opracowania.

* * *

1. Славейков П. *Готварска книга или наставления за всякаквы гостбы според както ги правят в Цариград и разны домашны sprawy събрани от разны книги*, Цариград : Печатница на Македония, 1870 (reprint 2018. Ямбол : Светлина АД).

2. Walczak M. *Język piśmiennictwa bułgarskiego. Zarys dziejów*. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1998.

3. Solak E. *Nowobułgarska Biblia i jej język*. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 1997.

4. Domańska E. *The Return to Things // Archeologia Polona*. 2006. T. 44. S. 171–185.

5. Marciniak-Kajzer E. *Rzeczy ludzi średniowiecza. W domu*. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020.

6. <http://www.bta.bg/bg/c/BO/id/1869390> (dostęp: 16.02.2021)

7. Банялиева Р. Предговор (В:) *Готварска книга или наставления за всякаквы гостбы според както ги правят в Цариград и разны домашны sprawy събрани от разны книги*. Цариград : Печатница на Македония, 1870 (reprint 2018. Ямбол : Светлина АД).

8. Илчев С. (red.) *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век*. София : БАН, 1974.

9. Sławski F. *Podręczny słownik bułgarsko-polski z suplementem*. T. I–II. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1987.

10. Андрейчин Л., Георгиев С., Илчев С. (red.) *Български тълковен речник*. Изд. 3, София : Наука и изкуство, 1976.

11. Antonowicz-Bauer L., Dubiński A. *Słownik turecko-polski, polsko-turecki*. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1983.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ

IDIOMS ON DRUNKENNESS

© 2021

Г. Джинджолия

G. Dzhindzholia

Статья посвящена изучению фразеологизмов, описывающих состояние опьянения. В ней автор стремится ответить на вопрос, каким образом это состояние осмысливается в русской народной культуре.

«Хмельные» фразеологизмы отражают традиционные народные представления о том, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует, говорит и действует в этом состоянии.

В состоянии опьянения изменяется восприятие и категоризация мира, и то, что обычно оценивается негативно, может получить позитивную оценку. Человек в состоянии опьянения лишается памяти, становится «думным», теряет контроль над речью и не способен связно говорить, может «увидеть» злых духов и оказаться под их влиянием; у него нет страха, боязни нежелательных для него последствий; он ассоциируется с непривлекательными животными.

Состояние опьянения может связываться с профессиональными, должностными, сословными и другими «свойствами» агенса (*сапожник наступался* и т.п.). Признаки этого состояния утверждаются через оппозиции *свой – чужой, чистый – нечистый, счастье – несчастье*.

В художественном тексте возможно переосмысление «хмельных» фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм; когнитивная способность; когнитивный подход; значение; смысл; оттенки значения; стилистическая характеристика фразеологизма; метафора; сравнение; гипербола; художественный текст; народная культура; языковая картина мира.

The article studies idioms that describe the state of drunkenness. How is this state understood in folk culture and how does it happen? The author attempts to answer these and other questions in this article.

“Light-headed” idioms reflect traditional folk beliefs about how a person thinks, feels, emotionally reacts, speaks and acts in this state.

The perception and categorisation of the world change in the state of drunkenness. What is normally considered negative can become positive in this state. A person in this state loses his/her memory, becomes ‘pensive’ or ‘thinks other people’s thoughts’, loses control over his/her speech and cannot speak coherently. He/she can see evil spirits and get under their influence, or become associated with repulsive animals. He/she has no fear of undesirable consequences.

The state of drunkenness can be associated with the professional, official, social and other ‘features’ of the agent. The typical features are revealed in the oppositions *one’s – someone’s, clean – unclean, happiness – unhappiness*.

In literary texts ‘light-headed’ idioms can be reconsidered.

Keywords: idiom; cognitive ability; cognitive approach; meaning; sense; shades of meaning; stylistic features of idioms; metaphor; comparison; hyperbole; literary text; folk culture; language picture of the world.

Фразеологизмы вырастают на почве культуры и отражают миропонимание и мировосприятие народа, его ценностные установки [1]. Подтверждением этого может быть их роль в осмыслении измененных состояний сознания.

Вкратце оговорим содержание опорных понятий. Сознание – «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, отчете об этих событиях» [2, с. 589–591].

К сознанию, как и ко всем сферам жизни (социальным явлениям, поведению

людей и их действиям, языку и мышлению и др.), применимы понятия нормы и аномалии. По словам Н.Д. Арутюновой, «соответствовать норме значит быть “как все” и “как всегда”. Поле нормативности связано с концептами обыденности, предсказуемости, привычности» [3, с. 298–316].

«Нормальное» («обычное») сознание – лишь одна из форм сознания. Наряду с ней существуют особые состояния психики, называемые измененными состояниями сознания. Они понимаются как «способ приспособления сознания к изменениям внешних условий» [4, с. 48–55]. Аналити-

ческий обзор литературы по этой проблеме дан в работах Д.Л. Спивака [5 ; 6, с. 77–84] и В.П. Руднева [7, с. 107–110].

Из психологии и психофизиологии понятие «измененное состояние сознания» перешло в лингвистику и филологию в целом. Д.Л. Спивак показал, что «процесс распада сознания» вызывает последовательное свертывание системы языка и механизмов речи. Текст, рожденный измененным состоянием сознания, в языковом отношении построен особым образом [5].

Измененных состояний сознания может быть множество. Среди них различаются искусственно вызываемые, спонтанно возникающие, психотехнически обусловленные и др. [4 ; 8]. Мы остановимся на том, как измененные состояния сознания, причиной которых является опьянение, описаны в русских фразеологизмах. С этой точки зрения измененные состояния сознания не рассматривались.

Материал исследования – более 500 фразеологизмов (без учета грамматических и лексических вариантов), описывающих состояние опьянения. Он получен методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей [9–22].

1. Исследование, результаты которого излагаются в данной статье, осуществлено на основе когнитивного подхода. Это означает, что нас прежде всего интересуют, как во фразеологии описываются **изменения когнитивных процессов**, наблюдающиеся у человека в состоянии опьянения.

Фразеологизмы, отражают изменение таких когнитивных способностей, как восприятие, память, мышление, интеллект, категоризация, воображение, фантазия, поведение и некоторые другие. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Человеку в состоянии опьянения свойственно **удвоение и умножение действительности**. Во фразеологизмах количественную интерпретацию получают явления, которые не имеют в языке строгих единиц измерения. Понимание количества здесь строится на параметризации смыслов «немного» и «много»: *двоится (в глазах*

двоится), семерит (Из пяти пальцев не вижу ни одного, а один семерит), сам-десять (Пьяному мнится, сам-десять по пути) и ельник, т.е. совокупность однородных предметов, большое множество (*То пьян, коли пальцы впрямь, а народ в глазах, что ельник*).

То, что в обычном состоянии оценивается негативно, хмельной (пьяный) человек может оценить позитивно: *Страшно видится, а выпьется – слюбится*. Отступления от жизненного стандарта становятся привычными, нормативными.

Человек в состоянии опьянения **склонен преувеличивать, прибегать к гиперболизации**, чтобы повысить свой статус в социуме: *Пьяный решетом деньги меряет, а проспится, не на что решета купить; У пьяного семь коров доится, а проспится, так и переходницы нет (переходница – «корова-межмолок»; межмолок – пора коровы, когда она «ходит сухая», без молока).*

У человека в состоянии опьянения **нет страха, боязни** нежелательных для него последствий: *Пьяному море по колено; Мужик напьется – с бариним дерется, проспится – свиньи боится; Напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится; Пьян – храбрится, а проспится – свиньи боится; Как пьян, так капитан, а как проспится, и свиньи боится; Одну выпьешь – боишься, другую выпьешь – боишься, а как третью выпьешь, уж и не боишься* (отвечал солдат на вопрос, как он не боится пить, зная, что накажут).

В состоянии опьянения человек **лишается памяти**. «Память – это сердце нашего интеллектуального функционирования, это средоточие того, что составляет личностный опыт человека и – одновременно – разделяемый им с другими людьми его времени, его поколения, его социального и возрастного статуса и т.п. коллективный опыт и картину мира этого коллектива» [23, с. 357]. Беспамятство – это утрата способности помнить, вспоминать, ориентироваться в действительности, адекватно ее воспринимать: *Испей винца, позабудь отца; Выпил две, да и не помнит, где*

В «Большом словаре русских народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [15] приводятся фразеологизмы с общей частью значения «о напившемся до полного беспамятства человеку»: *пьян (пьяный) в усмерть (вусмерть)*; *пьян (пьяный) в сосиску*; *напиться (упиться) в дым*; *пьяный в дым*; *напиться (упиться) в дымину*; *пьяный в дымину*; *пьян в дупель (вдупель)*; *напиваться/напиться (упиваться/упиться) в дрезину*; *пьяный в стельку (стелька стелькой)*, *напиваться/напиться (упиваться/упиться) в стельку*. Данные фразеологизмы различаются оттенками значения, внутренними образами и стилистическими характеристиками. Например, *пьяный в стельку* – «прост., презр.; о напившемся до беспамятства и не способном стоять на ногах человеке. Выражение образовано “расщеплением” глагола *стелиться* и отражает образ “распластанного” на земле от выпитого алкоголя пьяницы» [15, с. 655].

Слово *беспамятство* в словаре В.И. Даля толкуется как состояние человека, «лишенного памяти, т.е. чувств и сознания, не помнящего себя» [13, т. 1, с. 69]. Напившегося до бесчувствия человека описывает фразеологизм *Ему ворона глаз клюет, а он и носом не ведет*, в основе которого лежит метафора (не)восприятия, через гипертрофированное представление о физическом увечье выражающая неспособность испытывать какие-либо болевые ощущения.

Идея бесчувствия эксплицитно представлена в толкованиях фразеологизмов *напиться (упиться) в дребадан (вдребадан)* (грубо-прост., неодобр.; «о напивающемся до бесчувствия человеку»); *напиться (упиться, пьян) в доску* (прост., неодобр.; «о напившемся до бесчувствия человеку»); *валяться скалкой* (перм.; «о пьяном до бесчувствия и валяющемся на земле человеке»); *напиться вдрызг* («напиться до состояния полного бесчувствия») [15].

В состоянии опьянения человек *становится «думным» или «думает не свою думу»*: *Хмельной да сонный не свою думу думают*; *Во хмелю да во сне человек сам*

в себе неволен; *Сонный да пьяный – божжевольный (не в своем уме)*.

Человек в состоянии опьянения может *утратить способность думать и принимать решения*: *Чарка вина не прибавит ума*; *Вино с разумом не ладит*; *Вино сперва веселит, а там без ума творит*; *Не жаль вина, жаль ума*; *Вино с разумом не ходят: хмель шумит – ум молчит*; *Вино уму не товарищ*; *Кто много пьет вина, тот скоро сойдет с ума*; *Дали вина, так и стал без ума*; *Не жалко вина выпитого, жалко ума пропитого*; *Выпьешь много вина, так поубавится ума*; *Встретишься с вином – простишься с умом*; *Напьешься пьяным – потеряешь разум*. Отсюда советы, предостережения и запреты: *Полно пить, пора ум копить*; *Пей, да ум не пропивай*; *Пей воду, вода не смутит ума*.

В приведенных фразеологизмах противопоставление между синонимами *ум* и *разум* нейтрализуется. Эти синонимы описывают одну и ту же человеческую способность, но высвечивают разные ее аспекты [24]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля их значения определяются следующим образом: *разум* – «духовная сила, могущая помнить (постигать, познавать), судить (соображать, применять, сравнивать) и заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей, от причины, следствий ее до цели, конца, особенно в приложении к делу»; *ум* – «самое высокое свойство первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям» [13, т. 4, с. 53]. Из толкований В.И. Даля можно заключить, что *разум* более связан с сообразительностью, с приложением к делу, с практическим умением, *ум* – с теоретическими знаниями.

Выделяется группа фразеологизмов, описывающих те или иные *речевые сбои и затруднения*, характерные для состояния опьянения: *Лыка не вяжет* («так пьян, что не способен связно говорить»); *У него язык ниткой перевязан*; *Будто язык в киселе*; *Язык заплетается*; *Не выговаривает “ма-*

ма”»; *Не тот пьян, что двое ведут, третий ноги расставляет, а тот пьян, кто лежит, не дышит, собака рыло лижет, а он и слышит, да не сможет сказать: цыц; Вешний путь не дорога, пьяного речь не беседа; Пойми пьяного речи, поймешь и свиное хрюканье; Пить хмельное, так и говорить такое.*

В состоянии опьянения теряется контроль над речью, человек может сказать то, чего не следовало бы говорить: *Вино развязывает язык; Пьяный, что малый: что на уме, то и на языке; Хмельной, что прямой: рот нараспашку, язык на плече.*

Хмельной может «увидеть» злых духов, чертей, оказаться под их влиянием или воспринимается как черт, бес, сатана, наделяется их свойствами: *Нализаться как сатана; Попей, попей – увидишь чертей; Допился до чертиков; Вина напиться – бесу предаться; В пьяном бес волен; Смелым бог владеет, а пьяным черт качает; Над пьяным и оборотень потешается; Где водка, там сатана рядом.* Поведение человека в этом состоянии оценивается как бесовское. Молитвы пьяного «до Бога не доходят».

Опьянение может изменить внешность человека: *Пьяное рыло – чертово бороzdило.*

Во фразеологизме *напиваться/напиться до зеленого змия* («напиваться до пьяна, до потери сознания») «образ» зеленого змия навеян галлюцинациями алкоголиков, а также выражением *зеленое вино* и библейским текстом «Не смотри на вино... впоследствии как змей оно искусит» [10, с. 215].

2. Хмельной ассоциируется с различными животными. Они во фразеологизмах наделяются символическими значениями, т.е. из всех свойств, признаков и т.д. выбирается один, и он становится символом для выражения смысла «напиться до скотского состояния».

Чаще других в анализируемых фразеологизмах встречается слово «свинья», сравнения с этим животным (с союзом «как» или творительным сравнения) многочисленны: *пить как свинья* («о постоянно напива-

ющемся до скотского состояния человеке»), *нажраться* (*налакаться, набратся, нализаться*) как *свинья* («об абсолютно пьяном, напившемся до скотского состояния человеке»), *наклюкаться* как *свинья, нализаться* как *свинья, бухой* как *свинья* («о мертвецки пьяном человеке»), *свиньей ходить* («о ходящем сильно пьяном человеке»), *пьян как понурая свинья* («о пьяном до полного ослабления человеке»); *понурий* – «тощий, заморенный»), *пьян как зюзя* («о безобразно пьяном, достигшем крайней степени опьянения человеке»); слово *зюзя* в русских говорах значит «свинья»).

Сравнение пьяного человека со свиньей известно и другим языкам, например, чешскому: *opít se (ožrat se) jako svině* (*пить, нажраться как свинья*); *opilý (ožralý) jako svině* (*пьяный как свинья*) [22, с. 675].

Часто во фразеологизмах о состоянии опьянения называются и такие животные, как *лошадь/конь, корова, собака, курица, змий, пиявка*: *пьет как лошадь/как конь* («о много и часто пьющем алкоголь человеке, пьянице»); *пьет как корова, как скотина; натянулся как пиявка; пьяный как змий; как курица: что грянет (ступит), то и пьет; Выпил молочка из-под бешеной коровки; Винцо не пшеничка: прольешь – не поклюешь; Пьян как собака; Пьяный как собака окаянная* («об очень пьяном и злобом человеке»).

3. Во фразеологизмах проступает представление о физической дисфункции и ее «нейтрализации» *Один глаз поперек; Выписывает вензеля ногами; По одной половице не пройдет; Понемножку, через ножку, пьем да похрамливаем; Покрякивая, льется, похрамливая живется; Пьяное дело шатовато, а похмельное тошновато; Четвертней поехал* (т.е. на корточках); *Под ним ножки подкашиваются; Не тот пьян, кто ничком падает, а кто – навзничь; Пьян тот, кого двое ведут, а третий ноги переставляет.*

Перед уходом гостям, чтобы они не «спотыкались» в дороге, предлагают выпить *на посошок* [14, с. 212–213] и тем самым «нейтрализовать» эту дисфункцию.

4. Во фразеологизмах упоминаются **акциональные» и социальные характеристики.**

Так, человеку в состоянии опьянения приписываются различные **действия**. Среди них выделяются действия, направленные на причинение вреда другим людям (например, *берется за нож, дерется, бьет*): *За ковш, так и за нож; за чарку, так и за драку; Где ни напьется, там и подерется; Напившись, мужик и за реку (за репу) дерется; Пьяный, что бешеный; Кто пьет, тот и горшки бьет; Честна свадьба гостями, похороны слезами, а пьянство дракой; Напьемся – подеремся, проспимся – помиримся; После праздников много подглазников.* Указываются также действия, которые характеризуют самого пьяного (он танцует, поет, плачет и др.): *Вино пляске брат; Глядя на пиво и плясать хорошо; В нем водка плачет, а не он; В пьяном хмель плачет; Пьяный поет – себя тешит.*

Во многих фразеологизмах состояние опьянения ассоциируется с **профессиональными, должностными, сословными** и другими **характеристиками** агенса: *сапожник настукался/накуликался, портной настегался/наутюжился, музыкант наканифолился, немец насвистался, лакей нализался, барин налимонился, солдат употребил, купчик начокался, приказный нахлестался, чиновник нахрюкался, служивый подгулял.* Распространены сравнения: *надудолиться (накубриться, накуликатся, налимониться) как сапожник («напиться до крайней степени опьянения», «много и запойно пить алкогольные напитки»); пьян как сапожник, как извозчик, как дворник, как кочегар, как лакей, как пожарник, как грузчик, как музыкант.*

Во фразеологизмах, описывающих состояние опьянения, фигурируют **гендерные характеристики**: *пьяная баба, старуха и старик, муж и жена: Пьяная баба сама не своя; Баба пьяна – вся чужа; Пьяная баба свиньям прибавя; Старухе ноги подымает, старику глаза протирает; Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит и др.* Для «фемининных» признаков концептуализации состояния опьянения суще-

ственны оппозиции *свой – чужой, чистый – нечистый, счастье – несчастье*. Женщина в этом состоянии является воплощением второго их члена. Меняются ее когнитивные способности (*сама не своя, вся чужа*), меняется и хозяйственная функция, которая преимущественно за ней закреплена (*Не дело пьяной бабе коров доить*).

5. Фразеологизмы отражают традиционные народные **представления о норме** (границе, мере) и опасных для человека изменениях состояния сознания в случае ее нарушения: *Хорошо все в меру; Душа меру знает.* Фразеологизмы этого типа воплощают идею границы, имеющую древние корни, связанные с традиционными народными верованиями славян. Граница – одна из главных категорий традиционного сознания. Она разделяет две стороны чего-то, и нахождение на границе очень опасно для человека [25, с. 97–115].

Так, во фразеологизмах, описывающих состояние опьянения, идея границы выражается в противопоставлении первых двух-трех чарок последующему питью, которое осуждается как излишество: *хватил лишнего, хлебнул через край.* О выпившем две-три чарки могут сказать, что он *промочил горло, смазал глотку, сполоснул зубы* («опохмелился») или *под мухой*. Выражение *под мухой* восходит к карточной игре «Муха»: игравшие в муху обычно выпивали после выигрыша [26, с. 332 ; 14, с. 213].

Считалось, что первую чарку пьешь на *здоровье*, вторую – на *веселье*, а третью – на *вздор*, много пить – *мысль будет иная*. Приведем примеры: *Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит; Первую пить – здраву быть, вторую пить – ум повеселить, утроить – ум устроить, четверту пить – неискуну быть, пятую пить – пьяну быть, чара шестая – мысль будет иная, седьмую пить – безумну быть, к восьмой приплести – рук не отвести, за девятую приняться – с места не подняться, а выпить с чарок с десять – так поневоле взбесят.* Таким образом, фразеологизмы учат соблюдать меру.

6. Во фразеологизмах отразилось представление о роли, функциях «пития». Считается, что состояние опьянения помогает человеку заглушить горе, тоску, уныние: *Пей – тоска пройдет; Пить – горе, а не пить – вдвое; Утопим горе в чарке вина; Спасибо кувшину, что размыкал кручину.* Встречаются и фразеологизмы с противоположным значением: *Горе водкой не зальешь.*

Семантика горечи, болезненности и неудовлетворенности жизнью может выражаться через «горький вкус»: *такую горечь – горьким и запить; пить горькую.* Фразеологизм *пить горькую* означает «много и систематически, запойно пьянствовать (обычно – пытаясь заглушить горе, тоску, уныние, вызванные крайней нуждой)» [10, с. 132]. Формирование актуального значения этого фразеологизма А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский описывают в терминах когнитивного моделирования: «Во фрейме *употребление спиртного* присутствует слот “потребляемое”. Слот заполнен содержанием “водка и подобные напитки”, выделяемым в отдельный подфрейм. Существенно, что этот подфрейм содержит слот “вкус”, заполненный содержанием “вкус”» [27, с. 243–244].

Состояние опьянения помогает «очиститься», признаться в содеянном, «молотить правду»: *Надо пить, да правду молотить; Без вина правды не скажешь.*

Пьют не только *с горя*, но и *на радости, с приездом, с отъездом*, чтобы *впрыснуть победу, обмыть копыта* (когда покупают корову), *обмыть стены* (когда переезжают в новый дом), *обмыть покупку*, например, брюк, чтобы дольше носились; иногда *пьют в честь того, что не случилось ничего*. Пьют и без всякой причины: *У наших бражников много праздников; У них семь праздников на неделе; Любитель выпить за причиной в карман не полезет.*

Значение имеет «атмосфера пития – та воодушевленность, которая приходит по мере взаимного общения за чарой» [28, с. 483 ; 29]: *Не то чтобы пить, а с добрыми людьми посидеть (побеседовать) любит; Не пьет, а с добрыми людьми знает-*

ся; Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает.

Русские фразеологизмы, описывающие выпивку и опьянение, как правило, дают им отрицательную оценку.

7. В художественных текстах значение фразеологизмов, описывающих состояние опьянения, может уточняться, конкретизироваться, переосмысливаться, изменяться. Рассмотрим пример из поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки»:

– Семеныч! Ты выпил сегодня много?... – Прилично, – отвечал мне Семеныч не без самодовольства. Он пьян был в дымину... – А значит: есть в тебе воображение? Значит: устремиться в будущее тебе по силам? Значит: ты можешь вместе со мной перенестись из мира темного прошлого в век золотой, который «ей-ей грядет»? – Могу, Веня, могу! **Сегодня я все могу** [30].

В этом примере грубо-просторечный фразеологизм *пьян в дымину*, употребляющийся обычно в ситуации, когда некто напился «до полного беспамятства», используется в значении «наличие воображения», «мочь все», «способность устремиться в будущее, перенестись из темного прошлого в век золотой». С помощью фразеологизма передается идея «балансирования» сознания персонажа между реальным миром и иллюзорным.

Итак, фразеологизмы, описывающие состояние опьянения, отражают и оценивают изменение таких когнитивных способностей человека, как восприятие, память, мышление, речь, категоризация и др. Они указывают на типичное поведение и изменения во внешности пьяного, на основании которых человек ассоциируется с «непривлекательными» животными. В них отражены представления о границе и опасных для человека изменениях состояния сознания в случае ее нарушения.

Исследуемые фразеологизмы зафиксированы во многих словарях (толковых, фразеологических и др.). Данный факт – одно из свидетельств их широкого распространения и значимости «пития» в русской народной культуре.

* * *

1. Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. 336 с.
2. Лекторский В.А. Сознание // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 2010. С. 589–591.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 338 с.
4. Спивак Л.И., Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Т. 1, № 4. 1996. С. 48–55.
5. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л. : Наука, 1986. 92 с.
6. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблема текста // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 77–84.
7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 1999. 384 с.
8. Флоренский П. Иконостас : избранные труды по искусству. СПб. : Русская книга, 1993. 364 с.
9. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М. : Лексрус, 2015. 1164 с.
10. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-Пресс, 2009. 781 с.
12. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. СПб. : Диамант, 1997. 544 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1982. 4 т.
14. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-Пресс, 2010. 729 с.
15. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : Олма Медиа Групп, 2008. 800 с.
16. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984. 4 т.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М. : АН СССР, 1948–1965. 17 т.
19. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедии : Аванта+, 2007. 1135 с.
20. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940. 4 т.
21. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Федорова. М. : Астрель, 2008. 878 с.
22. Stěpanova L. Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc, 2007. 878 s.
23. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
24. Урысон Е.В. *Ум, разум, рассудок, интеллект* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 1203–1206.
25. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике. М. : Либроком, 2010. 368 с.
26. Виноградов В.В. История слов. М. : ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.
27. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
28. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
29. Топорков А.Л. Пьянство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 377–382.
30. Ерофеев В. Москва – Петушки. М. : Азбука, 2014. 140 с.

VNÍMANIE TATIER U AUTOROV ŠTÚROVSKEJ GENERÁCIE
AKO PROSTRIEDOK VÝUČBY LITERÁRNEHO ZEMEPISU
ВОСПРИЯТИЕ ТАТР АВТОРАМИ ПОКОЛЕНИЯ ШТУРА
КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ
THE ŠTÚR GENERATION AUTHORS' PERCEPTION OF THE TATRY
IN TEACHING LITERARY GEOGRAPHY

© 2021

Статья издаётся в авторской редакции

Ja. Dzuriaková

Я. Дзурякова

Ja. Dzuriakova

Vo svojom príspevku sa budem zaoberať tým ako sa dá využiť regionalizmus a regionálne prvky vo výučbu slovenskej literatúry. Zameriam sa predovšetkým na Tatry ako inšpiračný zdroj pre mnohých básnikov. Cez ne sa dá žiakom a študentom výraznejšie priblížiť slovenská literatúra regionálnych autorov ale aj autorov, ktorí v tomto regióne nežili, ale stal sa pre nich východiskom tvorby. Ide o to, aby sme u žiakov budovali národné povedomie a národnú hrdosť aj prostredníctvom literatúry a toho, čo im je bytostne blízke teda ich regiónu.

Ключové slová: región; regionalizmus; Tatry; báseň; národné povedomie; národná hrdosť.

В своей статье я расскажу о том, как регионализм и региональные элементы могут быть использованы в преподавании словацкой литературы. В основном я остановлюсь на Татрах, как на источнике вдохновения для многих поэтов. С их помощью можно приблизить школьников и студентов к словацкой литературе региональных авторов, а также авторов, которые не жили в этом регионе, но стали для них отправной точкой. Дело в том, что мы формируем у студентов национальное сознание и национальную гордость также через литературу и то, что им по сути близко, то есть их регион.

Ключевые слова: регион; регионализм; Татры; стихотворение; национальное сознание; национальная гордость.

In my contribution I will deal with how regionalism and regional elements can be used in teaching Slovak literature. I will focus mainly on the Tatry as a source of inspiration for many poets. Through them, it is possible to bring pupils and students closer to the Slovak literature of regional authors as well as authors who did not live in this region, but became the starting point for their work. The point is that we build students' national awareness and national pride also through literature and what is essentially close to them, i.e. their region.

Keywords: region; regionalism; the Tatry; poem; national awareness; national pride.

Regionálne prvky v literatúre sú veľmi úzko späté s pojmom región. „Pojem región (lat. regio, regionis) je mnohovýznamový. Najčastejšie sa používa vo význame spravovaný kraj, no v bežnej hovorovej reči nadobúda slovo región špeciálne modifikovaný základný význam krajina, oblasť, miesto. Podstata regiónu sa však dotýka každého človeka, občana, pretože sa ním vyjadruje ľudský faktor a kultúrno-antropologický rozmer ľudskej existencie“ (Cabanová, V., 2003, s. 58). O podobnom význame pojmu región hovorí aj Ivan Plintovič vo svojej štúdii K predmetu a úlohám literárnovednej regionali-

stiky: „Pri interpretácii slovesného diela nemožno ignorovať jeho vzťah k vonkajším faktorom a inšpiračným podmienkam. Isté životné prostredie na svoj vlastný obraz spoluutvára spisovateľa a spisovateľ potom na svoj vlastný obraz stvára to, čím žije v tomto prostredí. Najvlastnejšou úlohou literárnovednej i didaktickej regionalistiky je skúmať vzťah medzi spisovateľom a jeho životným prostredím, skúmať región ako fenomén, ktorý priamo, či nepriamo ovplyvňuje spisovateľa, vplýva na jeho literárnu tvár i na jeho slovesný tvar“ (Plintovič, I., 1997, s. 18).

Takýmto regiónom sú na území Slovenska aj Tatry. Veľhory, ktoré inšpirovali mnohých autorov už od začiatku 19. storočia až podnes. V časoch národného obrodovania, klasicizmu a preromantizmu, ale aj romantizmu boli symbolom celého Slovenska. V súčasnosti sú skôr situované do diel regionálnych autorov. Aj napriek tomu, že Tatry boli takto vyzdvihované mnohí žiaci a študenti žijúci pod nimi o tom ani nevedia, nepoznajú ich z tejto stránky. Práve preto sa čoraz častejšie v tejto súvislosti hovorí o regionálnej výchove.

V regionálnej výchove ide o systematické dopĺňanie, začleňovanie aktuálnych regionálnych prvkov do výchovno – vzdelávacieho procesu, tvorbu nových časovo – tematických plánov (Cabanová, V., 2003, s. 60).

Pre regionálnu výchovu sú charakteristické tieto znaky:

1, komplexnosť: žiaci by mali získať poznatky zo všetkých oblastí života. Takáto stránka sa môže prejaviť najmä pri výučbe slovenskej literatúry, konkrétne literatúry spojenej s regiónom. Najmä v obdobiach keď symbolizovali všetky snahy a záujmy slovenského ľudu. Môžu sa z jednotlivých diel dozvedieť o celkovom živote ľudu, ale aj o tom za čo bojovali a aké to malo dôsledky pre dnešný život.

2, integrovanosť: ide o prelínanie poznatkov z jednotlivých vedných disciplín. Žiaci a študenti si môžu poznatky z literatúry overiť napr. v zemepise, dejepise a inde. Veď mnohí z autorov písali o konkrétnych miestach, ktoré žiaci môžu nájsť na mape, môžu poznať ich históriu. Napr. Ľudovít Štúr vo svojej básni Ku Kriváni opisuje vrch Kriváň, Fraňo Kráľ vo svojom diele Jano zase spomína Štrbské Pleso.

3, trvácnosť: „regionálnym prístupom sa učia o blízkom prostredí (jave, udalosti) a tieto poznatky majú trvalú hodnotu. Poznatky o javoch, udalostiach a predmetoch spojené s emocionálnym prežívaním si žiak lepšie zapamätá a možno ani nezabudne. Ďalšie významy, zmysel, i nové významy tohto javu, udalosti a skutočnosti žiaci začínajú chápať až v období dospievania. Preto je dôležité opätovne sa vracieť k významným

faktom a pojmom neskôr pri preberaní učiva na 2. stupni základnej školy (v období staršieho školského veku) a vytvoriť priestor pre vnímanie vecí a javov v nových súvislostiach“ (Tamtiež, s. 61). Už na prvom stupni si žiaci čítajú rozličné povesti. V piatom ročníku je v učebniciach literatúry stať o povestiach a povesť Tatranská Kikimora. Žiaci tak majú možnosť obnoviť a rozšíriť si poznatky z tejto oblasti. Takéto poznatky majú možnosť využiť neskôr, keď sa budú učiť o Štefanovi Rysulovi a budú interpretovať jeho dielo Podtatranské povesti. Lepšie si tieto poznatky utvrdia ak sa pri tom zoznámia aj s dielom autora, ktorý im je veľmi blízky, a to s dielom regionálneho autora Antona Marca, ktorý povest'ové bohatstvo o Vysokých Tatrách zhrnul v troch knihách (Zlato pod Kriváňom, Zakliaty hrad v Tatrách a Tatranské povesti). Na priblíženie jeho tvorby a inšpirácie je možné využiť aj besedu študentov s autorom, na ktorej sa dozvedia, prečo ho Tatry natoľko fascinovali a stali sa súčasťou jeho tvorby. Pri tejto príležitosti žiaci navštívia knižnicu, kde si môžu niektoré z diel týchto autorov aj požičať a prečítať si ho.

Takto môžeme postupovať aj pri ďalších regionálnych autoroch. Cez ich tvorbu však môžeme žiakom a študentom priblížiť aj život a tvorbu ostatných spisovateľov. Napr. cez diela regionálnej autorky Nory Baráthovej Študent a Hviezdoslav a Tatry sa môžu dozvedieť o študentskom Pavla Országha Hviezdoslava a o jeho zviazanosti s regiónom Vysokých Tatier, ktoré ho ovplyvnili v jeho tvorbe. Tak sa pre nich tento autor stáva prístupnejším a bližším.

Veď aj Ján Kopál hovorí: „Regionalizmu nastoľuje otázku ľudského pocitu domova a účasti jednotlivca (spisovateľa i literárnej postavy) v konkrétnom historickom i geografickom prostredí. Dotýka sa vlasteneckého cítenia, národného sebavedomia i historického vedomia. Spočíva na tematickom a výrazovom vzťahu autora k určitému kraju, k jeho historickým, etnografickým, spoločenským a jazykovým zvláštnostiam“ (Kopál, J., 1995, s. 12–16). Tým, že implementujeme regionálnu výchovu a regionálne prvky do obsahu

vzdelávania môžeme žiakom priblížiť mnohé diela slovenskej literatúry, ktoré sú buď priamo alebo nepriamo späté s regiónom. Podľa tohto vzťahu môžeme hovoriť o dvoch hľadiskách vzťahu autora k regiónu:

1, regionálny aspekt – autorov vzťah k rodisku, pôsobisku

2, regionálny princíp – odraz kraja v literárnom diele (jazykové, spoločenské a iné zvláštnosti)

Regionálny aspekt spôsobil, že mnohí autori povzniesli svoju tvorbu na celonárodnú úroveň (Kukučín, Hviezdoslav, Figuli a iní.). Prejavuje sa v opozícii dediny a mesta a dáva autorovi priestor na autobiografické spomienky na detstvo a dospievanie. Takéto vnímanie regiónu spôsobuje aj rozdielne vnímanie hodnôt u jednotlivých autorov. Niekedy je tento regionálny aspekt mimovoľný, inokedy je zacielený na určité geografické prostredie. Také je napr. Nory Baráthovej, ktorá píše o rozličných zvykoch v regióne.

Ak môžu žiaci identifikovať v texte miesta, ktoré poznajú a sú im blízke, tie sa stávajú pre nich zaujímavejšie. Také sú napr. diela Pavla Jozefa Šafárika – Tatranská múza s lýrou slovanskou; Jána Bottu – Smrť Jánošíkova; Jána Kollára – Slávy dcéra a iné. Tieto diela sú súčasťou povinného čítania, a preto sú pre žiakov nezaujímavé a oni ich musia čítať „z donútenia“. Pritom by sme toto čítanie mohli pre nich urobiť zaujímavejšie, ak by v diele hľadali odkaz na konkrétny región. Potom môžu svoje poznatky prezentovať na hodine a konfrontovať ich v diskusii s inými žiakmi. Využívať môžu veľké množstvo demonštračných metód. Niektorých autorov, ktorí žili v regióne priblížime študentom rozhovormi so staršími obyvateľmi, ktorí sa s nimi stretli a ešte sa na nich pamätajú. Takým autorom je napr. Janko Silan, ktorý o miestach svojho pôsobenia napísal dve zbierky Piesne zo Ždiaru a Piesne z Javoriny a ešte sa nájdú obyvatelia týchto dedín, ktorí sa na neho pamätajú. Tieto poznatky môžu žiaci využiť aj na hodinách občianskej náuky, keď sa budú učiť o osobnostiach, ktoré ovplyvnili a formovali ich región.

V takomto duchu pristupovali k regionalizmu aj autori štúrovskej generácie, pri ktorých sa zameriame najmä na menej známych autorov. Ako sú August Horislav Škultéty, Ľudovít Žello, Ján Francisci Rimavský, Peter Kellner – Záboj Hostinský, Samo Bohdan Hroboň, Bohuslav Nosák, Jozef Jančo, Jakub Graichman a Pavol Dobšínsky a iní.

Ako konštatuje S. Mečiar – A.H. Škultéty osud vlasti odvodzuje od samých Tatier: „Národné utrpenie predstavuje mu Tatry ako starú mať, stratenú v hustom mraku, údolie pokrýva hlboké ticho a mĺkva nehybnosť vládne všade vôkol. Ale Tatry nespia – ako strážny anjel strážia všetko a v symbolickom obraze sa k nim priblíži deva (Slovensko) a tlmočí žiaľ nad tým, že celý kraj už príliš dlho je pohrúžený do nečinnosti a bolo by načim ho prebudiť, vzkriesiť a Tatry – mať prenáša slová o úteche a vytrvalosti, ktoré slová oznamuje deva všetkým, ktorí ešte nestratili vieru, ale ochabujú – slová, že po ťažkom dlhoročnom spánku prinesie im pozdrav šťastného rána. Ako to básnik vyjadril v básni *Děva Tatranská*“ (Mečiar, S., 1932, s. 30.; Škultéty, A.H. *Děva Tatranská*. In *Tatranka II*, zv. 1, 1841, s. 9).

V básni *K pocte jeho cisársko kráľovskej jasnosti Ferdinanda V dňa 5. júna 1839* opisuje Ferdinanda ako syna Tatry, ktorý pomáha Slovákom. Tatry ako ochrankyňa celého Slovenska sa objavuje v básni Mladý spevák. Poctu Jurajovi Palkovičovi vyjadril v básni Slovnému mužovi Jurajovi Palkovičovi zaslúžilému učiteľovi reči a literatúry československej. Pod jeho vedením celý kraj pod Tatrou ožije. Ľudia sa ozvali za národ v piesňach a začali preň pracovať.

U Ľudovíta Žella sa motív Tatier nachádza v jeho zbierke *Básně* (1892), konkrétne v básňach *Slávy dcéra a starožitnosti*, *Vzájomnosť* a iné. Ľudovít Žello je presvedčený o odolnosti skalnatých Tatier. Tatry sa majú pripraviť na slávnosť príchodu svetla, Hron a Váh majú byť pre nich zrkadlom:

„Deň sa mladí, Tatry krásne!
K slávnosti sa ovenčíte,
V Hron a vo Váh sa nazrite!
Zrcadla to vaše jasné“

(Žello, L., 1842, s. 18).

Porovnáva v nej Tatry a Prahu. Sú symbolom oboch národov a keď budú stáť ony, bude stáť aj celý národ:

„Nech vás to nenepokojí,
že sa zlý čas na nás šklebí:
ješte Tatry pnú sa k nebi,
a vysoká Praha stojí“

(Žello, L., 1842, s. 22).

V básni *Slávy dcéra a Starožitnosti* sa mu Tatry stávajú symbolom Slovenska. Krajina pod nimi je zahalená mrakmi a spí. Zrazu však prichádza duch Boží, ktorý ju prebúdzá k životu. Aj napriek tomu však ešte stále vládne tma pod Tatrami. Synovia Tatier blúdžia v tmách a nemôžu pracovať pre národ. Opäť prichádza duch Boží a vyvádza ich z tmy. Matka Sláva žijúca pod Tatrami je ústrednou postavou v básni *Vzájomnosť*. Chce, aby sa všetky slovanské kmene spojili a žili ako bratia.

Tatry sa objavujú najmä v jeho básňach *Orlík*, *Obet'*, *Moje túžby*, ale aj v próze *Janko Podhorský*. Ján Francisci – Rimavský opisuje osvetu Štúrovej doby „ako zore, čo sa zapálili tam nad Dunajom a ich odraz rozstrelil sa naraz po celých Tatrách (Mečiar, S., 1932, s. 32).“ Vo svojich básnických prvotinách, vydaných neskôr pod názvom *Iskry zo zaviatej pahreby* (1889) vyjadril túžbu lietať ponad tatranské „výšiny vysoké“ v básni *Orlík*. Báseň *Moje túžby* je plná viery v slobodu národa. Tatry spolu s Dunajom tvoria hranice Slovenska. On ich chce spojiť pod zástavu slobody. Všetci ľudia by mali pracovať pre národ. Potom ju chce dať na Tatry, aby tam viala na veky.

V próze *Janko Podhorský* sa mu Tatry stávajú symbolom Slovenska. Junák túži ako tie orly lietať ponad Tatry. Turci sú mrakmi, ktoré on rozráža svojím letom. Až v Tatrách ich porazili. Nakoniec Janko odložil šablňu a oženil sa, boja za národ sa však nevzdáva.

Tatry dominujú v celej jeho lyrickej tvorbe. Za arcidielo prírody považuje Tatry Peter K. Hostinský. Na Tatrách Boh zobrazil svoju podobu, vtlačil do nich všetky farby. Odrážajú sa v nich všetky živly a duchovia prírody, ako to zachytil v básni *Duma na Tatrách*. Tatry skrývajú minulé udalosti i poslanstvo budúcnosti, ktoré má prevziať bohatier, ktorý má vzkriesiť celý národ. Tatra ako matku všetkých Slovanov opisuje v básni *Lúčenie od starších údov ústavu 17 – ho června v Bratislave 1843*. Ona kolísala všetkých bohatierov, ktorí idú do boja za národ. V Tatre sa zrodili aj všetky slovanské povesti. Z nich potom oni čerpali pre boj za národ.

U Sama Bohdana Hroboňa sú motívy Tatier prítomné v celej jeho tvorbe. Jeho básnické dielo ostalo zväčša v rukopisoch, až nedávno bolo sprístupnené v edíciách E. Hleba (*Poézia mladosti*, 1979; *Slovenské iskrice*, 1991 a iné) a V. Kovalčíka (*Iskrice*, 1990).

Celoživotným údelom básnika sa stala poézia a uvažovania o položení vlastného národa a osudoch Slovanstva, ako konštatuje V. Kovalčík: „Hroboň sa cítil vizionárom, utopistom, prorokom, metafyzickým básnikom, ktorému nestačí vyjadrovať individuálne bytie jednotlivca, ale aj národa, Slovanstva, ľudstva, ba vesmíru...“ (Kovalčík, V., 2002, s. 27). Teda národ a jeho bytie, Slovensko a Slovanstvo boli stálymi súradnicami jeho životných snažení, čo zdôrazňuje aj E. Hleba: „Celoživotná púť Sama Bohdana Hroboňa, poznačená nadšením, bola plná odriekania a nádeje. Bola to cesta premnohých protirečení s okolitým svetom i sebou samým, cesta po ktorej kráčal ako osamelý pútnik v ústrety svojim predstavám o úlohe Slovanstva a jeho jazyka pri budovaní všeslovanskej reči spoločnej pre všetkých Slovanov.“ Na tejto ceste, ako ďalej poznamenáva E. Hleba, básnik a vizionár S.B. Hroboň „plným dúškom vpil do seba vôňu svojej domoviny a s ňou i všetky jej žiale. Domoviny pod Tatrou, ktorá do jeho poézie vstúpila ako symbol Slovanstva a večného priateľstva so všetkými slovanskými národmi“ (Listy Sama Bohdana Hroboňa (Ed. E. Hleba).

Bytostný vzťah a hlbokú lásku k rodnej domovine vyjadril básnik v mnohých veršoch, v ktorých Tatry sú symbolom a krajom svätých túžob, ako to vyjadril v básni *V cudzine*.

Motív Tatier sa u Grajchmana objavuje v jeho cykle básní *U Tatier*. Jakub Grajchman sa sústredil na Kriváň, ktorý oslovuje ako „stoletú pamiatku našich ideálov“ (Mečiar, S., 1932, s. 38.) V cykle básní *U Tatier* opisuje nielen dumy, ale aj život a sviatočné chvíle po práci. Pri pohľade na Tatry trpne, akoby sa pozeral na zakliaty svet. Sú ako mŕtvy obraz na oltári.

Motív Tatier sa u Dobšinského objavuje v jeho poetickej tvorbe *Dumka, Hlas Tatier* a iné. Pavol Dobšinský hovorí o prázdnote a pustote, ktorá je všade navôkol. Ľudstvo len prežíva v strachu z prázdnoty a pred životom, ktorý sa ukazuje ako márnny. Tatry mu predstavujú útočisko, miesto istoty. Všetky tieto myšlienky nájdeme v cykle básní *Piesne mladosti*. Už v úvode zbierky je zrejma jeho básnická príslušnosť ku štúrovcom, lebo ju uvádza mottom zo Sládkovičovej Maríny. Celý cyklus obsahuje 26 básní. Niektoré z nich vyšli neskôr v knihe Keby si počul všetky tie víchrice. V básni *Svet povestí* hovorí o tom, že všetky povesti a tajomstvá sú ukryté v Tatrách. Tatry sú tajomné a zakliate. V tom prichádza najmladší princ, všetko zakliate rozborí a oslobodí krajinu. Tatra ako matka synov slovanských sa objavuje v básni *K Tatrám*. Tak ako sú nezdolné Tatry a ani čas ich nezlomí, tak sú nezdolní aj junáci žijúci pod nimi. Hoci sa im hrozí celý svet, oni sa obracajú na Boha a stoja pevne ako tá skala. Z vrchov Tatier sa zrodia bohatieri:

„Stoj Tatro, slávy budúcej zlatý trón.

Z žúl tvojich razom bohatieri vstanú“ (Dobšinský, P., K Tatrám, In Kostolná, E., 1973, s. 92).

Podobné myšlienky o tvrdom slovenských junákov sa objavujú aj v básni *Jednota, Stálosť, Rovnosť*. Aj napriek tomu, že Slováci stále živorili a ich rodiny boli roztratené, oni sa nevzdávajú a to čo sú Tatry im, to oni pre svet budú:

„Od vekov Tatra v búrkach, víchroch stojí.
Slovák s ňou trvá, pohrom sa nebojí.
Od Jadry k Tatrám, od Tatier k Uralu.
širý svet Slávky živoril v nevôli,
rodiny veľké roztrhané boli,
a srdce bratské liali slzy žiaľu.

.....
čo ono svetu jemu Tatry budú
a syn Tatier nad Tatry vyšinie“
(Dobšinský, P. Jednota, Stálosť, Rovnosť.
In Kostolná, E., 1973, s. 92).

Básne *Zástava mravnosti a Bratom* sú venované štúrovcom. V prvej z nich spomína aj vodcu mladej generácie. Jeho príchod prináša do Tatier svetlo a život, zástavu mravnosti. Pod ňou sa spoja všetci, ktorí dokážu pracovať pre národ. Hovorí o nich ako o mládencoch Tatry. Vyzýva ich aby sa spojili, lebo len tak môžu zachrániť krajinu. Len keď budú jednotní tak ich nik nezlomí a oni dokážu osvietiť krajinu. Majú priniesť ľuďom novú nádej a vieru v lepšiu budúcnosť.

Myšlienky boja za národ sú aj v básňach *Šuhaj a Schovanec Tatry*. Tatry sú symbolom Slovenska, za ktoré treba bojovať. Šuhajov prirovnáva k orlom a tak ako ony porážajú hmlu, tak aj šuhaj Tatry poráža tmu a oslobodzuje krajinu. V básni *Spev* dáva do protikladu ľuďí, ktorí sa len plazia pred inými a k šťastiu im treba pokrm a rozkoš a šuhajov, ktorí sú nezlomní ako tie Tatry a svojou prácou pozdvihujú národ. Tatry sú mu symbolom Slovenska, ale aj odolnosti voči nepriazni iných ľuďí. V básni *Dumka Moja* sa prihovára matke, aby ho pustila letieť ku Tatrám a bojovať za národ. Nemá ho prosieť, aby sa vrátil, len keď zahynie v boji, má ho oplakať a pomodliť sa za neho. On však nezahynie, ale prinesie zlatý vek. Báseň *Šuhajstvu* je plná myšlienok o práci pre národ. Kládne si otázky, čo táto práca pre národ prinesie a zároveň si odpovedá, že odplatou sú pre nich nádej, viera a pravda. Celú báseň končí výzvou do boja za národ:

„Peklo sa dvíha – zatriasa Tatrami.

V boje šuhajstvo! Pán Boh bude s nami!“ (Dobšinský, P. Šuhajstvu. In Kostolná, E., 1973, s. 111).

V básni *Dumka* opisuje vplyv povestí na mladú dušu junáka. Práve oni ho ako malého pripútali k národu. Oni ho formovali a sprístupňovali mu svet okolo neho. Nimi sa tešieval:

„Hojže Tatro zlatá hora
nad tou horou jasná zora,
zora jasná ligotavá
s ňou sa dieťa Tatry hráva.
Mladô Tatry žije dieťa,
Kde mu rannie blesky svieťa“

(Dobšinský, P. *Dumka*. In Kostolná, E., 1973, s. 111).

Potom však dospel a povesti mu prestali stačiť. Pridal sa k mladým šuhajom – sokolom, ktorí bojujú za národ:

„Pri raňajších zorách zleteli sme v Tatrách,
v lesku ztrepotali – vetry nám zhučali;
vetry nám zhučali – Tatry sa ozvali,
za Tatrami svety ohlas nám dávali.
Vitajte, vitajte vy plamene zory,
duch náš ohňom žitia citom lásky horí.
Svitajte, svitajte zlatie slnca blesky
Nach sa raz osvieti širý rod slovenský!!“

(Dobšinský, P. *Dumka*. In Kostolná, E., 1973, s. 112).

V básni *Časy* vyzýva Slovákov, aby sa vzmužili a bojovali za svoj národ. Tak ako iné národy aj Slováci majú slávnú minulosť a z nej si majú vytvoriť lepšiu budúcnosť a majú odkliať svoju Tatru – Slovensko.

Ludovít Jaroslav Šulek svoj obdiv k Ludovítovi Štúrovi vyjadril Ludovít Jaroslav Šulek v básni *Vysokoučenému mužovi Ludovítovi Štúrovi*, ktorá vznikla 17. 6. 1843 ako jedna z prvých básní v štúrovskej slovenčine. Autor vyjadruje svoj vzťah k Štúrovi ako učiteľovi a vodcovi generácie. Tatry poníma zemepisne. Ako symbol Slovenska sa objavujú v jeho ďalšej básni *Svitanie*. Motív zôr zvestuje príchod nového dňa, ale aj nového lepšieho veku pre Slovákov. Vyjadruje vieru v lepšiu budúcnosť a krajšie časy:

„Na slovenskom nebi zore vychádzajú
a pyšné vrcholy Tatier pozlácajú
hoj, slovenský rode,
už ťa tvoj génius
vedie ku slobode“

(Šulek, L.J. *Vysokoučenému mužovi Ludovítovi Štúrovi*. In Kostolná, E., 1973, s. 98).

Tak ako iní štúrovci aj Jozef Jančo je nadchnutý Kriváňom v básni *Večer na Slovensku*. Je pre neho najkrajším vrcholom, ktorý svojou krásou dokáže privábiť aj odrodilcov a vrátiť ich späť k národu. Tatra sa v noci oblieka do večerných šiat a celá obloha jasá. Jej žiar vyvoláva v autorovi túžbu po boji za národ. V básni *Spomienka na Šariš* prirovnáva šarišský kraj k svätej Tatre a ku Kriváňu. Je rovnako krásny, plný povestí a dobrých ľudí. V básni *Premena* vyjadruje vieru v obrodzujúcu silu Tatier v nastávajúcom čase premien ako konštatuje aj P. Vongrej: „Báseň *Premena* veľmi pregnantne anticipuje očakávanie revolučnej premeny, ktorá potom skutočne o dva roky prišla. V básni sa hovorí o potrebe revolučného boja za lepšiu budúcnosť a vykreslenie prírodnej pochmurnej scenérie jej pridáva potrebný kontrast na vyvolanie a vybojovanie očakávaných premien. Symbol uväzneného slávika, bezmocného junáka v plači – je vlastne symbolom častej nečinnosti a pasivity našich národných pohybov, proti ktorým pointa básne vyznieva v oslavu živých, vzbudených Tatier“ (Vongrej, P. *Poznámky a vysvetlivky*. In Vongrej, P., 1966, s. 328). J. Jančo zaujal osobitný postoj k motívu ducha Tatier, ktorým ho dokonca popiera. Nadchýna sa krásou Tatier, ale keď volajú po bohatierskych činoch, nedostávajú odpoveď. Iba keď cez osvetu prinesieme do Tatier ducha, môžeme ich pozdvihnúť. V Tatrách žijú vo dne aj v noci rozličné mocnosti a duchovia. V *Divadle duchov na Tatrách* opisuje ich stretnutie s kráľom duchov, ktorí mu prinášajú správu o svojej činnosti a on ich napomína k svornosti a vernosti. Oni to potvrdzujú prisahou. V duchovi Tatier podáva aj kritiku zaostalosti ľudu pod Tatrami.

Motív Tatier sa u Mikuláša Štefana Ferienčíka objavuje v jeho príležitostnej poézii. Tatra ako symbol slovenského národa sa objavuje aj v básni *Zbohom!*. Z nej vychádzajú sokolovia, ktorí majú vzbudiť celý národ. On sa s nimi síce lúči, ale len preto, lebo oni sú predurčení k väčšiemu cieľu, k boju za národ. Zrod slovenčiny privítal básňou *Slovenčina*. Poukazuje na to, že vznik

slovenčiny je oprávnený. Tatry mu symbolizujú celé Slovensko:

„V prostriedku Tatier tam chýry lietajú,
počujte spevy a tajné ohlasy,
nesú sa po ľom, cez skaliská k háju,
veštiac rodákovi blaženejšie časy;
a ohlas, čo nám to veštiť počína,
je tá nebeská, milá slovenčina.

.....
Mládenci bystrí ak Tatier orlovia
lietajú svetom k nebu sa vznášajú,
Slovenska hodní, nadchnutí synovia
u boha pokoj, nádej hľadajú:
a čo ich túžbu ku bohu pohýna,
to je víťazná naša slovenčina“

(Ferienčík, Š. Zbohom! In Vongrej, P., 1966, s. 141–142).

Tatry sa objavujú aj v diele Jána Jaromíra Matičku *Moje spevy*. Slovenský ľud prirovnáva k mohutným Tatrám. Je pevný ako tie skaly a má veľkých duchov, ktorí dokážu vládnuť. Ústredným motívom je láska k žene Líne, ktorá sa mnohako prejavuje cez reakciu na revolučné udalosti. „Tak mu vzniká báseň o láske vo vojne. Autor v čase, keď idú k bojom národy a hrmí svet, nadsadzuje úlohu lásky a víťazenie ňou aj cez ničiacie dotyky bojovej vravy. Tak sa dostáva v básni k výkriku : zničte nám svety a zem zvalajte ... ešte vládne láskami“ (Vongrej, P. Poznámky a vysvetlivky. In Vongrej, P., 1966, s. 351–352). Nakoniec milenci utekajú na Moravu. Lásku k vlasti však povyšuje nad lásku k žene. Básnická skladba sa končí vierou v lepšiu budúcnosť.

Okrem básnikov, ktorí väčšiu časť svojej tvorby venovali Tatrám pôsobili v tomto období aj básnici, u ktorých sa Tatry objavujú iba príležitostne.

Jedným z týchto básnikov je aj Daniel Lauček Záboj u ktorého sa motív Tatier objavuje v dvoch básňach. Vrch Kriváň vystupuje ako ochranca národa, ktorý spolu s celými Tatrami dokáže nadchnúť ľudí do boja o národ.

Podobné myšlienky sa objavujú aj v tvorbe Daniela Bacháta Dumného. V Tatrách sa rodia junáci, oni pre nich znamenajú celý život. Sú pre nich kolíska aj hrob.

Svoje nadšenie Tatrami vyjadrila Johana Miloslava Lehocká v básňach *Podkrivánsky vlastenec* a *Slovenka*. V nich sa Kriváň stáva útočiskom vlastencov. On im dáva nádej na vzkriesenie národa. V druhej básni sama autorka vyjadruje svoju lásku k národu aj slovenskému jazyku.

„Teď obývám ono místo krásne
Kde Váh svými hučí vlnami,
Píseň slavská zněje Tatrami
Křiváň líbá slunce zlatojasné.

Sama příroda mne k tomu váže
Řeč svou nade všecko milovat
Ač i zákon lidský káže.

Dříve si dám srdce vyrvát z těla,
Než bych se od tebe vzdalovat,
Neb tě zradit, národe můj, měla!!“

(Lehocká, J. M. Slovenka. In Tatry v literatúre).

Kriváňom bol očarený aj ďalší autor Ľudovít S. Žavoron, ktorý ho vníma ako mohutný vrch vzdorujúci všetkým búrkam. Symbolizuje svornosť pre všetkých a mal by kedykoľvek spojiť všetkých ľudí v jeden národ.

Báseň s príznačným názvom *Tatranská elégia* napísal Václav Vraný. Tatry v nej vníma ako oltár, ktorému sa majú všetci ľudia koríť. Slovenskí bohatieri sa im majú podobat' a tak ako oni majú stretať svojich nepriateľov a odrodilcov.

„Národu nášmu taký ja želim vrelo rad
bohatierov,
Nad svet povznesených, krásno –
a mocnoduchých.

Tak jako tie končiare Tatier v zory ohňu sa žiaria
Tak nech vždycky horí srdce, myseľ k rodu
vám!“

(Vraný, V. Tatranská elégia. In Tatry v literatúre)

Smútok Tatry nad Slovenskom vyjadril Viliam Pauliny-Tóth. Tatry sa zahalila smútkom a smúti nad ľuďmi žijúcimi pod ňou, ktorí nedokázali bojovať sami za seba.

„Nespím už viacej! už raz i mne svitá,
otváram už oči, hľadím po domove;
vidím, že Tatry v chmár smútku zavítá,
bo v putách je pod ňou plemä Ábelové.

Oj, žiaľné, trpké je moje precítenie,
bo moje neresti v svete páru nenie.

.....
Nespím už viacej! Vidím tú pustotu,
do ktorej cudzinec vsotil rod môj milý,
vidím jeho zbytky, moju nahotu,
v nejž si putá ľúbe národ zotročilý.
Oj, zle je, Slováci, oj, zle je, nedobre:
Krivda za stôl sadla, pravda u dvier
žobre“

(Tóth, V. P. Slovensko, ty ešte spíš? In Tatry
v literatúre)

Chvála Tatry, báseň od Anny Zuzany Šoltýsovej, opisuje Tatry ako nedobytné, ktoré nelákajú nikoho. Poklady v nich by chceli získať všetky národy, ale nedokážu ich pokoriť. To dokážu len Slováci, ktorí v tomto kraji žijú a naberajú nové sily.

Ako vidno z predchádzajúceho prehľadu o stvárňovaní tatranských motívov, čiže poézii o Tatrách u štúrovských básnikov badáme časté opakovanie rovnakých prvkov a symbolov: Tatra ako mať, symbol Slovenska i Slovanstva; Tatry ako krása a majestátnosť prírody; Tatry ako záštita a sila národa, symbol vzdoru a výraz jeho ducha; motívy obdivu, úcty i poklony tatranským výšinám.

Dôležité v rámci regionálnej výučby literatúry sú aj hmotné pamiatky po spisovateľoch. Za hmotné pamiatky sú považované napr. rodné domy, pamätníky, múzeá, hroby a pod. takéto sprístupňovanie literatúry nastoľuje Jaroslav Rezník, keď hovorí : „ Na Slovensku je veľa miest a objektov, ktoré nazývame literárne pamiatky. Spoznať podobu takéhoto miesta, uvidieť ho na vlastné oči, vdýchnuť atmosféru jeho okolia znamená hlbšie vniknúť do určitého literárneho diela a bližšie sa zoznámiť s jeho tvorcom. Spoznať celý rad literárnych pamiatok na Slovensku znamená lepšie si osvojiť vývoj slovenskej literatúry a spoznať vývoj slovenskej literatúry znamená spoznať veľkú časť slovenskej národnej histórie“ (Rezník, J., 2001, s. 7)

Aj od rodičov a pedagógov je potrebné, aby pôsobili na verejnú mienku, aby boli tieto pamiatky zachované. Každý pedagóg by sa mal oboznámiť nie len s pamiatkami svojho bydliska, ale aj svojho štúdia a pôsobiska. Mal by ich deťom sprostredkovať, tak aby ich to zaujalo a

podniknúť aj exkurziu na tieto pamiatky pri výučbe daného autora. Aj Tatry majú veľa takýchto pamiatok, napr. Gymnázium Pavla Országha Hviezdoslava v Kežmarku, Lyceálna knižnica v Kežmarku, Evanjelické lýceum v Kežmarku, Evanjelická fara v Lomničke (bývala tu Terézia Vansová), Rodný dom Adama Prídavku v Kežmarku a mnohé iné. Môžeme tu využiť aj výstup do Tatier, aby žiaci a študenti videli, kde sa stretávali napr. štúrovci. Filozoficky to vyjadril Gaston Bachelard, ktorý tvrdí : „Ale okrem spomienok je rodný dom vpísaný do nás i fyzicky..... Rodný dom je viac než jadro bývania, je to jadro sna“ (Bachelard, G., 1997, s. 20).

Takáto forma výučby, nazvaná aj literárny zemepis nám umožňuje u žiakov rozvíjať najmä afektívne ciele vzdelávania: „sú zamerané na vytváranie a pestovanie pozitívnych postojov a vzťahov, sebavnímania a sebahodnotenia na základe socializácie v štyroch úrovniach:

- v regionálnom ponímaní vnímania sa ako rodáka,
- v globálnom kontexte pozitívne vnímanie seba ako svetoobčana,
- v stredoeurópskom priestore vnímania seba ako Európana,
- v národnom ponímaní vnímania sa ako príslušníka národa (Cabanová, V., 2003, s. 63).

U žiakov sa formujú najmä city vlastenectva, národného cítenia a národnej hrdosti a aktivizuje sa hodnotiace myslenie prostredníctvom poznávania a vyhľadávania dokumentov regionálnej povahy. Práve k formovaniu týchto citov nám dopomôže poznanie našej jedinečnosti a odlišnosti regiónu od iných (Leláková, 2012). Veď Tatry ako symbol Slovenska sa stali na dosť dlhú dobu určujúcim znakom slovenskej literatúry. Ich zobrazovanie vyjadruje aj náš zápas o svojbytnosť a samostatnosť a umožňuje u žiakov formovať pocit hrdosti na svoj národ a literatúru.

„Nikdy nevystúpim na končiare všetkých tatranských štítov a iných slovenských vrchov, ale viem, že sú. Nikdy si neochladím horúce dlane a neumyjem spotenú tvár vo všetkých slovenských potokoch

a riekach, ale viem, že sú. Nikdy nevstúpim do všetkých slovenských miest a dedín, ale viem, že sú. Nikdy nepoužijem všetky slová, obsiahnuté v bohatej zásobe slovenského jazyka, ale viem, že sú. Nikdy neprečítam všetky diela všetkých slovenských spisovateľov, ale viem, že sú a vytrvalo pôsobia

v našej národnej kultúre“ (Rezník, J., Bratislava 2001, s. 6). Takto to vyjadril Jaroslav Rezník a pri jeho myšlienkach si uvedomujeme, že aj v našom najbližšom regióne sú diela, ktoré sa natrvalo zapísali do literárnej histórie, formovali ju a pôsobia v nej.

* * *

1. Dobšinský, P. K Tatrám. In Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 92.
2. Dobšinský, P. Jednota, Stálosť, Rovnosť. In Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 92.
3. Dobšinský, P. Šuhajstvu. In Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 111.
4. Dobšinský, P. Dumka. In Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 111.
5. Dobšinský, P. Dumka. In Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 112.
6. Ferienčík, Š. Zbohom! In Vongrej, P. *Keby si počul všetky tie víchrice*. Bratislava 1966, s. 141–142.
7. Kol. autorov 1997 *Teória a dejiny slovenskej literatúry*. UKF, Nitra, 187s.
8. Kopál, J. 1995 O regionalizme v umení a literatúre (aj pre deti a mládež). *Bibiana* č. 4, s. 12–16.
9. Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 98.
10. Kovalčík, V. *Rozružie, alebo Samo Bohdan Hroboň*. Bratislava 2002, s. 27.
11. Lehocká, J.M. Slovenka. In *Tatry v literatúre*. [cit.] [cit. 2013-4-19]. Dostupné na internete: http://kniznicapp.sk/tatry-v-literature/index.php?option=com_content&view=article&id=74%3Alehocka-johana-miloslava-1810-1849-&catid=34%3Apoezia&Itemid=56&limitstart=2.
12. Leláková, E.: The role of the living environment in the process of building up the linguistic picture of the world In: *PRIZMA: interdisciplinárna konferencia s medzinárodnou účasťou*. Žilina: FHV Žilinskej univerzity, 2012. S. 174–179.
13. *Listy Sama Bohdana Hroboňa* (Editor E. Hleba). Martin 1991, s. 6 a 8.
14. Mečiar, S. *Tatry v slovenskej a poľskej poézii*. Martin 1932, s. 38.
15. Rezník, J. 2001 *Túry do literatúry (Po literárnych stopách Slovenska)*. Slovart, Bratislava, 480 s., ISBN 80-7145-616-0
16. Šulek, Ľ. J. Vysokoučennému mužovi Ľudovítovi Štúrovi. In Kostolná, E. *Literárny archív 9 / '72*. Martin 1973, s. 98.
17. Švec, Š. a kolektív 2003 *Pojmoslovné spory a ich definičné riešenia vo výchovede*. Stimul, Bratislava, 147 s., ISBN 80-88982-73-1
18. Tóth, V. P. Slovensko, ty ešte spíš? In *Tatry v literatúre*. [cit.] Dostupné na internete: <http://kniznicapp.sk/tatry-v-literature/> [cit. 2013-4-19].
19. Valér, M. a kolektív : 2005 *Slovník slovenských spisovateľov*. Bratislava, Kalligram, 652 s.
20. Vongrej, P. Poznámky a vysvetlivky. In Vongrej, P. *Keby si počul všetky tie víchrice*. Bratislava 1966, s. 351–352.
21. Vraný, V. Tatranská elégia. In *Tatry v literatúre*. [cit.] Dostupné na internete: <http://kniznicapp.sk/tatry-v-literature/> [cit. 2013-4-19].
22. Žello, L. *Básně*. Pešť 1842, s. 18.

КОНЦЕПТ ПОКОРНОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА SUBMISSIVENESS AS PART OF THE RUSSIAN CONCEPTUAL SPHERE

© 2021

В.Л. Карякина

V.L. Karyakina

В статье содержание концепта *покорность* рассматривается на материале словоупотреблений, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка, словарей русского языка, словарей русских пословиц и поговорок. Автор выявляет понятийные особенности исследуемого концепта, его периферийные смыслы, аксиологические характеристики, ассоциативные связи. В наиболее привычных значениях покорность можно *выражать, изображать, демонстрировать, выказывать, изъяснять, проповедовать, воспитывать*. Что касается специфики сочетаемости лексемы «покорность» с зависимыми существительными, то наиболее частотными оказываются такие выражения, как *покорность судьбе, Божьей воле, Господу, власти, обстоятельствам*.

В любом социокультурном объединении существует своя система ценностных норм и правил. В русских паремиях покорность репрезентируется как особенность коммуникативного поведения, вызывающая у окружающих положительную реакцию, смягчающая сердца. Положительная оценка покорности как добродетели (*спокойная, твердая, безусловная*) отмечается также в церковно-богословских текстах, в то время как в публицистическом и художественном дискурсах преобладает отрицательная оценка данного качества (*слепая, рабская, тупая покорность*).

Смысловой и культурологический контент русского концепта *ПОКОРНОСТЬ* варьируется в зависимости от контекста употребления (религиозный контекст, контекст народной культуры, общекультурный контекст) и свидетельствует о том, что покорность – важный концепт в русской национальной картине мира.

Ключевые слова: концепт; русский язык; языковая картина мира; лингвокультурология; контекст; вербализация; атрибутивная сочетаемость; коннотативное значение; фразеологизмы; пословицы; поговорки.

The article examines the concept of *submissiveness* as presented in the National Corpus of the Russian Language, dictionaries of the Russian language, dictionaries of Russian proverbs and sayings. The author reveals the key features of the concept, its peripheral meanings, axiological characteristics and associative connections. In the most common collocations *submissiveness* can be expressed, portrayed, demonstrated, shown, expressed, preached, and taught. As for the specifics of the compatibility of the lexeme “*submissiveness*” with dependent nouns, the most frequent expressions are such as *submission to fate, God’s will, the Lord, power, and circumstances*.

Any socio-cultural community has its own system of values and rules. In Russian idioms *submissiveness* is represented as a feature of communicative behavior that causes a positive response and makes the hearts warm. A positive assessment of *submissiveness* as a virtue (*calm, firm, absolute*) is also noted in religious texts, while in publicistic discourse and fiction this quality is discussed in the negative context (*blind, slavish, stupid submission*).

Russian concept of submission varies in its semantic and cultural content depending on the context of its use (religious context, folk culture context, general cultural context) and it shows that submission is the constituent of the Russian conceptual sphere.

Keywords: concept; the Russian language; Russian conceptual sphere; linguoculturology; text environment; verbalization; attributive compatibility; connotative meaning; idioms; proverbs; sayings.

В конце XX – начале XXI века особенно ярко проявился интерес к лингвокультурологии, к изучению языковой картины мира, что нашло отражение в работах целого ряда отечественных исследователей: Н.Ф. Алефиренко [1], Ю.Д. Апресяна [2], Н.Д. Арутюновой [3], Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [4], С.Г. Воркачева [5], В.В. Воробьева [6], В.В. Красных [7], В.Н. Телии [8], С.Г. Тер-

Минасовой [9], Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева [10] и др.

Национальная языковая картина мира, по определению Анны Андреевны Зализняк, – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [11].

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей (или сквозных мотивов). В.А. Маслова выделяет несколько групп ключевых для русской языковой картины мира концептов: 1) мир – пространство, время, родина и др.; 2) стихии и природа – вода, огонь, дерево, цветы; 3) представления о человеке – интеллигент, гений, дурак, юродивый, странник; 4) нравственные концепты – совесть, стыд, грех, правда, истина, искренность; 5) социальные понятия и отношения – свобода, воля, война и т.д.; 6) эмоциональные концепты – счастье, радость; 7) мир артефактов – храм, дом, сакральные предметы (колокол, свеча и др.); 8) концептосфера научного знания – философия, филология, математика и т.д.; 9) концептосфера искусства – архитектура, живопись, музыка, танец и т.д. [12, с. 70]

Цель настоящего исследования – определить содержание концепта ПОКОРНОСТЬ в русском языке; проследить контекстуальное окружение слова, вербализующего исследуемый концепт; определить его атрибутивную сочетаемость, а также выявить возможные импликации с этим словом, чтобы понять, как рассматривается покорность в русской языковой картине мира.

Для выявления понятийных характеристик концепта ПОКОРНОСТЬ обратимся к словарным дефинициям. В словарях русского языка *покорность* определяется как:

- «отвлеч. сущ. к *покорный*, полное подчинение, послушание, повиновение» [13];
- «беспрекословное исполнение чьих-либо указаний» [14].

Более широкое толкование семантики данного слова представлено в справочниках церковно-богословского характера. Так, в православной энциклопедии «Азбука веры» лексема «покорность» представлена как многозначное слово: «1) повиновение; 2) податливость внешнему влиянию, воздействию со стороны кого-либо, чего-либо; 3) послушание; 4) форма вежливости, любезности, уважительности по отношению к кому-либо (пример: *ваш покорный слуга*); 5) черта характера, сближающаяся в некотором отно-

шении со смиренностью (*покорность Божьему Промыслу; покорность «судьбе»*); б) уступчивость» [15]. В онлайн-издании «Основы духовной культуры» покорность трактуется как «положительное духовно-нравственное качество личности, проявляющееся как послушание, смирение, повиновение, отказ от сопротивления и борьбы, исполнительность, подчинение обстоятельствам, власти. Покорность – это и вежливое обращение с просьбами, замечаниями, требованиями людей, извинение за свои недостаточно квалифицированные действия» [16].

Как видим, в большинстве рассмотренных словарных статей лексическое значение слова «покорность» трактуется сходно, однако в церковно-богословских источниках семантика данной лексемы более дифференцирована; в большинстве словарей нерелигиозного характера значение слова «покорность» лишено коннотативных сем, в онлайн-издании же «Основы духовной культуры», трактующем духовно-нравственные категории с точки зрения богословия, дается положительная оценка рассматриваемого качества.

Что касается парадигматических связей, то «Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений» дает два синонима к слову «покорность»: «кротость, повиновение» [17, с. 280].

Значительно шире данный синонимический ряд представлен в электронном Тезаурусе русской деловой лексики: «повиновение, подчинение, послушание (ослаб.), смирение, смиренность, безропотность, безответность, покорливость, непрекословие» [14]. На наш взгляд, перечисленные синонимы можно отнести к семантико-стилистическим, поскольку они различаются не только оттенками лексического значения, но и стилистической окрашенностью. Так, если *смирение* (книжн.) – это «сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия» [13], то *покорливость* (устар. диал.) – «свойство по знач. прил. *покорливый*» [18], т.е. послушание без рефлексии.

Антонимы к слову «покорность» – «непокорность, неповиновение, неподчинение, непослушание» [14], «строптивость» [19, с. 362].

Для выявления базовых слоев концепта ПОКОРНОСТЬ следует рассмотреть его реализацию в составе русских фразеологизмов. Нам не удалось обнаружить во фразеологических словарях единицы с данной лексемой, однако в русском языке имеются устойчивые выражения, пословицы и поговорки, включающие слова «покорный», «покорство», «покорить(ся)». Так, этикетный оборот «Ваш покорный / покорнейший слуга» является устаревший вежливой формой заключения письма: *С совершенным почтением к вам, имею честь быть **Ваш покорный слуга** Платон Ковалев* (Н.В. Гоголь. Нос), а также используется для иносказательного называния говорящим или пишущим самого себя и носит иронический оттенок: *Не вы ли уверяли **вашего покорного слугу**, что он расцветет душой?* (И.С. Тургенев. Бретёр).

В русских пословицах и поговорках более отчетливо актуализируется этическая составляющая концепта «покорность»: *Покорство лучше упорства; Покорному дитяти все к стати; Покорное слово гнев укрощает; Покорной головы и меч не сечет; Покорись беде, и беда покорится* [20]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что покорность в сознании русского народа является качеством характера или коммуникативного поведения, вызывающим у окружающих положительную реакцию, смягчающим сердца, свидетельствующим об укрощении в себе гордыни.

Поскольку «судить о том, каким является содержание концепта в языке, можно только по засвидетельствованному словоупотреблению» [21, с. 23], обратимся к многочисленным контекстам использования слова «покорность».

Важность покорности как добродетели засвидетельствована в библейских текстах: *Ваша **покорность** вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты*

на зло (Послание Апостола Павла к Римлянам 16:19); ... *ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за **покорность** исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми* (2-е послание Коринфянам 9:13) [15].

Однако следует отметить, что в переводах библейских текстов употребления лексемы «покорность» немногочисленны (нами обнаружено только 3). Чаще используются синонимичные слова с более смягченной семантикой: «послушание», «смирение», «кротость».

Зафиксированные в Национальном корпусе русского языка [22] примеры (786 документов, 1086 вхождений) позволяют увидеть, что покорность может быть охарактеризована с помощью качественных прилагательных по таким параметрам, как:

1) степень проявления:

– *Временами он думал о том, ревнуют ли они его. Бесстрастные лица, **полная покорность**. Женщины в Старом Свете на их месте давным-давно убили бы друг друга, но здесь всё было иначе* [А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)];

– *Его суета улеглась, восторжествовала **абсолютная покорность** – Оскольцев принимал любую участь, ибо избавился от главной своей пытки: вечного подозрения в неправоте* [Д. Быков. Орфография (2002)];

– *Девушку отправили в монастырскую школу, где оплаченные Ривзом учителя в спешном порядке стали учить ее читать и писать, а также внушать **безграничную покорность** ее будущему мужу, то есть Джеймсу Эдисону Ривзу* [С. Глебов. Аризона в наследство (2002) // Вечерняя Москва. 2002.07.18];

2) характер проявления:

– *В них точно видна не экзальтация фанатизма, а какая-то **чистая, безмятежная покорность** мученичества, которое не думает о славе, а увлекается, поглощается одним чувством* [Е. Беспалая. «Без тебя я, как без жизни...» // Родина. 2008. № 5];

– *Черты лица здесь не главное, важно выражение: спокойная мудрость Христа проповедующего, столь же **спокойная***

покорность идущего на крест [Св. Логинов. Мастерская Иосифа (2014)];

– Но взгляд его глаз выражал **твердую покорность** воле Божией и радостную неустрашимость служения Ему и православным людям [протоиерей Алексей Микриков. Уния с МП приведет к духовной катастрофе (2006.03.04) // Наша страна (Аргентина), 2006];

– Но, услышав Глас Божий, признал неисповедимую правоту Его и выказал **безусловную покорность** свою [Неизвестный. Два Иова // Наука и религия. 1992. № 2];

– Одно из двух: либо нужно поверить, что, кроме вихря мировой грязи и пыли, есть ещё что-то на свете, есть мировой Разум и мировая Правда, на которые может опереться человек в своих исканиях и надеждах, либо же остаётся верить только в «дьяволов водевиль», и тогда человеку не на что надеяться, и единственное, что остаётся человеку, есть или **тупая покорность** бессмысленной судьбе, или **самоубийство** [С.Л. Франк. Религия и наука (1929)];

– Что касается нравственной жизни, то у нее отняли ее активную силу, навязав ей как верховный идеал **слепую покорность** власти, пассивное послушание, квиетизм, то есть отрицание человеческих воли и сил – ересь монофелитскую [В.В. Бибихин. Единое христианство (2002)];

– Россия – страна необъяснимых крайностей: либо **рабская покорность**, либо бунт, сметающий все на своем пути [Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)];

– Бабушка была для меня единственной отрадой в Доме, но это я теперь так понимаю, а тогда, наверное, и не любила её – **за преступную**, как мне казалось, **покорность** обстоятельствам [М. Палей. Поминование (1987)];

– Дрожащий голубоватый воздух был протитан ленью, а на лицах редких прохожих читалась **отрешенная покорность** судьбе [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)];

– Случалось, что без Ивана, среди ночи, полной мягкого, плодового стука до-

жда, на Софью Андреевну находила **жертвенная покорность** [О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)];

– Ох, эта странная, **безвольная покорность**, которая сковала ее на миг, – перед тем, как она нашла в себе силы оттолкнуть его... [Т. Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)];

– Случалось, они вышучивали меня, говорили, что когда-нибудь при моей общительности меня засунут в бурку, увезут в горы и там я останусь навсегда в сакле мужа, буду жить, покрыв платком голову до бровей, не смея долго разговаривать со свекром, выказывая всем **молчаливую покорность** [И. Полянская. Прохождение тени (1996)];

– В голосе ее Дима не слышал ни радости, ни облегчения. Какая-то **безысходная покорность** судьбе [А. Маринина. Стечение обстоятельств (1992)];

– Я встала в очередь, и эта же самая **гипнотическая покорность** судьбе опутала и меня [В. Токарева. Летающие качели (1978)].

Анализ собранного материала показывает, что определения с положительной коннотацией (*спокойная, твердая, безусловная покорность*) используются преимущественно в текстах религиозного характера, где слово «покорность» употребляется в значении «черта характера, сближающаяся в некотором отношении со смиренностью (покорность Божьему Промыслу; покорность судьбе)». В публицистических и художественных текстах преобладает отрицательная оценка рассматриваемого качества как препятствующего позитивной динамике общества, унижающего человеческого достоинство (*слепая, тупая, жалкая, подлая покорность*).

Кроме качественных прилагательных, слово «покорность» нередко сочетается с притяжательно-относительными прилагательными, нередко употребленными метафорически, в значении качественных: например, *холопья, овечья, чиновничья, рабская покорность*, причем подобные сочета-

ния имеют явно выраженный неодобренный, презрительный эмоционально-оценочный оттенок: *В нем сочетаются желание успеха, желание массовости и чиновничья покорность, заставляющая не только соответствовать требованиям рынка, но и соблюдать лояльность господствующей идеологии* [О.В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. III (2007)]; *Уничжительное смирение и холопью покорность по отношению к гордой и надменной властительнице* [А. Проханов. Господин Гексоген (2001)].

Если рассматривать отношение к покорности в русском социуме с точки зрения разработанной в коммуникативной лингвистике теории социальных ролей, очевидно, что покорность – качество, ожидаемое вышестоящими от нижестоящих и приветствуемое начальством: *Но спорить и доказывать никто не хотел: себе дорожке обойдется. Начальство любит смирение и покорность. А проблема как-то рассосется...* [Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)]; *Кажется, великому князю понравилась покорность обычно довольно строптивого воеводы* [Б. Васильев. Ольга, королева русов (2002)].

В примерах, представленных в Национальном корпусе русского языка, репрезентируется также гендерный характер покорности: она рассматривается как черта, более свойственная женщинам, чем мужчинам: *Я послушно ставлю пакеты на стол, а покорность есть главная женская добродетель, говорит Антон...* [Ек. Завершнева. Высотка (2012)]; *Согласен с утверждением, что истинная натура женщины – покорность* [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№ 501–1001) (1999)]. Причем мужчинами женская покорность оценивается в большинстве случаев положительно (*Ему нравились и покорность её, и неясное сознание вины, и молчаливое обещание, что подобных разговоров – страшных и смертельно опасных – больше не повторится* [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]), а женщинами – отрицательно: *Я и в себе ощущала это:*

стыдную, идущую из потрохов покорность [Г. Щербакова. Армия любовников (1997)].

Таким образом, отношение к покорности в русском сознании неоднозначно. Это связано с системой ценностных норм и правил, существующих в любом социокультурном объединении. «В православной системе она опосредуется Богом, душой и верой, в гражданско-правовой – долгом и ответственностью, в общечеловеческой – правдой, честью и достоинством» [23, с. 43].

Что касается особенностей сочетаемости лексемы «покорность» с зависимым существительным, то наиболее частотными оказываются такие выражения, как *покорность судьбе, Божьей воле, Господу, власти, обстоятельствам*. Причем если покорность Божьей воле позиционируется как добродетель, то покорность власти и обстоятельствам чаще характеризуется отрицательно: *Толстой был неповторимым исследователем человеческого сердца, но учение его только закрепляет рабскую покорность народа своим господам* [А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966–1973)]; *Покорность обстоятельствам лишает человека воли, он не в состоянии ополчиться против них и не совершит измены* [В. Кожевников. Щит и меч. Кн. 1 (1968)]; *Фатализм, покорность судьбе были чужды ему, ненавистны*. [А. Насибов. Безумцы // Спортмен-подводник. 1964. № 4].

В речи покорность часто выступает в роли объекта действия. Ее можно:

– проповедовать: *Они продолжают проповедовать покорность, разумение, воздержание, братолюбие, сострадание, добрый совет в качестве принципов, которые помогают им преодолевать зло и самосовершенствоваться* [А. Яковлев. Омут памяти. Т. 1 (2001)];

– воспитывать: *Ум, талант или яркость природы, все, что так восхищало его в людях, не нужны были власти; она воспитывала покорность, пассивность, типичность* [Ю. Сычёва. Люблю свой гнев (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.11.16];

– навязывать: *Что касается нравственной жизни, то у нее отняли ее ак-*

тивную силу, **навязав** ей как верховный идеал слепую **покорность** власти, пассивное послушание, квиетизм, то есть отрицание человеческих воли и сил – ересь монофелитскую [В.В. Бибихин. Единое христианство (2002)];

– выражать: *Но взгляд его глаз **выражал** твердую **покорность** воле Божией и радостную неустрашимость служения Ему и православным людям* [протоиерей Алексей Микриков. Уния с МП приведет к духовной катастрофе (2006.03.04) // Наша страна (Аргентина), 2006];

– изображать: *Вот жду... – Он **изобразил** на лице **покорность** судьбе. – Как?* [Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска (2003)];

– проявлять: *Тут же, вспомнив былое, торопится **проявить** **покорность*** [М.И. Ситов. Острова // Бельские Просторы. 2010. № 10];

– демонстрировать: *Тем временем третий крупный игрок, РАО «ЕЭС», старательно **демонстрирует** **покорность** судьбе* [Б. Жуков. Стратегия, загнанная в уголь (2003) // Еженедельный журнал. 2003.03.03];

– выказывать: *Ибо **выказать** **покорность** перед более сильным субъектом и не выказать страха, если это даже и грозит тебе смертью, есть несомненный принцип выживания* [В. Алексеев. Один день за границей // Родник. 1989. № 6];

– изъяслять: *В письме Зарецкого неточность: перед Куликовской битвой Олег **изъявил** **покорность** Мамаю и обещал присоединить к татарскому войску свои полки, но по каким-то причинам в сражении ни на чьей стороне не участвовал...* [С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

Также можно **добиться** **покорности**, **научить** **покорности**, **принудить** к ней.

Как видим, в большинстве представленных примеров покорность репрезентируется как негативное качество, связанное с иерархическими отношениями в социуме, принудительно вырабатываемое и зачастую показное.

В зависимости от субъективных переживаний и мнений адресанта покорность может коррелировать с:

– кротостью: *Голубые глаза с поволокой означают верность, покорность и кротость* [А.П. Чехов. Руководство для желающих жениться (1885)] [22];

– подчинением: *Вот еще один лейтмотив повести – покорность и безропотное подчинение* [Ж. Галиева. Евангелие от Владимира, или Сильмариллион по сорокински (о романе Владимира Сорокина «Лед») // Октябрь. 2003. № 3];

– смирением, иждивенчеством, добродетелью: *А в русском человеке эту черту в значительной степени поддерживала православная церковь, которая провозглашала смелость, самостоятельность, моральную и материальную состоятельность грехом, а покорность, смирение, молитвенную праздность и иждивенчество – добродетелью* [Невольник добрых дел (2003) // Известия. 2003.01.31];

– послушанием, квиетизмом, угодливостью: *Что касается нравственной жизни, то у нее отняли ее активную силу, навязав ей как верховный идеал слепую покорность власти, пассивное послушание, квиетизм, то есть отрицание человеческих воли и сил...* [В.В. Бибихин. Единое христианство (2002)] [22]; *При этом под скромностью понимается отнюдь не великое божественное смирение, основанное на твердости духа и силе характера, а рабская покорность, угодливость, слепое послушание* [Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)];

– терпением: *Опять приговор, но теперь Клава получила уже слишком много ударов, доказывающих, что терпение и покорность идут во благо только твоим врагам, по себе это поняла, а наблюдая за Нерлиным, научилась реагировать на агрессию* [О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман // Звезда. 2003. № 4];

– пассивностью, типичностью: *Ум, талант или яркость натуры, все, что так восхищало его в людях, не нужны были власти; она воспитывала покорность, пассивность, типичность* [Ю. Сычёва. Люблю

свой гнев (2003) // Интернет-альманах «Лепедь». 2003.11.16];

– нежностью: *Она была – сама покорность и сама нежность* [Б. Васильев. Ольга, королева руссов (2002)];

– низостью, жестокостью, отчаянием и безразличием: *Голод <...> угнетает душу, гонит радость, веру, уничтожает силу мысли, рождает покорность, низость, жестокость, отчаяние и безразличие* [В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 2. (1960)];

– фатализмом: *Отсюда – покорность, фатализм: «Бог дал, бог и взял»* [Л.А. Гордон и др. «Требуется работник...» Какой? // Знание – сила. 1987. № 9].

Перейдем к рассмотрению ассоциативного поля интересующего нас концепта.

В русской языковой картине мира покорность в духовном, богословском смысле ассоциируется с христианством (*Между церквями, как церквями, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно – гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое – смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь* [Л.Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893)] и добродетелью (*Это [покорность. – В.К.] особая, своеобразная добродетель, с помощью которой человек многое выигрывает и ровно ничего не проигрывает* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1857)]).

В социально-политическом и художественном дискурсе картина несколько иная: «Словарь ассоциаций» предлагает следующие наиболее частотные ассоциативные связи (из перечня исключены однокоренные с лексемой «покорность» слова): *послушание, раб, смирение, характер, верность, послушный, слуга, преданность, человек, согласие* [24]. Большая часть неодушевленных абстрактных существительных, представленных в данном ряду, обладает положительной коннотацией (*послушание, верность, преданность*). Одушевленные существительные, входящие в ассоциативный ряд понятия «покорность» («раб»,

«слуга»), обозначают лиц находящихся в откровенном социальном подчинении, что вызывает у части носителей языка негативное отношение к данному качеству как ущемляющему человеческое достоинство.

Итак, проведенный нами анализ позволил установить некоторые особенности национального представления русских о понятии «покорность».

Мы обнаружили, что смысловой и культурологический контент концепта ПОКОРНОСТЬ варьируется в зависимости от контекста употребления (религиозный контекст, контекст народной культуры, публицистический контекст) и существенно различается в плане оценки. В церковно-богословской сфере покорность – добродетель, свидетельствующая о любви к Богу (*Любить Бога – значит любить покорность Богу ...* [Ю. Максимов. Понятие чуда в христианстве и в исламе // Альфа и Омега. 2001. № 27]). В бытовых представлениях русского народа, отраженных в пословицах и поговорках, – это качество, способствующее гармонизации отношений с окружающими, смягчающее сердца, свидетельствующее об укрощении в себе гордыни. В публицистическом дискурсе и художественной литературе покорность оценивается чаще отрицательно, как качество, препятствующее позитивной динамике общества, унижающее человеческое достоинство.

Так же неоднозначно воспринимается покорность на уровне ассоциаций.

Отмеченные особенности вербализации концепта ПОКОРНОСТЬ отражают такие черты национального менталитета русских, как историческая терпеливость и созерцательность мышления [25, с. 59, 60]. Изучение специфики репрезентации данного концепта в толковых словарях русского языка, в церковно-богословской литературе, русской паремии и примерах, представленных в Национальном корпусе русского языка, позволяет иллюстрировать представление о нравственных ценностях русского народа и свидетельствует о том, что концепт ПОКОРНОСТЬ является одним из важных в русской национальной культуре.

* * *

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие. М. : Флинта, 2010. 224 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–68.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1990. 246 с.
5. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография. М. : РУДН, 2008. 336 с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд., дораб. М. : МГУ, 2004. 352 с.
10. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Язык и славянской культуры, 2005. 544 с.
11. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Язык и славянской культуры, 2005. С. 153–174.
12. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск : Тетра Системс, 2005. 256 с.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. Т. 3. М. : Советская энциклопедия : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 19.04.2021).
14. Тезаурус русской деловой лексики. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/business-vocabulary/index.htm> (дата обращения: 21.04.2021).
15. Азбука веры (Алфавитный раздел). URL: <https://azbyka.ru/pokornost> (дата обращения: 19.04.2021).
16. Основы духовной культуры. URL: <https://rus-spirit-culture-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.04.2021).
17. Абрамов Н. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов. 7-е изд., стер. М. : Русские словари, 1999. 431 с.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : АН СССР, Ин-т русского языка, 1957–1961. URL: <https://enc.biblioclub.ru/Tetrad/19971> (дата обращения 19.04.2021).
19. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимичных пар / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1984. 384 с.
20. Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М. : Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1862. 1154 с.
21. Бочкарев А.Е. О стыде и связанных с ним понятиях в фокусе Национального корпуса русского языка // *Nová rusistika / Новая русистика*. 2016. Т. 9, № 2. С. 21–36.
22. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 19.04.2021).
23. Бочкарев А.Е. К определению концепта СОВЕСТЬ в русской языковой картине мира // Вестник Моск. городского пед. ун-та. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. Т. 21, № 1. С. 41–53.
24. Словарь ассоциаций русского языка онлайн. URL: <https://sinonim.org/as/покорность> (дата обращения: 20.04.2021).
25. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта : Наука, 2006. 238 с.

**О ДЕРИВАЦИОННЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ
В РОССИЙСКИХ И ХОРВАТСКИХ СМИ**

**DERIVATIONAL MEANS OF EXPRESSING VERBAL AGGRESSION
IN RUSSIAN AND CROATIAN MEDIA**

© 2021

М.В. Радченко

M.V. Radchenko

В статье рассматриваются индивидуально-авторские неологизмы с отрицательным оценочным значением, используемые в российской и хорватской публицистике в качестве средства речевой агрессии. Источником языкового материала для исследования послужили электронные средства массовой информации на русском и хорватском языках. Анализируются структурно-семантические особенности экспрессивных окказиональных новообразований, дающих негативную характеристику различным актуальным общественно-социальным и политическим событиям и явлениям, а также выявляются наиболее продуктивные словообразовательные модели, по которым подобные новообразования возникают в двух славянских языках. Наблюдения над языком современных российских и хорватских средств массовой информации показывают, что производство неологизмов с ярко выраженной отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской в медиадискурсе может осуществляться при помощи как узуальных, так и незузуальных способов словообразования. Негативная экспрессия новообразований чаще всего обусловлена семантико-стилистическими особенностями производящей лексемы. На основе сопоставительного анализа индивидуально-авторских неологизмов с отрицательным оценочным значением, употребляемых в текстах современных российских и хорватских средств массовой информации, можно сделать вывод о том, что большинство их создано способами, характерными для окказиональной деривации, к которым следует отнести контаминацию, графодеривацию, аналогическое словообразование и заменительную деривацию.

Ключевые слова: речевая агрессия; тексты СМИ; русский язык; хорватский язык; словообразование; негативная экспрессивная оценочность; окказионализмы; узуальные способы словообразования; аффиксация; словосложение; незузуальные способы словообразования; контаминация; аналогическое словообразование; заменительная деривация.

This article discusses occasional words with negative evaluative meaning used in Russian and Croatian journalistic discourse as a means of verb aggression. The examples were taken from electronic mass media in the Russian and Croatian languages. The article analyzes structural and semantic features of the new occasional words which have an expressive meaning and characterize various actual social and political events and phenomena in the negative way, it also identifies the most productive word-formation models, according to which such new words are coined in two Slavic languages. According to the modern Russian and Croatian mass media observations, new words with negative emotive and expressive connotation in media discourse can be formed through both conventional and non-conventional ways of word-formation. Negative connotation of occasional words accounts for semantic and stylistic features of the producing lexeme. The comparative analysis of occasional words with a negative evaluation used in texts of modern Russian and Croatian mass media enables to conclude that most of them were formed by means of occasional derivation, which includes contamination, graphical and orthographical derivation, pattern-based derivation and substitutive word-formation.

Keywords: verbal aggression; mass media texts; the Russian language; the Croatian language; word formation; negative expressive evaluation; occasionalisms; conventional ways of word formation; affixation; composition; non-conventional ways of word-formation; contamination; pattern-based derivation; substitutive word-formation.

Речевая агрессия – «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [1, с. 340]. Н.Е. Петрова и Л.В. Радибурская определяют ее как «жесткое, подчеркнутое

средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адре-

сата тягостное впечатление» [2, с. 17]. Тенденция к речевой агрессии активно проявляется в публицистической сфере коммуникации. По мнению Е.И. Коряковцевой, одной из причин использования в современном публицистическом дискурсе разнообразных средств выражения языковой агрессии является «ставшая привычной скандальная сенсационность СМИ» [3, с. 45].

В российской лингвистике сегодня существует немало работ, в которых представлены результаты исследования форм, способов и средств выражения речевой агрессии в СМИ (Е.Ю. Булыгина и Т.И. Стеклова [4], Ю.В. Щербина [5], Н.Е. Петрова и Л.В. Рацибурская [2], А.П. Сквородников [6], В.И. Шаховский [7] и др.).

Н.Е. Петрова и Л.В. Рацибурская предлагают типологизацию средств выражения вербальной агрессии, разработанную ими на материале современных массмедийных текстов на русском языке. К дискурсивным средствам, применяемым, как правило, для не прямой, скрытой речевой агрессии, исследователи относят различные приемы языковой демагогии, иронию, тенденциозное использование негативной информации, явление интертекстуальности. Активная, открытая речевая агрессия реализуется в СМИ при помощи выражающих негативную оценку лексических средств, к которым относятся оценочные, инвективные, стилистически сниженные и жаргонные лексемы, агрессивные метафоры и сравнения, а также словообразовательные неологизмы [2, с. 29–30]. По нашим наблюдениям, подобные средства выражения вербальной агрессии характерны также и для хорватского медиадискурса.

Следует отметить, что анализу новообразований, созданных журналистами в целях выражения речевой агрессии, посвящены многочисленные исследования российских лингвистов (Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева и А.В. Шумилова [8], Д.В. Соловьева [9], Л.В. Рацибурская, В.А. Топоркина [10], В.Е. Замальдинов [11] и др.), в то время как в хорватском языкознании новообразования, реализующие

языковую агрессию, до сих пор не являлись объектом специального исследования.

В настоящей статье рассматриваются русские и хорватские индивидуально-авторские неологизмы с отрицательным оценочным значением, используемые в российских и хорватских СМИ в качестве средства речевой агрессии. Анализируются структурно-семантические особенности экспрессивных окказиональных новообразований, дающих негативную характеристику различным актуальным общественно-социальным и политическим событиям и явлениям, а также выявляются наиболее продуктивные словообразовательные модели, по которым подобные новообразования возникают в двух родственных славянских языках. Источником языкового материала для нашего исследования послужили электронные СМИ на русском и хорватском языках.

Словообразовательные инновации, относящиеся к лексическим средствам вербальной агрессии, могут быть образованы при помощи узуальных способов, например, аффиксации или словосложения: *Nakon što je izgubio jugoslavensku sinekuru, Katunarić se devedesetih munjevito priključio na obilate francuske i hrvatske sinekurice i sinekurčine* [12]. Данное предложение содержит два новообразования, созданных в результате присоединения размерно-оценочных суффиксов к основе существительного *sinekura* ('хорошо оплачиваемая должность, не требующая особого труда'): уменьшительно-ласкательного *-ic(a)* и увеличительного *-čin(a)*. При этом аугментатив *sinekurčina* перекликается со словом общенного характера, демонстрируя высокую степень отрицательной оценки, нарушающей этические и эстетические нормы. Ассоциации с инвективной лексемой вызывает и инновация *застряпцы*, мотивированная разговорным глаголом *застряпать* в значении 'задержаться, надолго остаться где-либо' [13, с. 348]: *Застряпцами теперь называют тех, кто застрял за границей и не может пока вернуться на родину* [14]. Отрицательное оценочное значение имеют также уничижительные сложные окказио-

нальные новообразования в заголовке *Голомордый убил человека-масочника* [15].

По нашим наблюдениям, индивидуально-авторские неологизмы, отличающиеся ярко выраженной негативной экспрессивной оценочностью, особенно активно образуются при помощи незуальных способов словообразования, а наиболее широкое распространение в обоих языках получили окказионализмы, созданные путем контаминации.

Словообразовательная контаминация заключается в совмещении полных или подвергшихся неморфемному усечению производящих основ как минимум двух исходных слов. Важным аспектом данного способа окказиональной деривации является наличие общего для мотивирующих слов фонетического компонента. Значение контаминанта формируется на основе семантики исходных лексем.

Анализ контаминированных новообразований показывает, что оценочный характер инноваций в обоих языках обусловлен семантико-стилистической спецификой одного из производящих слов, например: *Пассажирно будет* [16]. Контаминант в заголовке статьи о масштабных планах ОАО РЖД по развитию пассажирского движения мотивирован нейтральным существительным *пассажир* и наречием *жирно* в значении ‘слишком хорошо, слишком много для кого-либо’ [13, с. 307], отличающимся сниженной экспрессивно-стилистической окраской. Производящими основами контаминанта в заголовке *Лжесть. Рассерженные ученые перешли к действиям – отлавливают и награждают всех мракобесов* [17] являются существительные *ложь* и *жесть* – жаргонизм, употребляемый в значении ‘не что жестокое, неприятное, тяжелое, страшное’ [18]. Характеризующийся отрицательной экспрессивной окраской окказионализм *talibanovina* мотивирован историзмом *banovina* (‘область, управляемая баном (наместником)’) и вызывающим негативные ассоциации существительным *talibani* (‘исламское вооруженное движение, возникшее в Афганистане в середине 1990-х годов’):

Na sreću svih onih koji svoj obogotvoreni rat i svoj praznorječivi mir pokušavaju konzervirati pozivima na jedinstvo i na suprotstavljanje podjelama, te podjele u ovoj zemlji još ni izbliza nisu onolike kolike bi trebale i morale biti, ukoliko se želi spriječiti pretvaranje Hrvatske u katoličku talibanovinu [19]. Контаминант *budalučnost* мотивирован бранным словом *budala* (‘дурак’) и нейтральным существительным *budučnost* (‘будущее’): *Budalučnost. U svojoj redovnoj rubrici pod nazivom ‘Uvrede & podmetanja’ autor će danas postaviti pitanje zbog čega se ministrica obrazovanja Blaženka Divjak građanima Hrvatske obraća kao da su budale* [20]. Отрицательное оценочное значение имеет и контаминант *intelektukac*, образованный на базе существительных *intelektualac* (‘интеллектуал’) и *tukac* в значении ‘глупец, болван’: *Da se razumijemo. Kao »Europljanin i intelektukac« dovoljavam svakome da izražava svoje stavove i sklonosti, sve dok time ne ugrožava moju slobodu i život uopće* [21].

Еще одним средством выражения отрицательной экспрессивной оценки являются дериваты, созданные в результате графикации (графодеривации) – способа образования слов, при котором «в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» [22, с. 76]. В текстах российских и хорватских СМИ представлена капитализация – незуальное чередование строчных и прописных букв, приводящее к актуализации в составе исходного слова иных лексем, например, аббревиатур. Так, графодериват в заголовке *КИДать сложнее: россияне защитят от обмана при страховании* [23] образован путем выделения прописными буквами в составе жаргонизма *кидать* (кого-либо) (‘обманывать, не возвращать взятое’ [13, с. 426]) аббревиатуры *КИД* (ключевой информационный документ). Рассмотрим еще один пример: *Hvala dragom Bogu, konačno završava neUSpjela izborna doSADa u »državi Danskoj« u kojoj, kažu, nikad ništa nije trulo!* [24]. В статье речь идет о президентских

выборах в США. В прилагательном *neuspjela* ('неудачная') актуализируется сегмент слова, совпадающий с английской аббревиатурой *US* (United States), а в узуальном существительном *dosada* ('скука, тоска') при помощи прописных букв на фоне строчных выделяется хорватское название США – *SAD* (Sjedinjene Američke Države).

Аббревиатуры также могут использоваться в качестве одного из исходных слов при производстве контаминированных новообразований с графическим выделением, например: *Свидетели ЕГЭовы* [25] (*Иеговы* + *ЕГЭ*); *Željko Jovanović i Saša Zelenika, siva eminencija Ministarstva, idu dalje, sa čačićevskom upornošću. Provode sustavno i bešćutno zlostavljanje akademske zajednice, koje sam jednom prilikom nazvao MZOSTavljanjem* [26] (*MZOS* – 'Министерство науки, образования и спорта' + *zlostavljanje* – 'дурное, грубое обращение с кем-либо'). При этом в процесс производства контаминантов с графическим выделением могут вовлекаться как исконно русские или хорватские, так и заимствованные аббревиатуры, например: *PRузраки войны* [27], ср.: *PR* (англ. *Public Relations*). В случае *Pojedinci, redovito nazivani »paranoičima«, javno izražavaju strah od tzv. obnove treće YugoSSlavije...* [28] немецкая по происхождению аббревиатура *SS* (от *Schutzstaffel* – 'отряды охраны'), обозначающая вооруженные формирования нацистов в 1925–1945 годах, использована при создании контаминанта *YugoSSlavija* (*Yugoslavija* + *SS*), который содержит аллюзию на политику репрессий в бывшей СФРЮ, приводя к актуализации семы 'фашизм' и формированию у читателя ассоциативной связи «СФРЮ – фашистское государство».

Сема 'фашизм' актуализируется и в созданном по аналогии с узуальным *e-mail* новообразовании *e-heil*, содержащем аллюзию на нацистское приветствие *Хайль* (нем. *Heil*): *Uz ponosnu potvrdu svojega autorstva, Miljak je pojasnio i razloge za slanje takvog e-heila. Morao je, kaže, reagirati na priopćenje Spomenpodručja Jasenovac što ga je potpisala Nataša Jovičić* [29]. Поводом для создания новообра-

зования послужило обнаружение угрожающих электронных писем лидера националистической консервативной партии, посланных директору мемориального комплекса Ясеновац, находящегося на территории бывшего концлагеря.

В обоих языках представлены дериваты, созданные в результате заменительного словообразования, предполагающего замену одного из корней в узуальном сложном слове: *Краеукольный вопрос Европы. Вакцинация в странах ЕС разворачивается медленно* [30] (*краеукольный* ← *краеугольный*); *Drogoljubna koalicija. Društvene mreže „uživaju“ u ismijavanju HDZ-a* [31] (*drogoljubna* ← *domoljubna*; ср.: *domoljubna* – 'патриотическая' и *droga* – 'наркотик').

Значительная часть новообразований, отличающихся ярко выраженной негативной экспрессией, создается на базе антропонимов, в первую очередь фамилий и личных имен политических и общественных деятелей. Особенно многочисленны в медиадискурсе окказионализмы, произведенные на основе антропонима и слова, вызывающего негативные ассоциации, например: *ОтМАЗали. Бывший следователь прокуратуры Александр Маз, в пьяном виде сбивший насмерть москвичку, остался на свободе* [32]. При создании графодеривата прописными буквами выделяется антропоним в жаргонизме *отмазать* – 'увести от ответственности, обелить, выгородить кого-либо всеми возможными способами' [13, с 751].

К новообразованиям, реализующим в тексте языковую агрессию, следует отнести контаминанты *Zlomejec* и *Zlopačić*, образованные в результате совмещения фамилий хорватских политиков *Omejec* и *Opačić* с существительным *zlo* ('зло'): *Dokle god u ovoj zemlji ovakve gospođe kao što su, sad ću to reći namjerno, gospođa Zlomejec i gospođa Zlopačić, dokle god one budu mogle donositi odluke koje će se svih nas životno ticati i ići protiv svijaju, svima nama se u ovoj zemlji crno piše* [33].

Насмешливой, иронически-пренебрежительной окраской отличается инновация *Чубайс-пугайс* [34], произведенная путем

малопродуктивного способа окказионального словообразования, получившего в российской лингвистике название «повторотзвучие, или эхо-прием» [35, с. 187], а также «фокус-покус прием» [36, с. 222].

Проявлением речевой агрессии является чрезмерное употребление окказионализмов, созданных неузуальными способами и передающих негативное отношение к определенным событиям и явлениям, которое может вызвать у читателя неприятие текста. В качестве примера рассмотрим отрывок из текста, рассказывающего об афере, связанной с деятельностью фармацевтической компании «Farmal»: *Afera »Farmal« pokazala je kako su narod u Hrvatskoj godinama farmali – i farmaceuti, i političar(obnjaci), i medij(okriteti), i banka(sau)ri... i... i tko sve nije... – a to nesmetano i nekažnjivo čine i dalje!* [37]. Данное предложение свидетельствует о попытке автора текста агрессивно навязать негативное отношение к описываемым явлениям и содержит целый ряд окказиональных новообразований: глагол *farmati*, мотивированный названием фармацевтической компании «Farmal», создан по аналогии с узуальным глаголом *farbati*, основное значение которого – ‘красить; окрашивать что-либо’, а переносное – ‘обманывать; вводить в заблуждение кого-либо’; графодериват *farmaceuti* возник в результате капитализации – выделения в узуальном слове *farmaceuti* ‘фармацевты’ сегмента, совпадающего с аббревиатурой *EU* (‘ЕС – Европейский союз’); существительные *političar*

(*obnjaci*) (*političari* – ‘политики’ + *čarobnjaci* – ‘чародеи’), *medij(okriteti)* (*mediji* – ‘средства массовой информации’ + *mediokritet* – ‘посредственность; посредственный, заурядный человек’) и *banka(sau)ri* (*bankari* – ‘банкиры’ + *dinosauri* – ‘динозавры’) представляют собой контаминанты с графическим выделением сегмента при помощи скобок (парентезис).

Проведенное нами исследование показало, что производство неологизмов с ярко выраженной отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской в российских и в хорватских СМИ может осуществляться путем как узуальных, так и неузуальных способов словообразования. Следует отметить, что большинство подобных словообразовательных инноваций создано характерными для окказиональной деривации нетиповыми способами, к которым следует отнести контаминацию, графодеривацию, аналогическое словообразование и заменительную деривацию.

Словообразовательные неологизмы являются очень эффективным средством выражения речевой агрессии в медиадискурсе. В обоих языках создание окказионализмов, отличающихся отрицательной оценочной экспрессией, обусловлено реакцией на актуальные события, происходящие в политической и общественной жизни, а базой для производства подобных слов нередко является негативно окрашенная лексика, стилистически сниженные, грубые, вульгарные слова и выражения.

* * *

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. : Флинта, 2006. 696 с.

2. Петрова Н.Е., Радибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 160 с.

3. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce : Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.

4. Булыгина Е.Ю., Стеклова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сборник науч. трудов. Барнаул : Алтайский ун-т, 2000. С. 148–157.

5. Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М. : Флинта, 2004. 224 с.

6. Сковородников А.П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антипode // Политическая лингвистика. 2019. № 3(75). С. 12–21.

7. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : монография. Волгоград : ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.
8. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М. : Флинта : Наука, 2015. 136 с.
9. Соловьева Д.В. Рискогенность нестандартных новообразований в текстах СМИ и ее причины // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 241–246.
10. Рацибурская Л.В., Топоркина В.А. Деривационные средства воздействия на читателя в публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 12(394). С. 78–81.
11. Замальдинов В.Е. Словообразовательные неологизмы в языке СМИ и интернет-коммуникации: эколингвистический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4(1). С. 13–19.
12. Katunarić nije liberalni intelektualac nego poludjeli šegrt Hlapić // Jutarnji list. URL: <https://www.jutarnji.hr/naslovnica/katunaric-nije-liberalni-intelektualac-nego-poludjeli-segrt-hlapić-3316706> (дата обращения: 04.02.2021).
13. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. 1536 с.
14. Ковидиада-2020 без допинговой вакцинации // Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/blog/govorimporusski/2632204-echo/> (дата обращения: 04.02.2021).
15. Голомордый убил человека-масочника // 47 News. URL: <https://47news.ru/articles/184193/> (дата обращения: 05.02.2021).
16. Пассажирно будет // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4574048> (дата обращения: 05.02.2021).
17. Лжесть. Рассерженные ученые перешли к действиям – отлавливают и награждают всех мракобесов // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/10/02/74042-lzhest> (дата обращения: 05.02.2021).
18. Словарь молодежного сленга. URL: <https://teenslang.su/id/8039> (дата обращения: 07.02.2021).
19. Dolje ratstvo i jedinstvo! // Tačno.net. URL: <https://www.tacno.net/novosti/dolje-ratstvo-i-jedinstvo/> (дата обращения: 05.02.2021).
20. Budalučnost // Portal Novosti. URL: <https://www.portalnovosti.com/budalucnost> (дата обращения: 09.02.2021).
21. Conchita je kao Dinamo // Zadarski list. URL: <https://www.zadarskilist.hr/clanci/18052014/conchita-je-kao-dinamo> (дата обращения: 05.02.2021).
22. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования : монография. Орел : Орловский гос. ун-т., 1998. 149 с.
23. КИДать сложнее: россиян защитят от обмана при страховании // Известия. URL: <https://iz.ru/1117932/mariia-kolobova/kidat-slozhnee-rossiian-zashchitiat-ot-obmana-pri-strakhovanii> (дата обращения: 11.02.2021).
24. Izborna la comedia e finita! // Don Blog. URL: <https://blog.dnevnik.hr/angelo1/2008/11/index.html> (дата обращения: 05.02.2021).
25. Свидетели ЕГЭовы // Невское время. URL: <https://nvspb.ru/2015/04/23/svideteli-egeovy-57493> (дата обращения: 07.02.2021).
26. INTERVJU: Hrvoje Jurić: Najlošiji potez ove Vlade je to što još uvijek vlada // Politika Plus. URL: <http://www.politikaplus.com/novost/84001/hrvoje-juric-najlosiji-potez-ove-vlade-je-to-sto-jos-uvijek-vlada> (дата обращения: 09.02.2021).
27. PRизраки войны // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/05/26/59707-prizraki-voynu> (дата обращения: 07.02.2021).
28. “Balkanska državna unija” // Don Blog. URL: <https://blog.vecernji.hr/don-kacunko/balkanska-drzavna-unija-4380> (дата обращения: 11.02.2021).
29. Nataša Jovičić, zadnja pošta Jasenovac // Novi list. URL: <https://www.novolist.hr/kolumne/natasa-jovicic-zadnja-posta-jasenovac/> (дата обращения: 05.02.2021).
30. Краеукольный вопрос Европы. Вакцинация в странах ЕС разворачивается медленно // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4640254> (дата обращения: 07.02.2021).

31. Drogoljubna koalicija: Društvene mreže 'uživaju' u ismijavanju HDZ-a // Net.hr. URL: <https://net.hr/danas/hrvatska/drogoljubna-koalicija-drustvene-mreze-uzivaju-u-ismijavanju-hdz-ove-izborne-noci/> (дата обращения: 07.02.2021).

32. ОтМАЗали // Комсомольская правда в Санкт-Петербурге. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/24329/521565/> (дата обращения: 11.02.2021).

33. Sindikati najavili ustavnu tužbu zbog outsourcinga // Indeks.hr. URL: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/Sindikati-najavili-ustavnu-tuzbu-zbog-outsourcinga/813658.aspx> (дата обращения: 09.02.2021).

34. Афоризмы недели от известных людей. Выпуск № 20 от 14.05.2013 // Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/politics/russia/43312> (дата обращения: 08.02.2021).

35. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М. : Языки славянской культуры, 2007. С. 186–193.

36. Ильясова С.В., Амири Л.П. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия. М. : Флинта : Наука, 2018. 328 с.

37. Sveci franjevci & Hrvati i Franjo u obrani... // Don Blog. URL: <https://blog.vecernji.hr/don-kacunko/sveci-franjevci-hrvati-i-franjo-u-obrani-4272> (дата обращения: 05.02.2021).

**ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ТВОРИТИ*
В РУССКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ XIII–XVII ВВ.**

**VERBAL-NOMINAL COLLOCATIONS WITH COMPONENT *TVORITI*
IN THE RUSSIAN FORMAL LANGUAGE OF THE 13–15TH CENTURIES**

© 2021

О.С. Русанова

O.S. Rusanova

В статье представлен анализ особенностей функционирования глагольно-именных сочетаний с компонентом *творити* в деловых текстах XIII–XVII вв., которые содержатся в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что указанный глагол обладал широкой сочетаемостью и ослабленной семантикой, имел специфическую стилистическую окраску и употреблялся в текстах определенных жанров.

Обнаруженные в корпусе сочетания использовались для фиксации различных деловых ситуаций, связанных с религиозной сферой, – прощения, отпущения грехов, совершения чего-либо плохого, а также совершения поступков по чужой воле. Отмечено, что практически все выявленные сочетания не являются устойчивыми. Указано, что в современном русском языке большая часть приведенных сочетаний не употребляется, некоторые из сохранившихся сочетаний сегодня не характерны для деловой речи, так же как и сам глагол.

Ключевые слова: стиль; стилистика; фразеология; устойчивость; сочетаемость; частотность; устойчивые сочетания; глагольно-именные сочетания; древнерусский язык; старорусский; корпус; значение; словарь; грамота; глагол; существительное.

The article analyses the ways the verbal-nominal combinations with the component *tvoriti* perform their functions in formal language of the XIII–XVII centuries, as exemplified in the Russian National Corpus. It highlights a wide compatibility and weakened semantics of the verb, as well as its specific stylistic coloring and ability to be used in the texts of certain genres.

The combinations found in the corpus were used to mark various official situations connected within the sphere of religion. The most frequent ones are acts of forgiveness, sins remission, committing something bad, as well as submitting someone else's will. The paper concludes that the collocations are not stable. It indicates that in the modern Russian language neither collocations nor mere verbs are used in the formal speech.

Keywords: style; stylistics; phraseology; stability; compatibility; frequency; stable collocations; verbal-nominal collocations; Old East Slavic; old Russian; corpus; meaning; dictionary; charter; verb; noun.

В отличие от стилистики современного русского языка историческая стилистика недостаточно изучена. Однако нам известно, что еще в донациональную эпоху развития русского языка (до XVII в.) тексты различались в зависимости от функций, которые они выполняли. Так, обычно выделяются литературная церковнославянская и административно-деловая разновидности письменного языка, каждая из которых обладает своими специфическими чертами. Например, для житийных текстов было характерно следование литературному канону, специфическое содержание, что отражается в изображении описываемого героя [1], тогда как деловым текстам, как отмечает Д.В. Попов, были свойственны особые формуляры, которые «хотя и допускали извест-

ную вариативность, связанную с языковой личностью пишущего, тем не менее, характеризовались относительной устойчивостью и воспроизводимостью синтаксических конструкций и отдельных лексем» [2, с. 13].

Нас прежде всего интересуют именно деловые тексты, поскольку официально-деловой стиль является самым древним функциональным стилем русского языка. Более того, по словам В.В. Колесова, «все жанры древнерусской письменности служили только для деловых целей» [3, с. 122].

В качестве материала для анализа мы выбрали тексты грамот и уставов, так как в них наиболее четко представлены официально-деловые отношения. Кроме того, язык данных деловых текстов отличается клишированностью и стандартизованно-

стью, что подтверждает наличие большого количества устойчивых сочетаний типа *чинити управу, дѣлати дѣло, съвършити службу и радение* и др.

Над проблемами исторической фразеологии ученые размышляют уже давно (см. работы В.В. Колесова [3], Е.Н. Лагузовой [4], А.Г. Ломова [5], О.П. Лопутько [6], М.В. Пименовой [7 ; 8], Н.М. Хоменко [9] и др.). Практически все ученые утверждают, что история русской фразеологии изучена недостаточно, так как долгое время внимание было сосредоточено на анализе фразеологических единиц (ФЕ) в синхронии.

Для обозначения древнерусских устойчивых сочетаний (УС) предлагаются различные термины: синкретема (М.В. Пименова), формулы-синтагмы (В.В. Колесов), устойчивые словесные комплексы (А.Г. Ломов), устойчивая формула (О.П. Лопутько) и т.д. Подробную классификацию этих терминов приводит В.В. Колесов в монографии «Древнерусский литературный язык» [3, с. 136–137].

Большинство лингвистов высказывают мысль о том, что при изучении древнерусских фразеологических единиц необходимо абстрагироваться от современного понятия ФЕ. К примеру, известный историк языка М.В. Пименова в работе «Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов)» говорит о том, что «отличительной чертой синкретем [древнерусских УС. – О.Р.] на фоне современных ФЕ является синкретичное значение, отражающее древнюю концептуальную форму русской ментальности – ментализацию (XI–XIV вв.), связанную с метонимией (а не с метафорой, как большинство современных ФЕ)» [8, с. 180]. Таким образом, ученый выделяет следующие дифференциальные признаки древнерусских УС:

1) системность в связи с регулярностью метонимии (ср.: нерегулярность, вторичность и относительная «единичность» метафорических ФЕ);

2) синтагматический характер структурно-семантических типов синкретем

в связи с построением метонимией синтагмы (ср.: метафорическая парадигма ФЕ);

3) разработка объема понятия, в связи с чем наблюдается преимущественная связь значения с денотатом (ср.: метафорическая разработка содержания понятия у ФЕ) [8, с. 180].

С.Р. Зайнуллина, анализируя работы по исторической фразеологии, приходит к выводу о том, что древнерусские УС (у нее – традиционные формулы), хотя и похожи по составу и функционированию на современные ФЕ, отличаются от них тем, что им свойственны «меньшая степень устойчивости и идиоматичности, обусловленность употребления предметом изображения, темой повествования (а не жанром или стилем), функционирование в текстах особого типа, которые в настоящее время уже не создаются» [10, с. 84]. Действительно, при обращении непосредственно к древнерусским текстам обнаруживаем, что УС употребляются в зависимости от различных ситуаций, например, в ситуации разбирательства какого-либо дела (*чинити управу, наказанье, казни*); оказания поддержки (*оказати любовь, оказати дружбу*); изготовления, создания чего-либо (*дѣлати изделия, пруды, дворы*) и др. Такие сочетания часто можно обнаружить в текстах грамот – важных официальных документов, которые в настоящее время не создаются.

В последнее время все чаще начали появляться исследования, посвященные стилистическому аспекту изучения устойчивых сочетаний в древнерусском языке (см. работы С.Р. Зайнуллиной и Л.Ф. Килиной [11 ; 12], А.А. Макушиной [13], Д.В. Попова [2] и др.).

Целью данной работы является анализ глагольно-именных сочетаний с компонентом *творити* в деловых текстах XIII–XVII вв. и определение степени их устойчивости.

Указанный глагол в древнерусском языке обладал широкой сочетаемостью, а также «прозрачной» семантикой [11, с. 35]. В «Словаре русского языка XI–XVII в.» указано 19 значений глагола *творити*, из которых нас интересуют только несколько: ‘со-

здавать, творить (о Боге)’, ‘изготавливать, производить’, ‘делать, совершать, осуществлять (какое-л. действие)’ [14, с. 253–254]. Отметим также, что в данном словаре закреплены некоторые устойчивые сочетания с исследуемым глаголом: *без вѣсти творити*, *створити* ‘погубить, уничтожить’, *близь творити* ‘приближать, делать близким’, *виннымъ творити* ‘обвинять’, *влаца творити* ‘присваивать’, *извѣстно творити* ‘узнавать’, *творити сильно* ‘чинить насилие’ [14, с. 258].

Чтобы понять, как употреблялся глагол *творити* в деловых текстах и существовали ли УС с ним, мы произвели сплошную выборку в историческом (старорусском) подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [15]. Всего в корпусе содержится около 1800 грамот и уставов, в которых глагол *творити* встречается только 30 раз и образует 14 сочетаний со следующими существительными: *прощение* (9 вхождений), *память* (3), *волю* (3), *зло* (3), *шкоды* (2), *молитву* (2), *мерзости* (1), *дело* (1), *рубежа* (1), *чин* (1), *шествие* (1), *письмена* (1), *помазание* (1), *чудеса* (1), *срам* (1).

Самым частотным является сочетание *творити прощение*, например: «...и **творить прощеніе** со властью и сосвященники служащими, и благословляетъ ихъ служащихъ рукою, и облачается во олтари со властью, и облачась поидеть во церковь, и станеть передь своимъ мѣстомъ на орлецѣ противъ налоеувъ...» (Устав церковныхъ обрядов) [15]. Данное сочетание употребляется в основном в уставах при описании совершения обряда прощения в значении ‘простить, отпустить грехи’. Заметим, что сочетание не закрепляется как устойчивое в словарях, а в современном русском языке в указанном значении употребляется обычно параллельная глагольная форма – *простить*.

В описаниях ситуации совершения чего-либо дурного, плохого мы обнаружили такие сочетания, как *творити зло*, *мерзости*, *срам*: «Аще бы, Господи, не твоя благодсть покрыла мене, грѣшника, по вся дни и нощи и по вся часы, то азъ же, окаянный, погибль бых, аки прахъ предъ лицомъ вѣтру, за свое окаанство, и лѣность, и сла-

бость, и за вся сквернаа и неподобнаа блуды, и чрезестественнаа безаконіа, ибо не престаю на всяк часъ предъ тобою **зло творя**, не пребуду бо часа того, еже грѣха не створити ми» (Духовная грамота) [15]. Интересно, что в словаре данные сочетания не закреплены как устойчивые, однако приведен глагол *злотворити* ‘творить зло, совершать злодеяние’, который возник на базе сочетания *творити зло* с таким же значением [16, с. 33]. В современном русском языке как указанные сочетания, так и глагол не употребляются.

Менее частотной является ситуация, в которой совершаются поступки по чужой воле. В таких случаях обнаруживаем сочетание *творити волю*: «...а въ архіепискупы его поставилъ митрополитъ еретикъ, и онъ но его велѣнью служилъ все по Римски и его **волю творилъ**, и пришелъ къ Москвѣ, и язъ его простилъ и крестилъ, для того, что онъ обливанъ, и смотрилъ отъ него смиренія, и онъ въсмиренья мѣсто зло мнѣ учинилъ, ссриваючи меня съ патріархомъ Кириломъ, послалъ на меня письмо съ жалобою...» (Грамоты патриарха Филарета Никитича Нижегородского) [15]. Данное сочетание также не закреплено в словаре как устойчивое и встречается в духовных грамотах в значении ‘исполнять чье-либо желание, хотение’. Кроме того, в текстах грамот обнаруживаем и вариант этого сочетания *творити по воли* (‘делать что-либо по чьему-то желанию, хотению’). Важно отметить, что в современном русском языке отсутствует параллельная глагольная форма, а в подобных ситуациях употребляется сочетание *исполнять волю*.

Такой же по частотности является ситуация, связанная с воспроизведением и сохранением каких-либо сведений или образов в памяти. Для ее обозначения используется сочетание *творити память*: «Якоже пишетъ в Житіи святого преподобнаго отца нашего великаго Ануфрія пустынножителя, яко завѣща святому Пафнотію **память творити** и кадило принести посреди братіи и въ всѣхъ христіанѣхъ...» (Духовная грамота и исповедь Евфимія Туркова) [15]. Данное

сочетание также не закрепляется словарем как устойчивое. В современном русском языке в подобных случаях употребляется сочетание *восстанавливать в памяти* или глагол *вспоминать*.

Остальные сочетания (*творити молитву, шикоды, чудеса, срам, шествие, дело, чин* и др.) встречаются еще реже (1–2 раза).

Среди отобранного нами материала встречается лишь одно употребление сочетания, которое, согласно словарю, является устойчивым: «Аще бо и нынѣ просвѣщаеши, и тайно учиши, и покрываеши, и храниши мя державною си рукою, и бѣсы отгоняеши и **без вести твориши**, и вся покаряеши ми, и вся даруеши ми...» (Духовная грамота и исповедь Ефимия Туркова) [15]. Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII в.» это УС имеет значение ‘погубить, уничтожить’ (см. выше), в то же время его внутренняя форма совершенно не указывает на это значение, что могло стать причиной утраты сочетания в русском языке. Ни одно другое сочетание с глаголом *творити*, обнаруженное нами в текстах грамот, не закрепляется словарями как устойчивое.

Из всего сказанного следует, что в русской деловой речи XIII–XVII вв. глагол *творити* имел широкую сочетаемость, однако в деловых текстах использовался не так часто и в основном в духовных грамотах. В данном случае устойчивыми можем считать сочетания *творити прощение*, которое используется в уставах, но при этом не фиксируется словарями, а также *без вести твориши*, которое закреплено историческими словарями русского языка как устойчивое, но не употребляется в деловых старорусских текстах.

Логично предположить, что этот глагол имел специфическую стилистическую окраску, а потому употреблялся в текстах определенных жанров, закрепляя ситуации, связанные с религиозной сферой. В современном русском языке сочетаемость данного глагола изменилась, большая часть обнаруженных нами сочетаний была утрачена. В то же время такие сочетания, как *творить дела, зло, молитву, чудеса* закрепляются современными толковыми словарями, а также словарями сочетаемости [см.: 17, с. 1309 ; 18, с. 164].

* * *

1. Стародубцева Н.А. Диахронический и синхронно-диахронический подходы к анализу инфинитива в старорусских житийных текстах // Вестник Ставропольского государственного университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diahronicheskim-i-sinhronno-diahronicheskij-podhody-k-analizu-infinitiva-v-starorusskih-zhitiynyh-tekstah/viewer> (дата обращения: 30.04.2021).

2. Попов Д.В. Канцеляризмы как историческая стилистическая категория // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2020. № 3-4. Р. 12–19.

3. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л. : Ленинградский ун-т, 1989. 296 с.

4. Лагузова Е.Н. О термине описательный глагольно-именной оборот // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 20, № 6. С. 178–181.

5. Ломов А.Г. К вопросу об устойчивых словесных комплексах в древнейших русских летописях // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвуз. симпозиума. Тула : [газ. «Коммунар»], 1968. С. 300–303.

6. Лопутько О.П. Устойчивая формула в структуре лексикографического описания древнерусского слова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2(24). С. 219–223.

7. Пименова М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9, № 2. С. 439–449.

8. Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 178–194.

9. Хоменко Н.М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII–XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 18 с.

10. Зайнуллина С.Р. Традиционная формула как единица древнерусского текста // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. Вып. 2. С. 81–86.
11. Зайнуллина С.Р. Устойчивые сочетания с глаголом *творити* в русских житийных текстах // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации) : материалы междунар. научно-практической конференции (г. Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. Кострома : Костромской гос. ун-т, 2020. С. 34–36.
12. Зайнуллина С.Р., Килина Л.Ф. Глагольно-именные устойчивые сочетания с компонентом *животъ*: функционирование и развитие (на материале русских летописей XIII–XV вв.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27, вып. 3. С. 429–435.
13. Макушина А.А. Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 2(12). С. 73–75.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М. : Наука – Азбуковник, 1975. Вып. 29 (Сулезь – Тольмиже) / гл. ред. В. Б. Крысько. 2011. 480 с.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 30.04.2021).
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 6 (Зипунь – Иянуарий). М. : Наука, 1979. 360 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
18. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Изд. 2-е. М. : Русский язык, 1979. 256 с.

**ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ
КАК ЖАНР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
EASTER STORY
AS A GENRE OF RUSSIAN LITERATURE**

© 2021

Л.Г. Шестернёва

L.G. Shesternyova

В статье исследуется жанр пасхального рассказа, называются его признаки, символы и мотивы. В пасхальном рассказе центральным событием является спасение души через всепрощение, радость святого причастия. Сборники под названием «Пасхальные рассказы» массово появились в конце XIX века и стали необычайно популярными. В них могли входить произведения одного или многих авторов. Пасхальные рассказы имели и имеют важную назидательную функцию, изображали веру и безверие человека, путь человека к Богу. Пасхальный рассказ учит добру, Христовой любви. Его главные сюжеты – любовь и милосердие, прощение, моральное перерождение человека. Жанр пасхального рассказа уникален тем, что существует только в русском православии. Множество авторов обращались к нему, чтобы позволить читателям почувствовать тепло и доброту светлого праздника, научить христианской любви и добродетели.

В публикации внимание уделяется анализу произведений Антона Чехова, Леонида Андреева, Ивана Бунина, Саши Чёрного.

Ключевые слова: религия; христианство; пасхальный рассказ; любовь; милосердие; прощение; моральное перерождение человека; спасение души; всепрощение; радость святого причастия; путь к Богу.

The article examines the genre of the Easter story, provides its features, symbols and motives. In the Easter story the main theme is the salvation of the soul, forgiveness, the joy of Holy Communion, the path to God. Plenty of collections entitled “Easter Stories” appeared at the end of the 19th century and became extremely popular. They could be written by one author or a number of them. Easter stories have always been formative kind of reading, depicting the man of faith and man of unbelief, their path to God. They teach virtues, what Christ’s love is, they reveal the ideas of love and mercy, forgiveness, moral development. The genre of the Easter story is unique for Russian literature. Many authors appealed to it for their readers to feel the warmth and kindness of a bright holiday, to be taught Christian love and virtues.

The paper focuses on the works by Anton Chekhov, Leonid Andreev, Ivan Bunin, Sasha Cherny.

Keywords: religion; Christianity; Easter story; love; mercy; forgiveness; moral development of a person; soul salvation; joy of Holy Communion; path to God.

Христианство оказало глубокое воздействие на всю мировую литературу, искусство. Во многих художественных произведениях нашли свое воплощение события Священной истории, изображены церковные праздники. Перечень таких праздников различен у православных, католиков, протестантов, но все празднуют Рождество, Пасху, Троицу, Вознесение Господне. Писатели чаще всего представляли последние события земной жизни Христа, обращались к темам и образам четырех Евангелий.

Главными праздниками христиан стали Рождество и Пасха. Как отмечает В.Н. Захаров, важное «значение Рождества давно признано и писателями, и читателя-

ми: есть свой круг авторов и есть жанр “рождественского рассказа”, который у нас часто смешивают со “святочным рассказом”, хотя очевидно, что это не одно и то же, тем более что исконно западноевропейский “рождественский рассказ” и русский “святочный рассказ” говорят о разном: один – о христианских заповедях и добродетелях, другой – об испытании человека Злым Духом» [1]. По мнению профессора Е.В. Душечкиной, «святочные рассказы – это произведения, в которых изображались события, имевшие дело на святках. Святочная история должна быть фантастична, иметь мораль и отличаться весёлым характером повествования» [2, с. 143]. Со време-

нем святочный рассказ менялся, эволюционировал, но не исчезал из литературы. В настоящее время этот жанр функционирует как в творчестве писателей, представляющих современную православную литературу (Е. Шилова, Т. Горбачева и др.), так и в творчестве писателей постмодернистов (В. Пелевина, Б. Акунина и др.).

Пасха – это самый большой и светлый праздник в честь воскресения Христа. По словам протоиерея Георгия Фларовского, «Пасха – день вселенской радости и мира. Торжествует и радуется весь мир, всякое дыхание и вся тварь. Ибо Господь победил и разрушил смерть, упразднил “державу смертную” – власть смерти. И с Воскресением Христовым надо всем творением уже занялась и загорелась заря грядущего всеобщего Воскресения, – его же чаем: “и жизни будущего века”... Пасхальная радость беспредельна, в ней растворяется всякая скорбь и сомнения. Забываются обиды и огорчения: “и ненавидящим нас простим вся воскресением”. Ни облачка грусти и тёмных воспоминаний не должно затенять светозарное небо светоносной пасхальной ночи. Христос воскрес!» [3].

Пасхальный рассказ существует только в православии в отличие от рождественского рассказа, для которого главное – это преобладание внешнего чуда (голодного накормили, дети нашли родителей, исцеление больного и т.д.). В пасхальном рассказе центральным является спасение души, всепрощение, радость святого причастия, путь к Богу. И наиважнейшее чудо – Воскресение Христа Спасителя.

В русской литературе Пасха имела большое художественное значение. Предполагается, что зарождение жанра пасхального рассказа связано с именем А.С. Хомякова, который в 1844 году перевел на русский язык «Рождественскую песнь в прозе» Чарльза Диккенса и издал анонимно под новым характерным заглавием «Светлое Христово Воскресенье. Повесть для детей». Истина Христова, Церковь – это важнейшие ценности, которым А.С. Хомяков рыцарски служил всю жизнь [4, с. 96].

Сборники под названием «Пасхальные рассказы» массово появились в конце XIX века и стали необычайно популярными [5–9]. В них могли входить произведения одного или многих авторов. Пасхальные рассказы имели и имеют важную назидательную функцию, изображали веру и безверие человека, путь человека к Богу. Главное отличие пасхального рассказа от других жанров духовной литературы (поучений, молитв, притч, хождений, проповедей святых отцов, поучений старцев и др.) – попытка более глубокого и искреннего понимания себя, своей души. Пасхальный рассказ учит добру, Христовой любви. Его главные сюжеты – любовь и милосердие, прощение, моральное перерождение человека.

Жанр русского пасхального рассказа является уникальным (эксклюзивным) жанром в мировой литературе. Он характерен только для русского православия.

Множество авторов обращались к нему, чтобы позволить читателям почувствовать тепло и доброту светлого праздника, научить христианской любви и добродетели. Среди авторов – русские писатели XIX–XX веков: Н. Гоголь, А. Хомяков, Ф. Достоевский, А. Чехов, И. Бунин, А. Куприн, Б. Ширяев, И. Шмелёв, А. Солженицын и др. С 80-х годов XIX века пасхальный рассказ стал массовым жанром газетно-журнальной беллетристики. Редакторы заказывали для пасхальных номеров своих изданий стихи и рассказы [4, с. 95].

События пасхальных рассказов охватывают период от Прощённого Воскресенья до Дня Святой Троицы.

Рассказ Леонида Андреева «Баргамот и Гараська» можно считать классическим примером жанра: в нем именно на Пасху в людях открываются доброта, человечность, к ним приходит раскаяние. В рассказе большое значение имеет деталь праздника – пасхальное яйцо. Тема совести – еще одна составляющая семантики пасхального рассказа: «Баргамот пыхтел. Его несколько не оскорбляли ругательства Гараськи; всем своим нескладным нутром он ощущал не то жалость, не то совесть. Где-то в самых от-

даленных недрах его дюжего тела что-то назойливо сверлило и мучило» [10]. Пробуждение совести как реакция на унижение Гараськи (раздавленное пасхальное яйцо) приводит к изменению внутреннего мира персонажа и попытке понять других людей.

Новелла Ивана Бунина «Чистый понедельник» входит в цикл рассказов «Тёмные аллеи». Она посвящена любви, расцвет которой пришелся на первый день Великого Поста. Эта любовь для религиозной героини грех, она заставляет ее бежать от возлюбленного и мирской жизни в монастырь. В письме героиня пишет: «В Москву не вернусь, пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг... Пусть бог даст сил не отвечать мне – бесполезно длить и увеличивать нашу муку...». Сам автор признавал рассказ «Чистый понедельник» лучшим произведением этого сборника: «Благодарю Бога, что он дал мне возможность написать “Чистый понедельник”» (из письма жены писателя, В.Н. Муромцевой-Буниной к Н.П. Смирнову, 30 января 1959 г.) [11]. Само название обращено к православному календарю, к православным основам русской народной жизни.

В рассказах «Студент» и «Архиерей» А.П. Чехов напомнил читателю о Христе, о смысле истории и смысле жизни человека. В них ясно выражены общие для пасхального рассказа умиление и упование на народную веру и русское Православие. Сын дьячка, являющийся главным героем рассказа «Студент» от чувства пессимизма приходит к гармонии и пониманию смысла жизни. В начале рассказа он видит вокруг себя лишь тоску, ужас, голод, и ему кажется, что пройдет еще много лет, а жизнь не станет лучше. В конце рассказа он по-другому глядит на свою родную деревню, соломенные крыши. «Невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевало им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [12].

Пасхальные тексты часто сопровождаются пасхальными символами и образами – крест, верба, Вербная суббота, Страстная

неделя, «четверговая соль», кулич, яйцо, колокольный звон, храм, святая вода. Богатая система тропов делает ярким и эмоционально выразительным изображение Пасхи: «А радость пасхальная все ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались высокие хоругви. Стали готовиться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб – артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи» [13, с. 59]. Особенно трогательно описана в текстах Святая ночь: «Только раз в году бывает такая ночь... Какая-то особенная, чудесная... Святая ночь на праздник Светлого Христова Воскресения полна невыразимой радости. Никто не спит в эту ночь... И кажется, все ищут ласки, примирения. И в сердце самого обиженного, несчастного человека просыпается всепрощение и надежда на счастье» [14, с. 36]; «Тут подошла и Пасха с ее прекрасной, радостной, великой ночью. Мне некуда было пойти разговеться, и я просто в одиночестве бродил по городу, заходил в церкви, смотрел на крестные ходы, иллюминацию, слушал звон и пение, любовался милыми детскими и женскими лицами, освещенными снизу теплыми огнями свечек» [15].

Символичны и цвета, особенно красный, белый, голубой, зелёный. Цвета, окрашивающие пасхальные дни, символизируют переходы от Великого поста к Великой пятнице и к Пасхальному Дню. Главный – красный цвет, который представлен в виде красных свечей, красных облачений священников, красных лент и цветов. Вся Пасха красная, потому что цвет победы и вечной жизни, цвет воскресения. Красный символизирует кровь Христа, что была пролита при распятии. Основными концептами красного являются «жизнь, кровь, огонь». Это дуалистический цвет, так как может воплощать как любовь, так и смертельную борьбу [16, с. 257 ; 17 ; 18, с. 1478 ; 19]. Белый цвет – символ чистоты, невинности, радости, любви и святости. Именно он символизирует Воскрешение

Иисуса Христа. Белоснежная скатерть, глазурь на пасхальном куличе, белые платки на голове, белые цветы – все это символы праздника. Библия ссылается на белые цветы много раз. Считается, что они выросли в Эдемском саду и поливались слезами Евы. Именно лилии раскрылись в Гефсиманском саду после распятия Иисуса. Как отмечает С.Ю. Николаева, «используя православную символику, писатели реформаторски пошли к изображению света и цвета. Их “светлая” гамма созвучна не столько покою и свободе, но одновременно является ритуальным выражением Божественного в мире и человеке» [20, с. 27].

Важнейший мотив пасхальных произведений – духовное воскресение человека, сопереживание Страстям Господним, покаяние, милосердие, любовь к ближнему. В рассказе И. Бунина «На чужой стороне» светлая ночь застаёт мужиков на вокзале. В своем радостном благоговении они очень трогательны перед великим праздником. В другом рассказе «Весенний вечер» мужик убил и ограбил нищего на «Фоминой неделе, в ясный, чуть розовый вечер, в ту прелестную пору, когда земля только что вышла из-под снега, когда в степных лощинках еще лежит под голыми лубками серый затвердевший снежок...» [21]. Убил и сам понял, насколько это ужасно и бессмысленно.

Пасхальная тема звучит и в детских произведениях Саши Черного. В рассказе «Пасхальный визит» живущая в Риме маленькая русская девочка Нина берет несколько крашеных яиц, кусок кулича и идет в зоопарк поздравлять... медведя. Ей хочется, чтобы и у зверя в этот день был праздник. Медведь съел яйца, «куличом закусил

и приложил лапу ко лбу, точно под козырек взял. Это он всегда делал, когда был чем-нибудь очень доволен. Нина в ответ на доброе приветствие зверя показала ему пустую сумочку и ответила странным русским словом, которое ей сегодня мать подсказала: “Воистину, воистину!..”» [22]. Девочка особенно жалеет доброго медведя потому, что он тоже русский (сторож сказал ей, что медведя привезли с Урала), и «ему очень скучно, никто его не понимает. Тигра вон как хорошо устроили, а медведя в клетку. За что?» [22].

Замечательные традиции в светлый праздник Пасхи объединяют многие семьи – это и творожная пасха, и ароматные куличи, и освященные крашеные яйца. Но есть один обычай, который никогда не устареет: чтение в кругу семьи добрых и искренних пасхальных рассказов, которые создают радостную атмосферу праздника. Особенно много сборников пасхальных рассказов посвящено детям. Чаще такая литература появляется в России, но и белорусские издательства выполняют эту важную работу. Так, издательство «Белорусская Православная Церковь» в 2018 году осуществило 7-е издание сборника «Детям о Пасхе Христовой»; при Свято-Елисаветинском женском монастыре в Минске в 2015 году был издан пасхальный сборник для всей семьи «ХВ, радость моя!».

Таким образом, пасхальный рассказ как жанр русской литературы занимает особое место в системе жанров. Пасхальные рассказы неизменно демонстрируют духовное преображение человека, победу любви и добра, умение прощать и радоваться счастьем других.

* * *

1. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Слово.Ru : портал. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37163.php> (дата обращения: 23.04.2021).
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб. : СПбГУ, 1995. 225 с.
3. 11 самых радостных цитат о Пасхе // Фома : православный журнал. 2019. URL: <https://foma.ru/11-samyih-radostnyih-tsitat-o-pashe.html> (дата обращения: 23.04.2021).
4. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVII–XX вв. М. : Русская православная церковь, 2003. 539 с.
5. Куприн А.И. Молитва Господня : рассказы. М. : Дарь, 2005. 431 с.
6. Чехов А.П. Святой ночью. М., 2014. 24 с.

7. Пасхальные рассказы. Знаменитые русские писатели о великом и сокровенном празднике. М. : Рипол Классик, 2019. 272 с.
8. Большая Пасхальная книга. Пасхальные рассказы. М. : АСТ, 2016. 320 с.
9. Воскресение и жизнь... Пасхальная проза русских классиков. М. : Вече, 2018. 320 с.
10. Андреев Л.Н. Баргамот и Гараська. URL: <http://palomnic.org/oh/lit/> (дата обращения: 23.04.2021).
11. История создания рассказа «Чистый понедельник». URL: <https://www.literaturus.ru/2016/07/istorija-sozdanija-chistyj-ponedelnik-bunin.html> (дата обращения: 23.04.2021).
12. Чехов А.П. Студент. URL: <https://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html> (дата обращения: 23.04.2021).
13. Никифоров-Волгин В. Светлая заутреня // Детям о Пасхе Христовой : сборник / сост. Н.Г. Куцаева. 7-е изд. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2018. С. 54–61.
14. Бунин И.А. Христос Воскрес! Опять с зарёю // Детям о Пасхе Христовой : сборник / сост. Н.Г. Куцаева. 7-е изд. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2018. С. 40.
15. Куприн А.И. По-семейному. URL: <http://palomnic.org/oh/lit/> (дата обращения: 23.04.2021).
16. Тодоров Ц. Теории символа. М. : Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.
17. Христианская символика цвета. URL: <https://catholicnews.by/hristianskaya-simvolika-tsveta/> (дата обращения: 29.04.2021).
18. Григорьева Э.И. Анализ развития цветовой символики в христианской культуре // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2(6). С. 1476–1481.
19. Цветовые символы христианства. URL: <http://cvet-psy.ru/tsvetovye-simvol-y-hristianstva/> (дата обращения: 29.04.2021).
20. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 37 с.
21. Бунин И. А. Весенний вечер. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/vesennij-vecher.htm> (дата обращения: 23.04.2021).
22. Черный С. Пасхальный визит. URL: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/detskaya-proza/pashalnyj-vizit.htm> (дата обращения: 23.04.2021).

**POWROTY DO ŹRÓDEŁ:
TEKSTY PIEŚNI JANA KOCHANOWSKIEGO
W ODCZUCIU CZYTELNIKA NASZYCH CZASÓW**

**ВОЗВРАТ К ИСТОЧНИКАМ:
ТЕКСТЫ ПЕСЕН ЯНА КОХАНОВСКОГО
В ОЩУЩЕНИИ ЧИТАТЕЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

**BACK TO THE ORIGINS:
LYRICS BY JAN KOCHANOWSKI AS PERCEIVED BY TODAY'S READER**

© 2021

W. Szetela

В. Шетеля

V. Szetela

Niniejszy referat analizuje utwory polskiego poety epoki Renesansu Jana Kochanowskiego (1530–1584) z perspektywy zrozumienia języka polskiego XVI wieku przez współczesnego polskiego czytelnika, a w szczególności przez studentów wyższych studiów filologii polskiej uniwersytetu moskiewskiego, którzy kształcili i kształcą się według porównawczo-kontrastywnych programów nauczania: języka polskiego i włoskiego, języka polskiego i angielskiego i innych. Studenci polskiego kierunku, dość dobrze przygotowani w nauczaniu języka polskiego po dwukrotnej praktyce językowej w Krakowskim Uniwersytecie Pedagogicznym, są w stanie docenić innowacyjność językową XVI-wiecznego polskiego poety. W referacie podkreśla się myśl o tym, że poetycka twórczość poety jest tworzona w języku ojczystym (polskim) przez poetę w czasach, gdy środkami międzynarodowego porozumienia, jak również politycznego i literackiego wypowiedzenia się był przede wszystkim język łaciński. W epoce polskiego Renesansu przyszła świadomość wielkiego znaczenia dla życia społeczeństwa języka ojczystego. Jan Kochanowski poszedł naprzeciw tym tendencjom, ale, na przykład, nie zawsze odnajdywał w języku rodzimym odpowiednie środki wypowiedzenia odpowiednio odzwierciedlające pojęcia wymagane dla stworzenia utworów religijnych. W tej sprawie Jan Kochanowski, nie wyrzekając się od tworzenia utworów w języku łacińskim (moment ważny dla kierunku włoskiego), był innowatorem i twórcą polskiego języka poetyckiego i języka religii. Tradycyjne utwory łacińskie z różnych gatunków, które były dla niego wzorcami w tworzeniu pieśni, psalmów, trenów, wymagały od autora właśnie takiej ascezy, tj. odpowiedniego ich wykonania w języku polskim – języku jego czasów. Również tłumaczenia z łaciny na język polski „Psałterza Dawydowa” (1579 r.), a także dzieł świeckiego gatunku: żartobliwe fraszki i dzieła dramatyczne na różnorodne tematy, które są częścią programu kontrastywnego Studium Języka Polskiego, a zwłaszcza języka włoskiego, jeśli mowa o łacinie, są naszym zdaniem, całkiem odpowiednie dla tematów z historii języka polskiego i włoskiego, historii literatury polskiej i włoskiej. Oczywiście utwory Jana Kochanowskiego są ważne także dla innych kierunków studiów, np. z zakresu filologii polskiej i angielskiej, w których stanowią treść nauczania dla filologii polskiej. Proponowany tutaj przez nas do dyskusji temat ma ujawnić stopień zrozumienia języka autentycznych tekstów pieśni i hymnów Kochanowskiego przez czytelnika naszej epoki. Dla studentów, dla których językiem nauczania jest język polski i jego historia, a językiem ojczystym język rosyjski, niezbędny jest, naszym zdaniem, choć drobny komentarz, w języku rosyjskim do przytoczonych w temacie faktów.

Słowa kluczowe: filologia; język poezji; język polski; język religii; język włoski; łacina; poetycki środek wyrazu; program porównawczo-kontrastywny; przekład (translatoryka); słownik.

В настоящей статье рассматриваются песни польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского (1530–1584 гг.) с точки зрения понимания польского языка XVI века современным польским читателем, а в частности студентами старших курсов московского вуза, которые обучались и обучаются по сопоставительно-контрастивным программам: польский и итальянский языки, польский и английский языки и др. Студенты польского направления, достаточно хорошо подготовленные в языке обучения после двукратной языковой практики в Краковском педагогическом университете, способны оценить языковое новаторство польского поэта XVI века. В статье отмечается высокая художественность поэтических произведений, созданных на родном (польском) языке поэтом в эпоху, когда средством международного, политического и литературного выражения в стране являлся прежде всего латинский язык. Во время польского Ренессанса пришло осознание важности для жизни общества родного языка. Ян Кохановский пошел навстречу этим по-

желаниям, но он не всегда находил в польском языке соответствующие выражения для отражения смыслов, которые требовались для произведений, скажем, религиозного жанра. В этом деле Ян Кохановский, не отрекаясь от творений на латинском языке (момент, важный для обучающихся по итальянскому направлению), был новатором и создателем польского поэтического языка и языка религии. Традиционные латинские произведения разных жанров, которые были для него образцами в создании песен, псалмов, элегии (тренов), требовали от автора соответствующего исполнения их на польском языке – языке его времени. Переводы с латыни на польский язык «Псалтыря Давыдова» (“Psalterz Dawydow”, 1579 г.), а также произведения светского жанра (шутливые миниатюры-фрашки и драматические произведения на разные темы, входящие в программу сопоставительно-контрастивного изучения польского и особенно (если речь о латыни) итальянского языков), на наш взгляд, являются вполне уместными при раскрытии тем по истории польского и итальянского языков, истории польской и итальянской литературы. Конечно, песни Яна Кохановского важны и для студентов других групп, скажем, обучающихся по направлению польской и английской филологии. Предлагаемая здесь нами для обсуждения тема должна раскрыть степень понимания языка подлинных текстов песен Кохановского читателем нашего времени. Для студентов, для которых языком обучения является польский язык, а родным русский, необходим, на наш взгляд, хоть незначительный комментарий к приводимым фактам на русском языке.

Ключевые слова: филология; язык поэзии; язык религии; польский язык; заимствование; итальянский язык; латынь; поэтическое средство выражения; перевод; словарь; сопоставительно-контрастивная программа.

This report examines the songs of the Polish poet of the Renaissance Jan Kochanowski (1530–1584) in terms of the Polish language of the XVI century perceived by the modern Polish reader, and in particular by the undergraduate students of the Moscow university, whose majors are Polish and Italian, Polish and English, and others. Students majoring in Polish have a good command of the language after a two periods of language practice at the Krakow Pedagogical University and they are able to appreciate the new language manner of the Polish poet of the 16th century. The article displays the high artistic quality of the poetic works created by the poet in the native (Polish) language in the period when the means of international, political and literary communication in the country was primarily Latin. During the Polish Renaissance, the awareness of the importance of the mother tongue for the social life was raised. Jan Kochanowski met these needs, but he could not always find the appropriate expressions in the Polish language to express the meanings that were necessary for particular discourses like a religious one, for example. In this case, Jan Kochanowski kept on writing in Latin (a crucial factor for the students majoring in Italian) and started working at Polish poetic language and the language of religion. Traditional Latin works of various genres, which served him as patterns of songs, psalms, elegies, required that the author present them in Polish – the language of his time – in the same way. The translations from Latin into Polish of “Psalterz Dawydow” (1579 years), as well as works of the secular genre – humorous miniatures and dramatic works on various topics – included into the courses of the Polish and Italian languages are quite beneficial in terms of exposure to the history of the Polish and Italian languages, the history of Polish and Italian literature. Jan Kochanowski’s songs can be of interest for other students, too, for example, the ones majoring in Polish and English philology. The subject of the research should reveal how much the readers perceive the original lyrics of Kochanowski’s songs today. Russian is the mother tongue for students whose language of instruction is Polish and they need at least a short Russian commentary on the facts presented.

Keywords: philology; language of poetry; language of religion; Polish; borrowed word; Italian; Latin; poetic means of expression; translation; dictionary; comparative-contrastive program.

Niniejszy referat porusza problem nauczania języka polskiego i jego historii i po tej przyczynie analizuje utwory polskiego poety epoki Renesansu Jana Kochanowskiego (1530–1584), a w szczególności jego pieśni z perspektywy rozumowania ich treści i języka polskiego XVI wieku, na jakim one były stworzone, przez współczesnego polskiego czytelnika. Ta umiejętność zwłaszcza dotyczy studentów wyższych studiów filologii polskiej uniwersytetu moskiewskiego, którzy kształcili się i kształcą się według porównawczo-kontrastywnych programów nauczania: języka polskiego i włoskiego, języka

polskiego i angielskiego i innych. Zob., np., jeden z najnowszych z programów opracowanych przez kolektyw autorów dla rosyjsko-angielskiego kierunków studiów [1]. Nie bez naszej uwagi zawsze pozostaje polski kierunek studiów, o którym napominamy przy najróżniejszej sytuacji, jak na przykład w publikacji o najnowszych podręcznikach języka polskiego [2].

Studenci polskiego kierunku, dość dobrze przygotowani w nauczaniu języka polskiego po dwukrotnej semestralnej praktyce językowej na Uniwersytecie Pedagogicznym im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie,

są w stanie docenić innowacyjność językową XVI-wiecznego polskiego poety. Pomocnymi w tej kwestii mogą być skrypty Z. Klemensiewicza [3], N. Ananiewej [4 ; 5], W. Szeteli [6] i wielu innych. Polski kierunek studiów jest mocno podbudowany całym szeregiem podręczników, pozwalających doskonalić i potrzymać wysoki poziom praktycznego władania językiem polskim, takimi jak, np.: kolektywny podręcznik „Практический курс польского языка” [7], W. Szetela [8 ; 9] i słownikami [10 ; 11].

Te wstępne słowa możliwe, że w wielkiej mierze czym inne, pozwolą określić ważność podjętej nami tematyki. Ważnej dla dyscypliny historia języka polskiego i literatury na polonistycznych studiach poprzez analizę języka utworów Jana Kochanowskiego. Myślą przewodnią w danym artykule jest dominująca nad wszystkimi innymi myśl o tym, że poetycka twórczość Jana Kochanowskiego tworzona była przez Niego na materiale język rodzimego (polskiego) w warunkach, gdy środkami międzynarodowego porozumienia, jak również politycznego i literackiego wypowiedzenia się w Polsce był przede wszystkim język łaciński. W epoce polskiego Renesansu uzmysłowiono sobie ważność dla państwa i społeczeństwa przyjęcia języka ojczystego jako państwowego i poprzez nadania jemu rangi języka narodowego, literackiego, wyparcia z wielu funkcji (dyplomacji, nauki, oświaty) łaciny, która nawiasem mówiąc, jako środek religijnego wypowiedzenia się – jako język religii i kościelnego obrządku, przetrwała do lat naszej pamięci – lat 60. XX wieku.

Jan Kochanowski poszedł naprzeciw tym nowym tendencjom. W wielu przypadkach jednak spotykał się z językowymi trudnościami, jak na przykład, nie zawsze odnajdywał w języku rodzimym odpowiedników wymaganym przy tworzeniu, powiedzmy, utworów religijnych. No, nie było w języku rodzimym wyrazów oddających sens pojęciom religijnym! Dla określenia i wypowiedzenia tych pojęć dotychczas używano słów łacińskich. W tej sprawie Jan Kochanowski,

nie zrzekając się od tworzenia utworów w języku łacińskim (ten moment szczególnie omawia się na zajęciach z języka polskiego ze studentami włoskiego kierunku studiów) równoległe pisze po polsku i tym samym uzyskuje uznanie jako innowator i twórca polskiego języka poezji i języka religii. Nie mówiąc już o tym, że pod jego piórem polska mowa powoli zaczyna zyskiwać normę poprawnościową odpowiadającą wysokiemu statusowi języka narodowego.

Tradycyjne utwory łacińskie, które były dla niego wzorcami w tworzeniu różnych gatunków literackich w języku polskim, takich jak: pieśni, psalmy, treny, wymagały od autora właśnie takiej ascezy, tj. odpowiedniego ich wykonania w języku polskim – języku jego czasów. Jednocześnie powstawała konieczność, o której wypełni zdawał sobie sprawę Jan Kochanowski, poprawy tego języka, utworzenie ramek poprawnościowych dla polskiej kaligrafii, ortografii, ortoepii i innych językowych kategorii.

Przekłady z łaciny na język polski, jak powiedzmy „Psałterza Dawydowa” (1579 r.), a także utwory świeckiego gatunku – żartobliwe fraszki i dramaty na różnorodne tematy, stanowią podstawę programów kontrastownego Studium Języka Polskiego, a zwłaszcza z połączonym z nim Studium Języka Włoskiego. Ta treść jest składową dyscyplin danego kierunku: historii języka polskiego i włoskiego, historii literatury polskiej i włoskiej i translatoryki. Oczywiście utwory Jana Kochanowskiego są ważne także i dla innych kierunków studiów, językowych grup, np., z zakresu filologii polskiej i angielskiej, w których stanowią treść nauczania dla filologii polskiej.

Proponowany tutaj przez nas temat do ogólnej dyskusji na konferencji „Języki słowiańskie w XXI wieku: współczesne aspekty badań” ma ujawnić stopień zrozumienia języka autentycznych tekstów pieśni i hymnów Kochanowskiego dla czytelnika naszych czasów. Niewątpliwie, dla studentów, dla których językiem nauczania jest język polski i jego historia, a językiem ojczystym język rosyjski,

ukraiński, białoruski, tatarski, azerbajdżański, arabski i inne, niezbędny jest, naszym zdaniem, choć pobieżny komentarz w języku rosyjski przy opisanu niektórych faktów.

Ma się na uwadze takie momenty w praktyce nauczania dyscypliny historia języka polskiego i translatoryki, które pokażą jak tłumaczyć, na przykład, wiersz XVI wieku, stworzony z pomocą specyficznych wyrażen języka polskiego tamtej epoki, na współczesny język polski. Czy w dostatecznym stopniu będzie odzwierciedlany w tych nowych naszych współczesnych przekładach język oryginału? Czy w takim wypadku nie można się nie obejść bez odpowiedniego komentarza w języku rosyjskim?

Odpowiedź na te pytania można uzyskać w drodze próby przekładu na współczesny język polski pieśni Jana Kochanowskiego zawarte w „Dzielałach polskich” [12]. Tym sposobem wyjaśniają się trudne dla zrozumienia wyrazy, całe związki wyrazowe i te motywy, dla których był napisany utwór. Możliwe, że pomocniczą rolę w tym zamiarze wypełni rosyjskie wydanie Kochanowskiego [13], a także etymologiczny słownik A. Brücknera [14] i inne źródła.

Np., w „Pieśni I” naszą uwagę zwróciła następująca zwrotka: „Jeśli dyjamentowe goździe Mus ma w rękę, Którymi natwardszego umie pożyć sęku: Ani ty wyswobodzisz serca z ciężkiej trwogi, Ani z okrutnej śmierci sideł wyrwiesz nogi” [12, c. 265]. Zwrotka zaczyna się ze spójnika **jesli** – we współczesnej polszczyźnie **jeśli**, który jest wyrazem trybu warunkowego i zadaje przypuszczające znaczenie temu wierszowi. Związek wyrazowy **dyjamentowe goździe** – współcześnie: **diamantowe gwoździe**, które są najtrwalszym minerałem w rękę Mus. Te diamentowe gwoździe można wbić jak najgłębiej w najtwardszy sęk (tutaj: **pożyć sęku**), ale i wtedy nie zdejmiesz z serca wielką trwogę, ani z sideł śmierci nogi nie wyrwiesz. Takie jest pobieżne streszczenie tej zwrotki. Zwraca na siebie uwagę stopień przymiotnika użyty autorem w najwyższej formie **natwardszego** – współcześnie

najtwardszego – właśnie takim jest ten diamentowy gwoździe. Nie do końca można pojąć znaczenie słowa **Mus**. Ale na pamięć przychodzą słowa wypowiedziane jednym z bohaterów historycznej powieści Henryka Sienkiewicza „Pan Wołodyjowski”, akcja której, co prawda, odbywa się pół wieku później, ale może w tym tekście odnajdziemy odpowiedź na nurtujące nas pytanie o znaczeniu słowa **Mus**. Takim podobnym słowem nazwana jest młoda dziewczyna: „To waszmość do Raszkowa z tą oto piękną panną jedziesz? – Muc to zwyczajny, nie żadna piękność, mości dobrodzieju” [15, s. 323]. Jednak tutaj występuje słowo **muc**, a nie **Mus**. W rosyjskim przekładzie tego tekstu słowo **muc** tłumaczy się jak «*малявка*» co może nie jest komplementem pod adresem młodej panny, ale wyrazem dobroci i łaski bliskiego krewnego. Zob. rosyjski przekład tego fragmentu: „Так значит, ваша милость, вы с этой прелестной барышней в Рашков едете? – Прелестная барышня! Малявка она еще, достопочтимый сударь” [16, c. 269]. Nie bardzo nadał się Sienkiewicz przy wyjaśnieniu słowa **Mus**. Jednak w słowniku etymologicznym A. Brücknera odnajdujemy wielce ostrożne objaśnienie słowa **Mus** – od niemieckiego *Muss, müssen* w znaczeniu: „*musić*, dziś *musieć*, ale *przylub* lub *wymusić* już w 14. wieku ogólna pożyczka” [14, s. 348–349]. Poprzez podobne dociekania dochodzimy do setna sprawy: naszym zdaniem, to od czasownika **musieć** był stworzony rzeczownik danej formy **Mus**. No tak, we współczesnym języku polskim istnieje słowo **mus** – **przymus** – „*необходимость, нужда, принуждение*” [17, c. 233]. Najprawdopodobniej ta zwrotka w języku polskim naszego czasu brzmiała by następująco: „Jeśli nawet diamentowy goździe masz w rękę I musisz wbić go w najtrwalszy sęk, to i wtedy nie zwolnisz swoje serce od ciężkiej trwogi, Ani z sideł okrutnej śmierci nie zwolnisz nog”.

Nieco inny sens zwrotce oddaje rosyjski przekład, ale mamy tutaj już do czynienia z literackim i poetyckim polotem myśli: „Хотя алмазный гвоздь в руках жестоких рока

Способен, твердый сук пробив, войти
глубоко, – Ты сердца все равно не рвешь из
тревог. Не разорвешь тенет, что смерть
сплела у ног!” [13, с. 79].

W rosyjskim przekładzie przy odpowiedniej transformacji autorskiego tekstu

wszystkie trudności pozostają ominięte – dla tłumacza najważniejszym zadaniem jest oddanie piękna poezji stworzonej w wieku XVI przez Jana Kochanowskiego.

* * *

1. Болдина-Самойлова М.А., Пронина О.А., Тараканова И.В. Программы учебных дисциплин по курсам «Современный русский язык» и «Современный английский язык» при сопоставительно-контрастивном изучении. М. : МПГУ, 2018. 124 с.

2. Шетэля В. О возможном пособии по польскому языку для студентов-полонистов продвинутого этапа обучения // Иноязычное образование в современном мире : сборник науч.-метод. статей. Ч. 2. М. : МПГУ, 2014. С. 208–210.

3. Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. 794 s.

4. Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка : учебник. Изд. 3-е, испр. М. : Либроком, 2009. 301 с.

5. Ананьева Н.Е. Краткий очерк истории синтаксиса польского языка : учебное пособие к курсу «История и диалектология польского языка» для студентов филол. ф-тов гос. ун-тов. М. : Книга в бизнесе, 2008. 32 с.

6. Шетэля В. Пособие по истории польского языка с комментариями и заданиями = Podręcznik do historii języka polskiego z komentarzem i zadaniami. М. : Прометей, 2019. 100 с.

7. Практический курс польского языка : базовый учебник / Я.А. Кротовская [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ : Восток – Запад, 2005. 559 с.

8. Шетэля В. Польский язык для продвинутых = Język polski dla zaawansowanych. М. : Прометей, 2019. 116 с.

9. Шетэля В. Перевод польско-русский / русско-польский : пособие для студентов = Przekład polsko-rosyjski / rosyjsko-polski : Podręcznik dla studentów. М. : Прометей, 2019. 120 с.

10. Шетэля В. Карманный польско-русский и русско-польский словарь = Podręczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski słownik. М. : Прометей, 2016. 506 с.

11. Шетэля В. Историко-этимологический словарь русской лексики XVII–XIX веков. Т. I–II. М. : Прометей, 2018. 2 т.

12. Kochanowski J. Dzieła polskie. T. I. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953.

13. Кохановский Я. Стихотворения. Перевод с польского и латинского. М. : Художественная литература, 1980. 191 с.

14. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wydanie 8. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1998. 805 s.

15. Sienkiewicz H. Pan Wołodyjowski : powieść. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. 711 s.

16. Сенкевич Г. Пан Володыёвский. М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011. 575 с.

17. Ковалева Г.В., Стыпула Р. Новый польско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М. : Русский язык – Медиа, 2005. 722 с.

Теоретико-методические подходы к изучению славянских языков и диалектов

Theoretical and Methodological Approaches to Studying Slavic Languages and Dialects

УДК 81-139:371.321.1-3

ПОДГОТОВКА К СОЧИНЕНИЮ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ:

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TEACHING WRITING A USE (EGE) COMPOSITION IN RUSSIAN:
LINGUOMETHOLOGICAL ASPECT

© 2021

А.С. Адумян

A.S. Adumyan

В статье рассматриваются вопросы подготовки учащихся к итоговому сочинению. В современном обществе как для взрослого, так и для ребенка важно обладать коммуникативными навыками. Школьники довольно часто не могут четко выражать свои мысли и не обращают внимания на форму своей речи: неправильно ставят словесное ударение, используют ненормативную лексику, допускают грамматические ошибки. Более того, учащиеся мало читают, особенно произведений классической литературы. Поэтому очень важно именно в школе на уроках русского языка прививать учащимся любовь к правильной и красивой речи, развивать у них навыки общения. Итоговое сочинение проверяет не только речевые навыки речи выпускника, но и его знания художественной литературы. В статье описаны наиболее перспективные и эффективные формы работы с учащимися, использование которых поможет одиннадцатиклассникам подготовиться к новой форме контроля, в том числе групповые формы работы, призванные формировать коммуникативные умения обучаемых. Материалы будут полезны учителям-стажерам, бакалаврам и магистрантам филологических специальностей педагогических вузов.

Ключевые слова: групповые формы работы; опыт публичного выступления; дискуссия; единый государственный экзамен; развитие речи; универсальные учебные действия; коммуникативная компетенция; итоговое сочинение; методика русского языка; приёмы и формы работы.

The article deals with training students for the final composition. In the modern society, it is important for both an adult and a child to have communication skills. Schoolchildren cannot always clearly express their thoughts and do not pay attention to the form of their speech: they incorrectly put the word stress, use obscene words, and make grammar mistakes. Moreover, students don't read enough, especially classics. Therefore, a teacher of Russian should encourage students to express their ideas in a precise and literate way in class, develop their communication skills. The final composition tests not only the graduate's linguistic competence, but also their command of fiction. The article describes the most promising and effective teaching tools, including group work designed to develop the communicative skills of students and help eleventh graders prepare for a new form of control. The materials will be beneficial for teachers-trainees, bachelor's and master's program students majoring in philology at pedagogical universities.

Keywords: group work; experience of speaking in public; discussion; Unified State Exam; speech development; universal learning skills; communicative competence; final composition; teaching methodology of the Russian language; methods and forms of work.

Во исполнение подпункта 9 пункта 1 перечня поручений Президента Российской Федерации от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086 по реализации Послания Президента

Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. [2] было принято решение об обязательном написании школьниками ито-

гового сочинения (изложения) как условия допуска к ЕГЭ.

Итоговое сочинение в современном его виде появилось относительно недавно, и разнообразных методик подготовки к нему не так много: существуют лишь разработки учителей русского языка. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью создания эффективных форм работы и значительного количества, заданий, способствующих повышению уровня коммуникативных навыков учащихся и успешному написанию итогового сочинения для допуска к ЕГЭ.

Цель статьи – определить лингвометодические условия развития коммуникативных универсальных учебных действий (далее УУД) и коммуникативной компетенции (далее КК) на уроках русского языка в 11 классе, способствующие успешной подготовке к итоговому сочинению.

Итоговое сочинение (изложение) введено в 2014/15 учебном году и проводится в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ и Порядком проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования, утверждённым приказом Минпросвещения России и Рособрнадзора от 07.11.2018 № 190/1512 [4 ; 3].

Цель итогового сочинения – выявление у обучающихся умения мыслить, анализировать информацию и аргументировать свое мнение с опорой на литературные произведения и жизненный опыт. С одной стороны, оно носит надпредметный характер, то есть нацелено на проверку общих речевых компетенций обучающегося, выявление уровня его речевой культуры, оценку его умения рассуждать по избранной теме, аргументировать свою позицию. С другой стороны, оно является литературоцентричным, так как содержит требование аргументации с обязательной опорой на литературный материал [4]. Объём сочинения должен быть не менее 350 слов, соответствие этому критерию говорит

о богатстве словарного запаса ученика. Время написания – 3 часа 55 минут.

Каждый год даются определённые тематические направления. В 2020–2021 учебном году их пять: «Забвению не подлежит», «Я и другие», «Время перемен», «Разговор с собой», «Между прошлым и будущим: портрет моего поколения» [4]. Ученик выбирает ту или иную тематику, размышляет над проблемным вопросом, высказывает свою точку зрения, доказывает её.

Как видим, для успешного написания сочинения, то есть для допуска к ЕГЭ, нужно в полной мере обладать коммуникативными навыками, которые в рамках КК реализуются как коммуникативные УУД [15]. В связи с этим очень важно проводить системную работу по формированию речевой компетенции учеников, реализация которой представляется наиболее возможной на уроках русского языка [14].

Работа по развитию речи на занятиях по русскому языку осуществляется по трем направлениям: овладение нормами русского литературного языка, обогащение словарного запаса и грамматического строя, обучение разным видам речевой деятельности. Она должна опираться на три способа реализации этих направлений: анализ текста, информационная переработка готового текста, создание собственного текста [4].

Важно также определять критерии сформированности речевых навыков [9] учащихся, чтобы знать, в каком направлении двигаться при создании упражнений по развитию речи (владение основными видами публичных выступлений, диалогической и монологической речью, умения развернуто обосновывать суждения, перефразировать мысль, работать в группах, парах и др.).

Мы выделили приемы и формы работы, которые ориентированы в большей степени способствуют формированию у учащихся коммуникативных УУД: анализ текста, дискуссия, игровые методы, публичное выступление [11] и др. Нами была составлена система упражнений по русскому языку, направленных на решение данной задачи.

Во-первых, это должны быть задания по культуре речи. Можно использовать традиционные формы [13], например, **задание 1**, требующее правильной постановки ударения в словах. Его формулировки могут быть различными, например:

– Иногда говорят, что слово *квартал* можно произносить с ударением на первый или второй слог в зависимости от значения слова. Правильно ли это? Приведите свои аргументы;

– В учреждение вызвали мастера по ремонту жалюзи. Секретаря предупредили, как правильно произнести это слово. Секретарь возразила, что простой мастер всё равно не знает правильного произношения. Пришел мастер, и секретарь объяснила, в чем причина неисправности жалюзи. Мастер возмутился и поправил ошибку секретаря в произношении. Окружающие засмеялись. Так как правильно произнести данное слово? Ответ аргументируйте.

Предлагаемое задание помогает развивать навык соблюдения орфоэпических норм, что является, по ФГОС основного общего образования, одним из результатов изучения русского языка.

Задание 2 связано со склонением числительных. Сравните: «Это произошло в 2000 году»; «Это произошло в 2009 году»; «Это произошло в 2021 году». Объясните причину появления возможной ошибки в этих падежных формах числительных с опорой на то, как склоняются порядковые числительные по падежам. Задание помогает соблюдать в практике устного речевого общения основные грамматические нормы современного русского литературного языка, развивает такие коммуникативные УУД, как чтение и говорение.

Задание 3 – Выделите ключевые слова в предлагаемом тексте, определите основную мысль текста. Оно помогает при написании сочинения, когда нужно, ответить на вопрос, правильно передать содержание ответа и его аргументацию.

Задание 4. Определите, какой из этих текстов (тексты подбираются учителем, в зависимости от уровня подготовки учени-

ков) относится к описанию и почему. К каким типам речи относятся другие тексты?

Упражнение формирует такой коммуникативный навык, как работа с текстами разных стилей и типов речи, понимание их специфики [14]. Задания данного типа в некоторой степени подготавливает учащихся к созданию монологических высказываний разных стилей и типов речи.

Задание 5. Из предложенных тем выберите узкие и широкие темы. Аргументируйте свою точку зрения 3–5 предложениями.

1) Какого человека можно назвать героем своего времени?

2) Сравнительная характеристика Онегина и Печорина.

3) Согласны ли вы с утверждением Л.Н. Толстого: «Любить – значит жить жизнью того, кого любишь»?

4) Что такое любовь?

5) Умеет ли любить Печорин?

Мы надеемся в результате выполнения заданий подобных типов сформировать у ученика умение проводить информационно-смысловую анализ текста [10].

Задания еще одного вида дают возможность накопить опыт публичного выступления, что, по нашему мнению, помогает формированию монологической речи в соответствии с коммуникативной задачей, сферой и ситуацией общения. Учащимся предлагаются различные публичные выступления: описание картины, рассуждение по проблемному вопросу, повествование об определенном событии из жизни. Такие задания непосредственно готовят учеников к написанию итогового сочинения, создать текст которого без овладения навыками монологической речи (в частности, рассуждения – учащиеся 11 класс пишут сочинения-рассуждения) будет невозможно [16].

Задание 6. Подготовьте сочинение на тему «Праздник, на котором мне довелось побывать» и письменную рецензию на текст учащегося.

Это задание, по нашему мнению, помогает приобретению навыков монологической речи (в данном случае – рассказа-повествования) в соответствии с коммуни-

кативной задачей, сферой и ситуацией общения. Мы надеемся, что ученик сможет адекватно использовать речевые средства для решения различных коммуникативных задач. Рецензия позволяет систематизировать и анализировать материал на определенную тему, помогает ученику высказывать ту или иную точку зрения с последующей аргументацией, что, конечно, нужно и на итоговом сочинении.

Кроме индивидуальных форм работы, нами планируется **задания по группам** [13]. Мы используем групповую форму работы потому, что она имеет ряд преимуществ в формировании следующих коммуникативных УУД:

- умения вступать в речевое общение;
- умения обсуждать и чётко формулировать цели, план совместной групповой учебной деятельности, распределять работу;
- умения эффективно сотрудничать и способствовать продуктивной кооперации.

Кроме того, групповая форма работы направлена [7] на осуществление взаимного контроля и оказание необходимой взаимопомощи; организацию учебного сотрудничества с учителем и сверстниками, определение целей и функций участников, способов взаимодействия; планирование общих способов работы; формирование умений устанавливать рабочие отношения, эффективно сотрудничать и способствовать продуктивной кооперации; интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие со сверстниками и взрослыми.

Группам предлагаются задания разного рода, направленные на развитие абсолютно всех коммуникативных компетенций. Например, чтение вслух, пересказ текста формируют навык говорения. Подбор синонимов расширяет словарный запас школьника.

Задание 7 (по группам). Учащиеся должны выполнить задания по предложенному им тексту.

1 группа:

- Определите основную мысль текста;
- Подберите синонимы к словам «заслуженный», «мастерство» и «награда» (не менее 3 к каждому из этих слов);

– Составьте список произведений, которые, по вашему мнению, соответствуют основной мысли данного текста.

2 группа:

- Просклоняйте выделенные числительные;
- Определите тип речи текста, черты, по которым вы поняли, что текст принадлежит именно к данному типу речи;
- Перескажите текст устно, а затем письменно.

3 группа:

- Составьте план текста, выделите ключевые слова;
- Составьте тематический словарь к слову *счастье*;
- Определите проблемные вопросы, которые поднимает автор в этом тексте.

Задание 8 (работа в группах). Дискуссия – обсуждение одного проблемного вопроса (рассуждение).

Далее – уже в письменной форме представить ответ на проблемный вопрос. Проблемные вопросы на выбор:

- 1) Можно ли быть счастливым без любви?
- 2) Почему тема войны не уходит из литературы?
- 3) Почему старшее поколение так редко бывает довольным молодёжью?
- 4) Верно ли, что добро всегда сильнее зла?
- 5) Согласны ли Вы с тем, что безвыходных ситуаций не существует?
- 6) Книги: нужны ли они?

В первую очередь, это задание направлено на развитие диалогической речи [8] учащихся. Вопросно-ответная форма необходима для организации их совместной деятельности.

Дискуссия дает учащимся возможность добиться следующих результатов в формировании коммуникативных УУД: учитывать разные мнения и стремиться к координации различных позиций в сотрудничестве; формулировать собственное мнение и позицию, аргументировать ее и координировать её с позициями партнёров при выработке общего решения в совместной деятельности; устанавливать и сравнивать

разные точки зрения, прежде чем принимать решения и делать выбор; спорить и отстаивать свою позицию не враждебным для оппонентов образом; задавать вопросы, необходимые для организации собственной деятельности и сотрудничества с партнёром; адекватно использовать речевые средства для решения различных коммуникативных задач; строить монологическое контекстное высказывание. Такие задания непосредственно готовят одиннадцатиклассников к итоговому сочинению, в котором им нужно уметь правильно аргументировать свою позицию.

Организуя *работу в парах* [13], мы надеемся сформировать следующие коммуникативные навыки школьников:

- умение адекватно воспринимать речь устную и письменную (отзыв),
- способность давать ответ на проблемный вопрос в развернутом виде в соответствии с целью учебного задания;
- умение осуществлять взаимный контроль и оказывать в сотрудничестве необходимую взаимопомощь;
- умение создавать письменные монологические и устные диалогические высказывания.

Задание 9 (работа в парах). Дайте каждый письменный ответ на проблемный вопрос (по выбору), затем сравните ваши точки зрения и аргументацию.

Кроме этого, мы планируем включение в работу игровых форм, например, интервью «Путешествие по странам».

Задание 10 (работа в парах). Игра «Путешествие по странам». Нужно взять интервью у страны. Один из учеников в паре является «страной», а второй – журналистом. Интервьюер задает «стране» вопросы разного рода, интересные ему. Главное условие – в ответе нужно использовать образительно-выразительные средства русского языка. Затем пары представляют перед классом интервью. Одноклассники должны угадать, о какой стране идет речь.

Главным образом, данное игровое задание направлено на развитие диалогической речи учащихся и обогащении их словарного запаса, который помогает верно, точно и выразительно формулировать мысли как при говорении, так и при написании сочинения. Кроме того, задание на угадывание страны позволяет остальными учениками формулировать собственное мнение и позицию.

Итак, результаты изучения русского языка говорят о том, что на уроках родного языка особое внимание должно уделяться формированию коммуникативных универсальных учебных действий. Кроме того, успешная сдача ОГЭ и ЕГЭ учеником, не обладающим коммуникативными навыками в полной мере, невозможна. В связи с этим на уроках русского языка очень важно проводить систематическую работу по формированию речевой компетенции учеников.

* * *

1. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086 по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/20004#sel=23:1:BCG,24:5:ShG> (дата обращения: 10.04.2021).

2. Приказ Министерства просвещения РФ, Федеральной служба по надзору в сфере образования и науки от 07 ноября 2018 г. №190/1512 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812110039> (дата обращения: 25.02.2021).

3. Итоговое сочинение (изложение) // Федеральный институт педагогических измерений : сайт. 2004. URL: <https://fipi.ru/itogovoe-sochinenie> (дата обращения: 25.02.2021).

4. Литневская Е.И., Багрянцева В.А. Методика преподавания русского языка в средней школе : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Е.И. Литневской. М. : Академический проект, 2006. 590 с.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(РАБОТА С ИНТЕРАКТИВНЫМ ЛИСТОМ
О ЖИЗНИ А. НЕВСКОГО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ)
TEACHING RUSSIAN IN TERMS OF CULTURAL STUDIES
(INTERACTIVE SHEET ON A. NEVSKIY'S LIFE AS A MEANS OF TEACHING NUMERALS)**

© 2021

Ю.А. Белкина, А.А. Михайлова

Ju.A. Belkina, A.A. Mikhailova

Культуроведческая направленность процесса обучения родному языку предполагает усвоение обучающимися жизненного опыта народа, его культуры и традиции, а также формирование нравственно-этических ценностей.

В систему уроков русского языка в среднем звене авторы предлагают включить урок-повторение по теме «Имя числительное», в который включена работа с интерактивным листом, содержание цифрового дидактического материала к уроку знакомит учащихся с жизнью и подвигами Александра Невского.

Использование интерактивных моделей обучения – один из новых подходов к организации урочной деятельности, который, по мнению авторов статьи, соответствует учебным запросам современных школьников. Основной особенностью интерактивного листа является включение в него заданий, взятых из цифровой образовательной среды или созданных учителем на образовательных платформах. Включение данных форм работы в деятельность школьников осуществляется с помощью QR-кода.

Использование интерактивных листов позволяет учителю завладеть вниманием обучающихся, показать, что приобретать фундаментальные знания они могут не только с помощью традиционных методов и приемов, в ходе традиционных уроков, но и с помощью новых методов, позволяющих расширить их кругозор в области национальной культуры в широком понимании этого явления.

Ключевые слова: культуроведческий подход в обучении; обучающиеся; интерактивные модели обучения; интерактивный лист; русский язык.

Teaching a mother tongue in terms of cultural studies means that students get exposed to the life experience of the people, their culture and traditions, as well as the moral and ethical values.

The authors suggest using the interactive sheet as a means of teaching numerals. This digital teaching material provides middle school students with the facts and heroic deeds of Aleksandr Nevskiy.

Interactive learning is what today's students need. The interactive sheet includes the activities from online resources or educational platforms where teachers make up their own tasks. These activities are available with the help of QR-code.

Using the interactive sheets the teacher involves the students in the lesson, demonstrates that not only can the knowledge be obtained through conventional ways, but students' awareness of the national culture can be raised with the help of the modern technologies, too.

Keywords: teaching in terms of cultural studies; students; interactive teaching models; interactive sheet; the Russian language.

Современная обстановка создает особые условия для формирования личности ребенка. В настоящее время утрачивают свою значимость те устои, которые были актуальны еще в XX веке, меняются манера взаимоотношения и стиль общения между старшим и младшим поколением. Подростки реже задаются смыслообразующими вопросами, определяющими развитие человека как личности. Примерами для подража-

ния становятся известные блогеры, а не воины, защищавшие Родину от врагов.

Безусловно, данная проблема связана с особенностями того культурно-социального пространства, в котором растут дети. Многие из них не читают книг, не интересуются искусством. Их внимание сконцентрировано на новых гаджетах, позволяющих погрузиться в виртуальное пространство. Значимость виртуального пространства и информационно-коммуникационных технологий в жизни че-

ловека XXI века, в частности ребенка, – факт, который должен учитывать современный педагог, более того, он должен уметь использовать это обстоятельство в учебных и воспитательных целях.

Стоит заметить, что одним из приоритетных направлений в области образования является приобщение к культуре посредством современных методов обучения, том числе ИКТ-технологий. Внедрение интерактивных форм обучения в образовательный процесс осуществляется с опорой на основные положения ФГОС ООО [1], национального проекта «Образование», а именно федерального проекта «Современная школа» [2]. В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина» говорится, что современный национальный воспитательный идеал – высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации [3]. Базовые национальные ценности (патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, наука, труд и творчество, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество) лежат в основе культурологического подхода в образовании.

Чтобы заинтересовать обучающихся в получении знаний о культуре, мы используем интерактивные формы обучения. «Интерактив» на уроке позволяет активизировать взаимодействие, сотрудничество между педагогом и учащимся, выстроить диалог или игру между человеком и информационной средой.

Культурологический подход к преподаванию русского языка признан актуальным с конца XX-го – начала XXI века. Подход к изучению языка как к средству постижения культуры восходит к трудам К.Д. Ушинского [4], Ф.И. Буслаева [5], А.А. Шахматова [6], Л.В. Щербы [7], А.Н. Прониной [8], Л.П. Федоренко [9], Е.А. Быстровой [10], Е.В. Люби-

чевой [11]. В рамках культурологического подхода русский язык рассматривается как феномен духовной и социальной жизни России. В работах, посвященных реализации культурологического подхода в обучении, подчеркивается важность развития духовных способностей учащихся, приобщения их к настоящему и прошлому своего народа. Т.Ю. Быстрова говорит о том, что это ставит перед лингвистами сложную задачу «развития личности как носителя языка с ее этно-, социо-, психологическими особенностями, способной ощущать язык как высший дар, национальную и общечеловеческую ценность» [12].

Методологическим условием реализации культурологического подхода в современной школе является единство концептуальных и принципиальных основ культурологического аспекта в преподавании русского языка в школе, а также поиски интересного для учащегося предоставления материала, связанного с культурой и историей народа [2 ; 13].

В качестве одного из средств повышения познавательной активности и культуры учеников, направленного на создание атмосферы взаимопонимания и успеха каждого школьника на уроках русского языка в среднем звене, предполагается использование интерактивных моделей обучения, а именно интерактивных листов.

Интерактивная деятельность – неотъемлемая часть диалогового общения. Она направлена на взаимопонимание, совместное решение общих, но важных для каждого ученика учебных задач. Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, которая имеет четко сформированные цели. Одной из них является создание комфортных условий обучения, при которых ученик чувствует себя успешным, интеллектуально состоятельным. Это делает процесс обучения русскому языку в целом и обучению языку в его культурном аспекте намного интереснее и продуктивнее.

Цель нашей статьи – дать пример реализации культурологического подхода при

разработке заданий по русскому языку в 6 классе; описать методику создания интерактивных листов и обосновать их эффективность как средства активизации интереса учащихся среднего звена.

Стоит уточнить, что интерактивный лист может быть представлен учащимся в печатном или электронном виде. В него включен небольшой набор виджетов для работы с текстовой или графической информацией. Части графической программы (виджеты) являются основными элементами, позволяющими выполнять ограниченный набор действий с листом.

Рабочий лист, создаваемый учителем для работы на уроке, включает не только стандартные задания, но и модернизированные упражнения культуроведческой направленности, представленные в игровой форме.

Идея создания таких интерактивных листов возникла в ходе прохождения производственной практики на базе МБОУ «Школа № 132» г.о. Самара в 6 классе. В рамках офлайн-обучения был использован печатный вид интерактивных листов.

Безусловно, урок русского языка культуроведческой направленности нацелен прежде всего на ознакомление учащихся с интересным материалом, связанным с историей становления русского языка. Информация о жизни и подвигах Александра Невского, а также погружение учеников в культурное пространство эпохи, в котором жил великий полководец, позволяют детям освоить собственно языковой материал в единстве с историческим и культурным. Данный материал был выбран

не случайно: 2021 год объявлен годом 800-летия со дня рождения Александра Невского.

Методика создания учителем интерактивного листа для урока русского языка:

1. Выбор темы и типа урока для использования интерактивного листа.

2. Изучение темы урока, на котором учитель предполагает использовать интерактивный лист, с целью создания технологической карты урока, включающей интерактивный лист.

3. Определение лингвистического содержания и формы его подачи учащимся именно в интерактивном листе.

На уроке повторения в 6 классе по теме «Числительное» работа с интерактивным листом была организована следующим образом:

1. Раздача листов каждому ученику.

2. Вход по QR-коду.

3. Последовательное выполнение учащимися заданий.

4. Комментарий учителя по каждому из заданий.

5. Отражение итогов выполнения задания на интерактивной доске, объяснение учителем ошибок, допущенных при выполнении задания.

В качестве дидактического материала для интерактивного листа были выбраны сведения, обозначающие основные даты жизни Александра Невского, даты его подвигов и сражений. Учащиеся знакомятся с такими сражениями, как Невская битва и Ледовое побоище, работают с картами, определяя расположение войск, вписывают имена числительные, связанные с предметом повествования, определяют их разряд, классифицируют имена числительные (рис. 1).

Эпиграф:
Урок русского языка

Разгадайте зашифрованное имя великого полководца

*	3	7	1,5	4	7
5	И	А	Б	М	Т
9	Е	Л	В	Д	Ю
3	Л	Т	Р	И	Ч
1	В	Р	К	Ж	У
8	Л	И	Ж	В	С

35	63	27	1,5	56	35	15	36	45
А					А			

Тема урока:

Числительные	Существительные	Глаголы

Основные биографические сведения _____, связанные с важными датами из его жизни.

Дата рождения:

Битвы: 1)
2) 2153431 9363871
Е - 1, Л - 2, О - 3, В - 4, Д - 5, Б - 6, Щ - 7, И - 8, П - 9
Дата смерти:

Выводы:

Рис. 1. Интерактивный лист к уроку русского языка «Имя числительное»

В качестве завершающего задания педагог рекомендует учащимся написать несколько предложений, используя имена прилагательные и числительные, характеризующие великого полководца.

Образец задания выглядит следующим образом:

Написать отзыв о сегодняшнем уроке по следующему образцу:

Я, ФИО, сегодня ДАТА узнал/а о том, что/как... (В отзыве должно быть не менее трех числительных) (рис. 2).

Меч Александра Невского

Сканируй QR-код и переходи по ссылке!

Сканируй QR-код и переходи по ссылке!

Рис. 2. Интерактивный лист к уроку русского языка «Имя числительное» (сторона 2)

Таким образом, методический прием включения в урок русского языка работы с интерактивными листами позволяет повысить познавательную активность учащихся, формировать культуроведческую

компетенцию обучающихся и расширять их кругозор, а также наметить варианты реализации на уроке русского языка заданий, созданных в цифровой среде.

* * *

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 11.04.2021).

2. Федеральный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/school/> (дата обращения: 10.04.2021).

3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение, 2009. 26 с. (Стандарты второго поколения).

4. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт пед. антропологии. М. : Фаир-Пресс, 2004. 574 с.

5. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // Преподавание отечественного языка : учебное пособие для студ. пед. ин-тов. М. : Просвещение, 1992. 512 с.

6. Шахматов А.А. Русский язык как предмет обучения в средней школе // Методика преподавания русского языка : хрестоматия / сост. М.С. Лапатухин. М. : Учпедгиз, 1960. С. 156–158.

7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность : сборник работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1974. 427 с.

8. Пронина А.Н. Культурологический подход к построению системы воспитательной работы в технологическом лицее : автореф. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2004. 23 с.

9. Федоренко Л.П. Анализ теории и практики методики обучения русскому языку : учебное пособие. Курск : КГПИ, 1994. 205 с.

10. Быстрова Е.А. Культуроведческий аспект преподавания русского языка в национальной школе // Русская словесность. 2001. № 8. С. 66–74.

11. Любичева Е.В. Лингвокультурологический и личностный подход к обучению русскому языку и роль персонального компьютера в гуманитарном образовании : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1995. 44 с.

12. Быстрова Т.Ю. От фундаментального знания к проектной деятельности: творческий потенциал философии культуры // Человек в мире культуры. 2014. № 3. С. 34–39.

13. Новикова Л.И. Культуроведческий аспект обучения русскому языку в 5–9-х классах как средство постижения учащимися национальной культуры : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 43 с.

**OSIĄGNIĘCIA POLSKIEJ TERMINOGRAFII –
NA PRZYKŁADZIE WYBRANYCH BRANŻOWYCH SŁOWNIKÓW PRZEKŁADOWYCH**
**ДОСТИЖЕНИЯ НОВОЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ
ПОЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**
**FEATURES OF POLISH LEXICOGRAPHY
AS EXEMPLIFIED IN THE LATEST DICTIONARIES**

© 2021

E. Woźniak-Wrzesińska

Э. Возняк-Вжесиньска

E. Wozniak-Wrzesinska

W referacie prezentuję osiągnięcia polskiej leksykografii branżowej (na przykładzie wybranych słowników przekładowych). W tym celu gromadzę dane o słownikach specjalistycznych, to znaczy takich, w których definiuje się terminy znane określonej grupie fachowców. Skupiam się na dziełach przeznaczonych dla praktyków zajmujących się danymi dziedzinami. Pomijam słowniki naukowo-dydaktyczne (mające służyć studentom danej specjalności oraz uczniom) oraz humanistyczne (na ich temat powstało już opracowanie). Zebrane informacje porządkuję w sposób krzyżowy – jakościowo-ilościowy. Zgromadzone leksykony porządkuję chronologicznie, językowo oraz ze względu na branżę. Przede wszystkim interesuje mnie relacja między specjalizacjami a językami, w których terminy danych branż są tłumaczone / z których są wyjaśniane. Dodatkowo do artykułu są dwa aneksy – w pierwszym wymieniam glosariusze poddane oglądowi, w drugim prezentuję klasyfikację: słownik a branża. Artykuł ma więc charakter przeglądowy. Myślę, że jego treści mogą służyć zarówno praktykom jak i teoretykom, a nawet tłumaczom, ponieważ zawarty w nim uporządkowany wykaz leksykonów (aneks 1.) uzupełnia lukę w badaniach terminoznawczych. Brakuje bowiem bibliografii polskich branżowych słowników terminologicznych, która znajdzie się w niniejszym artykule.

Słowa kluczowe: języki specjalistyczne; branże; terminografia przekładowa; bibliografia.

Настоящая статья посвящена достижениям польской терминологии на примере отдельных отраслевых переводческих словарей. Польская лексикография представлена широким разнообразием разноаспектных словарей. В данном исследовании осуществляется обзор по теме польской терминологии и приводится упорядоченный перечень лексиконов, который восполняет определенный пробел в области изучения терминологической лексики. В обзоре трудов по теме исследования уделяется особое внимание определению терминов *профессиональная лексика, отраслевая лексика, профессиолект*.

Ключевые слова: специализированные словари; переводная терминология; лексикография.

This article focuses on the achievements of Polish terminology as exemplified in the special dictionaries. Polish lexicography is represented by a wide variety of diverse dictionaries. This study provides overviewing the issue of Polish terminography and a list of glossaries, which contributes to studying terminological vocabulary. In the review of works on the research topic, particular attention is paid to defining the terms *professional vocabulary, industry vocabulary, professional jargon*.

Keywords: special dictionary; translation terminography; lexicography.

Przed rozpoczęciem części analitycznej warto pokusić się o próbę wyjaśnienia najistotniejszych pojęć tego przeglądowego opracowania. W artykule mowa o osiągnięciach polskiej przekładowej **terminografii branżowej**. Chodzi zatem o słowniki gromadzące *leksykę fachową / branżową / profesjolektalną / terminologię*.

W polskiej tradycji językoznawczej przyjmuje się, że **słownictwo fachowe** to taki typ leksyki, który należy uznać za charakterystyczny dla grupy specjalistów. W naukowej literaturze lingwistycznej mowa wtedy

o **leksyce profesjolektalnej** (zob. szerzej: [1] s. 12 i n., [8], s. 33 i n., a zwłaszcza [6]), a w terminoznawstwie¹ – o **słownictwie branżowym** (zob. szerzej: [4 ; 12, s. 11–17]). Oba określenia (leksyka profesjolektalna / branżowa) nie są dubletami, czyli synonimami całkowitymi, choć mają bardzo zbliżone zakresy znaczeniowe. **Słownictwo branżowe** jednoznacznie ujmuje jakieś realia zawodowe i ma ono charakter ustukturyzowany, znorma-

¹ Terminoznawstwo rozumiem tutaj jako teorię terminu oraz praktykę porządkowania terminologii (zob. [7, s. 7]).

lizowany (bardzo często zamknięty w słownikach specjalistycznych) i musi zostać przyswojone przez wykonawców danego zawodu. **Leksyka profesjolektalna** również ujmuje jakieś realia zawodowe i jest przyswajana przez fachowców, ale nie przypisuje się jej **znacznego stopnia znormalizowania**, który z kolei osiąga **słownictwo branżowe**. Uważam, że nie jest to jednak konsekwencja rodzaju przedmiotu poddawanego badaniom (słownictwo branżowe a słownictwo profesjolektalne), ale samej perspektywy badawczej. Inne aspekty funkcjonowania tej samej leksyki interesują językoznawców, inne terminoznawców. Pierwsi zajmują się słownikiem w odniesieniu do systemu językowego, drudzy wprowadzają ład i porządek, tworząc siatki terminologiczne.

Warto zastrzec, że **profesjolekt** jest terminem o jeszcze szerszym zakresie znaczeniowym niż słownictwo profesjolektalne. Słownictwo profesjolektalne należałoby – w takiej perspektywie – uznać za jeden z elementów profesjolektu. Jak widać i leksyka profesjolektalna, i branżowa mają charakter fachowy – czyli odnoszą się do specjalistycznej wiedzy określonej grupy zawodowej / społecznej¹. **Terminy** z kolei wyjaśnia się – między innymi – jako: „nominację specjalistycznego pojęcia” [9, s. 9], „formalny wykładnik pojęcia” [17, s. 68] „jednostkę leksykalną spełniającą funkcję znaku

profesjonalnego pojęcia, a więc rodzaj użycia, a nie specjalny typ jednostki leksykalnej” [1, s. 16] czy „wyraz lub połączenie wyrazowe wyrażające pojęcie istotne dla danej dziedziny nauki lub techniki” ([3], s. 108). I tak – ostatnia z podanych definicji odnosi się właśnie do leksyki branżowej / profesjolektalnej. Gromadzeniem i porządkowaniem słownictwa specjalistycznego zajmuje się z natomiast terminolog.

W obszarze jego działań mieszczą się:

a) terminografia (wskazanie pojęć danej specjalności, określenie ich znaczenia, tworzenie siatek pojęciowych);

b) terminografia teoretyczna (badanie słowników terminologicznych, niekiedy w odniesieniu do leksykonów innego rodzaju);

c) terminografia stosowana (układanie słowników terminologicznych poprzedzone działaniami terminograficznymi) [7, s. 7].

W takim razie dziełem terminografa jest słownik (leksykon), który *po pierwsze, rejestruje terminy z określonych spójnych poznawczo dyscyplin, specjalizacji czy specjalności, po drugie, wyjaśnia znaczenia terminów – czyli podaje definicje – bądź te znaczenia wskazuje, czyli opisuje ekwiwalenty lub podaje eksplikacje. Terminograf gromadzi więc słownictwo fachowe, porządkuje je, klasyfikuje i omawia. Dąży do systematycznego odtworzenia siatki terminologicznej wybranej dziedziny* [17, s. 71–72]. Terminografia (rozumiana jako a-c) obejmuje więc praktyki związane z **standaryzacją** (a), czyli wstępnym przyporządkowaniem terminów do pojęć (rozpoznaniem siatki pojęciowej) (zob. [10, s. 88] oraz **normalizacją** (c), czyli uporządkowaniem terminologii i jej ujednoznacznieniem.

W dorobku polskiej leksykografii – rozumianej jako zbiór słowników językowych – można odnaleźć publikacje obejmujące słownictwo fachowe, które jednak nie są dziełem terminograficznym. Wliczają się do nich – między innymi – najstarsze leksykony. Pierwszy słownik notujący terminy łacińskie oraz ich polskie odpowiedniki powstał w XV w. Chodzi

¹ Na marginesie warto jeszcze wspomnieć o socjolekcie. Relacje między socjolektem a profesjolektem próbowała rozwikłać Beata Jarosz ([6]), z której rozstrzygnięciami nie do końca się zgadzam. Autorka stara się wskazać typ relacji pojęciowej między *profesjolektem* a *socjolektem*, biorąc pod uwagę tylko dwa rozwiązania: 1. są to terminy, których znaczenia nie mają wspólnego zakresu, 2. są to terminy, których znaczenia się pokrywają [6, s. 11]. Myślę, że trudno o takie kategoriowe rozwiązania, tym bardziej że tym, co odróżnia jeden wariant języka od drugiego, jest coś spoza systemu. Mowa o zawodowości (i normatywizacji) oraz braku tajności – w przypadku profesjolektów, odróżnianych od socjolektów. Wiadomo przecież, że istnieje taki typ słownictwa, którym posługują się profesjonalści danej dziedziny, ale ze względu na jego ograniczenie i przygodność nie będzie to słownictwo profesjolektalne, którego zadaniem jest maksymalizacja przekazu – czyli powszechność znaczeń, ujawnianie treści i precyzja (zob. na ten temat szerzej: [8, s. 36–38]).

o *Wokabularz trydencki*, w treści którego pojawia się słownictwo ogólne oraz fachowe, na przykład z zakresu prawa czy administracji (zob. [15]). Natomiast powstałe w XVI stuleciu słowniki: Jana Murmeliusza *Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum* (1526) czy Franciszka Mymera *Dictionarius trium linguarum* (1528) zawierają – między innymi – polskie ekwiwalenty łacińskich i niemieckich terminów, na przykład z zakresu botaniki czy zoologii ([5] 1997). Łacińsko-niemiecko-polski *Nomenclator, selectissimas rerum...* Piotra Artomiusza (1591) odnotowuje ponad 6 tysięcy wyrazów hasłowych z zakresu: prawa, administracji, botaniki, zoologii, medycyny i in. Podanych dzieł nie można jednak uznać za słowniki branżowe / terminologiczne / specjalistyczne / fachowe, ponieważ nie powstały wskutek badań terminoznawczych. Wiadomo wszakże, że działania terminograficzne prowadzące do stworzenia słownika poprzedza namysł nad specyfiką terminów [13, s. 145–146].

Istnieją jednak takie słowniki, które powstały wskutek działalności komisji dążących do normalizacji leksyki fachowej określonej specjalności. Można zatem przyjąć, że gremia, których celem jest normalizacja terminologii, zajmują się **terminografią stosowaną** (zob. wyżej c). Z zakresu językoznawstwa znany jest *Slovník slovanské lingvistické terminologie* (1977) uwzględniający czternaście języków: czeski, słowacki, polski, łużycki, ukraiński, białoruski, rosyjski, bułgarski, macedoński, słoweński, serbsko-chorwacki, angielski, francuski, niemiecki [2, s. 1], powstały w Komisji Terminologicznej (istnieje od 1955 roku) działającej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Geograficzne terminy, a dokładnie używane przy standaryzacji nazw geograficznych, zawiera tłumaczenie na język polski *Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names* (*Słownik terminów używanych przy standaryzacji nazw geograficznych* (1998, 2002)). Dzieło zostało przygotowane w Komisji Standaryzacji Nazw Geograficznych (pod różnymi nazwami istnieje od 1973 roku). Natomiast celem aktywności

Komisji Terminologii Chemicznej Polskiego Towarzystwa Chemicznego oraz Zespołu Terminologii Informatycznej Rady Języka Polskiego jest ujednocnianie nomenklatury kolejno: chemicznej oraz informatycznej, co również należy do działań **terminograficznych**, choć nie musi prowadzić do powstawania leksykonów (zob. wyżej a)¹.

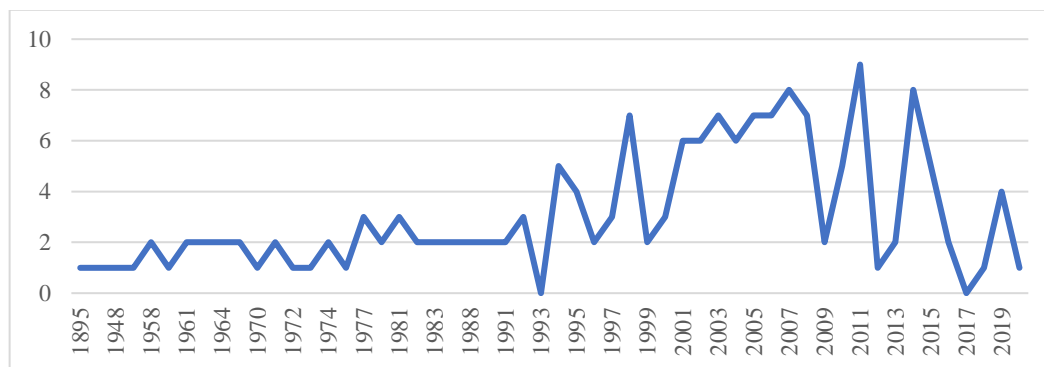
Niniejszy artykuł wpisuje się natomiast w nurt **terminografii teoretycznej** (zob. wyżej b), ponieważ w jego treści prezentuję dane na temat słowników branżowych ([A.1. – A.166.]²).

Do bazy trafiły leksykony odnalezione przez wyszukiwarkę Biblioteki Narodowej (<https://www.bn.org.pl/>) po wpisaniu haseł: *słownik terminologiczny / słownik specjalistyczny / słownik fachowy / słownik branżowy*. Wyszukiwanie zawęziłam do dzieł przekładowych (wielojęzycznych). Pominęłam leksykony o charakterze popularyzatorskim (przeznaczone do dydaktyki szkolnej) oraz wszystkie dzieła humanistyczne (na ich temat zob. [17]). I tak wytypowałam 166 słowników. W tym miejscu konieczne są dwa zastrzeżenia. Po pierwsze, z serii wydawniczych wybierałam tom pierwszy, po drugie, zbiór – między innymi z racji losowości oraz przyjętych ograniczeń – nie ma charakteru zamkniętego (zob. ustalenia [11] (2007)).

Czasowy rozkład publikacji przedstawia wykres 1.

¹ Nie jest jednak tak, że wskazane komisje wyczerpują zbiór instytucji zajmujących się standaryzacją i normalizacją terminologii. Jacek Tomaszczyk [14, s. 58] wymienia ponadto: Międzynarodową Organizację Terminologii Specjalistycznej (MOTS), która jest kontynuatorką tradycji Międzynarodowej Organizacji Unifikacji Neologizmów Terminologicznych (MOUNT) oraz Międzynarodowej Federacji Banków Terminologicznych (MFBT) – organizacji założonych przez Zygmunta Stoberskiego (1916–2006); Polskie Towarzystwo Lingwistyki Stosowanej (PTLS), Polskie Towarzystwo Tłumaczy Prziśiętych i Specjalistycznych (PT TEPIS), Zakład Terminologii i Terminografii oraz Zakład Lingwistyki Języków Specjalistycznych Instytutu Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej Uniwersytetu Warszawskiego.

² Rozwiązanie skrótów podaje w *Aneksie*.

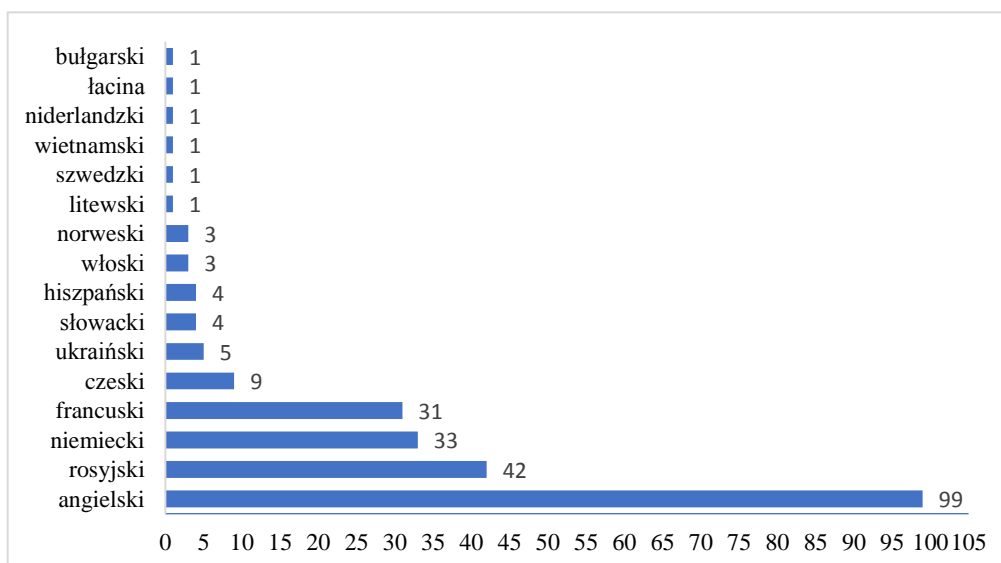

Wykres 1 – Rozkład publikacji w przedziale czasowym: 1895–2020

Źródło: Opracowanie własne.

Jak widać: można mówić o swoistym boom terminograficznym, to znaczy o gwałtownym przyroście publikacji leksykonów specjalistycznych (zob. [11], s. 27). Od około 1994 roku – pomimo skokowego rozkładu¹ – średnia publikacji gwałtownie przyrasta (z jednej / dwóch pozycji do trzech / czterech). Zainteresowanie słownikami terminologicznymi można uzasadniać w dwojnasób: a) zintensyfikowaniem prac normalizacyjnych ([11], s. 28) oraz b) zmianami na rynku wydawniczym. Te drugie są spowodowane zlikwidowaniem cenzury (Głównego Urzędu Kontroli Prasy, Publikacji i Widowisk) oraz zakończeniem monopolu państwa w tym sektorze. Książka (w tym słownik) staje się produktem ([17], s. 76). Kwestią otwartą pozostaje natomiast uwidaczniająca się od około 2014 roku tendencja do zmniejszania liczby publikacji glosariuszy terminologicznych. Być może mamy do czynienia z przejawem digitalizacji przekładowej działalności terminologicznej².

Skoro interesują mnie tezaury przekładowe, warto zweryfikować języki, jakie – oprócz polskiego – rejestrują zgromadzone leksykony. Spójrzmy na wykres 2.

Wykres 2 – języki rejestrowane w zgromadzonych leksykonach.

Źródło: opracowanie własne

¹ Uzasadniam go ograniczeniami wprowadzonymi w procesie zbierania materiału, o czym była mowa wcześniej.

² Dość wspomnieć o wybranych istniejących bazach z zakresu terminologii unijnej: 1. Wielojęzyczna baza terminologiczna UE (IATE), 2. The DGT Multilingual Translation Memory of the Acquis Communautaire, 3. Glossary, 4. Baza ułatwiająca tłumaczenia i redakcję tekstu w językach urzędowych UE, 5. Międzyinstytucjonalny przewodnik redakcyjny, 6. Environmental Terminology and Discovery Service (ETDS), 7. International Statistical Institute (ISI) glossary of statistical terms, 8. Justice – Glossary, 9. Glossary Inforegio, 10. Community Road Accident Database (CARE): Glossary of definitions, 11. European Central Bank – Glossary (odsyłacz do baz oraz ich opis zob.: http://oide.sejm.gov.pl/oide/index.php?option=com_content&view=article&id=14375&Itemid=326).

Część glosariuszów rejestruje terminy w więcej niż dwu językach. Najpopularniejszy – angielski – przypada na ponad co drugi leksykon. W dość równym stopniu popularne są słowniki zawierające nomenklaturę rosyjską (nieco więcej niż co czwarty), niemiecką (co piąty) czy francuską (nieco więcej niż co piąty). Język czeski pojawia się średnio raz na osiemnaście leksykonów, a ukraiński, słowacki, hiszpański, włoski i norweski pojawiają się sporadycznie. Natomiast języki litewski, szwedzki, wietnamski, niderlandzki, łacina i bułgarski należą do rzadkości. Można się domyślić, że taki rozkład języków jest konsekwencją potrzeb rynku oraz branżowej działalności osób posługujących się językiem polskim. Na koniec warto więc a) sprawdzić specjalizacje, których terminy zostały przetłumaczone / wyjaśnione w zgromadzonych słownikach, b) zweryfikować rozkład między branżami a językami.

Specjalizacje wyodrębniłam na podstawie ustaleń Łukasza Karpińskiego ([7]). Przyjęłam, że branżę można określić za pomocą nazwy DZIEDZINA GŁÓWNA. Dokonałam modyfi-

kacji tabeli źródłowej ([7, s. 18–19]). Z jednej strony – zdecydowałam się na rezygnację z DZIEDZIN GŁÓWNYCH: TURYSTYKI oraz MOTORYZACJI. Z drugiej – katalog wzbogaciłam o DZIEDZINY GŁÓWNE: BOTANIKĘ / ZOOLOGIĘ, EKONOMIĘ, ELEKTROENERGETYKĘ, LEŚNICTWO, MECHANIKĘ, MEDYCYNĘ, PRZEMYSŁ, RELIGIĘ, SŁUŻBĘ ZDROWIA, SZTUKĘ, TECHNIKĘ czy USŁUGI. Nie jestem też przekonana co do rozstrzygnięć badacza odnośnie do DZIEDZIN POKREWNYCH przyporządkowanych do DZIEDZIN GŁÓWNYCH (np. psychologia → PRAWO, nie PSYCHOLOGIA). Jednocześnie stoję na stanowisku, że podział ten nie ma charakteru klasyfikacji i należy go uznać za typologię, dlatego niekiedy DZIEDZINY POKREWNE mogą zostać przypisane do różnych DZIEDZIN GŁÓWNYCH. Tym samym zaklasyfikowanie słownika do odpowiedniej branży powinno zostać poprzedzone dokładną weryfikacją treści tezaursusa, ponieważ *matematyka* może niekiedy odsyłać do METROLOGII, kiedy indziej do TECHNIKI, jak prezentuje to *tabela 1*.

Tabela 1

Wybrane dziedziny terminologiczne. Podział branżowy

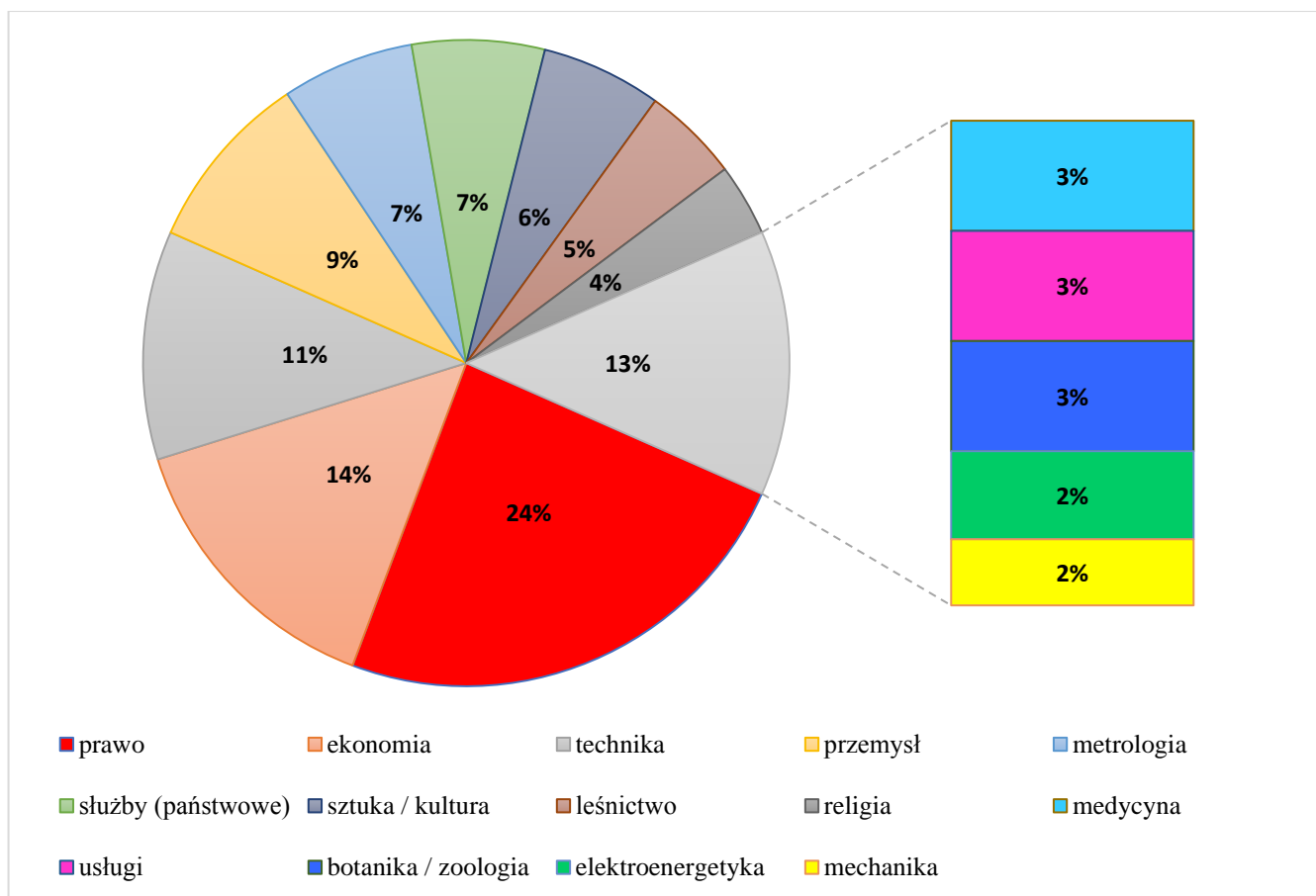
BRANŻA (DZIEDZINA GŁÓWNA)	DZIEDZINY POKREWNE
BOTANIKA / ZOOLOGIA	<ul style="list-style-type: none"> • bartnictwo • biologia • entomologia • fizjologia roślin • rolnictwo
EKONOMIA	<ul style="list-style-type: none"> • bankowość • biznes • ekonomika • finanse • handel • księgowość • obrót nieruchomościami • podatki • rachunkowość • rachunkowość, rewizja finansowa
ELEKTROENERGETYKA	<ul style="list-style-type: none"> • elektryka • energia jądrowa
LEŚNICTWO	<ul style="list-style-type: none"> • drzewnictwo • leśnictwo
METROLOGIA	<ul style="list-style-type: none"> • biostatyka miernicza • chemia • elektrotechnika • fizyka • informatyka • matematyka • statystyka

MECHANIKA	<ul style="list-style-type: none"> • fizyka • materiałoznawstwo • metaloznawstwo • mechanika klasyczna • robotyka
MEDYCYNA	<ul style="list-style-type: none"> • anatomia • psychiatria • toksykologia
PRAWO	<ul style="list-style-type: none"> • administracja • biznes • kontrola finansów publicznych • kryminalistyka • patenty • politologia • ubezpieczenia • własność • zarządzanie
PRZEMYSŁ	<ul style="list-style-type: none"> • automatyka przemysłowa • budownictwo • garbarstwo • górnictwo • hutnictwo • obuwnictwo • odlewnictwo • maszynostrojzenie • meblarstwo • papiernictwo • poligrafia • spawalnictwo • wiertnictwo • włókiennictwo
PSYCHOLOGIA	<ul style="list-style-type: none"> • psychiatria • psychologia • neuropsychofarmakologia
RELIGIA	<ul style="list-style-type: none"> • architektura religijna • obrządek, kult • teologia
SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)	<ul style="list-style-type: none"> • lotnictwo • marynarka • opieka osób i starszych • pielęgniarstwo • policja • ratownictwo • rehabilitacja • wojskowość
SZTUKA / KULTURA	<ul style="list-style-type: none"> • dydaktyka • dziennikarstwo • film • muzyka • plastyka • prehistoria
TECHNIKA	<ul style="list-style-type: none"> • biotechnologia • budownictwo • chromatografia • fotogrametria • inżynieria chemiczna • informatyka • krystalografia • matematyka • radiologia • teledetekcja • toksykologia

USŁUGI	<ul style="list-style-type: none"> • gastronomia • hotelarstwo • lotnictwo • marketing • prawo (język prawniczy) • transport • turystyka
--------	---

Źródło: Opracowanie własne na podstawie [7, s. 18–19].

Glosariusze [A.1. – A.166.] można przypisać do odpowiednich branż (zgodnych z *tabelą 1.*), co prezentuję w *Aneksie 2.* Warto jednak przyjrzeć się procentowemu rozkładowi tych danych (*wykres 3.*).

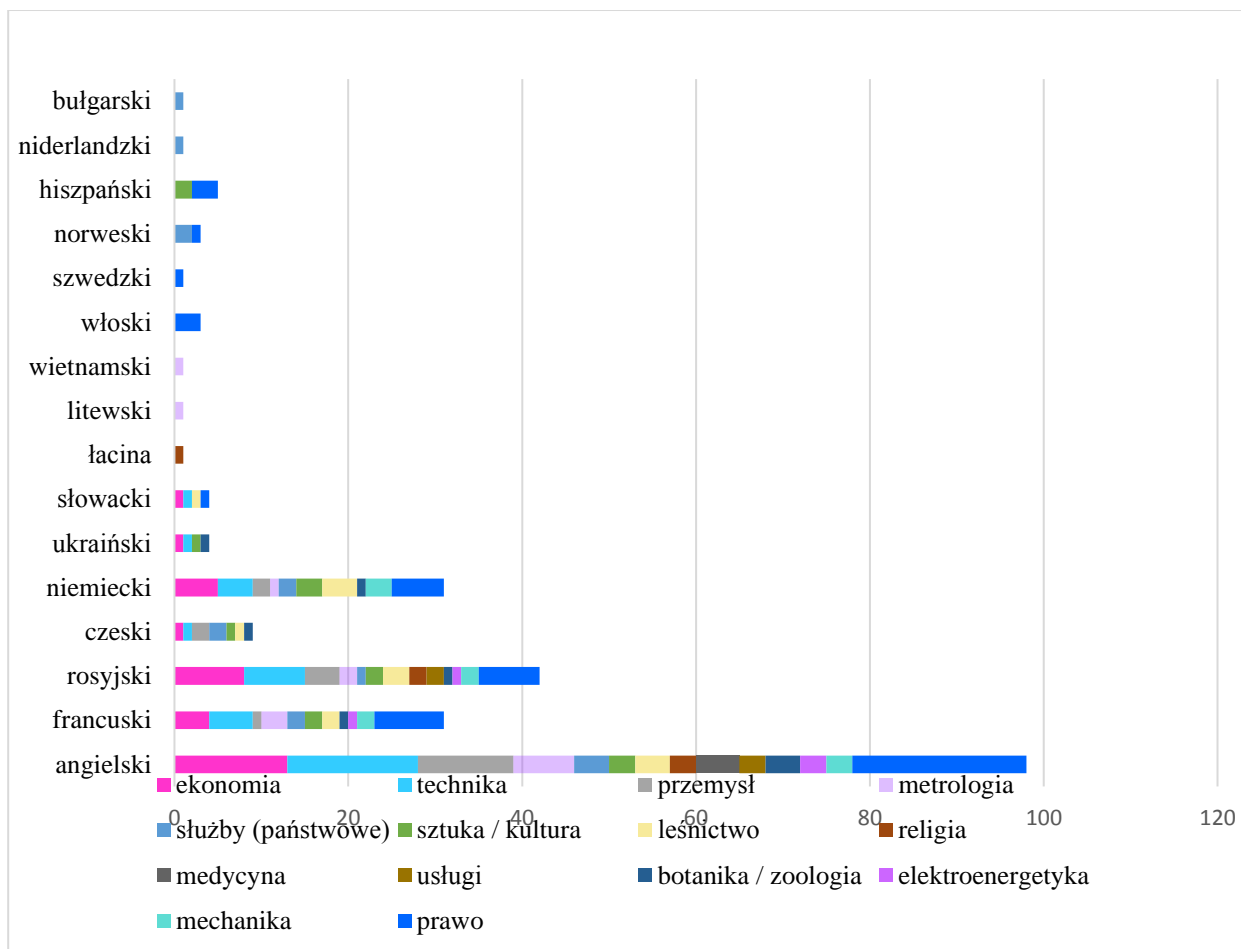

Wykres 3 – Branże: procentowy rozkład danych

Z zaprezentowanych wyników widać, że prawie co czwarty słownik rejestruje terminy z zakresu PRAWA. Na kolejnych miejscach plasują się: EKONOMIA (14%) oraz TECHNIKA (11%). Trzynastą część zebranych tezaursów rejestruje leksykę fachową z pięciu najmniej popularnych branż, to są: MEDYCYNA, USŁUGI, BOTANIKA / ZOOLOGIA, ELEKTROENERGETYKA, MECHANIKA. Należy jednak z dość dużą ostrożnością podchodzić do tych danych, ponieważ w procesie

tworzenia bazy zdecydowałam się na omawiane wcześniej ograniczenia: tematyczne – brak słowników humanistycznych oraz jakościowe – brak słowników dydaktycznych, popularnonaukowych. Nie powinien zatem dziwić odczuwany deficyt w odniesieniu do specjalizacji: MEDYCYNA oraz SZTUKA / KULTURA.

Jak wspomniałam wcześniej – może istnieć korelacja między branżami a językami. Spójrzmy na ostatni z prezentowanych wykresów (*wykres 4.*).

Wykres 4 – Branża a język

Takie branże, jak: EKONOMIA, TECHNIKA, PRZEMYSŁ w większym stopniu wyczerpują słowniki zawierające język rosyjski niż język francuski czy język niemiecki. Z kolei METROLOGIA pojawia się w glosariuszach rejestrujących język francuski częściej niż w tych z językiem niemieckim czy rosyjskim. MECHANIKA i LEŚNICTWO natomiast wyczerpują tezaury z językiem niemieckim bardziej niż te z rosyjskim czy francuskim. Terminy z branży SŁUŻBY (PAŃSTWOWE) wyjaśnianie są w największym stopniu w języku norweskim. Gospodarcze relacje Polski i Rosji oraz Polski i Niemiec są bardziej ścisłe niż polsko-francuskie. To samo dotyczy służb (opieka medyczna, rehabilitacja) – istnieją przecież związki polsko-skandynawskie (a zwłaszcza norweskie) w postaci migracji zarobkowej. Można zatem powiązać obecność na rynku

wydawniczym określonych słowników przekładowych z potrzebami użytkowników języka.

Pora na kilka słów podsumowania

Polska przekładowa terminografia specjalistyczna ma się dość dobrze, zwłaszcza jeśli chodzi o branżę prawną. Optymizmem powinna również napawać wielość specjalizacji, których terminy tłumaczone są na język angielski (współczesny *lingua franca*). Może natomiast niepokoić fakt deficytów – przede wszystkim w odniesieniu do języków słowiańskich (serbski, chorwacki, słoweński, macedoński i in.) czy najistotniejszych pod względem gospodarczym (chiński / mandaryński, hindi, arabski). Martwić może również niedobór leksykonów z językiem hiszpańskim – używanym w ponad dwudziestu krajach świata.

* * *

1. Gajda S. Wprowadzenie do teorii terminu. Opole : Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1990. 145 s.
2. Gajda S., Iwaszczenko W.L. Historia Komisji Terminologicznej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów: <https://core.ac.uk/download/pdf/86920441.pdf> [wersja elektroniczna].
3. Górnicz M. Terminologizacja tekstów specjalistycznych / pod red. J. Lewandowskiego. Języki Specjalistyczne 3. Lingwistyczna identyfikacja tekstów specjalistycznych. Warszawa : Katedra Języków Specjalistycznych, 2003. 106–117 s.
4. Grucza F. O statusie, pozycji i zadaniach lingwistyki stosowanej / pod red. J. Fisiaka. Studia językoznawcze: od językoznawstwa ogólnego do językoznawstwa stosowanego. Kraków : Tertium, 2010. 121–146 s.
5. Gruszczyński W. Dwa najstarsze drukowane słowniki polskie w wydaniu faksymilowym // [Francisci Mymeri] Dictionarium trium linguarum [i] Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum [wydanie faksymilowe]. Kraków : Biblioteka Tradycji Literackich, Collegium Columbinum, 1997. 105–133 s.
6. Jarosz B. O nietożsamości pojęć język specjalistyczny, język specjalny, język fachowy, język profesjonalny, język zawodowy, profesjolekt, technolekt // Polonica. 2018. № 38. S. 1–24.
7. Karpiński Ł. Zarys leksykografii terminologicznej. Warszawa : UW, 2008. 321 s.
8. Kiklewicz A. Tęcza nad potokiem... Kategorie lingwistyki komunikacyjnej, socjolingwistyki i hermeneutyki lingwistycznej w ujęciu systemowym. Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2011. 364 s.
9. Ligara B. Semantyka terminu w perspektywie porównawczej: koncept, pojęcie czy signifié? // Poradnik Językowy. 2014. № 2. S. 7–21.
10. Lukszyn J., Zmarzer W. Teoretyczne podstawy terminologii. Warszawa : Katedra Języków Specjalistycznych, 2006. 195 s.
11. Łukasik M. Angielsko-polskie i polsko-angielskie słowniki specjalistyczne (1990–2006). Analiza terminograficzna. Warszawa : Katedra Języków Specjalistycznych, 2007. 222 s.
12. Michałowski P. W poszukiwaniu idealnego modelu słownika terminologii branżowej / pod red. J. Lewandowskiego. Języki Specjalistyczne 4. Leksykografia terminologiczna – teoria i praktyka. Warszawa : Katedra Języków Specjalistycznych, 2004. 193–201 s.
13. Sawicka A. Od terminografii do słownika specjalistycznego – czyli jak skonstruować słownik profesjonalisty // Językoznawstwo. 2011. № 1. S. 145–151.
14. Tomaszczyk J. Model systemu informacji terminologicznej. Katowice : WUŚ, 2014. 223 s.
15. Urbańczyk S. Wokabularz trydencki // Język Polski. 1962. № 1. S. 15–29.
16. Woźniak-Wrzesińska E. Słowa we mgle. Leksyka, terminy i pojęcia w tekstach współczesnej humanistyki – wybrane zagadnienia. Lublin : KUL, 2019. 252 s.
17. Woźniak-Wrzesińska E. Wybrana współczesna polska terminografia z zakresu nauk humanistycznych – przegląd, próba syntezy // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica. 2020. № 54. S. 71–89.

Aneks 1. – Zgromadzone słowniki

- A.1. Adamski Z. Wielojęzyczny słownik terminów leśnych i drzewnych: polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski. Warszawa : Stowarzyszenie Inżynierów i Techników Leśnictwa i Drzewnictwa, 1998. 351 s.
- A.2. Ahrends I., Sobiecka Z. Słownik chemiczny niemiecko-polski z indeksem terminów polskich. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Techniczne, 1958. 760 s.
- A.3. Altkorn J., Borošová, Sloboda Š. Siedmójzyczny słownik terminów handlowych: angielski, czeski, francuski, niemiecki, polski, rosyjski, słowacki. Kraków : AE, 1980. 563 s.
- A.4. Artienwicz N.A. Angielsko-polski słownik terminów rachunkowości i rewizji finansowej. Warszawa : Rachunkowość, 2014. 65 s.
- A.5. Balowski M. Polsko-czeski słownik terminów zintegrowanego systemu ratownictwa w sytuacjach kryzysowych. Racibórz : Instytut Neofilologii Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej, 2014. 436 s.
- A.6. Belniak S., Brzeski W.J. Angielsko-polski słownik terminów z dziedziny nieruchomości. Kraków : Krakowski Instytut Nieruchomości, 1994.
- A.7. Bem M.T., Gebler M. Słownik terminologii prawniczej: francusko-polski, polsko-francuski. Warszawa : Wydawnictwo C.H. Beck, 2011. 317 s.

- A.8. Benisławski J. Słownik najczęściej spotykanych terminów z dziedziny ekonomiki i organizacji przedsiębiorstw przemysłowych w pięciu językach: polskim, angielskim, francuskim, niemieckim i rosyjskim. Warszawa : Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu, 1954. 256 s.
- A.9. Bernadzi E., Czereyski K. Słownik terminów z zakresu leśnictwa i drzewnictwa: polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1972. 149 s.
- A.10. Biedrzycki L. Polsko-angielski słownik elektryczny. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 2006. 458 s.
- A.11. Bielak A., Zięba M.St. Polsko-ukraiński, ukraińsko-polski glosariusz terminów administracji publicznej = Pol'sko-ukraïns'kij, ukraïns'ko-pol's'kij glosarij terminiv derŽavnogo administruvannâ. Lublin : Fundacja Młoda Demokracja, 2004. 96 s.
- A.12. Bielerzewski J. Polsko-niemiecki/niemiecko-polski glosariusz terminów z zakresu kontroli finansów publicznych = Deutsch-polnishes/polnisch-deutsches Glossar für die Rechnungsprüfung = German-Polish/Polish-German auditing glossary. Kraków : Regionalna Izba Obrachunkowa, 2016. 150 s.
- A.13. Bocian R., Zabłocki M.J. Angielsko-polski słownik terminologii filmowej. Warszawa : Wydawnictwo Wojciech Marzec, 2008. 272 s.
- A.14. Bocian R., Zabłocki M.J. Angielsko-polski słownik terminów filmowych, telewizyjnych i wideo: ponad 10 000 haseł z dziedziny produkcji, dystrybucji i techniki filmowo-telewizyjnej, z terminami komputerowymi i prawno-ekonomicznymi. Wrocław : Studio Filmowe Montevideo, 2000.
- A.15. Bojarski Z. Słownik terminów krystalograficznych 2003: (angielsko-polski). Łódź : Wydawnictwo Politechniki Łódzkiej, 2003. 74 s.
- A.16. Bojarski Z. Słownik terminów krystalograficznych: w językach: polskim, angielskim i rosyjskim. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 66 s.
- A.17. Borkowski T. Polsko-angielski słownik terminów prawnych Polterm z definicjami. Warszawa : Wydawnictwo Translegis, 2011. 270 s.
- A.18. Bornus L., Crane E.E., Demianowicz A. Słownik terminów pszczelarskich = Dictionary of beekeeping terms with allied scientific terms: angielski, francuski, niemiecki, czeski, polski, rosyjski. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1964. 436 s.
- A.19. Borysiuk P. Słownik terminów drzewnych niemiecko-polski = Deutch-polnishes holztechnisches Wörterbuch. Warszawa : Wydawnictwo SGGW, 2014. 149 s.
- A.20. Borzymiński J., Piotrkowicz J. Międzynarodowy słownik terminów metrologii prawnej: polski, angielski, francuski. Warszawa : Główny Urząd Miar, 2002. 78 s.
- A.21. Broszkiewicz H. Wielojęzyczny słownik terminów z zakresu własności przemysłowej = Wörterbuch des gewerblichen Rechtsschutzes = Industrial property glossary = Glossaire de propriété industrielle: polski, niemiecki, angielski, francuski. Warszawa : Wydawnictwa Urzędu Patentowego RP [Rzeczypospolitej Polskiej], 1991. 208 s.
- A.22. Brożyna A., Kukułka M. Polsko-angielski słownik terminów w zakresie bezpieczeństwa dla marynarzy. Gdynia : Pol-Zet, 1999. 56 s.
- A.23. Burzykowski T., Wątrobińska M. Angielsko-polski słownik terminów biostatystyki klinicznej. Warszawa : MediPage, 2009. 183 s.
- A.24. Chmielecka E. Słownik podstawowych terminów dotyczących krajowego systemu kwalifikacji = A glossary of key terms related to the national qualifications system. Warszawa : Instytut Badań Edukacyjnych, 2014. 150 s.
- A.25. Cichocki L. Angielsko-polski leksykon terminów poligraficznych. Warszawa : Centralny Ośrodek Badawczo-Rozwojowy Przemysłu Poligraficznego, 2013. 367 s.
- A.26. Czaplinski W. Vocabulaire des traités européens = Słownik terminów traktatów europejskich: [francusko-niemiecko-angielsko-polski] / Fundacja Promocji Prawa Europejskiego. Warszawa : Scholar, 1994. 507 s.
- A.27. Czekierda K. Słownik terminów i zwrotów religijnych angielsko-polski. Kraków : „M”, 2004. 959 s.
- A.28. Czupryńska K., Sławińska I. Lietuvių-lenkų, lenkų-lietuvių kalbų matematikos terminų Žodynas = Słownik terminów matematycznych litewsko-polski, polsko-litewski. Kaunas : Šviesa, 2001. 350 s.
- A.29. Dmitriuk L. Wybór terminów i wyrażen ekonomicznych. Cz. 1, Rosyjsko-polska. Warszawa : Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1974. 541 s.
- A.30. Dmitriuk L., Kryvol' T., Rydzewska D. Rosyjsko-polski wybór terminów i wyrażen ekonomicznych: praca zbiorowa. Cz. 2, Wybór terminów i wyrażen ekonomicznych: polsko-rosyjski. Warszawa : SGPiS, 1977. 323 s.

- A.31. Domagalski S. Praktyczny słownik polsko-rosyjsko-ukraiński: ekonomika i handel = Praktičeskij slovar' pol'sko-russko-ukrainkij: èkonomika i tovgovlá. Warszawa : Rea, 2000. 1319 s.
- A.32. Dudziewicz J. Międzynarodowy słownik podstawowych i ogólnych terminów metrologii: francuski, angielski, polski. Warszawa : Główny Urząd Miar, 1996. 78 s.
- A.33. Dziurka D. Slovník dřevařských termínů: česko-polský, polsko-český = Słownik terminów drzewnych: czesko-polski, polsko-czeski: učebnice. Brno : Mendelova zemědělská a lesnická univerzita, 2007. 179 s.
- A.34. Dziurka D. Słownik terminów drzewnych polsko-słowacki, słowacko-polski = Slovník dřevařské termíny pol'sko-slovenský, slovensko-pol'ský. Warszawa : Wydawnictwo SGGW, 2006. 268 s.
- A.35. Farana R. Angielsko-polski słownik podstawowych terminów z dziedziny sterowania automatycznego. Kraków : Wydawnictwa AGH, 2015. 97 s.
- A.36. Ferens C. Słownik jakości: terminy i definicje w zakresie jakości: wersje obcojęzyczne i polska: polski, angielski, niemiecki, włoski, szwedzki, rosyjski. Warszawa : Centralny Urząd Jakości i Miar, 1968. 134 s.
- A.37. Fikus M., Pała J. Słowniczek wybranych terminów z zakresu biotechnologii z ich odpowiednikami w języku angielskim. Warszawa : CBR, 1988. 61 s.
- A.38. Filipek M.J., Iwanow M., Iwanow R. Słownik terminologii prawniczej norwesko-polski, polsko-norweski. Warszawa : C.H. Beck, 2010. 340 s.
- A.39. Fuzowska-Wójcik M., Zaremba M., Zawadzki J. Angielsko-polski słownik terminów z zakresu dokumentacji i informacji patentowej. Warszawa : Wydawnictwa UPRP, 1995. 44 s.
- A.40. Gierlasińska L. Słownik terminów ubezpieczeniowych polsko-rosyjski, rosyjsko-polski. Toruń : Wydawnictwo Lenz i Załęcki, 2006. 231 s.
- A.41. Gil M. Słowniczek terminów angielsko-polskich w inżynierii chemicznej i procesowej = Chemical Engineering English-Polish Glossary. Gliwice : Wydawnictwo Politechniki Śląskiej, 2005. 28 s.
- A.42. Goralewska J. Francusko-polski mały słownik terminów policyjnych = Petit dictionnaire français-polonais de termes policiers. Legionowo : Wydawnictwo CSP, 1995. 101 s.
- A.43. Gordon J. Słownik terminologii prawniczej i gospodarczej: polsko-angielski, angielsko-polski. Warszawa : Poltext, 2008. 848 s.
- A.44. Górczak E., Klepacka B. Słownik terminów teologicznych z katechizmem: angielsko-polski, polsko-angielski. Poznań : Hlondianum, 2009. 219 s.
- A.45. Górecki L. Mały słownik techniczny francusko-polski. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1964. 248 s.
- A.46. Grabkowski M. Czesko-polski słownik zwrotów i terminów z zakresu obuwnictwa. Radom : WSI, 1992. 441 s.
- A.47. Graca J. Słownik podstawowych terminów biznesowych niemiecko-polski i polsko-niemiecki. Tarnów : Wydawnictwo MWSE, 2001. 76 s.
- A.48. Grzeluk I. Słownik terminologiczny mebli. Terminological dictionary of furniture. Warszawa : Min. Kultury i Sztuki. Generalny Konserwator Zabytków, 1998. 340 s.
- A.49. Gut D., Lemańska A. Opiekun osób chorych i starszych : słownik tematyczny, polsko-angielski, angielsko-polski wraz z rozmówkami: pomocny dla opiekunów, rehabilitantów. Wodzisław Śląski : Usługi Poligraficzne i Wydawnicze Legis, 2014. 397 s.
- A.50. Gut D., Lemańska A. Opiekun osób chorych i starszych : słownik tematyczny, polsko-norweski, norwesko-polski wraz z rozmówkami: pomocny dla opiekunów, rehabilitantów, pielęgniarek. Wodzisław Śląski : Usługi Poligraficzne i Wydawnicze Legis, 2014. 347 s.
- A.51. Huskowski T., Van Van D. Polsko-wietnamski słowniczek terminów. Wrocław : Politechnika Wrocławska, 1971. 28 s.
- A.52. Hvatov S., Szadyko S. Słownik polsko-rosyjski terminów ekonomicznych, handlowych i finansowych. Konstancin-Jeziorna : Wydawnictwo REA-SJ, 2015. 396 s.
- A.53. Işuk I.G. Pol'sko-russkij gornij slovar': okolo 36 000 terminov. Moskva : Russkij Âzyk, 1975. 815 s.
- A.54. Jakubowski M. Słownik terminów stosowanych w toksykologii: definicje polskie i odpowiedniki angielskie. Kraków : Secesja, 1994. 115 s.
- A.55. Jankowska A. Od mechanika do mechatronika : słownik terminów technicznych polsko-niemiecko-angielski z częścią ilustrowaną = Vom Mechaniker zum Mechatroniker : Wörterbuch der technischen Begriffe Polnisch-Deutsch-Englisch mit Illustrationen = From mechanic to mechatronic : technical dictionary Polish-German-English illustrated. Warszawa : Polsko-Niemiecka Izba Przemysłowo-Handlowa, 2015. 258 s.

- A.56. Jaślan J., Jaślan H. Słownik terminologii prawniczej i ekonomicznej angielsko-polski. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1999. 724 s.
- A.57. Jeżewski M. Słownik terminów fizycznych polsko-angielsko-francusko-niemiecko-rosyjski. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 776 s.
- A.58. Józwiak Z. Słownik polsko-angielsko-francusko-rosyjski podstawowych terminów matematycznych z wykazami haseł: angielsko-polskim, francusko-polskim, rosyjsko-polskim oraz tablicą symboli. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2008. 333 s.
- A.59. Juchniewiczová V., Zoričáková G., Papierz M. Słownik terminologii prawniczej i ekonomicznej polsko-słowacki. Warszawa : Wiedza Powszechna, 2008. 488 s.
- A.60. Kaczmarczyk M., Nowacki A. Polsko-ukraiński słownik terminów dziennikarskich: z suplementem ukraińsko-polskim. Lublin : Wydawnictwo KUL, 2015. 142 s.
- A.61. Kamiński Z., Kujawa J. MARDIC : słownik anglojęzycznych terminów i skrótów handlu morskiego. Gdańsk : Wydaw. Uniwersytetu Gdańskiego, 2001. 323 s.
- A.62. Kemula W., Basiński A. Słownik terminologii chemicznej polsko-niemiecko-angielsko-francusko-rosyjski = Dictionary of chemical terminology Polish-German-English-French-Russian. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1974. 562 s.
- A.63. Kiezler I. Dictionary of economic terms: banking, finances, law. Warszawa : Wydaw. C.H. Beck, 2004. 349 s.
- A.64. Kiezler I. Słownik terminologii gospodarczej: bankowość, finanse, prawo: angielsko-polski, polsko-angielski. Warszawa : Wydaw. C.H. Beck, 2006. 736 s.
- A.65. Kiezler I. Słownik terminologii gospodarczej: bankowość, finanse, prawo: niemiecko-polski, polsko-niemiecki. Warszawa : Wydaw. C.H. Beck, 2004. 848 s.
- A.66. Kiezler I. Słownik terminologii komputerowej angielsko-polski i polsko-angielski. Gdynia : IVAX, 2003. 246 s.
- A.67. Kiezler I. Słownik terminologii Unii Europejskiej angielsko-polski i polsko-angielski. Gdynia : IVAX, 2001. 199 s.
- A.68. Koch Z., Kłobukowska H. Słownik terminologii odlewnictwa w 6 językach: polski, czeski, niemiecki, angielski, francuski, rosyjski. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Techniczne, 1960. 59 s.
- A.69. Kolanowska E. Angielsko-polski i polsko-angielski glosariusz terminów i pojęć używanych w europejskich programach współpracy w dziedzinie edukacji. Warszawa : Fundacja Rozwoju Systemu Edukacji. Narodowa Agencja Programu Socrates, 2004. 574 s.
- A.70. Kolanowska E., Studencki W. Angielsko-polski i polsko-angielski słownik terminów i pojęć używanych w programach współpracy zagranicznej w dziedzinie edukacji. Warszawa : KAPS, 1997. 255 s.
- A.71. Komarnicki M., Komarnicki I. Słownik terminologii prawniczej hiszpańsko-polski. Warszawa : C.H. Beck, 2005. 168 s.
- A.72. Komarnicki M., Komarnicki I. Komarnicka E. Diccionario de terminología jurídica polaco-español. Warszawa : C.H. Beck, 2007. 182 s.
- A.73. Komarnicki M., Komarnicki I. Komarnicka E. Słownik terminologii prawniczej: hiszpańsko-polski, polsko-hiszpański. Warszawa : C.H. Beck, 2010. 351 s.
- A.74. Kondracki J., Krauze-Tomczyk I., Ostrowski J. Słownik terminów używanych przy standaryzacji nazw geograficznych = Glossary of Terminology Used in the Standardization of Geographical. Warszawa : Główny Urząd Geodezji i Kartografii, 1998. 86 s.
- A.75. Korol J. A concise dictionary of statistical terms: English-Polish, Polish-English = Słowniczek terminów statystycznych: angielsko-polski, polsko-angielski. Szczecin : Ekstat, 1998. 311 s.
- A.76. Kowalczyk M., Sójka M., Polesek A. Hiszpańsko-polski obrazkowy słownik terminów plastycznych: techniki, materiały i narzędzia stosowane w malarstwie, rysunku, rzeźbie, tkaninie, ceramice, emalii i grafice. Kielce : Zespół Państwowych Szkół Plastycznych w Kielcach, 2019. 52 s.
- A.77. Kowalewska B. Wörterbuch der Ur- und Frühgeschichte: deutsch-polnisch, polnisch-deutsch = Słownik terminologii prehistorycznej: niemiecko-polski, polsko-niemiecki. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. 852 s.
- A.78. Koziarkiewicz R. Słownik terminologii ubezpieczeniowej angielsko-polski, polsko-angielski = Dictionary of insurance terms English-Polish, Polish-English. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2018. 535 s.
- A.79. Koziarkiewicz R. Słownik terminologii finansowej angielsko-polski, 2003. 204 s.
- A.80. Koziarkiewicz R. Słownik terminologii podatkowej angielsko-polski, polsko-angielski. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2005. 148 s.
-

- A.81. Kozierekiewicz R. Słownik terminologii marketingowej angielsko-polski, polsko-angielski = Dictionary of marketing terms English-Polish, Polish-English. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2007. 426 s.
- A.82. Kozierekiewicz R. Słownik terminów hotelowo-turystycznych angielsko-polski, polsko-angielski. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2007. 336 s.
- A.83. Kozierekiewicz R., Kosaczenko O. Słownik terminologii biznesowej: polsko-angielsko-rosyjski. Warszawa : Wydawnictwo C.H. Beck, 2008. 348 s.
- A.84. Kozubel W. Słownik terminów biologicznych ukraińsko-polski i polsko-ukraiński = Slovník biologických terminův ukraíns'ko-pol's'kij i pol's'ko-ukraíns'kij. Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 2006. 87 s.
- A.85. Kozubel W. Słownik terminów chemicznych ukraińsko-polski i polsko-ukraiński = Slovník hímických terminův ukraíns'ko-pol's'kij i pol's'ko-ukraíns'kij. Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 2007. 72 s.
- A.86. Krueger M. Słownik terminów archeologicznych polsko-hiszcpański i hiszcpańsko-polski = Diccionario de términos arqueológicos polaco-español y español-polaco. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2019. 144 s.
- A.87. Krupińska B., Miler J., Rzewuska M. Glosariusz terminów prawa celnego Wspólnoty: angielsko-francusko-niemiecko-polski. Warszawa : KIE, 1998. 60 s.
- A.88. Kryvol' T. Rosyjsko-polski wybór terminów i wyrażeń ekonomicznych. Warszawa : Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1971. 323 s.
- A.89. Kuratczyk M. Słownik terminologii prawniczej polsko-rosyjski / pol'sko-russkij, rosyjsko-polski / russko-pol'skij. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2019. 778 s.
- A.90. Kwiatkowska H. Słownik terminologii prawniczej: włosko-polski, polsko-włoski. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2011. 367 s.
- A.91. Lemańska A., Gradecka-Meesters D., Gut D. Słownik dla pielęgniarek, opiekunów, rehabilitantów, polsko-niderlandzki, niderlandzko-polski. Wodzisław Śląski : Usługi Poligraficzne i Wydawnicze Legis, 2014. 439 s.
- A.92. Lemańska A., Gut D., Koprowska K. Opiekun osób chorych i starszych : słownik tematyczny, polsko-niemiecki, niemiecko-polski wraz z rozmówkami: pomocny dla opiekunów, rehabilitantów, pielęgniarek. Wodzisław Śląski : Usługi Poligraficzne i Wydawnicze Legis, 2014. 396 s.
- A.93. Leyko J. Słownik terminologii mechaniki klasycznej: polski, niemiecki, angielski, francuski, rosyjski = Vocabularium der klassischen Mechanik = Vocabulary of classical mechanics = Vocabulaire de la mécanique classique = Sbornik terminov po klassičeskoj mechanike. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Techniczne, 1961. 391 s.
- A.94. Lubaś J. Słownik terminologiczny z zakresu poszukiwania, wiertnictwa i eksploatacji złóż węglowodorów. Kraków : Instytut Nafty i Gazu - Państwowy Instytut Badawczy, 2019. 1036 s.
- A.95. Łukaszewicz B., Opalińska M. Angielsko-polski słownik budowlany. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 2005. 327 s.
- A.96. Machowska A. Słownik terminologii prawniczej francusko-polski = Dictionnaire de la terminologie juridique français-polonais. Warszawa : Lex a Wolters Kluwer business, 2013. 891 s.
- A.97. Majewski T., Ancyparowicz B. Słownik terminów rehabilitacyjnych polsko-angielsko-niemiecko-francusko-rosyjski. Warszawa : Centrum Badawczo-Rozwojowe Rehabilitacji Osób Niepełnosprawnych, 1998. 103 s.
- A.99. Markowska E. Słownik polsko-rosyjski wybranych terminów dydaktyczno-naukowych. Warszawa : WAP, 1983. 98 s.
- A.99. Másnikov B.P. Russko-pol'skij i pol'sko-russkij patentnyj slovar': okolo 18000 terminov i terminologičeskich sočetanij. Moskva : Russkij Jazyk, 1985. 264 s.
- A.100. Mehed G.N., Foryst J., Pobegajlo M.V. Słownik hutniczy polsko-rosyjski: okolo 20 000 terminów. Moskva : Russkij ęzyk, 1982. 460 s.
- A.101. Metera D., Knežević T., Żelechowski Z. Słownik terminów rolnościowiskowych: polsko-angielski angielsko-polski = Glossary of agri-environmental terms: Polish-English English-Polish. Warszawa : Fundacja IUCN Poland, ABC Poland, 2003. 73 s.
- A.102. Metera J., Zasada S., Zelenay T. Energia jądrowa = Atomic energy = Énergie atomique = Atomnaja ènergija : słownik terminów technicznych = glossary of technical terms = glossaire des terms technique = glossarij techničeskich terminov. Warszawa : Państw. Wydaw. Naukowe, 1963. 215 s.

- A.103. Michałowska M. Słownik terminologiczny włókiennictwa = Terminological dictionary of textiles. Warszawa : Min. Kultury i Sztuki. Generalny Konserwator Zabytków, 1995. 294 s.
- A.104. Miklaševska N.E., Miklaševskij R.I, Mišenko A.S. Pol'sko-russkij matematičeskij slovar': okolo 24 tys. terminov i terminologičeskich sočetańij. Moskva : Russkij Źyzyk, 1981. 212 s.
- A.105. Miler J. Angielsko-polski glosariusz terminów dotyczących rynku wewnętrznego: pochodzących z białej księgi: Przygotowanie Krajów Stowarzyszonych Europy Środkowej i Wschodniej Do integracji z rynkiem wewnętrznym Unii Europejskiej. Warszawa : KIE, 1998. 384 s.
- A.106. Milewski P., Marciszewski M. Słownik terminologii handlowej, podatkowej i księgowej polsko-niemiecki, niemiecko-polski = Wörterbuch der Terminologie des Handels, Steuer- und Rechnungswesens Polnisch-Deutsch, Deutsch-Polnisch. Warszawa : Oficyna Wydawnicza Branta, 2002. 504 s.
- A.107. Morawska-Nowak B., Szczepanik J. Słownik słów kluczowych z neuropsychofarmakologii = Keywords for Neuropsychopharmacology. Kraków : PAN. OIN, 1991. 45 s.
- A.108. Moskalewski T. Encyklopedyczny słownik kablowy w sześciu językach: polski-angielski-czeski-słowacki-francuski-niemiecki-rosyjski. Ożarów Mazowiecki : Branżowy Ośrodek Informacji Naukowo-Technicznej i Ekonomicznej, 1980. 267 s.
- A.109. Moszoro K. Angielsko-polski słownik spawalniczy z omówieniem stosowanych lub przyjętych terminów oraz rysunkami. Londyn : Wojskowy Inst. Techniczny, 1946. 33 s.
- A.110. Musiałkowski P., Kiszczak B., Ślusarek M. Międzynarodowy glosariusz terminów: polski, angielski, niemiecki, francuski: prawo pracy, polityka społeczna, zbiorowe stosunki pracy. Warszawa : Scholar, 1996. 193 s.
- A.111. Musiałowicz T. Radiation protection glossary and english-polish dictionary : encyklopedyczny słownik angielskich terminów i definicji z dziedziny ochrony radiologicznej, wybranych terminów i definicji z dziedzin pokrewnych oraz ich odpowiedniki przyjęte w Polsce. Warszawa : CLOR, 2003. 165 s.
- A.112. Nádvořník M. Slovník knihovnických terminů v šesti jazycích: česky-ruský-polský-anglický-francouzský-Deutsch = Slovar' bibliotecznyh terminov : na šesti Źyzykah = Słownik terminów bibliotekarskich: w sześciu językach = Wörterbuch der bibliothekarischen Fachausdrücke: in sechs Sprachen = Dictionary of library terms : in six languages = Dictionnaire des termes bibliothéconomiques: en six langues. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1958. 632 s.
- A.113. Nawrot J. Słownik terminów entomologicznych angielsko-polski i polsko-angielski. Poznań : Instytut Ochrony Roślin-PIB, 2011. 338 s.
- A.114. Olejnik S. Słownik łacińsko-polski terminów teologiczno-moralnych. Warszawa : Akademia Teologii Katolickiej, 1968. 229 s.
- A.115. Orkisz S. Angielsko-polski słownik terminów anatomicznych. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2015. 174 s.
- A.116. Os'mova M.N. Pol'sko-russkij èkonomičeskij slovar' = Słownik ekonomiczny polsko-rosyjski: okolo 30 000 terminov = około 30 000 terminów. Moskva : Russkij Jazyk, 1977. 493 s.
- A.117. Ożga E. Słownik terminologii prawniczej angielsko-polski. Warszawa : Branta, 2007. 519 s.
- A.118. Patterson R., Granicki P. Kompendium terminów bankowych po polsku i angielsku. Warszawa : Fundacja Rozwoju Rachunkowości w Polsce, 2002. 523 s.
- A.119. Patterson R. Kompendium terminów z zakresu finansów po polsku i angielsku = Compendium of finance in Polish & English. Wydawnictwo Zielona Sowa, 2010. 191 s.
- A.120. Patterson R. Kompendium terminów z zakresu bankowości po polsku i angielsku = Compendium of banking in Polish & English. Kraków : Wydawnictwo Zielona Sowa, 2011. 223 s.
- A.121. Patterson R., Kieres E. Compendium of Accounting in Polish & English = Kompendium terminów z zakresu rachunkowości po polsku i angielsku. Warszawa : Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne. Grupa Kapitałowa WSiP, 2010. 214 s.
- A.122. Paul M. Podręczny słownik drzewny niemiecko-polski (z indeksem terminów polskich). Poznań : ITD, 1973. 327 s.
- A.123. Penc J. Leksykon biznesu : słownik angielsko-polski, ponad 2300 terminów. Warszawa : Placet, 1997. 591 s.
- A.124. Perczak E. Słowniczek terminów turystycznych rosyjsko-polski. Chorzów : CKUE, 1992. 18 s.
- A.125. Petrova E.M. Słownik techniczny polsko-bułgarski i bułgarsko-polski. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1982. 574 s.
- A.126. Petruk D. Słownik terminów z zakresu sztuki i dziedzin pokrewnych: [polsko-niemiecki, niemiecko-polski]. Myślenice : Wydawnictwo Petruk, 2007. 395 s.

- A.127. Pieńkos E. Słownik terminologii ekonomicznej francusko-polski = Dictionnaire de la terminologie économique français-polonais. Warszawa : Wiedza powszechna, 2008. 320 s.
- A.128. Pieńkos E. Słownik terminologii ekonomicznej polsko-francuski. Warszawa : Wiedza powszechna, 2002. 824 s.
- A.129. Pieńkos J. Francusko-polski słownik terminologii politycznej i społecznej. Kraków : Zakamycze, 2003. 711 s.
- A.130. Pieńkos E., Pieńkos J. Słownik terminologii prawniczej i ekonomicznej francusko-polski. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1981. 1112 s.
- A.131. Pietrzykowska J. Polsko-czeski i czesko-polski słowniczek terminów Górskiego Ochotniczego Pogotowia Ratunkowego. Racibórz : Instytut Neofilologii PWSZ, 2016. 101 s.
- A.132. Płoskonka J. Glosariusz terminów dotyczących kontroli i audytu w administracji publicznej = Glossary of terms related to audit in public administration. Warszawa : Najwyższa Izba Kontroli – Departament Strategii Kontrolnej, 2005. 90 s.
- A.133. Pokorzyna E. Słownik terminologiczny wyposażenia świątyń obrządku wschodniego z przydatkiem ikon maryjnych = Terminological dictionary of the outfitting of Eastern Rite Churches with an appendage on marian icons. Warszawa : Wydaw. DiG, 2001. 183 s.
- A.134. Polak E. Polsko-angielski słownik pojęć i terminów gimnastycznych. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2007. 130 s.
- A.135. Politycka B. Słownik terminów z fizjologii roślin angielsko-polski i polsko-angielski = English-Polish and Polish-English dictionary of plant physiology terms. Poznań : Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego, 2007. 87 s.
- A.136. Porwit M., Siedlecka I. Mały słownik techniczny polsko-rosyjski. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1963. 216 s.
- A.137. Potasiński W., Bohdanowicz R., Jędrzejko M. Słownik terminów i skrótów wojskowych: angielsko-polski, polsko-angielski. Warszawa : Dom Wydawniczy „Bellona”, 2000. 349 s.
- A.138. Prusinkiewicz Z. Wielojęzyczny słownik terminów z zakresu próchnic leśnych = Mnogojazyčný slovař po terminologii lesnego gumusa = Multilingual dictionary of forest humus. Warszawa : Państw. Wydaw. Naukowe, 1988. 194 s.
- A.139. Przyszychowski F. Słownik polsko-rosyjsko-niemiecki terminów garbarskich. Warszawa : [s.n.], 1895. 28 s.
- A.140. Robowski J., Głębowski A., Żubrzak M. Słownik papierniczy angielsko-polski z indeksem terminów polskich. Łódź : Stowarzyszenie Papierników Polskich, 2011. 588 s.
- A.141. Selberg O.M. Ordbok for samfunn og helse: norsk-polsk = Słownik terminologii i ochrony zdrowia: norwesko-polski, przekł. J.T. Puszycka. Oslo : Folkeuniversitetets Forlag, 1994. 336 s.
- A.142. Sitek Z. Słownik pięcioletni z zakresu fotogrametrii i teledetekcji z objaśnieniami pojęć w języku polskim, w językach: angielskim, francuskim, niemieckim i rosyjskim. Kraków : Wydaw. AGH, 1990. 231 s.
- A.143. Skibicki W. Angielsko-polski słownik techniczny: zawierający 25.000 terminów stosowanych w lotnictwie. Warszawa : Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1948. 175 s.
- A.144. Skibicki W. Słownik terminologii prawniczej i ekonomicznej niemiecko-polski. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1997. 523 s.
- A.145. Skoblenko A. Polsko-rosyjski leksykon terminów prawniczych = Leksikon ūridičeskijh terminov. Warszawa : Wydawnictwo C.H. Beck, 2011. 374 s.
- A.146. Skreczko A. Pictorial Glossary of Building Terms = Słownik obrazkowy terminów budowlanych. Białystok : Wydawnictwo Prymat Mariusz Śliwowski, 2001. 87 s.
- A.147. Šmid W. Psychologia i socjologia zarządzania : słownik terminów. Sosnowiec : Wydaw. Wyższej Szkoły Zarządzania i Marketingu, 2003. 255 s.
- A.148. Šmid W., Stewart S. Słownik terminów angielsko-polski: zarządzanie, marketing, finanse, rachunkowość, bankowość, giełda, handel, prawo gospodarcze. Warszawa : Placet, 2005. 317 s.
- A.149. Soczewiński E. Chromatografia : słownik terminologiczny angielsko-polski z definicjami. Lublin : AM, 1981. 65 s.
- A.150. Sojka S. Praktyczny słownik polsko-rosyjski: z uwzględnieniem sakralizmów i terminów łacińskich = Praktičeskij pol'sko-russkij slovař: soderżaet sakrazizmy i latinskie. Tarnów : Wydawnictwo Diecezji Tarnowskiej Biblos, 2020. 362 s.

- A.151. Stasiak M. An English-Polish and Polish-English Vocabulary of Basic Terms and Phrases Used in Alimentary Behavior and Physiology of Food Intake. Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2012. 102 s.
- A.152. Staszak W., Wrońska E. Podręczny słownik drzewny angielsko-polski. Poznań : Instytut Technologii Drewna, 1985. 277 s.
- A.153. Stoińska I. Polsko-francuski i francusko-polski słownik terminologii muzycznej oraz wykaz terminów włoskich i zestawienie tytułów utworów. Poznań : Ars Nova, 1995. 369 s.
- A.154. Szewc B. Angielsko-polski i polsko-angielski słownik terminów, pojęć i zwrotów z dziedziny elektroenergetyki. Gliwice : Wydawnictwo Politechniki Śląskiej, 2005. 280 s.
- A.155. Szewc B, Winkler W. Niemiecko-polski i polsko-niemiecki słownik terminów, pojęć i zwrotów z dziedziny elektroenergetyki. Gliwice : Wydawnictwo Politechniki Śląskiej, 2006. 462 s.
- A.156. Szmit S. Angielsko-polski i polsko-angielski słownik wybranych terminów medycznych. Poznań : Termedia Wydawnictwa Medyczne, 2010. 131 s.
- A.157. Sztolberg M. Podręczny słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski terminów chrześcijańskich. Toruń : UMK, 1994. 131 s.
- A.158. Szymula R., Hajczuk R. Podręczny słownik (angielsko-polsko-rosyjski) terminów informatycznych. Białystok : Wydaw. UwB, 2002. 478 s.
- A.159. Treger A. Słownik terminów Unii Europejskiej: angielsko-polski, polsko-angielski: akronimy, skróty. Warszawa : Placet, 2006. 285 s.
- A.160. Turchi B. Leksykon terminów prawniczych = Dizionario dei termini giuridici. Warszawa : Wydawnictwo C. H. Beck, 2011. 370 s.
- A.161. Tyrkiel E. Dictionary of physical metallurgy: English-German-French-Polish-Russian = Słownik terminologii metaloznawstwa: angielsko-niemiecko-francusko-polsko-rosyjski. Warszawa : Wydawnictwo Naukowo-Techniczne, 1977. 401 s.
- A.162. Walczak T. Słownik terminów statystycznych: angielsko-polski, polsko-angielski. Warszawa : C.H. Beck, 2011. 329 s.
- A.163. Welfe A., Brzeszczyński J., Majsterek M. Angielsko-polski, polsko-angielski słownik terminów metod ilościowych. Warszawa : Polskie Wydaw. Ekonomiczne, 2002. 341 s.
- A.164. Wermut J. Angielsko-polski, polsko-angielski słowniczek terminów księgowych. Gdańsk : Ośrodek Doradztwa i Doskonalenia Kadr, 1992. 93 s.
- A.165. Wietecha H., Petuhov A.P. Pol'sko russkij slovar' po tehnologii mašinostroeniâ: okolo 30 tys. terminov i terminologičeskij sočetańij. Moskva : Russkij âzyk, 1983. 352 s.
- A.166. Zobek T. Słownik terminologii prawniczej polsko-rosyjski. Warszawa : Wydawnictwo C.H. Beck, 2008. 168 s.

SŁOWNIK	DZIEDZINY POKREWNE	BRANŻA (DZIEDZINA GŁÓWNA)
A.1.	leśnictwo i drzewnictwo	LEŚNICTWO
A.2.	chemia	METROLOGIA
A.3.	handel	EKONOMIA
A.4.	rachunkowość, rewizja finansowa	EKONOMIA
A.5.	ratownictwo	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.6.	nieruchomość	EKONOMIA
A.7.	s. prawniczy	PRAWO
A.8.	ekonomika	EKONOMIA
A.9.	leśnictwo i drzewnictwo	LEŚNICTWO
A.10.	elektryka	ELEKTROENERGETYKA
A.11.	administracja	PRAWO
A.12.	kontrola finansów publicznych	PRAWO
A.13.	film	SZTUKA / KULTURA
A.14.	film	SZTUKA / KULTURA
A.15.	krystalografia	TECHNIKA
A.16.	krystalografia	TECHNIKA
A.17.	s. prawniczy	PRAWO
A.18.	bartnictwo	BOTANIKA / ZOOLOGIA
A.19.	drzewnictwo	LEŚNICTWO
A.20.	metrologia	METROLOGIA
A.21.	własność przemysłowa	PRAWO
A.22.	bezpieczeństwo dla marynarzy	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.23.	biostatyka miernicza	TECHNIKA
A.24.	metrologia	METROLOGIA
A.25.	poligrafia	PRZEMYSŁ
A.26.	prawo europejskie	PRAWO
A.27.	religia	RELIGIA
A.28.	matematyka	METROLOGIA
A.29.	ekonomia	EKONOMIA
A.30.	ekomomia	EKONOMIA
A.31.	handel, ekonomika	EKONOMIA
A.32.	metrologia	METROLOGIA
A.33.	drzewnictwo	LEŚNICTWO
A.34.	drzewnictwo	LEŚNICTWO
A.35.	automatyka przemysłowa	PRZEMYSŁ
A.36.	jakość	PRAWO
A.37.	biotechnologia	TECHNIKA
A.38.	s. prawniczy	PRAWO
A.39.	s. patentowy	PRAWO
A.40.	ubezpieczenia	PRAWO
A.41.	inżynieria chemiczna	TECHNIKA
A.42.	s. policyjny	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)

A.43.	s. prawniczy	PRAWO
A.44.	religia, teologia	RELIGIA
A.45.	techniczny	TECHNIKA
A.46.	obuwnictwo	PRZEMYSŁ
A.47.	biznes	EKONOMIA
A.48.	meblarstwo	PRZEMYSŁ
A.49.	opiekun osób i starszych	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.50.	opiekun osób i starszych	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.51.	matematyka	METROLOGIA
A.52.	handel, ekonomika	EKONOMIA
A.53.	s. górski	USŁUGI
A.54.	toksykologia	MEDYCYNA
A.55.	mechanika	MECHANIKA
A.56.	s. prawniczy	PRAWO
A.57.	fizyka	TECHNIKA
A.58.	matematyka	METROLOGIA
A.59.	s. prawniczy	PRAWO
A.60.	s. dziennikarski	SZTUKA / KULTURA
A.61.	handel morski	EKONOMIA
A.62.	chemia	TECHNIKA
A.63.	bankowość, finanse, prawo	EKONOMIA
A.64.	bankowość, finanse, prawo	EKONOMIA
A.65.	bankowość, finanse, prawo	EKONOMIA
A.66.	s. komputerowy	TECHNIKA
A.67.	prawo europejskie	PRAWO
A.68.	odlewnictwo	PRZEMYSŁ
A.69.	prawo europejskie	PRAWO
A.70.	prawo oświatowe	PRAWO
A.71.	s. prawniczy	PRAWO
A.72.	s. prawniczy	PRAWO
A.73.	s. prawniczy	PRAWO
A.74.	standaryzacja nazw geograficznych	PRAWO
A.75.	statystyka	METROLOGIA
A.76.	plastyka	SZTUKA / KULTURA
A.77.	prehistoria	SZTUKA / KULTURA
A.78.	ubezpieczenie	PRAWO
A.79.	finanse	EKONOMIA
A.80.	podatek	PRAWO
A.81.	marketing	USŁUGI
A.82.	hotelarstwo	USŁUGI
A.83.	biznes	PRAWO
A.84.	biologia	BOTANIKA / ZOOLOGIA
A.85.	chemia	TECHNIKA
A.86.	archeologia	SZTUKA / KULTURA

A.87.	prawo europejskie	PRAWO
A.88.	ekonomia	EKONOMIA
A.89.	s. prawniczy	PRAWO
A.90.	s. prawniczy	PRAWO
A.91.	pielęgniarki, opiekunowie, rehabilitanci	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.92.	pielęgniarki, opiekunowie, rehabilitanci	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.93.	mechanika klasyczna	MECHANIKA
A.94.	wiertnictwo	PRZEMYSŁ
A.95.	budownictwo	PRZEMYSŁ
A.96.	s. prawniczy	PRAWO
A.97.	s. rehabilitacyjny	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.98.	dydaktyka	SZTUKA / KULTURA
A.99.	s. patentowy	PRAWO
A.100.	hutnictwo	PRZEMYSŁ
A.101.	rolnośrodowiskowych	BOTANIKA / ZOOLOGIA
A.102.	energia jądrowa	ELEKTROENERGETYKA
A.103.	włókiennictwo	PRZEMYSŁ
A.104.	matematyka	METROLOGIA
A.105.	prawo unijne	PRAWO
A.106.	handel, ekonomia	EKONOMIA
A.107.	neuropsychofarmakologia	MEDYCYNĄ
A.108.	s. kablowy	TECHNIKA
A.109.	s. spawalniczy	PRZEMYSŁ
A.110.	prawo pracy, polityka społeczna, zbiorowe stosunki pracy	PRAWO
A.111.	radiologia	TECHNIKA
A.112.	s. bibliotekarski	SZTUKA / KULTURA
A.113.	s. entomologiczny	BOTANIKA / ZOOLOGIA
A.114.	s. religijny, teologiczny	RELIGIA
A.115.	s. anatomiczny	MEDYCYNĄ
A.116.	s. ekonomiczny	EKONOMIA
A.117.	s. prawniczy	PRAWO
A.118.	bankowość, finanse, prawo	EKONOMIA
A.119.	finanse	EKONOMIA
A.120.	bankowość, finanse, prawo	EKONOMIA
A.121.	rachunkowość	EKONOMIA
A.122.	s. drzewny	LEŚNICTWO
A.123.	biznes	PRAWO
A.124.	turystyka	USŁUGI
A.125.	s. techniczny	TECHNIKA
A.126.	sztuka	SZTUKA / KULTURA
A.127.	ekonomia	EKONOMIA
A.128.	ekonomia	EKONOMIA
A.129.	s. polityczny, społeczny	PRAWO
A.130.	s. prawniczy, ekonomiczny	PRAWO

A.131.	GOPR	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.132.	administracja	PRAWO
A.133.	religia, obrządek wschodni	RELIGIA
A.134.	s. gimnastyczny	TECHNIKA
A.135.	fizjologia roślin	BOTANIKA / ZOOLOGIA
A.136.	s. techniczny	TECHNIKA
A.137.	wojskowość	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.138.	próchnica leśna	LEŚNICTWO
A.139.	garbarstwo	PRZEMYSŁ
A.140.	papiernictwo	PRZEMYSŁ
A.141.	służba zdrowia	SŁUŻBY (PAŃSTWOWE)
A.142.	fotogrametria, teledetekcja	TECHNIKA
A.143.	s. techniczny, lotnictwo	TECHNIKA
A.144.	s. prawniczy, ekonomiczny	PRAWO
A.145.	s. prawniczy	PRAWO
A.146.	budownictwo	PRZEMYSŁ
A.147.	psychologia, socjologia	PRAWO
A.148.	zarządzanie, marketing	USŁUGI
A.149.	chromatografia	TECHNIKA
A.150.	religia, obrządek wschodni	RELIGIA
A.151.	medycyna	MEDYCYNĄ
A.152.	s. drzewny	LEŚNICTWO
A.153.	muzyka	SZTUKA / KULTURA
A.154.	elektryka	ELEKTROENERGETYKA
A.155.	elektryka	ELEKTROENERGETYKA
A.156.	medycyna	MEDYCYNĄ
A.157.	religia, chrześcijaństwo	RELIGIA
A.158.	informatyka	TECHNIKA
A.159.	s. Unii Europejskiej	PRAWO
A.160.	s. prawniczy	PRAWO
A.161.	metaloznawstwo	MECHANIKA
A.162.	statystyka	METROLOGIA
A.163.	metody ilościowe	METROLOGIA
A.164.	księgowość	EKONOMIA
A.165.	maszynostrojnie	PRZEMYSŁ
A.166.	s. prawniczy	PRAWO

**МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ
В РЕЧИ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
METALANGUAGE COMMENTS
IN THE ULYANOVSK REGION RUSSIAN RESIDENTS' SPEECH**

© 2021

Е.Ф. Галушко

E.F. Galushko

Проблема лингвистической информативности метаязыковых комментариев важна для осмысления современного состояния русской региональной и шире – славянской речи, понимания когнитивных способностей человека. Полевые записи речи русских жителей Ульяновской области – носителей региолекта и регионально окрашенного литературного языка – содержат достаточное количество метаязыковых комментариев. Комментарии различны по объему, по месту в контексте относительно комментируемого явления (до, после, с двух сторон). Доминирует вариант постпозиционный. Мотивы метаязыковых комментариев разнообразны: необходимость идентифицировать групповую общность; иллюстрировать речевое или языковое явление через широкий контекст; пояснять значение слов, непонятых другому коммуниканту; квалифицировать эти слова как локально ограниченные; рассуждать о множественности номинации или, наоборот, фиксировать единственность данной лексической единицы для обозначения какой-либо реалии. Поводом к комментарию нередко служит ошибка собирателя, связанная с неправильно названным значением слова, идиомы. Обнаружены вербальные формы выхода из ситуации непонимания в паре «задающий вопрос – отвечающий». По количеству квантов информации метаязыковые комментарии могут быть простыми и комбинированными. Для речи носителей региолекта наиболее типичны временные, пространственные маркеры. Отдельные метаязыковые комментарии синтезируют информацию о социуме как общественном конструкте (социальных, возрастных группах, этносах). Метаязыковой комментарий актуализирует комментируемую единицу, указывая сферу, время ее бытования, называет принцип номинации, исходный этимон.

Ключевые слова: обыденное метаязыковое сознание; рефлексия; метаязыковой комментарий; метаоператор; речь; региолект; литературный русский язык; языковая личность; диалог культур; коммуникация; коммуникант; номинация; значение; слово.

The problem of metalanguage linguistic comment information is important for the analysis of the Russian regional or even wider Slavic contemporary speech state, for understanding cognitive human capacities. Field recordings of the Russian residents who use the local Ulyanovsk regional dialect and locally marked literary language contain a great number of metalanguage comments. Such comments differ in amounts, the place in the context with regard to the phenomenon to comment on (before, after or both). The postpositional variant dominates. Metalanguage comment motives are varied: to identify the group unity; to illustrate the speech or language phenomenon with the help of a wider context; to explain the meanings of words unclear to another interlocutor; to classify words as locally limited; to speculate on multiple ways of their nomination or quite the opposite to fix the uniqueness of such a lexical unit for nominating some object. Verbal forms of finding ways in the situation of misunderstanding in the pair 'questioner-responder' are singled out. The motive to a metalanguage comment is often aroused because of the collector's mistake connected with the wrong nomination of the word or idiom. Metalanguage comments may be simple or combined according to the pieces of information. Space and time markers are typical of the Ulyanovsk regional residents' speech. Some metalanguage comments synthesize the information of the society as the social construct (social, age, ethnic groups). Metalanguage comments mainstream the commented unit, pointing to its space, time of being, naming the principle of nomination and original etymon.

Keywords: common metalanguage mindset; reflection; metalanguage comment; metaoperator; speech; regional dialect; the Russian literary language; language personality; crosscultural dialogue; communication; communicator; nomination; meaning; word.

В XXI веке метаязыковая способность личности стала важным объектом исследования при решении проблем разных наук: философии языка, психологии, социолингвистики, когнитологии, коммуникативистики, лингвокультурологии, лингводидактики, се-

мантики, лексикографии, диалектологии. Ключевыми в этой сфере можно считать труды, посвященные функционально-типологическому освещению рефлексии (И.Т. Вепрева [1]), обобщению подходов к толкованию термина «метатекст» (А.А. Гилева [2]), изу-

чению метатекста как эксплицитного выражения метаязыкового сознания (дополнительно – имплицитных проявлений такого сознания) в устной речи, на письме (И.А. Борисова [3], М.Р. Шумарина [4]). Обращение к метаязыковым комментариям необходимо, например, для конструирования метаязыкового лексического поля диалекта (А.И. Ростова [5]), установления смысловой нагрузки метафоры (М.Л. Мотько [6]) и термина (А.А. Немька [7]) в метаязыке лингвистики. Обзор метаязыковых категорий содержится в работах о типах языковой личности (М.А. Лаппо [8]), видах номинации в разговорной речи (В.И. Подлесская, А.В. Стародубцева [9]), о частных коммуникативных проблемах (Е.В. Падучева [10]). Интересны работы, авторы которых сопоставляют характер вербализации метаязыкового сознания у носителей славянских языков. Так, Е.Д. Бондаренко сравнивала в данном аспекте русский и польский языки [11].

Если центральной проблемой нескольких крупных научных исследований начала XXI века, была проблема описания обыденного и научного, профессионального метасознания, то в настоящее время значимыми стали работы обобщающего характера, учитывающие современные научные открытия [12], рассматривающие проблему метасознания детализировано, на новом материале [13–17], в диахроническом [18] или сравнительном ключе [19 ; 20]. Например, С.А. Борисов и Г.П. Пилипенко, отметили частотность метаязыковых комментариев в случаях «межъязыковых и междиалектных контактов» [20, с. 150]. Они рассмотрели результаты переключения с одного славянского языка на другой (украинский, чешский, польский, словенский, сербский), с языка национального меньшинства – на доминирующий в социуме язык; установили, какие «конкретные лексические элементы подвергаются метаязыковому осмыслению» [20, с. 151].

Лингвисты продолжают изучать факты народного лексикографирования – словари, подготовленные авторами-непрофессионалами, любителями народного слова (И.А. Бук-

ринская, О.Е. Кармакова [13], Н.Д. Голев [15]). Это интересно в рамках рассматриваемой проблематики, поскольку такие словари являются результатом метаязыковой деятельности носителей языка и, соответственно, содержат метаязыковые фрагменты: «Часто любительские словари содержат металингвистическую информацию, которая проявляется не только в отборе лексики, трактуемой как диалектная, но и в прямых высказываниях о своем говоре» [13, с. 112].

Н.О. Золотова в 2019 году, рассматривая связь рефлексивности обыденного метаязыкового сознания и естественного метаязыка, подчеркнула ценность новых исследований прежде всего первичной рефлексии (обнаруживаемой, в частности, в ситуации проблемного предъявления слова в спонтанной коммуникации): «В норме метаязыковая деятельность “рядового” носителя языка не поддается непосредственному наблюдению, поскольку протекает в скрытых (как от исследователя, так и от самого человека) формах. Она эксплицируется лишь в ситуациях затруднений при общении или экспериментальных ситуациях, когда становится возможным обнаружить вербальные “следы” рефлексивных актов испытуемых...» [12, с. 53–54].

Текущие теоретические и практические (педагогические) задачи современной науки в области исследования метасознания – изучение современной речи (локально ограниченной и литературной) через выявление видов метаязыковой деятельности, формирование элитарной языковой личности с развитой метаязыковой компетенцией. Остается актуальным анализ особенностей метаязыковой деятельности в различных гендерных, возрастных, этнических группах; индивидуальных специфических черт, связанных с разным уровнем детализации метаязыковой информации в коммуникативном акте. Необходимо продолжать введение в научный оборот репрезентативных текстов (формирование банка данных тематических высказываний), сопоставительные исследования, уточнение терминологии.

Статья основана на материалах, полученных в ходе полевых экспедиций, которые проводились в Ульяновской области в 2010–2020 годах. Собирали материал, включающий метаязыковые комментарии (далее МК) информаторов, студенты-филологи Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, автор статьи.

Материал собирался в ходе контактного наблюдения (беседы собирателя с информантом, прямого опроса). Формат опроса в наибольшей степени концентрировал внимание информанта на языке (речи), стимулировал метаязыковую рефлексю.

Полевые наблюдения позволяют зафиксировать реальное состояние речи жителей региона, сравнительно недавно называемых диалектоносителями. Современное состояние русской региональной речи предполагает замену условного, утратившего свою актуальность сочетания «чистый диалект» на термины «региолект» и «локально (регионально) окрашенный литературный язык» [11 ; 21].

Описание лексикона языковой личности невозможно, как известно, без использования семасиологического подхода, который предполагает выход на диалог разных культур. И это диалог не только представителей разных народов, но и представителей одного этноса. Так, при сборе материала мы констатировали, что субъект, задающий вопросы (далее S1), являлся чаще всего носителем литературной речи с просторечными и жаргонными вкраплениями, а отвечающий на вопросы (далее S2) – преимущественно сельским жителем, носителем речи со значительной региональной составляющей. В таком диалоге прогнозируемы ситуации непонимания, неполного понимания по причине различий в лексиконах – например, из-за локально ограниченных слов в речи одного из собеседников. Таким образом, коммуниканты чаще всего имели разный статус по культуре, фоновым знаниям, месту проживания, всегда – по возрасту. Поэтому в ходе расшифровки записей важ-

но было установить связь метаязыковых комментариев с «ориентацией на осведомленность и коммуникативные запросы собеседника» [5, с. 16].

Цель статьи – показать роль метаязыковых комментариев в речи русских жителей Ульяновской области. Метаязыковые комментарий понимаются широко (как характеризующие язык и речь).

Цель достигается решением следующих задач: 1) вычленение фрагментов, содержащих МК, из полевых записей; 2) определение места МК в контексте; 3) структурирование МК; 4) выделение маркеров метаязыковой деятельности русских жителей региона; 5) обобщение полученных результатов; 6) определение направления дальнейших исследований.

Мотивы появления метаязыковых комментариев в русской речи жителей Ульяновской области различны: необходимость идентифицировать групповую общность через указание на особенности речи людей; рассказать о примечательных биографических событиях, связанных с речью, языком; пояснить значение слов, непонятых другому коммуниканту, квалифицировать эти слова (например, как такие, употребление которых ограничено в пространстве и времени); усомниться в существовании слов, идиом со значением, указанным собирателем; порассуждать о множественности номинации или, наоборот, утвердить единственность данной лексической единицы для обозначения какой-либо реалии.

Важно отметить, что метаязыковые комментарии, демонстрирующие понимание своеобразия собственной речи, локальной ограниченности слов и произношения, их исключительности были довольно частыми.

Рефлексию провоцирует сама ситуация разговора об особенностях речи, о местных словах:

(1) S1: Чем население вашего села отличается от соседних деревень? S2: *Разговорами, языком. Мы ворочаем на а, а соседние – на о* (Старков А.И.,

1936 г. р., Красный Бор, Вешкаймский р-н, запись 2014 г.)^{*}.

Любопытно, что в данном метафонетическом комментарии критика чужого произношения отсутствует (выбран одинаковый глагол для оценки речи своей и жителей соседнего села). Нам не встретились оценки негативного плана, зафиксированные другими исследователями: «произношение <...> “плохое, шубное, кривое”» [13, с. 113].

Частотность МК в речи конкретных представителей регионального социума обусловлена «уровнем мышления, уровнем образованности и опытом общения, что в свою очередь во многом обеспечивается степенью социальной активности индивида, профессией, возрастом, полом и др. показателями» [22, с. 282].

Очевидно, что рефлексия свойственна людям в разной степени, однако практически каждый седьмой информант рассуждал о значениях слов, задумывался о мотивах номинации, анализировал свои переживания по этому поводу. Встречались и комментарии о примечательных вопросах, словах, демонстрировалась заинтересованность информантов в диалоге:

(2) S1: В чем обычно растворяют тесто? S2:

Растворяют тесто? Ну... это интересный вопрос (Яшнов В.А., 1988 г. р., Майна, Майнский р-н, запись 2018 г.).

Пример важен тем, что в нем представлен эхо-повтор, однако не усиливающий смысл «путем слияния» [8, с. 52], а выполняющий корректировку кода (правильно ли я понял?) и одновременно дающий коммуниканту дополнительное время на обдумывание ответа.

^{*} Иллюстрации приводятся курсивом. Используется орфографическая запись. Отдельные слова затранскрибированы. Ударные гласные в словах выделяются жирным шрифтом. В круглых скобках даны пояснения: авторство, возраст информанта, место проживания и рождения (при их несовпадении), год и место фиксации (район Ульяновской области). При повторном упоминании лица – только фамилия и инициалы. В отдельных случаях комментируется ситуация речи, дается лексикографическое уточнение.

Комментарии, содержащие «развертывание актуализированной внутренней формы слова в метаязыковое высказывание» [11, с. 9], были немногочисленны. Однако встретилось спровоцированное вопросом собирателя метаязыковое высказывание, которое можно считать метаязыковой информацией «в развернутой (текстовой) форме» [311, с. 10]:

(3) *Частенько мы могли услышать что-нибудь... эдакое... новое словцо. Матери часто базарили на улице, судачили... Как-то раз услышала от тётки что-то вроде «Да он... это... засквалдырничал» и всё гадала: что это за набор букв волшебный. Значения до сих пор знать не знаю, но в детстве слово ко мне так прицепилось, как репейник. Вставляла его куда надо и куда не надо. Но самое главное – все смешились с него да потешались. Маленькие – оттого, что не понятно, взрослые – оттого, что я хожу, [кал'акужу] того, чего сама не понимаю* (Набокова Е.В., 1956 г. р., Димитровград, запись 2020 г.).

Слово *засквалдырничать* является однокоренным слову *сквалдырничать*. По данным «Словаря русских народных говоров», «*Сквалдырничать*. 1. Жадничать, скарденничать. Моск., Калуж., Тамб., Симб., Даль» [23, с. 40]. Маркеры – «*волшебный набор букв, новое словцо*». Коммуникант продвигается от лексической единицы *словцо* с грубовато-пренебрежительной окраской (см. выражение *крепкое словцо*) к подчеркиванию магической формы слова. Данный пример иллюстрирует «моделирование метаобъектов посредством метафор» [6, с. 11].

Анализ выборки позволил установить типы метаязыковых комментариев по количеству компонентов: слово, сочетание слов (как правило, предложно-падежное), высказывание, цепочка высказываний (фрагмент метатекста). Место метаязыкового комментария по отношению к комментируемой единице также было различным: после нее, до нее, с двух сторон от комментируемой единицы (комментарий-«рамка»).

В ходе структурирования полученных данных были выделены метаязыковые комментарии простые и комбинированные (по одному/нескольким параметрам).

Простые метаязыковые комментарии, содержат квант информации о слове, речи. Так, в следующем примере, где МК стоит после комментируемых единиц, есть квант информации социального характера (ось → город – деревня). Маркер – *деревенские*:

(4) *Ярёмины, Царпкины, Мазины... чист деревенские фамилии* (Терехина Вера Юрьевна, 1965 г. р., Новый Урень, Ульяновский р-н, запись 2018 г.).

В следующем примере присутствуют коррективки комментария (стоящего также после комментируемого слова), заминка, дискурсивный показатель *ну*:

(5) *Это слово [калякать]... оно повсеместно употребляется людьми... ну... пожилого возраста* (Васильева Н.И., 1947 г. р., Чердаклы, Чердаклинский р-н, запись 2020 г.).

В примере есть квант информации социального характера по возрастной оси. Маркеры – *по-моему, так называла, пожилого возраста*.

Известно, что двусторонняя природа коммуникативного акта между двумя людьми предполагает учет наличия нескольких единиц. Это единицы производства речи, единицы речевосприятия [7, с. 25]. В следующем примере (в вопросе до реплики коммуниканта содержалась единица, которая была прокомментирована) МК стоит до комментируемой единицы:

(6) *Мы называем зыбка* (Петрова А.К., 1970 г. р., Старые Алгаши, Цильнинский р-н, запись 2016 г.).

Комментарий-«рамка» представлен в седьмом примере, где есть один квант информации (ось → раньше – теперь):

(7) *Раньше ухватом назывался... терерь и нет его* (Алексеева Л.А., 1974 г. р., Чеботаевка, Сурский р-н, запись 2014 г.).

Комбинированные метаязыковые комментарии отличает включение нескольких квантов информации. Это может быть информация, поданная порционно, однако

параметр один, т.е. сообщается информация одного плана. Например:

(8) *В Астрадамовке не говорили слова «лес», мы называли «Воробьяха», «Сабанов»* (Симонов П.Ю., 1991 г. р., Чеботаевка, Сурский р-н, запись 2014 г.).

Здесь имеет место сложный комментарий, включающий: 1) отрицание употребления слова, интересующего собирателя, в речи жителей соседнего села, где информант работал (пространственный маркер в *Астрадамовке*); 2) привычность слов, что дает исследователю представление о конкретизации, типичной для региональной русской речи. Характерно перемещение от пространственного ориентира к личностному *мы* (своеобразное сужение пространства).

Языковая единица может комментироваться по нескольким параметрам. Маркеры в таких случаях разноплановые. В следующем примере наряду с маркером пространственной локализации присутствует маркер частотности (временной):

(9) *У нас чаще всего – посадка* (Симонов П.Ю.).

Любопытно, что метаязыковой комментарий может предварять описание культурных стереотипов:

(10) *Вот такое слово для нашей местности – всклень. Вёдра, чтобы женщина несла на коромысле, чтобы они именно были налиты всклень, не в половину, а именно всклень, это как бы указывало на то, что... вот женщина, как бы показывали умение нести воду в вёдрах, не расплёскивая её, не выливая ни капли... всклень* (Васильева Н.И.).

В этом случае к маркеру пространственной локализации добавляется описание гендерных культурных стереотипов. (*Всклень – «Очень полно, доверху, вровень с краями (наливать, наполнить и т.д.)» [24, с. 201].*)

В речи жителей региона встретились метаязыковые комментарии, обнаруживающие понимание культурного источника, из которого усвоено слово.

(11) *Колыбель... Ну... я не знаю... кроватка, наверное, просто колыбелька... раньше помню... люлька... очень часто говори-*

ли... в сказках разных... в фильмах, когда сказки, помню, раньше читали... (Яшнов В.А.) – совмещаются критерии временной локализации (*раньше*), частотности (*очень часто говорили*), пространственного бытования слова (*в сказках, фильмах*);

- (12) *Чем черпают воду для питья? Ну, тут все просто: ковшик, ковши* (Яшнов В.А.) – оценка по сложности / простоте ментального действия (*все просто*).

В метаязыковом комментарии могут комбинироваться указание на этническую принадлежность слова, информация о его пространственной локализации:

- (13) *А хата...это больше к украинскому языку, но той не менее... оно употребляется и в нашей местности* (Васильева Н.И.).

Можно выделить также многочисленные развернутые рассуждения о множественности/однозначности номинации.

Во-первых, это комментарии о неопределенном, никак не маркированном множестве вариантов номинации (многочисленные синонимы типичны для народной речи):

- (14) *Крестьянский дом называется... ну... кто хатой называет, а кто... избой называют, но большинство называют избой, в деревне – изба.* (Рыжакова Л.А., 1949 г. р., Русский Мелекес, Мелекесский р-н, запись 2017 г.) – в примере наблюдается своеобразное кольцо: эхо-повтор, заминка, комментируемая единица, комментарий, комментируемая единица.

В высказываниях о допущении множественности названий иногда проскальзывают диалектные слова, ушедшие в пассивный запас:

- (15) *Конопатый, курепый [jэшиш] может кто-то назовёт* (Рыжакова Л.А.);
 (16) *Если честно... не знаю... но, может быть, квашня, я от бабушки услышал что-то подобное, когда она готовит, все детство... за бабушкой провёл и много что от нее слышал... квашня, может быть, это не к этому отно-*

сится... но, по-моему, так бабушка называла (Яшнов В.А.) – метонимический перенос вызвал появление слова *квашня* со значением «тесто, опара» [25, с. 164–165] в ответе на вопрос о посуде, в которой замешивают тесто. Обращает на себя внимание обилие вероятностных слов (метаорганизаторов) в ответе.

Нередко коммуниканты высказывали сомнение в возможности однозначной номинации:

- (17) *Дерево. Карагач. Мы называем его карагач. Он, наверно, по-другому называется* (Чижова С.Г., 1962 г. р., Большие Ключищи, Ульяновский р-н, запись 2018 г.).

Два последующих примера любопытны тем, что коммуникант выразил недоверие к значению выражения, названного собирателем:

- (18) S1: Есть ли какое-то название у работы без перерыва? S2: *Ну... как, сплошная работа. Это у нас чать без перерыва-то всё равно нет работы, всё равно должен быть перерыв-то* (Старкова Л.И., 1939 г. р., Красный Бор, Вешкаймский р-н, запись 2018 г.);
 (19) S1: А вот, например, говорили «упой» или «упряжка»? «Работает в упряжку». Не было такого? S2: *Ну в упряжку, вроде, напряжённо работа. А что это без перерыва, ну, всё равно перерыв бывали. Просто в напряжении работа, вот мы... в упряжку, или... в долгую работу* (Старкова Л.И.).

Во-вторых, в региональной русской речи жителей Ульяновской области часто фиксировались обратные ситуации, когда говорящие признавали приемлемой одну номинацию, указывая, что никаких других они не знают или не помнят:

- (20) *Ну кружево... оно и есть кружево... я не знаю, как ещё можно назвать... даа... только кружево* (Рыжакова Л.А.) – как видим, коммуникант подчеркивает ненужность комментария к обыденному слову;

(21) *Ну... печка и печка, мы никак <иначе> не называю* (Шепелёва Е.Н., 1928 г. р., Лесное Матюнино, Кузоватовский р-н, запись 2017 г.);

(22) *Да я даже не знаю, какое сухое дерево, как оно называется, а ну это всяки есь: и сосна бывает сухова, сухой дерево, сухостой; если на полу лежит – валяжник называется, а если стоит, то сухостой... бывает сухое дерево, но оно стоит* (Юдина Н.В., 1951 г. р., Лесное Матюнино, Кузоватовский р-н, запись 2017 г.) – в данном случае вопрос побудил вспомнить реально бытовавшее слово и даже дать ему толкование.

Другие примеры:

(23) *Село называется... село Лесное Матюнино. Эт уш я не могу сказать, не могу сказать, не знаю, не могу сказать, по-моему всегда так... Ну, эт может в каких-то... не могу тебе сказать даже* (Машанов И.С., 1950 г. р., Новый Урень, Ульяновский р-н, запись 2017 г.);

(24) *Медведка... Нет... она как-то по-другому называется. Забыл. Забывается всё* (Фадеев А.А., 1962 г. р., Красный Бор, Вешкаймский р-н, запись 2018 г.).

Примеры (23), (24) подтверждают отмеченный исследователями факт: «когда говорящий испытывает трудности при отборе адекватной точной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин, он обычно использует целый комплекс сигналов разного рода, которые предупреждают слушающего об этой ситуации» [9, с. 35].

Особо следует сказать о случаях, когда «коммуниканты имеют общий фрагмент региональных фоновых знаний, это, а также тот факт, что коммуникант свой, создает предпосылки для естественной, успешной коммуникации» [26, с. 87]. Например:

(25) *Была передняя и задняя, были чуланчики* (Жесткова В.И., 1937 г. р., Тагай, Майнский р-н, запись 2014 г.).

Когда адресат представляет другую культурную микросистему, небольшое пояснение присутствует:

(26) *Передняя часть и задняя часть, на зади* (Еремина А. П., 1951 г. р., Новый Урень, Ульяновский р-н, запись 2017 г.);

Были отмечены два случая, когда, пытаясь снять коммуникативный барьер, носитель региолекта прибегнул к невербальным действиям (некоему «словесному чертежу»):

(27) *Сама коса, окосевъ и напалак [называютъ]... вот дэ рукой держиши левой... рукой держиши за окосево, правой рукой держиши за напалак, а внизу там коса* (Машанов И.С.).

Интересно, что собирательница поняла, что *окосево* – ‘древко косы’, а значение слова *напалак* так и осталось непроясненным.

Анализ фрагментов с метаязыковыми комментариями позволил сделать несколько выводов.

1. Метаязыковые комментарии довольно частотны в речи русских жителей Ульяновской области.

2. Встречаются разные варианты расположения метаязыкового комментария в ответе коммуниканта-носителя региолекта или региональной разновидности русского литературного языка: после комментируемой единицы – 50%, до комментируемой единицы – 31,8%, до и после комментируемой единицы – 8,2%. Доминирование первого варианта задано большинством вопросов, в которых выяснялось, каким словом передано то или иное значение.

3. Установлена зависимость метаязыковой деятельности от речевой ситуации (формата общения, его тематики).

Коммуникантом чаще всего комментируется (оценивается) слово, каким-то способом маркированное в его сознании: новое, старое, привычное (обыденное) в данном социуме, то есть свое, отличное от чужого, актуализированное этнически. Для речи носителей региолекта наиболее типичны маркеры временные и пространственные (*для нашей местности, у нас*). Отдельные метаязыковые комментарии синтезируют информацию о социуме как общественном конструкте (социальных, возрастных группах, этносах).

4. Не исключено недоверие коммуниканта к плану содержания единицы, указанной собирателем. В ситуациях непонимания со стороны проводящего исследование в речи собеседника появляются пояснения, прямые сравнения. Возможен «словесный чертеж» (толкование слова, сопровождаемое жестами, очерчивающими форму предмета, называемого словом).

5. Коммуниканты как отмечают однозначность номинации, подчеркивая правильность называния (*именно, только, так, даа*), так и признают свободу номинации в русском языке, допустимость синонимических замен. При этом о затруднениях в коммуникации собеседнику сигнализируют дискурсивные слова (*ну, вот, так сказать* и др.).

6. В речи русских жителей Ульяновской области отмечены метаорганизаторы (вводные слова), собственно метаоператоры (*слово, набор букв*), косвенные сигналы рефлексии: синтаксические и лексические аналоги метаоператоров (вопросно-ответная форма, *как-то, что ли*).

7. Можно назвать несколько типичных осей комментирования: другой язык – наш язык, интересно – неинтересно, город – деревня, раньше – теперь, старый (пожилой) – молодой, часто – редко, сложно – просто.

Итак, метаязыковой комментарий актуализирует слово, указывает сферу бытования лексической единицы, время ее быто-

вания, называет принцип номинации, исходный этимон. Он выполняет когнитивную (невозможность комментария, ненужность комментария, складывание комментария по ходу речи), и дидактическую функции. Коммуникативная значимость комментария такова: центр ответа на вопрос, основа сравнения, метафоры.

Таким образом, обыденное метаязыковое сознание носителя русской речи с разным количеством региональных компонентов, эксплицитно выраженное в региональных метаязыковых комментариях, одновременно консервативно (есть отражение метаязыкового сознания коллектива) и вариативно (учитывает личный выбор коммуниканта).

Полученные результаты, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание при разработке методических приемов в обучении русскому литературному языку, при создании культурно-просветительских проектов. Целесообразно расширить географию подобных исследований с целью накопления информации о метаязыковых знаниях носителей региолектов России, регионально окрашенного литературного языка. Возможно сравнительное изучение собранных материалов и данных, полученных в результате исследования тех же феноменов в восточнославянских языках и всех языках славянской группы индоевропейской языковой семьи.

* * *

1. Вепрева И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 42 с.

2. Гилева А.А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Известия ВГПУ : научный журнал. 2009. № 10. С. 26–32.

3. Борисова И.А. Метаязыковая специфика дистактного определения устно-речевого дискурса: на материале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.

4. Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.

5. Ростова А.И. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале говоров Сибири) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2000. 40 с.

6. Мотько М.Л. Метафора в метаязыке лингвистики: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 23 с.

7. Немыка А.А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 39 с.

8. Лаппо М.А. «Диалогическое согласие»: М.М. Бахтин как элитарная языковая личность // Русская речь. 2015. № 5. С. 50–55.
9. Подлеская В.И., Стародубцева А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 25–41.
10. Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
11. Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.
12. Золотова Н.О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4(42). С. 50–61.
13. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Взгляд лингвиста на любительские диалектные словари // Лингвистический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 108–120.
14. Ганичева С.А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2017 : сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 128–138.
15. Голев Н.Д. «Викилексия» – народный интернет-словарь : инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2014. № 2(6). С. 31–67.
16. Николина Н.А. Метаязыковые комментарии в прозе И.А. Бунина // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 35–42.
17. Горбунова Д.А. Если бы да «как бы»: опыт лексикографического описания // Русская речь. 2020. № 6. С. 17–22.
18. Трикоз Э.Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 22 с.
19. Пилипенко Г.П. Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 380–406.
20. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики и метаязыковые комментарии в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Јужнословенски филолог : научни журнал. Београд : Српска академија наука и уметности, Институт за српски језик сану. 2020. Књ. LXXVI, № 2. С. 127–156.
21. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Региональные разновидности устной речи // Русская речь. 2020. № 4. С. 7–18.
22. Черенкова А.Д. Признаки речевой активности (на материале беседы со 100-летним информантом) // Лингвистический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2012 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2012. С. 282–288.
23. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 37. Свято – Скимяга. СПб. : Наука, 2003. 415 с.
24. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 5. Военство – Выростковый. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1970. 343 с.
25. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 13. Калун – Кобза. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1977. 358 с.
26. Климкова Л.А. Параметры информативности диалектной речи // Лингвистический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2011 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2011. С. 86–95.

**LEXIKÁLNO-SÉMANTICKÉ OSOBITOSTI
MEDZIJAZYKOVÝCH HOMONÝM V SLOVANSKÝCH JAZYKOC
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
LEXICO-SEMANTIC PECULIARITIES
OF INTERLINGUAL HOMONYMS IN SLAVIC LANGUAGES**

© 2021

M. Lacková

М. Лацкова

M. Lackova

Predkladaná štúdia skúma lexikálne jednotky homonymného charakteru, ktoré sú v súčasnosti v slovanských jazykoch v platnosti na medzijazykovej úrovni; detailne sa zaoberá ich lexikálnymi a sémantickými črtami, ktoré vytvárajú podstatu ich fungovania. Spočiatku sú medzijazykové homonymy definované a klasifikované s cieľom poskytnúť teoretické zázemie pre ďalší výskum. Vyššie uvedené slová nachádzajú svoju realizáciu v rámci následných primárnych sémantických vzťahov: sémantická disjunkcia (sémantické vylúčenie) a sémantická zhoda (sémantické začlenenie). Druhá skupina je ďalej rozdelená na polysémický význam v opozícii voči monosémickému významu; špecializáciu významu; zovšeobecňovanie významu; hyponymiu; hyperonymiu; melioráciu významu, zhoršenie významu. Početné zložky významu v študovanom materiáli sú podmienené metaforickými a metonymickými modifikáciami. Celý výskumný materiál je doplnený mnohými príkladmi, ktoré ilustrujú výsledky výskumu. Zároveň zobrazujú rozdiely medzi jednotlivými prvkami významu v porovnávaných jazykoch. Výsledky skúmania vedú k niekoľkým odporúčaniam pre učiteľov slovanských jazykov pri práci so slovnou zásobou vo vyučovacom procese. Okrem toho by táto štúdia mohla prispieť k pochopeniu kognitívnych procesov, ktoré sú základom výberu slov v danom kontexte, a to z jazykového aj psychologického hľadiska.

Ключевые слова: слованский язык, междязыковый, homonymum, сémантика, význam, komparácia, lexikálny, lexikálna jednotka, séma, polysémia, disjunkcia, hyponymia, hyperonymia, meliorácia, deteriorácia, paronymum, druhový význam, rodový význam, sémantické pole, areálová klasifikácia jazykov

В настоящем исследовании рассматриваются лексические единицы омонимического характера, функционирующие в славянских языках на междязыковом уровне. В качестве теоретических основ исследования рассмотрены: определение и классификация междязыковых омонимов; аспекты их реализации в рамках последующих первичных семантических отношений – семантического разъединения (семантического исключения) и семантического соответствия (семантического включения); деление на полисеманты и моносеманты; процессы специализации смысла, обобщения смысла, гипонимии, гиперонимии, мелиорации смысла, нарушения смысла. Теоретический материал сопровождается богатым иллюстративным материалом. На основе результатов исследования преподавателям славянских языков даются рекомендации по работе с междязыковыми омонимами.

Ключевые слова: славянские языки; междязыковые омонимы; лексическая единица; полисемия; пароним; видовое значение; гендерное значение; семантическая область; классификация языков.

The present paper examines lexical units of homonymic character that are in effect on inter-linguistic level in contemporary Slavic languages. The above-mentioned words find their realization within the subsequent primary semantic relations: semantic disjunction (semantic exclusion) and semantic concordance (semantic inclusion). The latter is further subdivided into the polysemic meaning in opposition to the monosemic meaning; specialization of meaning; generalization of meaning; hyponymy; hyperonymy; melioration of meaning; deterioration of meaning. The whole research material is supplemented with numerous examples that illustrate the research results. The results of investigation lead to several recommendations for teachers of Slavic languages how to elaborate vocabulary in the teaching process.

Keywords: Slavic language; interlingual homonyms; lexical unit; polysemy; paronym; aspect meaning; gender meaning; semantic field; classification of languages.

Problematika medzijazykovej homonymie predstavuje komplexnú úlohu jazykového výskumu a vzniká v úzkom spojení s globali-

záciou komunikácie. Aktivizácia interferenčných lexikálnych prevzatí je zreteľným príkladom

vplyvu tohto procesu, ktorý má vplyv na všetky sféry života, vrátane jazyka.

V lingvistike sa v súčasnosti problematike medzijazykových homoným venuje primeraná pozornosť a skúma sa nielen v rámci geneticky príbuzných jazykov, ale aj medzi typologicky nepríbuznými jazykmi (E. Horák [1], R. Horáková [2], Š. Ondruš [3], J. Benkovičová [4] a iní). Pričom možno predpokladať, že inak fungujú zradné slová medzi príbuznými jazykmi (napr. slovenčina – ruština) a inak v geneticky odlišných jazykoch (napr. slovenčina – nemčina). Rovnako z prekladateľsko-tlmočnickej aj didaktickej praxe vieme, že v komunikácii nositeľov jazyka z príbuzných i nepríbuzných jazykov dochádza k pozitívnej i negatívnej interferencii medzi výrazovými prostriedkami týchto jazykov (J. Bartáková [5], G. Baštinová [6], R. Horáková [7], O. Radina [8] a iní).

Je ťažké nájsť termín, ktorý by pokryl všetky variácie medzijazykových paralel zhodných vo výrazovej rovine a v rôznej miere odlišných v rovine významu (J. Dolník [9], Š. Ondruš, J. Sabol [10]). Množstvo termínov poskytovaných lingvistami na ich pomenovanie (napr. zradné slová, falošní priatelia prekladateľa, medzijazykové analogizmy) svedčí o zložitosti daného javu a o nevyhnutnosti lingvistických metód, ktoré umožnia vyhnúť sa nejednoznačnosti v interpretácii tejto skupiny lexikálnych jednotiek.

Lexikálno-sémantické vlastnosti medzijazykových homoným tvoria podstatu ich fungovania a interferencie, ktorú spôsobujú na interlingválnej úrovni (E. Leláková [11]). Niekedy sú tieto rozdiely založené na malom významovom detaile, ktorý môžu nositelia jazyka ľahko prehliadnuť [12, s. 229]. Tieto sémantické jednotlivosti sú nazerané aj ako sémantické dedičstvo starších pragmatických interferencií.

Takisto teoretické vymedzenie a klasifikácia medzijazykových homoným nie sú jednotné. V definíciách v rozličnej miere vystupujú do popredia lingvistické, translátologické, či didaktické aspekty. J. Hladký [13, s. 14]

nazýva zradnými slovami lexikálne jednotky, ktoré majú najmenej v dvoch jazykoch takmer rovnakú alebo rovnakú formu, pričom sa líšia svojimi významami alebo významovými komponentmi, teda ich funkčné hodnoty sú zo synchronného pohľadu viac alebo menej odlišné, a preto sa v konkrétnych jazykových aktoch často nesprávne zamieňajú.

Z pohľadu sémantiky uvádzame klasifikáciu medzijazykových homoným M. Pančíkovej [14, s. 21], ktorá primárne hovorí o troch podkategóriách zradnosti:

– zradnosť významová: duha (čeština) ‘dúha’ ≠ дуга (ukrajinčina) ‘oblúk’; ‘priamka’; ‘drôt’;

– zradnosť významová a štýlová: spokojený (čeština) ‘dávajúci podmienky k uspokojeniu’; ‘prejavujúci súhlas’ ≠ spokójen (slovinčina) ‘kľudný’ kniž. ≠ spokojny (poľština) = спокойный (ruština) ‘kľudný’; ‘pohodlný’; ‘príjemný’ ≠ spokojný (slovenčina) ‘dávajúci podmienky k uspokojeniu’;

– zradnosť štýlová.

Skúmajúc sémantické vzťahy medzi slovami homonymného charakteru v slovanských jazykoch, S. Khutsishvili [15, s. 55] určuje ich nasledujúce podoby:

1) sémantická disjunkcia – vzťahy sémantického vylúčenia:

a) medzijazyková enantiosemijská – vzťahy kompletného významového rozdielu sú založené na vyjadrovaní antonymných významov lexikálnymi jednotkami patriacimi k jednému etimónu. Pre potreby nášho výskumu je signifikantné, že sa často vyskytuje na úrovni medzijazykovej homonymie, keďže neevidujeme mechanizmy odstránenia homoným z jazyka:

letos (čeština) ‘tento rok’ ≠ *летась* (bieloruština) ‘minulý rok’;

воня (ukrajinčina) ‘zápach’ ≠ *вонь* (ruština) ‘smrad’ hovor.;

pachnieć (poľština) ‘voňať’ ≠ *páchnout* (čeština) ‘vydávať nepríjemný zápach’ ≠ *пахнуть* (ruština) ‘voňať’; ‘smrdieť’; ‘zaváňať’;

zapach (poľština) ‘príjemná vôňa’ ≠ *запах* (ukrajinčina) = *запах* (ruština)

‘vôňa; ‘pach’ ≠ *zápach* (čeština) ‘nepříjemný pach’; ‘pach všeobecne aj príjemný’ zast.;

1) vzťahy čiastočnej sémantickej zhody – medzijazykové paronymá alebo kvázisynonymá v závislosti od ich rozdielu na úrovni výrazu. Jednou zo základných príčin ich vzniku býva nerovnaká úroveň rozvinutia sémantickej štruktúry etymologicky blízkych slov:

a) vzťahy sémantickej inklúzie:

aa) polysémant zodpovedá monosémantu:

promocja (poľština) ‘právo žiaka k postupu do vyššej triedy’; ‘promócia’ ≠ *promocje* (čeština) ‘promócia’;

будова (bieloruština) ‘budova’; ‘štruktúra’ ≠ *budova* (čeština) ‘stavba’;

ab) polysémická lexikálna jednotka v jednom jazyku korešponduje iba s určitými významami polysémickej lexikálnej jednotky v druhom jazyku; nevidujeme zodpovedajúce polysémanty vychádzajúce z počtu lexiko-sémantických variantov;

véren (slovinčina) ‘veriaci’; ‘verný’ ≠ *věrný* (čeština) ‘verný, presný’ ≠ *верный* (ruština) ‘verný’; ‘spolahlivý’; ‘správny’; ‘presný’; ‘nevyhnutný’;

ljubiti (chorvátčina) ‘milovať’; ‘oblubovať’; ‘bozkávať’ ≠ *любить* (ruština) ‘milovať’; ‘oblubovať’;

ac) význam lexikálnej jednotky je v jednom jazyku širší ako v druhom:

rodič (čeština) = *rodič* (slovenčina) ‘jeden z rodičov’ ≠ *родзіч* (bieloruština) ‘príbuzný’ ≠ *родич* (ruština) ‘člen rodu’; ‘príbuzní’; ‘rodičia’.

Tento významový vzťah z etymologického hľadiska principiálne úzko spájame s nasledujúcimi dvomi typmi sémantickej modifikácie:

– zužovaním významu (sémantická špecializácia):

родина (ruština) = *родина* (bulharčina) = *радзіна* (bieloruština) ‘domovina’ ≠ *rodbina* (slovinčina) = *родбина* (srbčina) = *rodbina* (bosniančina) = *родбина* (macedónčina) = *rodbina* (chorvátčina) ‘vzťahy’ ≠ *rodina* (čeština) = *rodzina*

(poľština) = *rodina* (slovenčina) = *родина* (ukrajínčina) ‘rodina’;

– rozširovaním významu (sémantická generalizácia):

zlom (čeština) ‘zlomenie’; ‘trhlina’; ‘náhla zmena’; ‘predel’ ≠ *злом* (ukrajínčina) ‘zborenie’; ‘lom’; ‘ohyb’;

ad) v jednom z jazykov pozorujeme význam druhový, v druhom rodový (vzťahy hyponymie a hyperonymie):

palec (čeština) = *palec* (slovenčina) ≠ *палец* (ruština) ‘prst’;

plyn (poľština) ‘tekutina’ ≠ *plyn* (slovenčina);

грудь (ukrajínčina) ‘prsia’ ≠ *hrud* (čeština) ‘predná časť hrudníka’;

ae) v jednom z jazykov skúmaná lexikálna jednotka označuje celok, v druhom jeho časť:

доба (ukrajínčina) ‘doba’ ≠ *doba* (poľština) ‘deň’; ‘epocha’ ≠ *doba* (čeština) ‘obmedzený časový úsek’; ‘obdobie’;

af) v jednom z jazykov pozorujeme, že lexikálna jednotka je nositeľom pozitívnejšieho alebo naopak negatívnejšieho významu:

– zlepšovanie významu (meliorácia):

ужас (bulharčina) = *ужас* (chorvátčina) ‘hrôza’ ≠ *ужас* (ruština) ‘hrôza’; ‘zhrozenie’ ≠ *úžas* (čeština) ‘údiv’;

– zhoršovanie významu (deteriorácia):

прòпàст (chorvátčina) ‘priepasť’; ‘záhuba’; ‘úpadok’; ‘smrť’ ≠ *propast* (čeština) = *priepasť* (slovenčina) ‘priepasť’;

болест (ukrajínčina) = *bòlèst* (chorvátčina) ‘choroba’; ‘posadnutosť’ ≠ *bolest* (čeština) ‘bolesť’;

1) vzťahy sémantického prieniku – významy porovnávaných slov majú zhodné elementy a navrstvujú sa jeden na druhý, avšak pri každom z týchto slov zostáva nezhodný sémantický element:

пилот (ruština) ‘letec’; ‘diaľkové ovládanie’ ≠ *pilot* (poľština) ‘letec’; ‘diaľkové ovládanie’; ‘lodivod’; ‘turistický sprievodca’.

2) rozdiely v hierarchii lexikálneho významu polysémantických slov:

V širšom ponímaní klasifikujeme lexikálne jednotky rôznych slovanských jazykov s podobnými rozdielmi v rovine výrazu ako medzijazykové kvázisynonymá, teda ako osobitný druh medzijazykových vzťahov homonymného charakteru:

a) interlingválne zhody homonymného rázu odlišujúce sa iba rôznou hierarchiou lexikálneho významu v sémantickej štruktúre polysémantických slov:

dostać (poľština) ‘dostať’; ‘dočiahnuť’ ≠ *достать* (ruština) ‘vybrať’; ‘zohnať’; dočiahnuť’;

b) medzijazykové zhody homonymného charakteru líšiace sa nielen hierarchiou, ale aj sémantikou:

právi (slovinčina) ‘skutočný, pravý’ ≠ *pravý* (čeština) ‘opak ľavý’, ‘politicky konzervatívny’; ‘skutočný’.

Poslednú podskupinu tvoria medzijazykové homonymá, ktoré vznikli na základe prenášania významu využívajúc metaforické a metonymické procesy:

räk (chorvátčina) = *рак* (bulharčina) ‘rak’; ‘krab’; ‘rakovina’ ≠ *rak* (čeština) = *рак* (ruština) ‘rak’; ‘rakovina’ ≠ *rak* (slovenčina);

gäd (chorvátčina) ‘ničomník’ ≠ *had* (čeština) ‘plaz’ ≠ *zad* (bulharčina) ‘zvier, vták’ zast.; ‘hmyz’ hanl.; ‘odporný človek’ pren. ≠ *zad* (ruština) ‘hady’ viac plural; ‘podliak’;

змяя (bulharčina) = *zmija* (chorvátčina) ‘had’ zool.; ‘zlý človek’ ≠ *zmije* (čeština) ‘vretenica’; ‘zlá žena’ hanl. ≠ *змиѣ* (ukrajínčina) ‘vretenica’; ‘zlý človek’; ‘drak’; ‘šarkan’ ≠ *zmija* (slovenčina) ‘vretenica’ hovor.; ‘zlá žena’ hanl.;

Nami analyzované lexikálne jednotky, ktoré majú pri zhodnej forme v dvoch či viacerých jazykoch rozdielne významy, nachádzame pomerne často pri slovách domáceho pôvodu:

a) názvy reálií vecne si blízkych, čo je etymologicky podmienený fakt:

przezwiśko (poľština) ‘prezývka’ ≠ *priezvisko* (slovenčina);

вичитка (ukrajínčina) ‘korektúra’ ≠ *výčitka* (čeština) ‘upozornenie na vinu’;

b) názvy reálií vecne veľmi vzdialených: *poklad* (poľština) ‘paluba’ ≠ *poklad* (slovenčina);

c) názvy významovo si protirečivých reálií: *bezenny* (čeština) = *bezenny* (slovenčina) ‘bezenny’; ‘bez hodnoty’ ≠ *безценен* (bulharčina) = *bezenny* (poľština) ‘drahocenný, neoceniteľný’.

V skúmanej vzorke interlingválnych homonym pozorujeme zreteľnú spoločnú sému zo slovanských aj neslovanských zdrojov; zároveň slová cudzieho pôvodu zriedkavejšie vytvárajú dvojice homonym ako slová s domácou etymológiou ([16], s. 135).

Ďalší aspekt skúmania predstavujú sémantické polia, keďže interlingválne homonymá v nich nachádzajú svoje miesto, kedy pozorujeme prípady viacnásobnej medzijazykovej homonymie, ktorá je zastúpená homonymnými reťazcami dvojakoého charakteru:

– krátke reťazce:

тос = *власть* x *vlast* = *родина* x *rodina* = *семья*

(sloven.) (ruš.) (sloven.) (ruš.) (sloven.) (ruš.)

раб = *отрок* x *отрок* = *младенец* x *младенец* = *немлуня*

(ruš.) (sloven.) (ruš.) (sloven.) (ruš.) (sloven.)

кожит = *дожити* x *dojit* = *dospeti* x *dospět* = *dorasti*

(češ.) (slovin.) (češ.) (slovin.) (češ.) (slovin.)

– početnejšie reťazce:

(sloven.) (ruš.)(sloven.) (ruš.) (sloven.) (ruš.) (sloven.) (ruš.) (sloven.)

плѣ = *плот* x *plot* = *забор* x *zábor* = *захват* x *záchvat* = *присуп* x *prístup* = *подход* x *podchod* = *подъезд* x *podjazd* = *поезд* x *prejazd* = *непеезд*

(ruš.) (sloven.) (ruš.) sloven.) (ruš.) (sloven.) (ruš.)

Na záver tejto štúdie venujeme pozornosť radom medzijazykových homonym,

ktoré vychádzajú z viacerých slovanských jazykov, pričom ich nemožno popísať ako pravidelné z hľadiska ich areálovej klasifikácie. Napríklad medzi slovenčinou a poľštinou je typologická príbuznosť spolu s bezprostrednou areálovou blízkosťou, čo spôsobilo paralelnosť v ich vývine. Napriek tomu pozorujeme medzi týmito jazykmi početné rozdiely, ktoré vznikli dôsledkom relatívne samostatných vývinových procesov, a to tak vnútorných, čisto jazykového charakteru, ako aj vonkajších [17], vyplývajúcich z rozdielnych kontaktov s inými jazykmi a z odlišností v mentalite i v kultúre nositeľov slovanských jazykov, a napokon aj v rozdielnych geomorfologických a štátnopolitických rysoch oboch krajín.

Príklady radov interlingválnych homoným vo:

a) východoslovanských jazykoch:

вуд (ukrajínčina) ‘druh’; ‘tvár’; ‘pohľad’; ‘odvetvie’; ‘gramatický vid’ \neq *вуд* (ruština) ‘druh’; ‘výzor’; ‘stav’;

b) západoslovanských jazykoch:

opona (poľština) ‘pneumatika’; ‘prikrývka’ \neq *opona* (čeština) = *opona* (slovenčina) ‘divadelný záves’;

c) zároveň viacerých vetvách:

západoslovanské jaz. *beseda* (čeština) ‘rozhovor’; ‘večierok’; ‘spoločenský tanec’; ‘osvetová organizácia’ \neq *beseda* (slovenčina) ‘verejná beseda’

južnoslovanské jaz. *besjeda* (chorvátčina) ‘reč’; ‘prejav’ \neq *beseda* (bulharčina) ‘beseda’; ‘debata’

východoslovanské jaz. *beseda* (ruština) ‘rozhovor’; ‘verejná beseda’

Dokonca v areálovo blízkych slovanských jazykoch nachádzame vnútrojazykové homonymá, ktoré sa navzájom líšia iba jedným významom:

příhoda (čeština) ‘príbeh, udalosť’ \neq *przygoda* (poľština) ‘príbeh, udalosť’ + ‘milostný zážitok’.

Marginálne nachádzame aj prípady, kedy jednotlivé významy homonyma jedného

z nami skúmaných slovanských jazykov stoja oproti totožným významom homoným v zostávajúcich jazykoch:

dym (slovenčina) = *dým* (čeština) = *дим* (bulharčina) ‘dym’ x *дим* (ukrajínčina) ‘dom, domácnosť’; ‘domov’;

lustr (poľština) ‘zrkadlo’ x *luster* (slovenčina) = *luster* (chorvátčina) = *lustr* (čeština).

Interlingválna homonymia nám naznačuje potreby jazykovej praxe, preto získané poznatky nachádzajú praktické využitie v týchto sférach: translológia (rozpracovanie zodpovedajúcej prekladateľskej metodiky, ktorá umožní predchádzať skresleniu zmyslu prekladu ako dôsledku lexikálnej interferencie); teória vyučovania jazykov (vedomosti o medzijazykových homonymách sú nevyhnutné pri výučbe cudzieho jazyka, ale taktiež sú dôležité pri vyučovaní rodného jazyka, pretože aj native speakers si musia byť vedomí rôznych aspektov svojho rodného jazyka; didaktika (teoretické základy použité pri zostavení metodík vyučovania cudzích jazykov so zameraním na skúmaný jav); lexikografia (aplikácia teoretických výsledkov v lexikografickej praxi pri tvorbe slovníkov vzájomných homoným slovanských jazykov); korpusová lingvistika (použitie počítačových nástrojov na modelovanie fungovania jazyka s dôrazom na medzijazykové homonymá).

Perspektívy ďalšieho výskumu medzijazykových homoným je možné vidieť v nasledujúcich intenciách: detailnejší rozbor z diachrónneho pohľadu (objasnenie príčin, podmienok vzniku a zákonitostí rozvoja medzijazykových homoným); analýza vybraných aspektov z pohľadu filozofie jazyka, sociolingvistiky a psycholingvistiky; výskum fungovania medzijazykových homoným vo frazeologických a idiomatických sústavách jazykov; štatistické zastúpenie medzijazykových homoným v jednotlivých dvojiciach a skupinách porovnávaných jazykov.

* * *

1. Horák, E.: Chorvátsko-slovinské-slovenské lexikálne paralely. In: *Slavica Slovaca*, 37, 2002, č. 1, s. 3–14.
2. Horáková, R.: Slovinsko-slovenská homonymia z konfrontačného hľadiska. In: *Philologica LII*, Bratislava, 2001, s. 175–180.
3. Ondruš, Š.: Zo slovensko-českej lexikálnej konfrontácie. In: *Studia Academica Slovaca*, 1984.
4. Benkovičová, J.: Lexikálna polysémia v aspekte medzijazykových vzťahov. In: *Slavia*, 61, 1992, s. 53–60.
5. Bartáková, J.: K zradnostiam v blízkopríbuzných jazykoch. In: *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*, 1998, s. 151–159.
6. Baštinová, G.: English-Slovak Faux-Amis in the Semantic Field of Eating and Drinking. In: *Philologica LX*, Bratislava: UK, 2004, s. 11–17.
7. Horáková, R.: Medzijazyková homonymia pri geneticky príbuzných jazykoch. In: *Filologická revue*, 1999, 2, č. 4, s. 52–56.
8. Radina, O.: *Zrádná slova ve francouzštině*. Praha: SPN, 1983. 215 s.
9. Dolník, J.: Ciele a princípy konfrontačnej lexikológie. In: *Slavica Slovaca*, 1990, 25, s. 3–16.
10. Ondruš, Š. – SABOL, J.: *Úvod do štúdia jazykov*. Bratislava: SPN, 1987. 344 s.
11. Leláková, E.: Cognitively-cultural approach to structural lexico-semantic analysis. In: *Language, literature and culture in present-day context: contemporary research perspectives in anglophone PhD studies*. Košice, 2011. s. 61–70.
12. Kollár, D.: Medzijazyková homonymia. In: *Studia Academica Slovaca*, 1982, roč. 11, s. 219–234.
13. Hladký, J.: *Zrádná slova v angličtině*. Praha: SPN, 1990. 185 s.
14. Pančíková, M.: *Zradnosti polšskej a slovenskej lexiky*. Opole: PRO 2005. 167 s.
15. Хуцишвили, С. Д.: *Славянские межъязыковые омонимы*. Тбилиси, 2010. 169 с.
16. Buffa, F.: O formálnych zhodách v oblasti slovenskej a poľskej lexiky. In: *Slavica Slovaca*, 34, 1999, č. 2, s. 124–136.
17. Gallo, J.: Funkcionalno-semantičeskije osobennosti giperteksta = Functional and Semantic features of Hypertext. In: *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 6, 2021, č. 1, s. 41–52.

**LEXIKÁLNO-SÉMANTICKÉ VZŤAHY
MEDZI PODSTATNÝMI MENAMI TVORIACIMI SYNONYMICKÝ REŤAZEC
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
МЕЖДУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ ОДНОГО СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА
LEXICO-SEMANTIC RELATIONS
BETWEEN THE NOUNS OF ONE SYNONYMIC CHAIN**

© 2021

E. Leláková

Э. Лелакова

E. Lelakova

V hovorovom ako aj vo formálnom slovenskom jazyku je čoraz viac používaná polysémia podstatných mien. Predkladaná štúdia vychádza z tejto skutočnosti a predstavuje podrobnú kvantitatívnu ako aj kvalitatívnu lingvistickú analýzu synonymického radu podstatného mena „šťastie“ v slovenskom jazyku ako aj popis lexikálno-sémantických vzťahov existujúcich medzi jeho jednotlivými členmi. Pri zbere dát, ich klasifikácii a analýze vychádzame z teórie lexikálno-sémantických polí (LSP), komponentovej analýzy, váhovej teórie, množinovej teórie a teórie diagnostického rámca, určenia a rozboru lexikálneho a sémantického skladu tvoreného synonymami slova „šťastie“ a ich významami. Transparentne vyhodnocujeme funkčnosť sém a stupeň polysémie jednotlivých substantív pomocou dvojrozmernej mriežky obsahujúcej všetky zozbierané jazykové dáta – matice lexikálno-sémantického poľa slova „šťastie“, kde uplatňujeme binárny prístup. Matica slúži na predstavenie vzťahov medzi skúmanými synonymami a ich významami. Jej vyplnené časti reprezentujú sémantické prieniky a vzťahy medzi substantívami a ich významami, čo nám umožňuje stanoviť pozoruhodné závery, okrem iného aj vysokú resp. nízku tendenciu pozorovaných substantív byť prepojených s inými podstatnými menami daného LSP. Na základe všetkých použitých metód a analýz dokážeme identifikovať sociolingvistické vlastnosti lexikálno-sémantického poľa slova „šťastie“ a príslušnú časť jazykového obrazu sveta rodených používateľov slovenského jazyka.

Ключевые слова: slovenský jazyk; synonymický rad; lexikálno-sémantické vzťahy; sémantické črty; funkčnosť sém; podstatné mená ako lexikálne jednotky; šťastie; polysémia; stupeň polysémie; diagnostický rámec; lexikálno-sémantické pole (LSP); matica LSP; jazykový obraz sveta.

Как в книжной, так и в разговорной разновидности словацкого языка широко используется многозначность слов. Данное исследование основано на этом факте и представляет собой детализированный количественный и качественный лингвистический анализ синонимического ряда существительного «šťastie/счастье» в словацком языке, а также описание лексико-семантических отношений, существующих между его отдельными членами. При сборе, классификации и анализе лингвистических данных мы применяем теории полей, множеств и веса, а также компонентный анализ и теорию диагностических рамок. Мы также изучаем и анализируем лексико-семантические связи, образованные синонимами существительного «šťastie/счастье». Функциональность сем и степень многозначности отдельных существительных оцениваются с помощью двумерной шкалы, содержащей все собранные языковые данные – матрицы лексико-семантического поля (ЛСП) существительного «šťastie/счастье». Для этого используется двоичный подход. Матрица служит для представления отношений между исследуемыми синонимами. Ее заполненные ячейки представляют собой семантические пересечения и отношения между отдельными лексемами и их значениями и помогают нам сделать определенные выводы. На основе использованных в работе методов мы можем выявить социолингвистические характеристики ЛСП существительного «šťastie/счастье» и описать соответствующую часть языковой картины мира носителей словацкого языка.

Ключевые слова: словацкий язык; синонимический ряд; лексико-семантические отношения; семантические особенности; функциональность сем; существительные как лексические единицы; многозначность; степень многозначности; диагностическая рамка; лексико-семантическое поле (ЛСП) «счастье»; матрица ЛСП; языковая картина мира.

In both formal and informal Slovak language polysemy of words is widely used nowadays. The present study is based on this fact and presents a detailed quantitative and qualitative linguistic analyses of the synonymic row of the noun “šťastie” in Slovak language as well as the description of lexico-semantic relations existing between its individual members. When collecting, classifying and analysing linguistic data, we apply the field, set and weight theories, componential analysis, and a diagnostic frame theory. We also study and analyse lexical and some stocks formed by the synonyms of the noun “šťastie” and by their meanings. Functionality of semes and the degree of polysemy of individual nouns are transparently evaluated with the help of a two-dimensional grid containing all the

collected language data – the matrix of the lexico-semantic field (LSF) of the noun “šťastie” when the binary approach is applied. The matrix serves to present relations between the synonyms under study. Its filled stands represent semantic intersections and relations between the individual lexemes and their meanings and help us to make remarkable conclusions – e.g., high and low tendencies of the observed nouns to be connected with other nouns of the field. Based on all applied methods and analyses we can identify sociolinguistic characteristics of LSF of the noun “šťastie” and the related part of the language picture of the world of the native speakers of Slovak language.

Keywords: the Slovak language; synonymic chain; lexico-semantic relations; semantic features; functionality of semes; nouns as lexical units; polysemy; degree of polysemy; diagnostic frame; lexico-semantic field (LSF) happiness; matrix of LSF; language concept sphere.

Slovenský jazyk zaraďujeme do skupiny západoslovanskej vetvy živých indoeurópskych jazykov a vnímame ho ako vysoko rozvinutý a naturálny jazyk, ktorý spĺňa všetky spoločenské a kultúrne funkcie moderného jazyka. Súčasná forma slovenského jazyka je výsledkom dlhodobého procesu spoločenského, kultúrneho a národného vývoja a starostlivej a trpezlivej kultivácie realizovanej slovenskými lingvistami. Spisovná slovenčina je úplne kodifikovaná na základe kultúrnej formy mestského jazyka stredného Slovenska. Používatelia slovenského jazyka dokážu efektívne pracovať s polysémiou slov, ktorá im umožňuje pestré, niekedy aj metaforické vyjadrenie ich myšlienok a pocitov. Naš lexikálno-sémantický výskum vychádza z polysémantických vzťahov existujúcich medzi substantívami tvoriacimi spoločný synonymický reťazec, resp. jedno lexikálno-sémantické pole (LSP).

Polysémia predstavuje základný termín lexikálnej sémantiky, ktorý Matthews [1, s. 308] definuje ako prípad jedného slova, ktoré má dva alebo viac sémanticky prepojených významov. Dolník [2, s. 51] je tiež presvedčený, že tieto významy sú prepojené a tvoria sémantické spektrum. Ďalej tvrdí, že dostatočným predpokladom polysémie je skutočnosť, že každý význam jazykovej jednotky je prepojený s jedným s jej ďalších významov. Podľa Yule [3, s. 120] viacnásobné významy sú všetky prepojené v širšom význame a Leech [4, s. 228] zdôrazňuje ich historické, psychologické a metaforické vzťahy. Deane [5, s. 142] načrtáva teóriu, v ktorej je význam slova úzko prepojený s určitými druhmi extralingvistikého poznania (t.j. kultúrneho pozadia). Murphy [6, s. 91] definuje polysémantické slová ako lexikálne jednotky, ktoré majú v rámci slovníkového hesla niekoľko zvyčajne očíslovaných významov a pripúšťa, že rôzni

ľudia majú rôzne názory nato, čo spolu významovo súvisí. Murphy definuje dva základné stavy: monosémantický stav (významy slova môžu byť odvodené predvídateľnými procesmi od jediného sémantického zastúpenia) a polysémantický stav (významy slova majú oddelené, ale prepojené zastúpenie).

Predkladaná štúdia predstavuje analýzu synonymického radu podstatného mena „šťastie” v slovenskom jazyku a lexikálno-sémantických vzťahov existujúcich medzi jeho členmi. Pre potreby tejto analýzy sme vychádzali zo *Synonymického slovníka slovenčiny* (SSS) [7], na základe ktorého sme zadefinovali všetky synonymá podstatného mena „šťastie”. Ďalším krokom bolo určenie spoločnej sémantickej črty všetkých nájdených synonym – *prijemný pocit* – ktorú sme hľadali vo významoch všetkých členov synonymického radu. Dané významy sme našli v *Krátkom slovníku slovenského jazyka 4* (KSSJ 4) [8] a správnosť výberu podstatných mien sme overili použitím diagnostického rámca [9, s. 112]. Diagnostický rámec predstavuje rutinný element v nekorpusovo založenej sémantickej analýze a organizačný princíp lexikónu. (Fillmore [10], Cruse [11], Lyons [12]).

Synonymický slovník slovenčiny (SSS) [7] ponúka tri synonymá podstatného mena „šťastie” – „blaho”, „blaženosť” a „požehnanie” – navzájom sémanticky prepojené odkazom na pocit uspokojenia, rovnováhy a veselosti. Vlastný synonymický rad substantíva „blaho” obsahuje 8 synonym (so svojimi synonymickými radmi); substantíva „blaženosť” a „požehnanie” majú obe po dve synonymá (so svojimi synonymickými radmi). Za účelom zistenia, ktoré z týchto identifikovaných synonym sú súčasne aj synonymami slova „šťastie”, sme si stanovili spoločnú sémantickú črtu – *prijemný pocit*. Sústredili sme sa na jednoslovné substantíva a vynechali archaické, zastaralé, vulgárne a slangové

slová. Slang totiž môže spôsobiť spoločné nedorozumenia v každodennej komunikácii pri identifikácii ich správneho významu, výslovnosti a pravopisu [13]. Výsledkom slovníkových analýz a diagnostického rámca

bolo zozbieranie 35 synonymým podstatného mena „šťastie“. Množinu získaných synonymým sme rozdelili na 4 skupiny podľa stupňa polysémie (viď Tabuľka 1).

Tabuľka 1

Lexikálny sklad synonymým podstatného mena „šťastie“

Skupiny	Lexémy		Počet významov	Stupeň polysémie
I.	2	5.71%	8–7	vysoký
II.	14	40%	6–4	stredný
III.	12	34.29%	3	nízky
IV.	7	20%	2	nízky
Celkom:	35	100%		

Prvú skupinu synonymým slova „šťastie“ tvoria osemvýznamové podstatné mená – „pokoj“ a „láska“. Pokoj sémanticky odkazuje na: *príjemný pocit* (pocit spokojnosti); *stav* (stav bez pohybu, činnosti; stav bez ruchu, hluku; stav bez vojny, mier); *veda* (odpočívanie v biológii a fyzike); *náboženstvo* (súhrn všetkých materiálnych a duchovných dober; plnosť mesiášskej spásy; posmrtná blaženosť); *súlady, harmónia* (súlady medzi ľuďmi); *frazologizmy*; *vlastnosť* (rozvaha – vlastnosť toho, kto je rozvážny) and *schopnosť* (rozvaha – schopnosť rozumne, pokojne, múdro, premyslene uvažovať). Substantívum „láska“ charakterizujú sémny *príjemný pocit* (ľúbostný cit, ľúbosť); *to, čo* (to, čo je predmetom záujmu); *vzťah* (kladný citový vzťah); *frazologizmy*; *ľudová slovesnosť*; *osoba* (milovaná osoba, milenec, milenka); *sklon, tendencia* (náklonnosť k niekomu, niečomu) a *postoj* (náklonnosť – priaznivý postoj). Sémantické prepojenie týchto dvoch lexém pozorujeme pri sémach *príjemný pocit* and *frazologizmy*. Frázu „nedá mu to pokoja“ môžeme vysvetliť ako *znervózňuje ho to*, „láska hory prenáša“ znamená *láska prekoná všetky prekážky*, „láska prechádza cez žalúdok“ odkazuje na skutočnosť, že *cesta k mužovmu srdcu je cez jeho žalúdok*.

Druhá skupina synonymým pozostáva zo 14 substantív odkazujúcich na šťastie: „šťastie“ (6 významov), „požehnanie“, „extáza“, „optimizmus“, „dobro“, „triumf“ (5 významov), „potešenie“, „blaho“, „zaľúbenie“, „exal-

tácia“, „vytrženie“, „eufória“, „spokojnosť a „blaženosť“ (4 významy). Všetky sú sémanticky prepojené cez sémny *príjemný pocit*. Séma *stav* prepája 12 substantív (okrem „dobro“ a „triumf“). Séma *náboženstvo* je charakteristická pre podstatné mená „požehnanie“ (Božia priazeň; želanie dobra, šťastia a pod. v náboženských úkonoch sprevádzané znakom kríža; časť pobožnosti, pri ktorej sa požehnáva), „extáza“ (uvolnenie duše od zväzkov s telom a so zmyslami a jej bezprostredné spojenie s Bohom) a „blaženosť“ (stav prvých ľudí v pozemskom raji; stav blažených v nebi). Slováci boli vždy veľmi nábožensky založený národ, potrebovali porozumieť zmyslu ich života a mať ilúzie a sny, ktoré sa možno splnia. Náboženstvo alebo jednoducho viera bola a je pre nich viera v niečo, čo im pomáha byť šťastnými, spokojnými a morálnymi. Podstatné meno „šťastie“ je sémanticky prepojené s členmi prvej skupiny cez *frazologizmy* (Šťastie sa naňho usmialo. Hlúpy má šťastie. Šťastie v nešťastí. Mať z pekla šťastie. Mať hlúpe šťastie) and *ľudovú slovesnosť* (Odvážnemu šťastie praje. Každý je strojom svojho šťastia). Ľudová slovesnosť predstavuje bohatý zdroj humoru, dôvtipu, potešenia, zábavy a smiechu a poukazuje na víťazstvo dobra and zlom. Predstavuje a vždy aj predstavovala oporu pre Slovákov, ktorí jej prostredníctvom mohli vyjadriť svoje pocity a postoje. O vlastnostiach/cnostiach ako vďačnosť, láskavosť, súcitiť a odpustenie sa písalo v mnohých básňach, piesňach, prísloviach,

mýtoch a rozprávkach, ktoré pomáhali ľuďom prekonať strach, úzkosť, starosti a nešťastie. Ľudová slovesnosť sa stala neoceniteľnou pomocou v procese porozumenia a ocenenia životných hodnôt a kultúr.

Sémanticky odkaz na sému *veda* prepája päť podstatných mien so stredným stupňom polysémie:

1) extáza – v psychológii: extrémny emocionálny stav, reakcia vyvolaná intoxikáciou drogami, sugestívnym pôsobením hudby a pod.,

2) optimizmus – v psychológii: sklon posudzovať a vidieť veci a udalosti z lepšej stránky; a vo filozofii: filozofický názor zdôrazňujúci životné klady a veriaci vo vývoj k lepšiemu,

3) dobro – v etike: etická kategória vyjadrujúca kladné hodnotenie konania,

4) triumf – vo filozofii: víťazstvo humanistických myšlienok,

5) eufória – v psychológii: vystupňované emocionálne prejavy, často nezodpovedajúce objektívnej situácii; stav prehnanej veselosti po požití psychotropných látok a pri niektorých duševných chorobách.

Umenie prepája 4 substantíva – „dobro“ (hudobný nástroj z dreva alebo kovu podobný gitare), „exaltácia“ (básnická exaltácia), „vytrženie“ (náboženská a ľúbostná epika) a „pohnutie“. Substantíva „extáza“, „zaľúbenie“, „exaltácia“ a „vytrženie“ odkazujú na sému *záujem*. Sémantický odkaz sém *prospech*, *úžitok*; *výsledok*; *prejav* and *súlady*, *harmónia* je nasledovný:

a) *prospech*, *úžitok* – „dobro“ (*prospech*); „blaho“ (*prospech*),

b) *výsledok* – „šťastie“ (kladný výsledok úsilia); „triumf“ (kladný výsledok úsilia),

c) *prejav* – „eufória“ (vystupňovaný emocionálny prejav); „spokojnosť“ (prejav uspokojenia),

d) *súlady*, *harmónia* – „šťastie“ (vyváženosť, vyrovnanosť, harmonickosť); „spokojnosť“ (vyváženosť, harmonickosť),

e) *vzťah* – „optimizmus“ (dôverčivý vzťah k životu); „zaľúbenie“ (kladný citový vzťah).

Monofunkčné sémy *dostatok*; *získanie*, *dosiahnutie*; *šport* a *želanie*, *prianie* nájdeme vo významoch podstatných mien „blaženosť“ (*dostatok*), „triumf“ (*získanie*, *dosiahnutie*; *šport* – triumf v športovom zápole) a „požehnanie“ (*želanie*, *prianie* – želanie dobra, šťastia). Séma *to*, čo je polyfunkčná a sémanticky prepája osem substantív: „láska“, „požehnanie“, „dobro“, „potešenie“, „blaho“, „radosť“ a „pohoda“.

Tretiu a štvrtú skupinu synonym podstatného mena „šťastie“ tvorí 12 trojvýznamových a 7 dvojvýznamových podstatných mien s nízkym stupňom polysémie. Všetky dvojvýznamové lexémy („opojenie“, „rozochvenie“, „veselosť“, „vzrušenie“, „pôžitok“, „rozkoš“ a „slasť“) sú prepojené cez sémy *prijemný pocit* and *stav*. Séma *stav* odkazuje aj na 8 trojvýznamových podstatných mien – „potecha“, „radosť“, „pohoda“, „sebauspokojenie“, „uspokojenie“, „vyrovnanosť“, „dojatie“ a „pohnutie“. Šesť trojvýznamových podstatných mien má spoločnú sémantickú črtu *prejav*:

1) sebauspokojenie – prejav spokojnosti so sebou samým,

2) elán – nadchnutie a jeho prejav,

3) entuziazmus – prejav oduševneného záujmu,

4) nadšenie – nadchnutie a jeho prejav,

5) oduševnenie – nadchnutie a jeho prejav.

Záujem sémanticky prepája 4 podstatné mená s nízkym stupňom polysémie: „elán“, „entuziazmus“, „nadšenie“ a „odúševnenie“. *To*, čo sému nájdeme vo významoch lexém *potecha*, *radosť* a *pohoda*. „Vyrovnanosť“ sémanticky odkazuje na *súlady*, *harmónia* (vyváženosť, harmónia); „dojatie“ na *vzťah* (silný kladný citový vzťah) a „pohnutie“ na *umenie* (dojatie knižne).

Sémantický sklad synonym podstatného mena „šťastie“ tvorí 23 sém získaných metódou komponentovej analýzy aplikovanej na všetky významy pozorovaného sémantického radu. Sémy sme rozdelili do 4 skupín podľa frekvencie ich výskytu v lexikálnych významoch podstatných mien – podľa stupňa ich funkčnosti (viď Tabuľka 2).

Sémantický sklad synonym podstatného mena „šťastie“

Skupiny	Sémy		Počet lexém	Stupeň funkčnosti
I	10	43.48%	35–4	polyfunkčné
II	1	4.35%	3	s obmedzenou funkčnosťou
III	5	21.74%	2	s obmedzenou funkčnosťou
IV	7	30.43%	1	monofunkčné
Total	23	100 %		

Prvú skupinu tvorí 10 najfrekvencovanejších sém: *prijemný pocit; stav; to, čo; záujem; prejav; veda; náboženstvo; súlad, harmónia; vzťah* and *umenie*. Najvyššiu funkčnosť pozorujeme, samozrejme, u sém *prijemný pocit* – nachádza sa vo významoch všetkých 35 lexém. Séma *Veda* odkazuje na rôzne sféry využitia ľudských znalostí (psychológia, filozofia, etika, biológia, medicína a fyzika) a vyjadruje postoje Slovákov k vede, k rôznym abstraktným a konkrétnym veciam vonkajšieho sveta, ako aj k harmónii medzi ľuďmi a vecami.

Druhá a tretia skupina obsahuje šesť sém s obmedzenou funkčnosťou: *frazeologizmy; ľudová slovesnosť; osoba; sklon, tendencia; výsledok* and *prospech, úžitok*. Sémy odkazujú na rôzne sklony a tendencie Slovákov, na výsledky a benefity ich aktivít ako aj na ich záujem o ľudovú slovesnosť.

Štvrtú skupinu tvorí 7 monofunkčných sém, nachádzajúcich sa len v jednom význame jedného podstatného mena. Sémy tejto skupiny vyjadrujú postoje, vlastnosti a želania Slovákov a odkazujú aj na objekty vonkajšieho sveta, ktoré priamo alebo nepriamo ovplyvňujú šťastie a spokojnosť ľudí:

vlastnosť – „pokoj“ – rozvážnosť, vnútorná vyrovnanosť

schopnosť – „pokoj“ – schopnosť rozumne, pokojne, múdro, premyslene uvažovať

postoj – „láska“ – kladný citový postoj k niekomu, postoj jedného pohlavia k druhému

želanie, prianie – „požehnanie“ – želanie dobra, šťastia

šport – „triumf“ – v športovom záporení

získanie, dosiahnutie – „triumf“ – dosiahnutie kladného výsledku úsilia

dostatok – „blaženosť“ – blahobyt, dostatok životných potrieb

Slovenský jazyk vďaka svojej zmysluplnosti umožňuje svojim používateľom dosiahnuť ich ciele a uspokojiť ich potreby a túžby. Vďaka jazyku môžu ľudia vzájomne komunikovať, majú vlastnú kognitívne a etnické charakteristiky a podľa Dolníka [2, s. 103] tiež inštinkt pre etickú solidaritu. Spoločenská existencia slovenského jazyka a jeho pragmatické prijímanie používateľmi sú korelačné.

Lexikálno-sémantické pole slovenského slova „šťastie“ ako sociolingvistický fragment celkovej slovnej zásoby, zaujíma významné miesto v systéme súčasného slovenského jazyka a je charakterizované hlavne substantívami s nízkym a stredným stupňom polysémie. Odkazuje tak na sémantickú pestrosť pri vyjadrovaní pocitov, postojov, názorov, dispozícií a vlastností ľudí, a pri vyjadrovaní rôznych stavov a činností ich každodenného kultúrneho, spoločenského a osobného života a to predstavením vzťahov medzi aspektami objektívnej reality.

Štúdium sémantických pravidiel vytvárania lexikálno-sémantické poľa slovenského slova „šťastie“ nám umožňuje rozlíšiť medzi internými a externými faktormi šťastia. Interné faktory priamo kontrolujú šťastie a zahŕňajú pozitívne vnímanie sveta, sebaúctu, riešenie vnútorných obáv a konfliktov, predstavivosť, lásku, oceňovanie a plánovanie. Na druhej strane, externé faktory sú zastúpené činnosťami, ktoré uspokojujú biologické, materiálne, kariérne a spoločenské potreby človeka.

Každé slovenské podstatné meno sémanticky odkazujúce na „šťastie“ má svoje určené miesto vo svojom LSP ako aj

v celkovom jazykovom systéme. Znázornenie a pochopenie tohto miesta je možné vďaka dvojrozmernej mriežke, resp. matici, ktorá transparente a ekonomicky prezentuje nielen lexikálno-sémantické prostredie substantív, ale

poukazuje aj na rôzne aspekty vzťahov medzi jednotlivými lexikálnymi jednotkami ako aj na možné prepojenia s inými skupinami slov v celom lexikálno-sémantickom systéme pozorovaného jazyka [14].

Tabuľka 3

Matica LSP slova „šťastie“

Seme stock	35	28	8	8	8	6	4	4	4	4	3	2	2	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1		
	Lexical stock	Príjemný pocit	Stav	To, čo	Záujem	Prejav	Veda	Náboženstvo	Súlad, harmónia	Vzťah	Umenie	Frazeologizmy	Ľudová slovesnosť	Osoba	Sklon, tendencia	Výsledok	Prospech, úžitok	Vlastnosť	Schopnosť	Postoj	Želanie, pranie	Šport	Získanie, dosiahnutie	Dostatok	
8 Pokoj	☐	☐				☐	☐	☐			☐						☐	☐							
8 Láska	☐		☐							☐		☐	☐	☐						☐					
6 Šťastie	☐	☐							☐			☐	☐			☐									
5 Požehnanie	☐	☐	☐					☐														☐			
5 Extáza	☐	☐		☐		☐	☐																		
5 Optimizmus	☐	☐				☐				☐					☐										
5 Dobro	☐		☐			☐				☐							☐					☐			
5 Triumf	☐					☐										☐						☐	☐		
4 Potešenie	☐	☐	☐											☐											
4 Blaho	☐	☐	☐														☐								
4 Zaľúbenie	☐	☐		☐						☐															
4 Exaltácia	☐	☐		☐						☐															
4 Vytrženie	☐	☐		☐						☐															
4 Eufória	☐	☐			☐	☐																			
4 Spokojnosť	☐	☐			☐			☐																	
4 Blaženosť	☐	☐					☐																	☐	
3 Potecha	☐	☐	☐													☐									
3 Radosť	☐	☐	☐																						
3 Pohoda	☐	☐	☐																						
3 Sebauspokojenie	☐	☐			☐																				
3 Uspokojenie	☐	☐			☐																				
3 Vyrovnanosť	☐	☐						☐																	
3 Dojatie	☐	☐	☐					☐	☐					☐								☐	☐		
3 Pohnutie	☐	☐								☐															
3 Elán	☐			☐	☐																				
3 Entuziazmus	☐	☐		☐	☐																				
3 Nadšenie	☐			☐	☐																				
3 Oduševnenie	☐			☐	☐													☐	☐						
2 Opojenie	☐	☐																							
2 Rozochvenie	☐	☐																☐	☐						
2 Veselosť	☐	☐																							
2 Vzrušenie	☐	☐																							
2 Pôžitok	☐	☐									☐														
2 Rozkoš	☐	☐				☐			☐										☐						
2 Slast'	☐	☐																	☐						

* * *

1. Matthews, G. et al. *Personality Traits*. Cambridge : CUP, 2003. 493 p.
2. Dolník, J. *Lexikológia*. Bratislava : Univerzita Komenského, 2007. 236 p.
3. Yule, G. *The study of language*. Cambridge : CUP 2004. 294 p.
4. Leech, G. N. *Semantics: the study of meaning*. London : Penguin Books Ltd., 1981. 386 p.
5. Deane, P. D. *Semantic theory and the problem of polysemy*. (PhD Dissertation). Department of Linguistics, University of Chicago, 1987.
6. Murphy, M. L. *Semantic relations and the lexicon: antonymy, synonymy and other paradigms*. Cambridge : CUP, 2003. 274 p.
7. Pisárčiková, M. & Anettová, A. *Synonymický slovník slovenčiny*. 3rd edition. Bratislava : Veda, 2004. 998 p.
8. Kačala, J. et.al. *Krátky slovník slovenského jazyka 4*. Bratislava : VEDA, 2003. 985 p.
9. Nida, E.A. *Language structure and translation*. Stanford : Stanford University Press, 1975b. 283 p.
10. Fillmore, C. On the organization of semantic information in the lexicon. In: *Papers from the parasession on the lexicon*. Chicago : The University of Chicago, 1978. pp. 148–173.
11. Cruse, D.A. *Lexical Semantics*. Cambridge : CUP, 1986. 310 p.
12. Lyons, J. *Semantics 1*. Cambridge : CUP, 1977. 336 p.
13. Lackova M., et.al. *Word-Formation Characteristics of Anglicisms in the Russian Slang*. *International Journal of English Linguistics*; Vol. 9, No. 5; 2019. pp. 283–300. URL: <https://doi.org/10.5539/ijel.v9n5p283>.
14. Fabian, M. *Етикетна лексика в українській, англійській та угорській мовах*. Ужгород : Інформаційно-видавниче агентство «ІВА», 1998. 255 p.

УСТОЙЧИВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОРУССКОГО ГОВОРА НА ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ

STABLE FEATURES OF THE SOUTH RUSSIAN DIALECT ON THE TERRITORY OF LATE SETTLEMENT

© 2021

Т.И. Мурзаева

T.I. Murzaeva

Автор отмечает, что в современной языковой ситуации диалектные различия интенсивно утрачиваются, однако некоторые русские говоры характеризуются значительной устойчивостью. В статье исследуется современное состояние южнорусского говора села Николаевки Ивантеевского района Саратовской области, рассматриваются его фонетические, грамматические и лексические особенности. Николаевка является частью небольшого ареала, характеризующегося признаками Курско-Орловской группы говоров исконной русской территории. В речи представителей старшего поколения устойчива система предупредительного вокализма после мягких согласных. Сохраняются случаи реализации фонемы /v/ в губно-губном звуке, фрикативная артикуляция фонемы /g/, результаты прогрессивной ассимиляции заднеязычных согласных. В морфологической системе отмечаются переход некоторых существительных из среднего рода в женский, южнорусские формы родительного падежа личных местоимений и существительных с *a*-основами. Для адъективного склонения характерна омонимия форм творительного и предложного падежей единственного числа мужского рода. У глаголов 3 лица настоящего времени наблюдаются южнорусские формы с [t'] в окончании, которые сосуществуют с архаическими формами без конечного согласного. Обнаруживается тенденция к унификации возвратного постфикса *-ся*. В синтаксисе устойчивы следующие особенности: архаическая инфинитивная конструкция со значением неизбежности, долженствования, повтор предлога перед определением, употребление предлога *c* вместо *из*. На лексическом уровне отмечается активное употребление слов, обозначающих хозяйственную деятельность человека. Автор считает важнейшей задачей диалектологов фиксацию и сохранение для потомков многообразия особенностей родного языка. Кроме того, необходимо изучение особенностей родного диалекта учащимися средней школы.

Ключевые слова: новые направления в диалектологии; южнорусский говор; современные диалекты; территория позднего заселения; архаические формы; тенденции развития; устойчивость; языковая политика; фиксация диалектного материала; национальное богатство русского народа; изучение диалектов в школе.

The author draws attention to the intensive loss of dialect differences in the modern language situation. However, some Russian dialects are characterized by considerable stability. The article examines the current state of the South Russian dialect in the village of Nikolaevka in the Ivanteevsky district of the Saratov region, presents its phonetic, grammatical and lexical dialect features. Nikolaevka is the part of a small area that has the characteristics of the Kursk-Oryol dialect group of the native Russian territory. In the speech of the older generation, the system of pre-stressed vocalism after soft consonants is stable. The cases of the implementation of the phoneme /v/ in the labial-labial sound, the fricative articulation of the phoneme /g/, the results of progressive softening of posterior-lingual consonants are preserved. In the morphological system, the transition of part of nouns from the neuter gender to the feminine, the Southern Russian forms of the genitive case in nouns of the 1st declension and in personal pronouns are noted. The adjectival declension is characterized by homonymy of the forms of the genitive and prepositional cases of the masculine singular. In the 3rd person verbs of the present tense, Southern Russian forms with [t'] in the ending are observed, which coexist with archaic forms without a final consonant. There is a tendency to unify the postfix of the reflexive forms of the verb. The following features are stable in the syntax: archaic infinitive sentences with the meaning of inevitability, the repetition of the preposition before the definition, the use of the preposition «s» instead of «iz». For dialect vocabulary, there is an active use of words denoting the work of a person on the farm. The author considers the most important task of dialectologists to fix and preserve for posterity the diversity of features of the native language. In addition, it is necessary to teach the features of the native dialect to the secondary school students.

Keywords: new trends in dialectology; Southern Russian dialect; modern dialects; territory of late settlement; archaic forms; development trends; stability; language policy; fixation of dialect material; national wealth of the Russian people; studying dialects in school environment.

В начале XXI века все чаще высказывается мысль о необходимости усиленного внимания к русской народной речи [1].

Успешно развиваются новые направления в изучении диалектов: коммуникативная диалектология [2 ; 3], корпусная лингвисти-

ка [4 ; 5], активизируются исследования в лингвокультурологическом [6 ; 7] и когнитивном [8 ; 9] аспектах. Ученые говорят о необходимости особой языковой политики, направленной на сохранение диалектного идиома [10]. В рамках этой политики чрезвычайно важны и актуальны фиксация сохранившегося диалектного материала и наблюдения над современными процессами в тех говорах, которые оказываются устойчивыми.

В последнее время наиболее активно занимаются диалектной лексикой. Создаются новые региональные словари [см., напр.: 11]. Стимулирует исследование лексики работа по подготовке «Лексического атласа русских народных говоров» [12]. Однако современное состояние диалектных систем в целом заслуживает пристального внимания [13 ; 14].

Общеизвестно, что под влиянием современных деструктивных факторов диалектные системы постепенно угасают. Уходит из жизни старшее поколение диалектоносителей, а последующие поколения не всегда в полной мере усваивают традиционный говор. Остановить процесс исчезновения диалектов вряд ли возможно, но успеть зафиксировать и сохранить для потомков их многообразие – задача выполнимая.

Саратовская область в диалектном отношении принадлежит к территориям позднего заселения, куда говоры с исконной русской территории были перенесены в результате миграционных процессов не раньше XVII века. Теоретические основы и методика изучения таких говоров разработаны Л.И. Баранниковой [15]. Неоднородность диалектного ландшафта территорий позднего заселения вызывает взаимодействие разнотипных говоров и порождает их изменчивость.

Одним из диалектов, устойчиво сохраняющих основные исконные строевые особенности, является говор с. Николаевки Ивантеевского района Саратовской области.

По имеющимся сведениям, село основано по предписанию Саратовской казенной палаты, а его первыми поселенцами были

крестьяне из Тульской, Калужской и Московской губерний (wikimaria.org). В настоящее время население Николаевки – около 700 человек, основная часть его трудится в сфере сельского хозяйства. В селе есть средняя общеобразовательная школа с детским садом, библиотека, дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт. С точки зрения диалектного окружения Николаевка является частью небольшого ареала на севере Ивантеевского района, где проявляются признаки Курско-Орловской группы говоров исконной русской территории [16], которые характеризуются значительной устойчивостью.

Цель данной статьи – дать системное описание говора с. Николаевки. Используются материалы, записанные во время диалектологической экспедиции в 2019 году.

Отметим устойчивые особенности рассматриваемого говора. Подсистема гласных под ударением совпадает с общенациональной. Предударный вокализм после твердых согласных характеризуется недиссимилятивным аканьем.

Безударный вокализм обнаруживает зависимость гласного первого предударного слога после мягких согласных от качества гласного под ударением. Перед ударным [а] произносятся: *вримина́, систра́, пирнисла́, атнисла́, пирвила́, завила́, умирла́, привизла́, пириклада́ина, лиула́, зирна́, пикла́, падриза́ли, притсидатил'ьм, с мидал'йу, фсиуда́, двина́ццят', симна́ццат', васимна́ццат', питна́ццят', дис'атък, див'атъвъ, полд'ив'атъвъ, сим'йа́, дит'ам, пайид'ат', апридил'али, априд'ил'аит', асимин'али, стрил'айут', улид'ат', найибр'а, атлипл'али, пирич'алили, фстрич'айуца, атмич'али, лижа́ли, пабижа́ла, збижа́ла, зайижа́ли, приийжа́йти, заприи'и'ала, плимийа́, пиришла́. Перед ударным [у]: б'ару́, прив'азу́, к н'аму́, ул'ажу́, д'аржу́, пь с'алу́, шыв'ал'ус', зьст'ану́тъяа, см'айу́ца, дан'асу, прин'асу́, йаму́, нь бир'ауу́, запр'ауу́, пьч'аму́. Перед ударным [ы]: б'ажы́т', л'ажы́т', ур'ашы́т', цв'аты́, у с'астры́, кьч'аны́. Перед ударным [и]: априд'алил, пьдл'ач'или, прив'азі́, в'азі́ти, пьв'азлі́, прив'азлі́, рьзв'азлі́,*

пирн'аслі, прав'али, з'ат'мі, зьб'аріти, атн'алис', зам'асіла, л'атіт', см'аніли, риб'атіиуки, ул'аді, д'амідьвъ, дав'али, п'аклі, м'ашкі, с'арвіс. Перед ударным [о] из этимологических /ф/, /о/, /ъ/: *с'астроі, з'арно, в'адро, л'ахко, м'астоw, плътн'акоw, мъст'арскоі, в'асноі, с'адмо́въ, ат н'аво, йаво, фс'аво; св'акро́ф', св'акро́віа, ч'ир'ано́к, цв'ато́чки, сл'ано́й, м'арскоі, м'ашко́м, м'ашо́к, п'ашко́м.* Перед ударным [е] из этимологических /ê/, /e/, /ь/: *т'ир'не́ла, тир'не́ня, виле́ли, тири́ехала, намире́т', адиривине́ли, сибé, үлиде́ла, пьүлиде́т', зайивлені́я, ф с'алé, пь в'асне́; дитéй, тинéр', сирéбрьнэй, аликсéй, бирéминнэйа, забире́минила, w дирéвни.* Перед ударным [о]: *р'иб'о́нък, сист'ор, смийо́ца, сир'о́тку, вид'оркэй, wтир'о́т, нис'о́м, принис'о́м, паднис'о́т', данис'о́м, трис'о́ца, заприу'о́т', вис'о́льй, сим'о́ныч'.* Очевидна система суджанского диссимилятивного яканья, которая в современных говорах представлена не часто. Система характеризуется значительной устойчивостью, отклонения единичны.

Консонантизм говора характеризуется последовательным употреблением фрикативного заднеязычного [у]: *уорат, уот, уармошка, уул'анки, ул'ажу, пауип, улупый, набууре* и т. п. Исключением является произношение с [г] смычно-взрывным заимствованного слова: *w Галандии.* В конце слов [у] оглушается в [х]: *снех, аврах, ни мох, л'ох, в морх.*

Одна из архаических черт – сохранение древней губно-губной артикуляции /в/. Перед гласным артикуляция губно-зубная. Исключения редки. В конце слов сохраняется губно-губной звук, не только твердый, но и мягкий: *класъw, насротиw, Саратаw, Пууачоw, Д'амидъw, апаратъw, бройлиръw, кров', wноw'.* В начале слов перед глухим согласным параллельно употребляют [w] и [у]: *w степ', wклучил, w кармани, w ч'ом, w полу, w Сибир', wсе, w халатку, w п'атый, у Самарскэй области, у Пууачоw, у Красный Кут, у Павладари, у таможыннаw; перед сонорным и звонким шумным [у] чаще, чем [w]: унук, у радитил'ским дому, у Райиwки, у дом, wноw', wз'али, w боч'ки, w Галандии.* В сере-

дине слов перед глухим согласным отмечен только [w]: *Ивантеиwка, пун'оwки, девки, newчим, awцу* и даже *тирапewт.* Переход к губно-зубной артикуляции /в/ проходит только начальную стадию. Об этом свидетельствуют варианты *внучка // унучка // wнучка, фсиyда // wсиyда*, единичные случаи оглушения в [ф]: *ф с'алé, фтарайа, св'акроф', сафхози.* Гиперкоррекция приводит к произношению [w] на месте [у]: *ни у матири ни w атуца.*

Фонема /ф/ освоена говором, случаев субституции не зафиксировано: *фътакартъчка, инфаркт, ферма.* Отмечен случай гиперкоррекции: *фул'ууанила.*

Переходное состояние наблюдается в реализации долгих шипящих. Чаще встречается твердая их артикуляция, реже – мягкая: *прийжжаит', зайжжжали, зайжжайут', выташшым, с т'ошшэй, рабат'ашшый, жен'ишшыны, уруишшыки, йаишшыки, ишшо, но муш'и'ины, тыш'и', паз'биш'и'ь.*

Прогрессивная ассимиляция заднеязычных проходит только после [й] и после парных мягких согласных: *хазайк'а, на дойк'у, тол'к'и, тол'к'а, малин'к'айа, малин'к'уйу, мален'к'а.* После [ч'] твердость заднеязычного сохраняется: *девъч'ка, девъч'ку, унуч'ка, доч'ка, печ'къ, палъч'ку, картъч'ку, мълач'ка.*

Устойчиво сохраняется целый ряд морфологических особенностей. Среди них сужение группы существительных среднего рода за счет увеличения количества существительных женского рода: *зярно-та харошая была; теста-та харошая была, вот на этэй кресли сижу; малако на малака-проводу шла, платья такая, ани у мене на адну число.* К женскому роду относят существительное «комбайн»: *залес на камбайну* (здесь и далее при подаче материала по морфологии, синтаксису и лексике используется упрощенная транскрипция).

Имеются признаки сближения существительных с *i*-основами и *a*-основами: *фсю жызыню, дочирю.* Параллельно употребляются *свьякровья* и *свьякровь.*

Южнорусские формы существительных с *a*-основами в родительном падеже единственного числа допускают колебания. Под ударением отмечено окончание *-e*, но может быть *-и*: *у снохе, с маей старане*, но *у сястры, две с'астры, ва врем'а вайны*. В безударном положении южнорусское окончание *-e* переходит в зону артикуляции *-и*: *у нивести, мами нету, с машины*. Но возможно и окончание *-ы*: *две каровы, ва время вайны, у тётти Лиды*. Еще одна южнорусская особенность имен – окончание *-ы* в формах именительного падежа множественного числа среднего рода: *ведры*. Специфична форма родительного падежа множественного числа *курей*.

У существительных мужского рода с *o*-основами расширена сфера употребления окончания *-у* в предложном падеже единственного числа. Под ударением: *на концу, на языку, на шнурку*. В безударном положении: *на свинарнику работали, на лошадику ляжыть пирикладина*.

В творительном падеже множественного числа встречается специфическое окончание *-ими* после основы на заднеязычный: *цыганками*.

Местоимения 1 и 2 лица в формах именительного и винительного падежей последовательно употребляют с южнорусским окончанием *-е*: *у мене, и он мене пазвал, вазьмёт ана мене, мене всю вот так закалатила, мене павязли, на мене, мене искали, как зовуть мене, у тебе дети, я ажыдал тебе*. Отмечена форма возвратного местоимения с архаичной основой: *зубы вставил сабе; нашол сабе сваю*. Но параллельно возможна более поздняя форма: *забирити себе*.

Притяжательное местоимение в именительном падеже множественного числа имеет окончание *-е*: *мое радитили*. Наряду с указательным местоимением *этот* употребляется архаичное *энтот*: *энтму, у энтый, энтый девочки и в этом канцу, на этом пруду, в этом сафхози*.

Самая яркая особенность адъективного склонения – омонимия форм творительного и предложного падежей единственно-

го числа мужского рода. Чаще всего предложный падеж имеет такое же окончание, как творительный: *у радитильским доми, в энтим канцу, в энтим сафхози, у энтим месицы*. Однако возможно и обратное явление – употребление в творительном падеже окончания предложного: *с слуховом апаратм*. Сохраняется исконное безударное древнерусское окончание *-ой* в форме именительного падежа единственного числа мужского рода, в системе аканья звучащее как *-ай*: *снех та нипадёмнай*. Встретилась диалектная форма сравнительной степени: *боле нет* (больше).

У глаголов 3 лица настоящего времени отмечена южнорусская форма с [т'] в окончании: *жывёт, гаварить, стаить, приедуть, пайидають, стрилиють*. В единственном числе она сосуществует с архаической формой без конечного согласного: *ана работая в бальницы, он падёруая, патходя очирить, хто иё зная*. В 3 лице множественного числа в безударном положении у глаголов, которые в литературном языке относятся к 2 спряжению, употребляется окончание 1 спряжения: *звонють, ходють, плотють, держуть*. В возвратных формах мужского рода преобладает постфикс *-си*: *сахранилси, праснулси, радилси, асталси, спрятьлси, жанилси, удушылси, началси, скрылси, сламалси, аставалси, училси, ни бойси*. В форме 2 лица отмечена регрессивная ассимиляция на стыке окончания и постфикса: *мучийисси*. После гласных проявляется тенденция к унификации постфикса *-ся*: *училься, дапилися, сабирайтися, ни сарвися, стучуся, кармилися, разайлися, саилися, задахнулася, но пъяжанилися, ачнулъсь, палучилъсь*. Отмечен случай употребления невозвратной формы в соответствии с литературной возвратной: *сидеть да лежать смерть дожыдать*. Формы со значением прерванного прошедшего, возникшие на базе плюсквамперфекта, включают частицу *был* (из причастия прошедшего времени мужского рода): *хатела был в Самару / паехала был / дакументы уже здала / но очинь доръуь*. В значении 'упасть' употребляется глагол *упануть*, с которым соотносится форма по-

велятельного наклонения: *уляди ни упань*. Показателем множественного числа в повелительном наклонении может быть аффикс *-тя*: *сходитись да жывитя*. Инфинитивы с корнем *ид-* в процессе унификации присоединяют вторичный аффикс *-ть*: *итить, притить*. Другой пример унификации показателя инфинитива – словоформа *пасть* ‘пасти’: *есть на чём пасть*.

Глаголы со значением перемещения управляют формой родительного падежа с предлогом *с*: *пришол с армии*.

При числительном *два* существительные мужского рода употребляются в именительном падеже множественного числа: *два мальчишки у нас; два муцины*.

Яркой синтаксической особенностью говора является архаическая инфинитивная конструкция со значением неизбежности, долженствования: *куда я йиво дену / быть пльивать*. В других случаях инфинитив *быть* употребляется в качестве вводного слова со значением предположения: *две быть ани выпили а може и большы // ну быть ни з бутылки удушылси*.

Сохраняется особенность древнерусского синтаксиса – повтор предлога перед постпозитивным определением: *ат учительницы ат этый; свякрофь прихадил а с плимянищый с сваей*; то же наблюдается при препозитивном определении: *на этим на пруду; из этих ис трико; ат этъвъ ат Андрея; патом вышль зь Мардвинова за Василия*. Употребляется разделительный союз *ай* в значении ‘или’: *сто дваццъть штоля ай сто сорък тыщ; дом та апиыли ай ишио ни апиыли; врач ай тирапент; ана восимдисить два ай восимдисить три умирла*. В придаточном определительном отмечено союзное слово *какой* в значении ‘который’: *аднаво я только ни видала в Омскый области какой был; с тем мужъм та ана разошлася за какова выхадил; эта Ленка у какой вы были; этъ быки какие асиминяют карову ть*.

Диалектная лексика для данного исследования по специальной программе не собиралась. Она извлечена из аудиозаписей бесед с информантами. Встретились все типы диалектных слов:

1) собственно лексические диалектизмы. Существительные: *большак* ‘старший сын’, *сводушки* ‘сватовство’, *бадик* ‘палка для опоры при ходьбе’, *лытка*, *лыточка* ‘нога’, *лошадник* ‘помещение для лошадей’, *зауонка* ‘место, куда загоняют корову для доения’, *валушок* ‘кастрированный бык’; глаголы: *трубачить* ‘тяжело работать’, *осилять* ‘справляться с работой’, *перечалить* ‘перенести’, *садыкнуть* ‘стукнуть’, *буровить* ‘говорить бессмысленно’; прилагательные: *мозголовый* ‘умный, способный’, *капишный* ‘маленький’; наречие: *поищас* ‘до сих пор’;

2) лексико-словообразовательные: *наспротив*, *нарань* ‘рано’, *дурь* ‘дурость’, *страшущий* ‘престрашенный’;

3) семантические. Существительные: *на задах* ‘за домом’, *пласты* ‘топливо, изготовленное из коровьего помета’, *мужик* ‘муж’, *лёдник* ‘о низкой температуре на улице или в помещении’; глаголы: *перевести* ‘перестать держать (о домашних животных)’, *подрезать* ‘кастрировать’; прилагательные: *рукастый* ‘склонный к воровству’, *мирской* ‘о быке-производителе’, *похож* ‘наврное’ (в уаландии *похож жывьёт*),

4) фонематические: *помочь* ‘помощь’, *сымать* ‘снимать’, *полозить* ‘ползать’, *ищас* ‘сейчас’. К ним примыкает акцентологический вариант *поминки*.

Большая часть отмеченной диалектной лексики – это собственно лексические диалектизмы (15 из 32), на втором месте – семантические (9); с точки зрения частеречной принадлежности преобладают существительные (13), реже встречаются глаголы (9), прилагательные (6) и наречия (4). Обращают на себя внимание диалектные слова, связанные с хозяйственной деятельностью человека (12).

Говоры Саратовской области вообще характеризуются незначительным количеством диалектной лексики [17], и на этом фоне рассматриваемый диалект выделяется ее устойчивостью.

Отмечено несколько диалектных фразеологических единиц: *глаз ушел* ‘не видит’, *летьма летят* ‘быстро’, *всё да духу делать* ‘о мастеровом человеке’.

Данное описание говора основано на записях, сделанных от старшего поколения с уровнем образования не выше 8 классов. В речи сельчан среднего возраста сохраняются далеко не все указанные диалектные особенности. Утрата специфики диалектной речи положительно оценивалась в первой половине и в середине XX века. В методике преподавания русского языка в школе общепринятым было выражение «искоренять диалектные ошибки». Отход

от такой позиции очевиден даже в заголовках публикаций последних лет, например: «Русские народные говоры как национальное богатство русского народа» [18], «Изучение диалектов – вопрос лингвистической безопасности» [19]. Знакомство школьников с особенностями диалекта родного села необходимо и возможно хотя бы в рамках деятельности по лингвистическому краеведению.

* * *

1. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Диалектная речь: языковая политика, общественная оценка, образовательная практика // *Этнокультурное образование в современном мире*. М. : Перо, 2017. С. 375–382.
2. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
3. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2016. № 9-10(113). С. 133–138.
4. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Проблемы создания электронного диалектологического корпуса // *Русская устная речь*. Саратов : Наука, 2011. С. 248–259.
5. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Русская диалектная речь в электронных информационных системах // *Языки в современном мире : материалы X междунар. конференции*. М. : КДУ, 2012. С. 24–31.
6. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
7. Камалова А.А., Савелова Л.А. Лингвокультурологическое описание северной русской деревни. Архангельск : Поморский ун-т, 2007. 338 с.
8. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов : Наука, 2011. 120 с.
9. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. М. : Наука, 2008. Кн. 3(9). С. 398–413.
10. Касаткин Л.Л. Русские диалекты и языковая политика // *Русская речь*. 1993. № 3. С. 82–90.
11. Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара : СГСПУ, 2020. 192 с.
12. Вендина Т.И. Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте // *Славянский альманах*. 2016. № 1–2. С. 356–374.
13. Баженова Т.Е. Современное состояние южнорусского говора на территории Оренбургской области // *Самарский научный вестник*. 2013. Т. 2, № 3. С. 16–19.
14. Мурзаева Т.И. Вторичный переселенческий говор владимирско-поволжского типа на территории Саратовской области // *Российская фольклористика и диалектология на современном этапе*. Чебоксары : ЧГПУ, 2020. С. 137–141.
15. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // *Баранникова Л.И. Общее и русское языкознание : избранные работы*. М. : КомКнига, 2005. С. 192–203.
16. Мурзаева Т.И. Курско-орловский диалектный комплекс на территории Саратовской области // *Русская устная речь*. Саратов : Наука, 2011. С. 189–196.
17. Мурзаева Т.И. Диалектная лексика в современных говорах Саратовской области (на материале говоров с южнорусской основой) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2020. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 596–614.
18. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Русские народные говоры как национальное богатство русского народа // *Вопросы филологии*. 2013. № 3. С. 79–82.
19. Якушкина З.Н. Изучение диалектов – вопрос лингвистической безопасности // *Российская фольклористика и диалектология на современном этапе*. Чебоксары : ЧГПУ, 2020. С. 137–141.

**PROJEKT ELEKTRONICZNEGO SŁOWNIKA
POLSKICH ZWIĄZKÓW FRAZEOLÓGICZNYCH
POZBAWIONYCH SEGMENTÓW LEKSYKALNYCH**

**ПРОЕКТ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ЛИШЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СЕГМЕНТОВ**

**PROJECT OF AN ELECTRONIC DICTIONARY OF POLISH PHRASEOLOGICAL UNITS
DEVOID OF LEXICAL SEGMENTS**

© 2021

M. Podletsky

M. Подлецки

M. Podletsky

Настоящее исследование выполнено в рамках теории и практики составления электронных словарей. Система фразеологизмов, лишенных лексических сегментов, предоставляет обширный материал для исследования. В статье определена концепция электронного словаря польских фразеологических единиц, лишенных сегментов; намечена микро- и макроструктура проектируемого лексикона. Исследование может способствовать поиску ответов на вопросы о том, какие вокабулы приписывать в словаре таким фразеологизмам; каким образом оформить в словаре информацию о суперсегментных свойствах единицы и т.п.

Ключевые слова: фразеологизм; единица языка; одноязычная лексикография; переводная лексикография.

This research is carried out within the framework of the theory and practice of compiling electronic dictionaries. The system of phraseological units devoid of lexical segments provides extensive material for research. The article defines the concept of an electronic dictionary of Polish phraseological units devoid of segments; it outlines the micro- and macrostructure of the projected lexicon. The research can contribute to the search for answers to questions about which vocables to attribute to such phraseological units in the dictionary; how to formalize information about the supersegmental properties of a unit in the dictionary, etc.

Keywords: phraseology; unit of language; monolingual lexicography; translated lexicography.

W najdonioślejszych polskich teoriach frazeologicznych [1–4] programowo nie identyfikuje się i nie charakteryzuje się faktów językowych pozbawionych segmentów. Nadrzędne pojęcie operacyjne wskazanych koncepcji, tj. *związek frazeologiczny*, nakłada na obiekty znajdujące się w polu obserwacji konieczny warunek werbalności. Wskutek przyjętych założeń pomija się w opisie np. takie elementy planu *langue*, jak matryca *czyjś-i ktoś-j* ‘należący do społeczności i odpowiednik *j*’, której tekstowe realizacje mogą przyjmować w językach słowiańskich np. następujące wyrażenia: *polski Jim Carrey*, *český Elvis Presley*, *hrvatski Churchill* czy też *русский Пелé*. Paradygmatem badawczym w obrębie frazeologii pozwalającym na rejestrację nieleksykalnych i sfrazeologizowanych, tzn. nieregularnych znaczeniowo i/lub gramatycznie, składników systemu językowego jest frazeologia

operacyjna (wyrastająca z gramatyki operacyjnej [5]), której podstawy teoretyczne przedstawię skrótowo podczas wystąpienia.

Pojęciem nadrzędnym we frazeologii operacyjnej jest *matryca frazeotwórcza*, którą rozumiem jako nieregularną funkcjonalnie jednostkę języka w postaci częściowo wypełnionego leksykalnie lub pozbawionego wykładników segmentalnych schematu syntaktyczno-prozodycznego o stabilnej znaczeniowo treści, podstawowo przystosowanego do różnowartościowej – w obrębie klas substytucyjnych niezamkniętych – aktualizacji leksykalno-zakresowej w tekstach. Funkcja stałych miejsc otwartej całości (miejsc wymagających uzupełnienia komponentami leksykalnymi podczas zdarzenia komunikacyjnego) nie ogranicza się wyłącznie do przyjmowania wypełnień przewidzianych przez regularny mechanizm łączliwości.

Definicja ta wymaga uściślenia: jednostka języka to – za Bogusławskim [5] – składnik *langue*, minimalna, wzajemnie rozłączna formalnie i funkcjonalnie gotowa, bilateralna (stanowiąca połączenie formy i znaczenia) wielkość językowa, wykorzystywana do tworzenia grup składniowych i zdań. Z kolei schemat syntaktyczno-prozodyczny to schemat składniowy, czyli element postaci formalnej jednostki [6, s. 28], będący nośnikiem sensu oraz właściwością suprasegmentalnych, które są realizowane przez użytkowników języka podczas posługiwania się całością w sytuacji komunikacyjnej. Myśl o tym, że schemat syntaktyczny może być obdarzony stabilną wartością semantyczną, wyrazili m.in. Wierzbicka [7] i Stefanowitsch [8, s. 40–41]. Tak pojmowany schemat – jako inwariant – jest utrwalany w kodzie poprzez jego realizację tekstowe [9, c. 13] rzynależność tego, o kim się mówi, do określonej społeczności’ (w mowie to miejsce może więc zostać wypełnione np. wyrazami *polski, hrwatski*), z kolei zaimek *ktoś-j* symbolizuje klasę o charakterystyce ogólnej ‘fraz nominalna będąca osobową nazwą własną’ (ta pozycja może zostać zaktualizowana w akcie mowy np. rzeczownikami *Presley, Пелé*). Matryce produkują serie frazeologizmów aktualnych, co stwarza pozór wyzyskiwania systemowych reguł łączliwości leksykalno-semantycznej. W istocie miejsca otwarte np. matrycy *czyjś-i* *ktoś-j* przyjmują wypełnienia słownikowe, ale

utworzone w ten sposób syntagmy są nieregularne, tzn. noszą znamię zaburzenia łączliwości leksykalno-znaczeniowej, np. *polski Jim Carrey* to nie *Jim Carrey*, który jest Polakiem.

W trakcie wystąpienia na konferencji pragnę przedstawić koncepcję elektronicznego słownika tego typu bytów językowych (tzn. polskich związków frazeologicznych pozbawionych segmentów). Omawiając mikro- i makrostrukturę projektowanego leksykonu, postaram się odpowiedzieć na kilka szczegółowych pytań:

a) jakie wokabulary przypisywać w słowniku takim frazeologizmom?;

b) jak umieszczać w słowniku informację o suprasegmentalnych właściwościach jednostki (mowa np. o specjalnym konturze intonacyjnym całości – jedno z możliwych rozwiązań: umieszczenie wykresu uzyskanego podczas analizy widma dźwięku);

c) dlaczego warto rejestrować i charakteryzować w leksykonie międzyjęzykowe (np. rosyjskie, słowackie) nieleksykalne ekwiwalenty polskich jednostek językowych?

Ilustracje materiałowe, które zostaną pomieszczone w projektowanym słowniku, pochodzą z korpusów: Monco, Sketch Engine, Narodowego Korpusu Języka Polskiego. Do analizy widma dźwięku wykorzystam program *Praat* (nagrania zarejestrowałem w prywatnym archiwum wypowiedzi języka polskiego).

* * *

1. Bąba S. Frazeologia polska. Studia i szkice. Poznań : Poznańskie Studia Polonistyczne, 2009. 459 s.
2. Chlebda W. Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy. Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. 316 s.
3. Lewicki A.M. Studia z teorii frazeologii. Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. 322 s.
4. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Vol. 1. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1967. 790 s.
5. Bogusławski A. Towards an Operational Grammar // Studia Semiotyczne. 1978. VIII. P. 29–90.
6. Chlebda W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005. 527 s.
7. Wierzbicka A. Boys Will Be Boys: ‘Radical Semantics’ vs. ‘Radical Pragmatics’. *Language* 63. 1987. 1. P. 95–114.
8. Stefanowitsch A. Wortwiederholungen im Englischen und Deutschen: eine korpuslinguistische Annäherung // A. Ammann & A. Urdze (Eds.). *Wiederholung, Parallelismus, Reduplikation: Strategien der multiplen Strukturanwendung*, *Diversitas Linguarum*. Bochum : Brockmeyer, 2007. P. 29–45.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1980. 205 с.

Проблемы сопоставительного изучения славянских и неславянских языков

Issues Relating to Comparative Description of Slavic and Non-Slavic Languages

УДК 811.19

ОБРАЗ АРМЕНИИ В СТИХОТВОРЕНИИ «ПЕСНЯ О НАШИХ КАМНЯХ» С. КАПУТИКЯН И В ВОЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ Е. ЕВТУШЕНКО IMAGE OF ARMENIA IN THE POEM “THE SONG OF OUR STONES” BY S. KAPUTEKYAN AND ITS FREE TRANSLATION BY Ye. YEVTUSHENKO

© 2021

З.Г. Айрян

Z.G. Hayryan

Статья посвящена лирике армянской поэтессы XX века Сильвы Капутикян, известной также как публицист, переводчик, общественный деятель. С середины 50-х годов XX века поэзия Капутикян вызвала большой интерес у русских поэтов-переводчиков (Е. Николаевской, В. Звягинцевой, М. Дудина, Б. Слуцкого, Б. Ахмадулиной и др.), которые стали переводить целые циклы ее стихотворений.

Новизной, силой эмоциональной мысли поэзия Капутикян вызвала переводческий интерес у Е. Евтушенко, который с большим вдохновением стал переводить ее патриотические стихи. В своих переводах Евтушенко удалось воссоздать образ Армении, глубокие и искренние чувства поэтессы к своей стране, ее древнему и героическому народу. Большой интерес представляет перевод Е. Евтушенко стихотворения «Песня о наших камнях», где переводчик, следуя смыслу подлинника, представил Армению через образы её зачёрнённых камней, чёрных, задумчивых монастырей, которые Капутикян образно сравнила с судьбой своего народа.

Сравнительный анализ перевода и подлинника показал, что перевод Евтушенко выполнен вольно. Несмотря на некоторые отклонения, ему удалось передать смысл, стиль и интонационное богатство стиха. Это позволяет заключить, что переводчик справился со своей задачей, и его перевод оказывает большое эмоциональное воздействие на читателей. Творческий союз Евтушенко и Капутикян способствовал развитию русско-армянских литературных взаимосвязей.

Ключевые слова: перевод; патриотическая лирика; образ Армении; подлинник; анализ перевода; вольный перевод; интонационное богатство стиха; эстетическая функция; русско-армянские литературные связи.

The article focuses on the lyrics of the Armenian poet of the 20th century, Silva Kaputikyan, also known as a publicist, translator, public figure. Since the mid-50s of the 20th century Kaputikyan's poetry has aroused great interest among Russian poets-translators (E. Nikolaevskaya, V. Zvyagintseva, M. Dudin, B. Slutsky, B. Akhmadulina, etc.), who began to translate entire cycles of her poems.

With the novelty, the power of emotional thought, Kaputikyan's poetry aroused professional interest in Ye. Yevtushenko, who with great inspiration began to translate her patriotic poems. In his translations Yevtushenko managed to recreate the image of Armenia, the poetess' deep and sincere feelings for her country, its ancient and heroic people. Of great interest is the translation of E. Yevtushenko's poem “The Song of Our Stones”, where the translator, following the meaning of the original, presented Armenia through images of its sooty stones, black, brooding monasteries, which Kaputikyan figuratively compared with the fate of her people.

A comparative analysis of the translation and the original showed that Yevtushenko's translation was made in a free way. Despite some deviations, he managed to convey the meaning, keep the style and prosodic features of the verse. This allows us to conclude that the translator coped with his task, and his translation has a great emotional impact on readers. The creative union of Yevtushenko and Kaputikyan contributed to the development of Russian-Armenian literary contacts.

Keywords: translation; patriotic lyrics; image of Armenia; original; translation analysis; free translation; prosodic features of the verse; aesthetic function; Russian-Armenian literary contacts.

В наше время переводоведение – развита гуманитарная дисциплина. Основные принципы и методы переводческого искусства были сформулированы такими теоретиками перевода, как В. Брюсов [1], И. Кашкин [2], В. Комиссаров [3], А. Федоров [4] и др. В их теоретических трудах были выделены основные критерии оценки качества перевода: «адекватность», «эквивалентность», «полноценность», «равноценность», «конгениальность» и т.д. При определении качества перевода следует учитывать наиболее распространенные его виды, встречающиеся в творчестве многих поэтов-переводчиков, – буквальный и вольный. Так, буквальный перевод выполняется пословно, не нарушает норм ПЯ и не искажает содержание оригинала; вольный перевод, напротив, означает искажения в тексте, введение того, чего не было в оригинале, но и он не ведет к нарушению норм ПЯ [5, с. 200].

Требования к качеству перевода определяются жанрово-стилистической принадлежностью оригинала и перевода, прагматическими факторами, а также целями и задачами переводчика, обусловленные той исторической эпохой, когда осуществлялся перевод. Совокупность требований к качеству перевода называется нормой перевода.

И. Левый так писал о норме перевода: «Нормы следует, разумеется, брать исторически: в процессе развития изменяется их конкретное содержание и их иерархия. В процессе развития воспроизводящего искусства имеют значение две нормы: норма воспроизведения (т.е. критерий верности, постижения) и норма художественности (критерий красоты). Таким образом, основная эстетическая антиномия в переводе со стороны технической представляется как противоречие между так называемой переводческой точностью и вольностью. К сторонникам метода “точного” (или, лучше сказать, дословного) перевода отнесем тех переводчиков, которые считают своей главной целью точное воспроизведение оригинала; к сторонникам “вольного” (или, вернее, адаптационного) перевода – тех, кто заботится прежде всего о красоте, т.е. об эстетической и идейной близости к чи-

тателю, о том, чтобы в результате перевода на другом языке возникло подлинное художественное произведение» [6, с. 92].

Следовательно, оценка качества перевода является комплексной; при ней учитываются переводческие нормы, а также степень выполнения переводом присущих ему функций.

Цель настоящего исследования – провести анализ стихотворения Сильвы Капутикян в переводе Е. Евтушенко и выявить достоинства перевода методом сопоставительного анализа, сочетающего литературоведческий и лингвистический подходы.

Значимым для нашего исследования является феномен русско-армянских литературных взаимосвязей, рассматриваемый в работах Л. Мкртчяна [7–11], З.Г. Айрян [12–15], которые указывали, что поэзия Армении покорила русских поэтов-переводчиков разнообразием тем, интеллектуальностью, глубиной мысли и чувств, которые своими корнями уходят в далекое прошлое. Отмечалось, что русские переводчики второй половины XX – начала XXI столетия обращались к творчеству армянских поэтов разных эпох: Ов. Туманяна, Ав. Исаакяна, В. Терьяна, Е. Чаренца, Г. Эмина, С. Капутикян и др. [12, с. 82].

Предварим сопоставительный анализ сопоставительному анализу перевода и подлинника несколькими замечаниями о поэзии Сильвы Капутикян.

Произведения С. Капутикян вобрали лучшие традиции армянской поэзии, под влиянием которой был сформировано творчество поэтессы. Ее патриотическая, гражданская, любовная лирика отразила ее нравственные и эстетические принципы, гражданскую позицию, глубокую народность, искренность мыслей и чувств поэтессы, высший гуманизм, философичность, богатство и самобытность ее поэтического языка. С особым патриотическим чувством она воспевала свою родину, ее героическое прошлое, светлое грядущее. Автор свыше 60 книг, С. Капутикян внесла колоссальный вклад в развитие и обогащение армянской поэзии и армянской литературы в целом.

Творчество С. Капутикян получило признание не только в Армении, но и в России. Одним из первых русских поэтов, оценивших ее поэтический талант С. Капутикян, был Павел Антокольский, указавший на силу и новизну поэзии начинающей поэтессы. По этому поводу М. Матусовский писал: «П. Антокольский своим точным взглядом мастера, умного воспитателя поэтической молодёжи сумел оценить незаурядный дар армянской поэтессы. Это окрылило Сильву и помогло поверить в свои силы» [16, с. 6]. Впоследствии произведения С. Капутикян переводили на русский язык такие известные русские поэты, как Е. Николаевская, В. Звягинцева, Б. Окуджава, М. Дудин, М. Петровых, В. Потапова, М. Светлов, И. Снегова, Е. Матусовский, Л. Мартынов, А. Вознесенский, Б. Слуцкий, Эд. Балашов, Б. Ахмадулина, Евг. Евтушенко и др.

В. Звягинцева, работая над переводами лирики Капутикян, воспринимала Армению как древнюю и сакральную, гордую и захватывающую страну, любовь к которой она пронесла через всю свою жизнь. Характери-

зую поэзию Капутикян, она писала: «Ее стих – это голос страны с трагической историей и несказанными печалью в прошлом, голос страны неиссякаемого жизнелюбия, давшей миру прославленных полководцев и великих ученых, замечательных зодчих, живописцев, музыкантов и поэтов» [17, с. 139].

Лирика Капутикян вызвала интерес и у русского поэта-переводчика Евгения Евтушенко. В переводах патриотической лирики Сильвы Капутикян Евтушенко воссоздал образ Армении, глубокие и искренние чувства поэтессы к своей стране, ее героическому и стойкому народу.

В стихотворении «Песня о наших камнях» Капутикян представила образ Армении через её закопчённые камни, чёрные, задумчивые монастыри, которые она образно сравнила с судьбой своего народа. Стихотворение проникнуто верой поэтессы в будущее своей страны, где камни, спавшие веками, выбились из мглы и своим новым цветом слились с цветом весны.

ԵՐԳ ՄԵՐ ԲԱՐԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Սև են եղել ու մութ մեր շենքերը դարեր,
Մեր վանքերը խոհուն, տաճարները համակ.
Օ՛, սևագոռնիք քարեր, օ՛, սևավոռնիք քարեր,
Սուգերով լի քարեր
Ավերների միջին, արյունների միջին,
Երբ կերտել ենք համառ ու փնտրել ձև,
Դուք եք եղել թարգման մեր սևակնած սրտին,
Դուք եք եղել հարմար բախտին մեր սև:
Օ՛, խաչքարեռնի տխուր՝ շիրիմներին քաշված,
Մատուռների քարեր, քարեր վանքի.
Դուք՝ ծնկաչոք հայի աղոթքներից մաշված,
Դուք՝ մոմերի մրից սև՝ կրկնակի:
Մինչ խորքերում հողի քարեր կային վառման,
Քարեր կային զվարթ, հազարագույն,
Մոխիրներում թաղված անթեղների նման,
Սրտերի մեջ փակված հույսի հանգույն...

Օ՛, ծիրանիք քարեր, օ՛, վարդագոռնիք քարեր,
Յասամանիք քարեր, ձնծաղիկի.
Դուք՝ խնդույթուն, պահված հողերի տակ դարեր,
Դուք՝ գետնի տակ սանձած կարոտ կյանքի,
Դուք եք հորդել հիմա մեր դարավոր սրտից,
Ճեղքած մռայլը հին՝ ելել եք վեր,
Սյուն-սյուն շատրվանել հողի խորունկ շերտից,
Կամար-կամար շուքով ծիածանվել,
Ծաղիկների՝ գույնի, ծաղիկների՝ նման
Բարի ժպտում եք դուք լույսին, մարդուն,

Ո՞ր հողի տակ ուրիշ կյանք ու գույն կա այսօրան,
Դարեր հուն չգտած ուրախություն:
Հավատում եմ հոգով բախտին ժողովրդիս,
Նրա աստղը պիտի պայծա՛ն փայլի այնպես,
Այնքան խորո՛ւնկ պիտի նրա խինդը հորդի,
Որ դուք իսպա՛ն ելնեք արևերես:
Որ դուք՝ ձեր քարակոփ հայերենով անմեռ,
Լրիվ ձայնով հաստեք հավերժը մեր կյանքի.
Օ՛, ծիրանի՜~ քարեր, օ՛, վարդագո՛ւյն քարեր,
Յասամանի՜~ քարեր, ձնձաղիկի... (1957) [18, p. 89]

В переводе Евг. Евтушенко стихотворение звучит так:

Черны монастыри задумчивые,
и храмы древние черны,
и проступают в них измученные
моей Армении черты.
О камни траурные, чёрные
полов,
и потолков,
и стен,
захватанные,
закопчённые,
со вмятинами от колен!
А где-то праздничные, разные,
забившись тихо в уголки,
в земле таились камни радости,
как бы под пеплом угольки.

О камни, спавшие веками
и время знавшие суровое!
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились –
вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
на землю,
к людям вырвались –
и стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние
под цвет весенних наших дней,
и вся судьба моей Армении,
как и судьба её камней!
Своими добрыми руками
их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые! [19, с. 61]

Сравнивая перевод с подлинником, видим, что Евтушенко перевел его несколько вольно, однако ему удалось приблизиться к стилю и интонации стиха.

Стихотворение Капутикян состоит из 36 строк, Евтушенко же несколько сжал и по смыслу объединил некоторые его строки,

в результате чего представил перевод из 33 строк.

В переводе, как и в подлиннике, использована перекрёстная рифмовка со схемой **а б а б**, которая строфически повторяется, что и усиливает ритм стихотворения:

а б а б
в г в г
д е
ж
д е

В подлиннике, создавая образы камней, Капутикян воспользовалась такими эпитетами, как *սևադեղին*, *սևադեղին*, *սևադեղին*, *սևադեղին* (оттенки черного цвета) и трижды *սև* (черный). Евтушенко трижды использует слова с корнем *черн-*

(*черны, черны, черные*), а остальных случаях прибегает к другим, но схожим по смыслу эпитетам (*траурные камни, за-*

копченные камни), что способствует передаче смысла стихотворения и воссозданию образов камней.

Следуя смыслу подлинника и особенностям поэтического языка С. Капутикян, Евтушенко для передачи смысла произведения и эмоций поэтессы использовал разнообразные метафоры, олицетворения (*спавшие камни, задумчивые монастыри, время пробудило* и др.).

Переводчик несколько вольно передал те строки подлинника, где С. Капутякян описывает камни во время разгрома

Подлинник:

Ավերների միջին, արյունների միջին,
Երբ կերտել ենք համառ ու փնտրել ձև,
Դուք եք եղել թարգման մեր սևակնած սրտին,
Դուք եք եղել հարմար բախտին մեր սև:

Подстрочный перевод:

Средь разрушений, средь крови,
Когда возводили и настойчиво искали вид,
Вы были выразителями нашего почерневшего сердца,
Вы были подобны судьбе нашей черной.

Перевод:

О камни траурные, чёрные
полов,
и потолков,
и стен,
захватанные,
закопчённые,
со вмятинами от колен!

Как видно из этого фрагмента, переводчиком упущена важная мысль поэтессы – образное сопоставление судьбы своего народа и черных камней, которые были сходны с почерневшими от горя сердцами.

Евтушенко же передал смысл этого отрывка несколько вольно. Однако, воспользовавшись такими метафорами, как *О камни траурные, чёрные/ ... /захватанные/, закопченные/, со вмятинами от колен!*, он также воссоздал трагическое

Подлинник:

Սյուն-սյուն շարքանել հողի խորունկ շերտից,
Շամար-կամար շուքով ծիածանվել,
Ծաղիկների~ գույնի, ծաղիկների~ նման
Ո՞ր հողի տակ ուրիշ կյանք ու գույն կա սյւրբան,
Դարեր հուն չգտած ուրախություն:

Подстрочный перевод:

Колоннами как фонтаны под землей глубокой,
Колоннами – колоннами празднично радужные,
Цветов цвета, как цветы
Улыбаются добром вы луне, людям,
Под какой землей столько жизни и цвета есть столько?
Веками они не нашедшие радости.

Перевод:

Наверх,
на землю,
к людям вырвались –
и стало радостней земле!

Сопоставление показывает, что Е. Евтушенко при переводе этого фрагмента несколько изменил его смысл: он опустил те

строки, где поэтессой были описаны улыбающиеся камни, которые веками не знали радости, и заменил их следующими: *к лю-*

прошлое Армении, где *черным, траурным камням* пришлось стать свидетелями тяжелой судьбы народа.

Сопоставительный анализ показал, что переводчиком несколько вольно представлена и концовка стихотворения. В ней поэтесса с чувством оптимизма описывает, как камни, подобно разноцветным цветкам, заулыбались свету и человеку, знаменуя собой жизнь. Сравним:

строки, где поэтессой были описаны улыбающиеся камни, которые веками не знали радости, и заменил их следующими: *к лю-*

ням вырвались / и стало радостней земле!, которые также знаменуют собой начало новой жизни, в которых также ощущается оптимизм поэтессы, её вера в счастливое грядущее своей страны.

Одна из главных заслуг перевода Евтушенко – воссоздание стилистической формы подлинника до мельчайших деталей, что и позволило передать чувства армянской поэтессы.

В заслугу переводчика можно поставить сохранение многочисленных повторов оригинала, например: слова: *քարեր* (13 раз) – камни (8 раз), *դուր քր եղևի* (в седьмом и восьмом стихах) переданы посредством повторяющегося союза *և* в тех же строках; сохранен и повтор начала и концовки второй строфы: *հողերի տակ... հողի շերտից* Евтушенко передал как *из мглы – во мгле, а ծաղիկները~ գույնի, ծաղիկները~ նվաճի* – как *цвета весенние... под цвет весенних дней*.

Перевод Евтушенко выполняет коммуникативную, познавательную, эстетическую функции. Он производит на читателя то же сильное художественное впечатление, что и подлинник. В нем ощущается дух армянской поэтессы, с оптимизмом верящей в светлое и мирное будущее своей страны.

Таким образом, можно заключить, что перевод Евтушенко, несмотря на некоторые вольности, исчерпывающе передает смысловое и стилистическое содержание подлинника и является полноценным соответствием ему, на первичную необходимость чего в своих работах указывали А. Федоров [20], И. Левый [6], В. Сдобников и О. Петрова [5] и другие теоретики перевода. Евтушенко удалось передать глубину содержания, богатую ритмику, которая присущи поэтическому почерку С. Капутикян. Его пе-

Не страшен вольный перевод.
Ничто не вольность, если любишь,
но если музыку погубишь,
все мысли это перевертёт.
Я не за ловкость шулеров, –
и за поэтов правомочность.

ревод достойно представил патриотическую лирику и творческую индивидуальность поэтессы.

Итак, сопоставительный анализ показал, что задача переводчика была выполнена им на должном уровне, перевод по праву можно признать творческим отражением подлинника, его «портретом». Исходя из сказанного можно утверждать, что перевод Евтушенко является образцом вольного перевода, который соответствует подлиннику по смыслу, стилю, а также экспрессивной окраске.

Давая оценку анализируемому переводу, мы исходили из следующего высказывания Д. Самойлова: «Сравнивать нужно не строку со строкой, а стихотворение со стихотворением. Именно тогда станет ясно, постиг ли переводчик интонационный строй стиха, воплотил ли его идею, воссоздал ли особенности формы».

При этом надо охватить стихотворение в целом и решить, воссоздано ли главное – мысль, интонация, эмоциональный колорит, а потом уже добиваться сходства в деталях» [21, с.18].

Характеризуя поэтический перевод, Евтушенко в статье «Осязание слухом» справедливо писал: «Поэзия – это всегда перевод с тёмного, запутанного, сбившегося подстрочника собственной души, и в этом смысле любой поэт – переводчик. Абсолютно точный перевод языка души на язык слов столь же невозможен, как и опасен слишком вольный перевод – он чреват тем, что от первоизданности души ничего не остаётся. Но что же делать? Идеально – слово как высшая форма чувства» [22, с. 253].

Свои переводческие принципы Евтушенко охарактеризовал в стихотворении «О переводах», в котором восклицал:

Есть точность жалких школяров,
но есть и творческая точность.
Себя школярством не стесни!
Побольше музыки, свободы!
Я верю лишь в одни стихи,
не верю в просто переводы [23, с. 230].

Оценивая достоинства переводов Евтушенко, Е. Сидоров писал: «В переводах как бы возрождается, продлевает жизнь важное свойство его натуры, с годами нередко уходящее из собственного творчества. В переводах он “возвращается” к идеальному в себе. И потому слова Евтушенко о том, что порой переводы ему дороже собственных стихотворений, не лишены прав-

ды, пусть и не осознанной им до конца» [24, с. 94].

Итак, служение поэзии, сплав личного и общественного, вера в человека и в жизнь объединили двух талантливых поэтов – Евгения Евтушенко и Сильву Капутикян. Их творческий союз дал новый толчок развитию переводческого искусства, развитию русско-армянских литературных взаимосвязей.

* * *

1. Армянская поэзия в переводах В.Я. Брюсова / под ред. А. Инджикяна. Ереван : Армянское гос. изд-во, 1956. 319 с.
2. Кашкин И. Для читателя-современника : статьи и исследования. М. : Советский писатель, 1968. 558 с.
3. Комиссаров В. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 233 с.
4. Федоров А. Основы общей теории перевода. М. : Высшая школа, 1983. 303 с.
5. Сдобников В., Петрова О. Теория перевода. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 200 с.
6. Искусство перевода. М. : Прогресс, 1974. 192 с.
7. Мкртчян Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX–XX вв. Ереван : Айастан, 1968. 465 с.
8. Мкртчян Л. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван : Советакан грох, 1987. 437 с.
9. Мкртчян Л. Для человека ход времени печален... Штрихи к портрету М. Дудина. Ереван : ЕГУ, 1992. 98 с.
10. Мкртчян Л. Дом с открытыми окнами. Ереван : Хорурдаин грох, 1989. 344 с.
11. Мкртчян Л. Анна Ахматова: жизнь и переводы. Егвард, 1992. 90 с.
12. Айрян З. Искусство поэтического перевода в творчестве русских поэтов II пол. XX – нач. XXI века (на примере армянской поэзии). Ереван : GSM STUDIO, 2012. 300 с.
13. Айрян З.Г. Ашугская поэзия Саят-Новы в русских переводах // Научный диалог. 2016. № 3(51). С. 132–145.
14. Айрян З. Г. Любовная лирика Геворка Эмина в переводах Веры Звягинцевой // Научный диалог. 2017. № 3. С. 82–91.
15. Айрян З. Г. Языковые и стилистические особенности поэзии Ованеса Туманяна в переводах А. Тарковского и Б. Ахмадулиной // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8, № 1(26). С. 67–77.
16. Матусовский М. Предисловие // Капутикян С. Избранные произведения. В 2 т. М. : Художественная литература, 1978. Т. 1. Стихи. С. 5–7.
17. Звягинцева В. Кланяюсь Еревану и Арапату. Ереван : ЕГУ, 1998. 182 с.
18. Շապուտիկյան Ս. Երկերի ժողովածու երեք հատորով. Երևան. Սովետական գրող. 1984. Հ. 1. 543 էջ. : (на армянском языке).
19. Капутикян С. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихи. М. : Художественная литература, 1978. 438 с.
20. Федоров А. Основы общей теории перевода. М. : Высшая школа, 1983. 303 с.
21. Самойлов Д. Сравнение перевода с оригиналом // Редактор и перевод : сборник статей. М. : Книга, 1965. С. 17–22.
22. Евтушенко Е. Талант есть чудо неслучайное. М. : Советский писатель, 1980. 253 с.
23. Евтушенко Е. Стихотворения и поэмы. В 3 томах. Т. 1. М. : Советская Россия, 1987. 230 с.
24. Сидоров Е. Евгений Евтушенко: личность и творчество. М. : Знание, 1987. 194 с.

**О ДЕРИВАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
НОВЕЙШИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ**

(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ СМИ И ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

**ON THE DERIVATIONAL POTENTIAL
OF THE MOST RECENT ENGLISH LOANWORDS
IN THE RUSSIAN AND CROATIAN LANGUAGES
(BASED ON MASS MEDIA TEXTS AND INTERNET FORUMS)**

© 2021

Н. Зоричич

N. Zorichich

В условиях глобализации, виртуализации общественной жизни, интернационализации информационной и коммуникационной сфер английский язык играет роль глобального языка межкультурного общения, о чем свидетельствует и значительное увеличение числа заимствований английского происхождения, непрерывно входящих в языковую систему русского и хорватского языков. В данный момент появление и употребление англицизмов особенно частотно в публицистическом и разговорном стилях, а также в языке сетевой коммуникации. Как известно, в процессе заимствования иноязычное слово подвергается определенным процессам освоения на различных уровнях с целью дальнейшего интегрирования в лексическую систему принимающего языка. В настоящее время процессы формальной и семантической адаптации англицизмов протекают не поэтапно, а синхронно и с большой скоростью, в связи с чем большинство новейших англоязычных заимствований непосредственно включается не только в морфологическую, но и в словообразовательную систему обоих славянских языков. В статье на основе сопоставительного анализа словообразовательной активности новейших англоязычных заимствований в русском и хорватском языках выявляются основные сходства и различия, касающиеся самых продуктивных типов аффиксального словопроизводства существительных, глаголов и прилагательных от лексем английского происхождения в языке современных российских и хорватских СМИ и в языке сетевой коммуникации. Делается вывод, что англоязычные заимствования активно выступают в качестве основы в словопроизводстве новых дериватов по исконно русским и хорватским словообразовательным моделям, в результате чего создаются целые ряды производных слов, составляющих постоянно пополняющиеся словообразовательные гнезда. Данный факт, несомненно, свидетельствует, с одной стороны, о коммуникативной востребованности и актуальности названных производными англицизмами предметов и явлений, а с другой стороны – о высокой степени ассимиляции определенных слов английского происхождения в принимающем языке.

Ключевые слова: русский язык; хорватский язык; язык современных СМИ; язык интернет-коммуникации; англицизмы; заимствования из английского языка; словообразование; деривационные процессы; аффиксация; суффиксация; префиксация; экспрессивно-оценочные дериваты; словообразовательные гнезда.

In the context of globalization and virtualization of the social, information and communication spheres, English plays an important role as the language of global intercultural communication, as evidenced by the significant increase in the number of English loanwords constantly entering into the language system of Russian and Croatian. Anglicisms are currently particularly frequently attested and used in the publicistic style, in the spoken language and in the language of electronically mediated intercultural communication. As is well known, during borrowing a foreign word is subject to specific adaptation processes at different levels (orthographic, phonological, morphological, semantic), in order to facilitate its further integration in the lexical system of a given recipient language. As a result of the intensive and massive influence of the English language on Russian and Croatian, at present the processes of formal and semantic adaptation do not occur gradually, but rather simultaneously and with unprecedented speed. As a consequence, the majority of recent loanwords from English are thus very rapidly included not only in the morphological system, but also in the word formation system of both Slavic languages. Based on a comparative analysis of the degree of derivational potential of the most recent Anglicisms in contemporary Russian and Croatian mass media texts and in the language of electronically mediated intercultural communication, in the present paper the main similarities and differences regarding the formation of nominal, verbal and adjectival derivatives from English loanwords by affixation are revealed. It is concluded that English loanwords actively participate in the formation of new derivatives according to specifically Russian and Croatian word-formation models. As a result, entire sets of derived lex-

emes are formed, constituting particularly complex and constantly expanding derivational families. This fact is an evidence, on the one hand, of the communicative relevance of the objects and phenomena denoted by the given Anglicisms and, on the other hand, of the high degree of integration of specific English loanwords into the recipient language.

Keywords: Russian language; Croatian language; contemporary mass media language; language of the Internet; Anglicisms; English loanwords; word-formation; derivational processes; affixation; suffixation; prefixation; expressive derivatives; derivational families.

Радикальные перемены в социально-экономической, политической, культурной и языковой ситуации, происходящие на рубеже XX–XXI веков как в России, так и в Хорватии, обусловлены в числе прочего актуальными тенденциями виртуализации общественной жизни, интернационализации информационно-коммуникационной сфер. В эпоху глобализации английский язык приобрел статус глобального языка межкультурного общения, о чем свидетельствует и значительное увеличение числа англоязычных заимствований, постоянно входящих в языковую систему русского и хорватского языков. Несмотря на то что англицизмы непрерывно проникают во все функциональные стили обоих этих языков, они, несомненно, более частотны в публицистическом и разговорном стилях, а в настоящее время также в языке сетевой коммуникации [1, с. 33–34 ; 2, с. 115 ; 3, с. 179, 203–204 ; 4, с. 67 ; 5, с. 74 ; 6, с. 57 ; 7, с. 87–89].

Как известно, постоянно изменяющийся язык современных СМИ оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения, эстетических вкусов и оценок, норм поведения, а также языковых навыков, становясь главным средоточием процессов номинации и деривации. В динамичном информационном пространстве Интернета особенно интенсивно реализуется словообразовательная креативность журналистов [8, с. 7, 9–10, 13 ; 9, с. 20 ; 1, с. 34 ; 10, с. 15 ; 11, с. 7 ; 12, с. 35 ; 13, с. 36 ; 6, с. 64 ; 7, с. 87–89]. Как отмечает Е.И. Коряковцева, «массмедиа, диктующие как социокультурные, так и языковые моды, влияют на общественную престижность не только отдельных лексем, но и целых словообразовательных типов, являясь основными “поставщиками” неологизмов, неозаимствований, интернационализмов и гибридных неодериватов, новых

словообразовательных формантов и моделей» [8, с. 37].

Таким образом, так называемый *Netspeak*, т.е. язык Интернета, представляет особенно интересный вид коммуникации, поскольку, имея свойства как письменной, так и устной речи, не может считаться простым их гибридом [14, с. 28 ; 15, с. 58–60, 64–65 ; 16, с. 36, 49 ; 17, с. 150–151 ; 18, с. 89–90, 92]. Кроме того, как отмечает Д. Кристал, сетевой язык характеризуется высокой степенью креативности и оригинальности. Скорость и частотность, с которой в настоящее время пользователи образуют новые производные, является беспрецедентной [14, с. 67].

Как известно, при переходе в языковую систему языка-реципиента иноязычное слово подвергается определенным процессам освоения на различных уровнях. В своих исследованиях, проведенных в рамках современной теории контактной лингвистики и посвященных процессам адаптации англоязычных заимствований в русском и хорватском языках, Р. Филипович [19–21] различает, с одной стороны, изменения, относящиеся к так называемой *первичной адаптации* (т.е. процессы, происходящие на орфографическом, фонологическом, морфологическом и семантическом уровнях на начальном этапе освоения иноязычных слов), а с другой стороны – изменения, относящиеся к так называемой *вторичной адаптации* (т.е. процессы, которые касаются прежде всего морфологического и семантического уровней и происходят уже после того, как заимствование вполне интегрировалось в лексическую систему принимающего языка).

Следует, однако, отметить, что в текущий период, характеризующийся интенсивным и масштабным влиянием англий-

ского языка на русский и хорватский языки, процессы формальной (фонетической, графической и грамматической) и семантической адаптации протекают не столько последовательно и поэтапно, сколько синхронно [22, с. 157–158]. Таким образом, новейшие англицизмы, в том числе и заимствования, не (полностью) интегрированные в систему принимающего языка (особенно это касается орфографического и фонологического уровней), в большинстве случаев непосредственно включаются не только в морфологическую, но и в словообразовательную систему обоих славянских языков. Как отмечает М.В. Радченко, «[у]скоренный характер словообразовательной адаптации заимствованных слов приводит к тому, что иноязычный неологизм активно включается в процессы деривации и становится производящим словом для новых лексических единиц. В русском и в хорватском языках на базе новых заимствованных слов образуются многочисленные производные» [6, с. 57 ; см. также : 8, с. 67–68 ; 9, с. 19–20 ; 11, с. 8 ; 22, с. 157–158, 205 ; 23, с. 252 ; 24, с. 160–162 ; 25, с. 67–68 ; 26, с. 39–44 ; 27, с. 349, 353–354 ; 28, с. 179–184 ; 29, с. 12].

По мнению исследователей, англоязычные заимствования могут иметь разный словообразовательный потенциал – высокий и низкий, на что влияют как экстралингвистические (актуальности определенного предмета и явления, коммуникативная востребованность слова и т.д.), так и внутриязыковые факторы (фонетический облик слова, его протяженность, структура, (не)склоняемость и т.д.) [23, с. 252–254 ; 25, с. 93, 109]. По словам А.И. Дьякова, «[а]нглицизмы, ставшие производящей базой для всех основных русских частей речи, несомненно, обладают высокой словообразовательной активностью» [23, с. 255].

Как известно, при словообразовательном освоении новейших англоязычных заимствований как в русском, так и в хорватском языках самым частотным способом образования от основ английского происхождения существительных, глаголов и при-

лагательных является аффиксация [1, с. 35–36 ; 2, с. 97–98 ; 5, с. 75–76 ; 6, с. 57–58, 63 ; 8, с. 67–68 ; 9, с. 19, 21 ; 11, с. 8, 21 ; 23, с. 252–255 ; 24, с. 160–162 ; 26, с. 39–44 ; 27, с. 349, 353–354 ; 30, с. 10–16 ; 31, с. 227, 256–277, 294–297, 305–310].

Основываясь на всем вышесказанном, мы посчитали интересным провести в настоящей статье сопоставительное исследование степени словообразовательной активности новейших англоязычных заимствований в русском и хорватском языках с целью выявления сходств и различий, касающихся самых продуктивных типов аффиксального словопроизводства существительных, глаголов и прилагательных от лексем английского происхождения в языке современных российских и хорватских СМИ и сетевой коммуникации.

Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки из электронных средств массовой информации и интернет-форумов и блогов на русском и хорватском языках за период с 2008 года до настоящего времени. Собранный и проанализированный нами языковой материал, относящийся к русскому языку, состоит из 728 основных лексических единиц английского происхождения и 3157 их дериватов, а относящийся к хорватскому языку – из 1176 основных лексических единиц английского происхождения и 4247 их дериватов.

В обоих исследуемых славянских языках наблюдается активное образование на базе заимствованных из английского языка лексем агентивных существительных. В данном процессе особенно продуктивными являются русские суффиксы -ист, -щик, -анин, -арь, -тель, -иц(а), -к(а) и хорватские суффиксы -aš, -ovac, -janeg, -ic(a), с помощью которых постоянно образуются, с одной стороны, наименования лиц мужского пола, с другой стороны – наименования лиц женского пола от основ субстантивов мужского пола. Например:

рус. *селфи* (< англ. *selfie*) + *-ист* > *селфист* + *-к(а)* > *селфистка*, *Инстаграм* (< англ. *Instagram*) + *-щик* > *инстаграмщик* + *-иц(а)* > *инстаграмищица*, *Фейсбук*

(< англ. *Facebook*) + -анин > *фейсбучанин* + -к(а) > *фейсбучанка*, *лайк* (< англ. *like*) + -арь > *лайкарь*, *лайк* + -(а)тель > *лайкатель*, *трендсеттер* (< англ. *trendsetter*) + -к(а) > *трендсеттерка*, *инфлуенсер* + -к(а) > *инфлуенсерка*, *фэшиониста* (< англ. *fashionista*) + -к(а) > *фэшионистка*;

хорв. *Tinder* (< англ. *Tinder*) + -aš > *tinderaš* + -ic(a) > *tinderašica*, *Twitter* (< англ. *Twitter*) + -ovac > *twitterovac*; *selfi* + -janer > *selfijaner*, *influencer* + -ic(a) > *influencerica*, *bloger* (< англ. *blogger*) + -ic(a) > *blogerica*, *trendsetter* + -ic(a) > *trendsetterica*, *fashionista* + -ic(a) > *fashionistica*.

См.: рус. *Друзья мои, контактовыцы, фейсбучане и фейсбучанки, инстаграмеры и инстаграмицицы, твиттеряне! Настало время сделать что-то хорошее* (Sluchaem.ru, 11.12.18); *На Урале инстаграмицик заплатит 30 тысяч за фейковый пост про коронавирус – его сдал друг* (Newdaynews.ru, 23.04.20); *Лайкарь-террорист, Мамин принц и Старбой: 9 типов мужчин* (Sobaka.ru, 04.12.17); хорв. *Volite svoje obline, ali i modu? Ovih 8 fashionistica moglo bi vas inspirirati* (Grazia.hr, 20.06.20); *Najveća je prednost "selfjanera" što preko svojih objava žive u svijetu bez barijera, cijeli im je planet tržište za njihove ideje, fotografije, bilo što...* (Zadarski.SlobodnaDalmacija.hr, 04.03.19).

Кроме того, для обоих славянских языков характерно образование от глаголов английского происхождения при помощи сходных суффиксов -ниј(е) // -nj(е) отвлеченных существительных. Например:

рус. *свайпать* + -ниј(е) > *свайпание*, *фриковать* + -ниј(е) > *фрикование*, *блогировать* / *блоговать* + -ниј(е) > *блогирование* / *блогование*, *трешовать* + -ниј(е) > *трешование*, *хайповать* + -ниј(е) > *хайпование*, *фейковать* + -ниј(е) > *фейкование*, *забанивать* (< англ. *to ban*) + -ниј(е) > *забанивание*;

хорв. *blendati* (< англ. *to blend*) + -nj(e) > *blendanje*, *selfati* / *selfirati* + -nj(e) > *selfanje* / *selfiranje*, *blurati* (< англ. *to blur*) + -nj(e) > *bluranje*, *boostati* (< англ. *to boost*) + -nj(e) > *boostanje*, *hajpati* + -nj(e) > *hajpanje*, *fejkatati* + -nj(e) > *fejkanje*, *svajpati* + -nj(e) >

svajpanje, *fr(i)endzon(e)ati* / *fr(i)endzonirati* + -nj(e) > *fr(i)endzontanje* / *fr(i)endzontaniranje*, *blogati* + -nj(e) > *bloganje*, *lajkati* + -nj(e) > *lajkanje*, *(un)followati* (< англ. *to (un)follow*) + -nj(e) > *followanje* / *unfollowanje*, *seenati* (< англ. *seen*) + -(a)nj(e) > *seenanje*, *control freakati* (< англ. *control freak*) / *kontrol(-) frikati* + -nj(e) > *control freakanje* / *kontrol-frikanje* / *kontrolfrikanje*.

См.: рус. *Случившееся на этой неделе тотальное забанивание президента США Дональда Трампа в соцсетях породило изрядной силы волну комментариев* (Business.gazeta.ru, 17.01.21); *Также эксперты предполагают, что велминг – результат свайпания всех кандидатов подряд и без разбора, даже тех, которые не нравятся* (Medialeaks.ru, 28.01.20); хорв. *Konstantno vidim po društvenim mrežama hajpanje ove serije i ne kužim u čemu je fora?* (Reddit.com/croatia, 13.04.20); *I naposljetku, trik s bluranjem kože za svjež i baršunast izgled* (Fashion.hr, 23.03.16).

Анализ собранного нами языкового материала показывает, однако, что образование подобных отвлеченных существительных чаще наблюдается в хорватском языке. В связи с этим считаем важным отметить, что в языке современных российских СМИ широко распространена тенденция образования гибридных процессуальных имен с помощью англоязычного суффикса -ing (-инг) на основе исконно русских единиц (в том числе и существительных, не имеющих процессуальной семы). Высокая частотность образования данных гибридных дериватов, обладающих способностью «выполнять в медиатекстах и публичной речи каламбурные и полемико-иронические функции» [8, с. 86], во многом ускоряет процессы «деэкзотизации и морфемизации заимствованных англицизмов с финалью «-ing»» [8, с. 86], о чем свидетельствуют и данные из нашего языкового корпуса. В языке современных хорватских СМИ подобная тенденция не замечена.

Кроме того, в обоих славянских языках наблюдается образование абстрактных существительных от прилагательных путем

присоединения русских суффиксов -от(а), -ость и хорватского суффикса -ost:

рус. *криповый* + -от(а) > *крипота*; *криповый* + -ость > *криповость*, *хайповый* + -ость > *хайповость*, *фриковый* + -ость > *фриковость*, *трешовый/трэшловый* + -ость > *трешовость* / *трэшловость*, *фейковый* + -ость > *фейковость*, *хайповатый* + -ость > *хайповатость*, *криповатый* + -ость > *криповатость*, *трешоватый* / *трэшловатый* + -ость > *трешоватость* / *трэшловатость*, *фейковатый* + -ость > *фейковатость*;

хорв. *trešav* + -ost > *trešavost*, *frikav* + -ost > *frikavost*, *fejkev* + -ost > *fejkevost*, *trešast* + -ost > *trešastost*, *frikast* + -ost > *frikastost*.

См.: рус. *Крипота* по-новосибирски: самые страшные места родного города (Journal.n1.ru, 31.10.20); Сейчас в модельном бизнесе ценятся две вещи – *personality* и *хайповость* (Vogue.ru, 08.09.18); Мне казалось, что в Шурике должна быть какая-то *фриковатость* и он должен попадать в разные неуклюжие ситуации (M24.ru, 22.08.14); хорв. *Pa da. U tome je cijela poanta. I u povremenoj namjernoj glupavosti i trešavosti. Daje dodatni šarm. A ne smeta prići* (Forum.hr, 08.04.13); *Darače, čak neke žene naglašavaju toju normalnost i kako im je to veća fora od frikastosti i kompliciranosti većine drugih ljudi* (Forum.hr, 17.12.20).

В языке как современных российских и хорватских СМИ, так и сетевой коммуникации в словопроизводстве все интенсивнее развивается процесс жаргонизации, о чем свидетельствует и значительное увеличение числа именных дериватов, созданных от слов английского происхождения с помощью русских и хорватских суффиксов субъективной оценки, выражающих дополнительное эмоционально-экспрессивное значение [4, с. 65–69; 10, с. 8–12, 16–17, 32; 12, с. 34–35; 26, с. 32–39; 32, с. 15, 17–18; 33, с. 323; 35, с. 565; 36, с. 10–12; 34, с. 44–45].

По нашим наблюдениям, особенно продуктивными являются следующие поливалентные русские и хорватские суффиксы,

активно употребляющиеся в словопроизводстве именных дериватов с разными деривационными значениями, среди которых особенно частотны стилистически маркированные существительные с пейоративным, неодобрительным значением (выражающие, например, иронию, уничижение, презрение, пренебрежение и т.д.) [12, с. 34–35; 32, с. 55–57; 37, с. 100–102, 130–131; 356–357]: -ицн(а), -иш(а), -ух(а) // -арош, -иш(а), -ар(а), -ул(а), -ац(а). Например:

рус. *блогер* + -ицн(а) > *блогерица*, *Инстаграм* + -ицн(а) > *инстаграмица*, *инфлюенсер* (< англ. *influencer*) + -иш(а) > *инфлюенсерша*, *Ютубер* (< англ. *YouTube*) + -иш(а) > *ютуберша*, *блогер* + -ух(а) > *блогеруха*, *фрик* + -ух(а) > *фрикуха*;

хорв. *lajk* + -арош > *lajkaroš*, *fejke* + -арош > *fejkaroš*, *bloger* + -иш(а) > *blogerušica*, *Instagram* + -иш(а) > *instagramuša*, *selfi* + -иш(а) > *selfuša*, *fejke* (< англ. *fake*) + -ар(а) > *fejkarica*, *treš* + -ар(а) > *trešarica*, *frik* (< англ. *freak*) + -ул(а) > *frikulja*, *krip* (< англ. *creep*) + -ул(а) > *kripulja*, *selfi* + -ац(а) > *selfača*.

См.: рус. *Блогерша* хотела попить инстаграм, а вышла антиреклама. Пригорело у всех поколений до динозавров (буквально) (Medialeaks.ru, 12.08.20); *Непопулярная улица. Когда же эта блогерица и инстаграмица закончится. Пишите уж лучше “улица на окраине краснаярска”* Тоже не сахар, конечно, но лучше :) (Newslab.ru, 25.04.19); хорв. *znas ono kak pomislis na to uopce? nikad od mene instagramuše ni selfuše* (Forum.hr, 29.05.19); *Meteo fejkare za nedjeljnu razbibrigu – Večernji i 24 sata* (Meteadriatic.net, 15.11.20).

Нередкими являются также субстантивные дериваты, образованные путем присоединения к англоязычной основе русских и хорватских увеличительных и уменьшительно-ласкательных суффиксов, как например: -ицн(е)-, -ик, -ечек/-ичек, -ишк(а)/-ишк(а) // -чин(а), -иц, -ац. Например:

рус. *хайп* + -ицн(е) > *хайпице*, *блогер* + -ицн(е) > *блогерице*, *аутфит* (< англ. *outfit*) + -(ч)ик > *аутфитчик*, *блог* + -ик > *бложик*,

блог + -ичек/-ечек > *бложичек/бложечек*, *селфи* + -ушк(а) > *селфушка*;

хорв. *krip* + -čina > *kripcina*, *hajp* + -čin(a) > *hajpčina*, *outfit* + -ić > *outfitić*, *hajp* + -ić > *hajpić*, *frik* + -ić > *frikić*, *fejk* + -ić > *fejkić*, *selfi* + -ić > *selfić*, *selfi* + -ać > *selfać*. (Здесь следует сделать два замечания: 1) производные существительные с суффиксом -(č)in(a) могут обладать разными словообразовательными значениями, среди которых аугментативное (выражение неодобрения, иронии, презрения) – одно из самых частотных [см.: 32, с. 61 ; 37, с. 252–259]; 2) диминутивно-гипокористическая семантика суффикса -ić способствовала его жаргонизации; с его помощью регулярно образуется большое количество дериватов, относящихся к очень широкому спектру сфер [см.: 32, с. 53 ; 37, с. 196–200].)

См.: рус. *А вот набрал тысячи подписчиков, вещаешь для них, зарабатываешь на рекламе и вообще ушел на ТВ, так это, говоря языком МТС, уже не блогер, а БЛОГЕРИЩЕ* (Katiartseva.ru, 13.01.20); *Вы случаем не офисный планктончик, постите сюда из уютного бложечка? Аж раздражает...* (Forum.tr.ru, 21.05.13); хорв. *Sada je trendi fotkanje „selfie from teretana“ gdje su velika ogledala koja tamo za selfić fotkom i tako svako malo izlazi slikica koja poziva na lajkanje* (Emedimurje.net, 18.06.14); *Možda su brutalne slučajnosti, možda je brutalna kripčina iza profila* (Crol.hr/forum, 11.10.16).

Как отмечают Т.Б. Радбиль и Л.В. Рацибурская, «[a]ктивизация размерно-оценочного словообразования не только в разговорной речи, но и в медийных текстах объясняется усилившейся в последние десятилетия тенденцией СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста» [12, с. 35]. Субстантивные диминутивы, образованные при помощи размерно-оценочных суффиксов, в определенных случаях могут также употребляться не столько с целью подчеркивания аффективного оттенка или незна-

чительного размера, сколько с целью выражения иронии и пренебрежения [12, с. 35].

Анализ исследуемого нами языкового материала показывает также тенденцию к активному образованию глагольных дериватов на основе слов, заимствованных из английского языка (в том числе не только глаголов, но и существительных) при помощи русских суффиксов -у(ть) и, реже, -ова(ть) и хорватских суффиксов -а(ti) и, реже, -ира(ti). Например:

рус. *блур* + -у(ть) > *блурить*, *френдзон* + -у(ть) > *френдзонить*, *хейт* (< англ. *to hate*) + -у(ть) > *хейтить*, *хайп* + -у(ть)/-овать > *хайпить/хайповать*, *фейк* + -ова(ть) > *фейковать*, *крип* + -ова(ть) > *криповать*;

хорв. *lajk* + -а(ti) > *lajkati*, *hendl* (< англ. *to handle*) + -а(ti) > *hendlati*; *hejt* + -а(ti) > *hejtati*, *selfi* + -а(ti)/-ира(ti) > *selfati/selfirati se*, *influencer* + -а(ti) > *influncati*, *hajp* + -а(ti) > *hajpati*, *frik* + -а(ti) > *frikati*, *treš/trash* + -а(ti) / -ира(ti) > *trešati/trashati* / *treširati/trashirati*, *fejk* + -а(ti) / -ира(ti) > *fejhati* / *fejkirati*, (*un*)follow (< англ. *to (un)follow*) + -а(ti) > *followati* / *unfollowati*.

См.: рус. *Какой мотив движет людьми, которые регулярно создают негативные посты или «хейтят» других пользователей?* (AiF.ru, 26.09.19); *Френдзонить* или *пощадить*: как правильно обращаться с бывшим (Cosmo.ru, 31.01.19); хорв. *Jedini komad iz njezine beauty-kolekcije koji stvarno lajkamo je njezina Classic paleta sjenila* (Cosmopolitan.hr, 02.06.20); *Njega će žene obožavati: „Svatko tko je imalo sposoban može hendlati i ljubav i karijeru“* (Dnevnik.hr, 10.09.18).

Большинство глагольных дериватов, мотивированных англицизмами, считаются – по крайней мере на начальной стадии – двувидовыми. Однако в результате массового и стремительного проникновения англоязычных заимствований в лексическую систему обоих исследуемых славянских языков все чаще от исходных производных глаголов формируются многочисленные перфективные глаголы, с одной стороны, с по-

мощью русского суффикса *-ну(ть)* (а также его разговорного варианта *-ану(ть)*) и хорватского суффикса *-ну(ти)*, с другой стороны – путем префиксации. Среди префиксальных глаголов наблюдается значительное число дериватов, созданных путем присоединения русских и хорватских приставок со значением способа глагольного действия, что является еще одним свидетельством интеграции и концептуального освоения англоязычного слова [26, с. 40–41 ; 30, с. 15–16, 30]. Мы считаем важным подчеркнуть, что формирование перфективных производных глаголов на основе англицизмов более частотно в русском языке, чем в хорватском и что значительное количество подобных глагольных дериватов в хорватском языке зафиксировано исключительно в языке интернет-форумов и блогов. Кроме того, в собранном нами языковом материале на русском языке выявлены примеры производных глаголов несовершенного вида, образованных путем вторичной имперфективации, т.е. путем присоединения имперфективирующих суффиксов *-ыва-/ива-*, *-ва-* к мотивированным англицизмами префиксальным перфективным глаголам.

Приведем примеры глагольных дериватов:

рус. *хайп* + *-(а)ну(ть)* > *хайпануть*, *треш* + *-(а)нуть* > *трешануть*, *оф(ф)* (< англ. *off*) + *-ну(ть)* > *оф(ф)нуть*, *от-* + *фотошоп* (< англ. *to photoshop*) + *-и(ть)*, *на-* / *от-* + *селфи* + *-и(ть)* + *-ся* > *населфиться* / *отселфиться*, *про-* + *свайп* + *-а(ть)* > *просвайпать*, *на - хайп* + *-и(ть)* / *на-* / *за -* / *от-* / *рас-* + *хайп* + *-ова(ть)* + *(-ся)* > *нахайпить(ся)* / *нахайповать(ся)* / *захайповать(ся)* / *отхайповать(ся)* / *расхайповать(ся)*, *по-* + *крип* + *-ова(ть)* > *покриповать*, *по-* / *на-* + *фейк* + *-ова(ть)* > *пофейковать* / *нафейковать*, *по-* + *фрик* + *-ова(ть)* > *пофриковать*, *за-* / *от-* / *рас-* + *фоллов* + *-и(ть)* > *зафолловить* / *отфолловить* / *расфолловить* + *-ива-* > *за-* / *от-* / *расфолловливать*, *за-* / *раз-* + *бан* + *-и(ть)* > *забанить* / *разбанить* + *-ива-* > *за-* / *разбанивать*;

хорв. *svajp* + *-ну(ти)* > *svajpnuti*, *frik* + *-ну(ти)* > *friknuti*, *iz-* + *blur* + *-а(ти)* > *izblurati*, *iz-* + *selfi* + *-ира(ти)* + *se* > *izselfirati se*, *на-* + *selfi* + *-ира(ти)* + *se* > *naselfirati se*, *из-* + *blend* (< англ. *to blend*) + *-а(ти)* > *izblendati*, *за-* / *от-/од-* + *follow* + *-а(ти)* > *zafollowati* / *ot-/odfollowati*, *по-* / *за-* / *на-* / *из-* / *од-* + *lajk* + *-а(ти)* > *polajkati* / *zalajkati* / *nalajkati (se)* / *izlajkati* / *odlajkati*, *на-* + *dejt* + *-а(ти)* + *se* > *nadejtati se*, *ис-* / *на-* / *за-* / *од-* + *fejk* + *-а(ти)* > *isfejkati* / *nafejkati* / *zafejkati* / *odfejkati*, *на-* / *за-* / *од-* / *из-* / *пре-* / *по-* + *hajp* + *-а(ти)* > *nahajpati* / *zahajpati* / *odhajpati* / *izhajpati* / *prehajpati* / *pohajpati*, *ис-* / *по-* + *frik* + *-а(ти)* > *isfrikati* / *pofrikati*.

См.: рус. *Наташа Королева решила «трешануть» и сняла клип с мужем и мамой* (Cosmo.ru, 10.11.18); *Не успели мы как следует населфиться с очаровательным водопроводчиком Марио, сделанным из фанеры, как его украли* (Kluch.media.ru, 28.08.20); *Игра уже успела расхайповаться в общественности и обрела кучу просмотров на твиче* (Pikabu.ru, 02.06.20); *Что касается авторов отфотошопленных публикаций, то на страницах их профилей изменений не произойдет* (Glamour.ru, 17.01.20); хорв. *A muz radii...iako i on poceo vise oko usenja se angazirati jer sam rekla da cu friknuti ovim tempom* (Forum.roda.hr, 28.03.20); *Našla sam čovjeka koji mi odgovara od prvog dejta, od kada je sve išlo glatko i spontano, ali sam se prilično načekala i nadejtala dok se to nije dogodilo* (SlobodnaDalmacija.hr, 10.04.11); *Razluči da su ovi imali samo maketu koja se koturala nizbrdo i to uspjeli nafejkati na 13 milijardi dolara* (M.bug.hr/forum, 21.09.20); *Pa nije da radim hajku, imam mob, ali kvaliteta kamera nije tako dobra s obzirom na to koliko je izhajpan* (Forum.pcekspert.com, 27.11.18).

Кроме существительных и глаголов, в обоих славянских языках продуктивно на основе заимствований из английского языка производство относительных прилагательных – с помощью русских суффиксов *-н-*, *-ов-/ев-* и, реже, *-ск-*, *-овск-/евск-*, *-ебелн-* и хорватских суффиксов *-ав-*, *-ск-*, *-овск-* и, реже, *-ičan*, *-abilan*. Например:

рус. *Инстаграм* + *-н(ый)* > *инстаграмный*, *нюд* (< англ. *nude*) + *-ов(ый)* > *нюдовый*, *треш* / *трэш* + *-ов(ый)* > *трешовый* / *трэшловый*, *фейк* + *-ов(ый)* > *фейковый*, *хайп* + *-ов(ый)* > *хайповый*, *фрик* + *-ов(ый)* > *фриковый*, *инсайдер* (< англ. *insider*) + *-ск(ий)* > *инсайдерский*, *Инстаграм* + *-ебельн(ый)* > *инстаграмебельный*;

хорв. *krip* + *-av* > *kripav*, *treš/trash* + *-av* > *trešav* / *trashav*, *frik* + *-av* > *frikav*, *influencer* + *-sk(i)* > *influencerski*, *hype/hajp* (< англ. *hype*) + *-ovsk(i)* > *hypeovski/hajpovski*, *instagram* + *-(i)an* > *instagramičan*, *instagram* + *-(abil)an* > *instagramabilan*.

См.: рус. *Харизматичная тиктокерша специально для зрителей «МУЗ-ТВ» расскажет о самых хайповых и трендовых треках из челленджей платформы* (Cosmo.ru, 04.12.20); *Криповые тиктоки: зачем их снимают и почему их смотрят* (Kub.media.ru, 22.07.20); *При желании можно заезжать на любой пляж, любой мыс или гору и будут отличные инстаграмебельные виды* (Livejournal.com, 09.07.19); хорв. *Ostanite uvjereni. Živite u tom vašem frikavom uvjerenju* (Teen385.dnevnik.hr, 22.02.14); *Ako se na slici vidis u oversized sivom dzemperu, halva je odma 3 koplja instagramabilnija* (Forum.hr, 16.01.18).

Из анализа нашего языкового материала следует, однако, что подобные производные прилагательные образуются чаще в русском языке. В хорватском же языке значительно более широко распространено употребление аналитических, несклоняемых прилагательных английского происхождения (напр. *cool*, *nude*, *hot*, *oversize*, *casual*, *stylish*, *statement*), от которых нередко, несмотря на отсутствие синтетической формы сравнительной степени, формируется синтетическая форма превосходной степени путем присоединения к несклоняемой основе приставки «*naj-*» (напр. *najcool*, *najseksi*, *najtrendi*, *najcreepy*, *najhot*). См.: рус. *Костюм в стиле бизнес-кэжуал – это удобная брючная пара с широким пиджаком оверсайз* (Cosmo.ru, 24.12.19); хорв. *Međutim, vizažisti su ove godine klasiku zamijenili trendom koji će nositi*

u velikoj mjeri, a radi se o dramatičnom, odnosno statement eyelineru (Gloria.hr, 15.04.19); *Želim te posvojiti' – zvijezda serijala o Harryju Potteru doživjela najcreepu upad fana ikad* (Teen385.dnevnik.hr, 15.11.18).

Подобным образом, как отмечает Е.В. Маринова, в последнее время в русском языке наблюдается градуальное увеличение относительно молодого класса аналитических прилагательных английского происхождения. Эти неизменяемые прилагательные, чьи синтагматические возможности постоянно расширяются, все активнее конкурируют с регулярно склоняемыми прилагательными [25, с. 70].

Отметим, что большинство слов данного класса принадлежит к группе так называемых *полифункциональных*, т.е. выступающих в роли разных частей речи слов [25, с. 70]. Данный факт – следствие того, что, хотя при переходе в языковую систему русского и хорватского языков в большинстве случаев англоязычные заимствования сохраняют частеречную принадлежность, но наблюдаются отдельные случаи так называемой «контактной транскатегоризации» [38, с. 253], т.е. межъязыковой конверсии частей речи при заимствовании. Одним из самых частотных видов конверсии, особенно в русском языке, является субстантивация аналитических прилагательных английского происхождения [28, с. 182]. Ср.: рус. *Только, пожалуйста, не путайте прямой крой с оверсайзом, последний подразумевает под собой вещи на несколько размеров больше вас* (AiF.ru, 23.07.19); *В тренде будет практически все – от нежного нюда до графичных стрелок и ярких помад* (Cosmo.ru, 13.12.16); хорв. *Prevladavale su duge ljetne haljine, kombinezoni i bluze, a ljubiteljice casuala oduševila je nosivost i jednostavnost predstavljenih kreacija* (Večernji.hr, 30.03.13).

Анализ собранного языкового материала показывает, что в обоих исследуемых славянских языках прилагательные, образованные от английских основ путем суффиксации, могут служить основой для создания прилагательных, обозначающих приблизи-

тельность, слабую степень, неполноту проявления признака, названного производящей базой, с помощью отчасти сходных суффиксов субъективной оценки *-оват(ый)* и *-ast*. (Е.А. Земская обращает внимание на тот факт, что в русском языке производные с суффиксом *-оват-* образуются только от качественных прилагательных, означающих цвет, ощупь, вкус, меру и вид, вес, физические и нравственные недостатки [см. 31, с. 204–205]. В хорватском языке таких ясных семантических ограничений в присоединении суффикса *-ast* к производящим основам, не существует [см. 37, с. 478, 484–495 ; 39, с. 299–301].) Например:

рус. *хайповый* + *-оват(ый)* > *хайповатый*, *трешовый/трэшловый* + *-оват(ый)* > *трешоватый* / *трэшловатый*, *криповый* + *-оват(ый)* > *криповатый*, *фейковый* + *-оват(ый)* > *фейковатый*, *фриковый* + *-оват(ый)* > *фриковатый*, *трендовый* + *-оват(ый)* > *трендоватый*;

хорв. *trešav* / *trashav* + *-ast* > *trešast* / *trashast*, *frikav* + *-ast* > *frikast*, *kripav* + *-ast* > *kripast*, *fejkev* + *-ast* > *fejkast*.

Следует отметить также образование наречий, мотивированных данными специфическими отприлагательными дериватами. Например:

рус. *хайповатый* + *-о* > *хайповато*, *трешоватый* / *трэшловатый* + *-о* > *трешовато* / *трэшловато*, *криповатый* + *-о* > *криповато*, *фейковатый* + *-о* > *фейковато*, *фриковатый* + *-о* > *фриковато*;

хорв. *trešast* / *trashast* + *-o* > *trešasto* / *trashasto*, *frikast* + *-o* > *frikasto*, *fejkast* + *-o* > *fejkasto*. Что касается хорватского языка, как прилагательные, так и наречия употребляются прежде всего в языке интернетской коммуникации.

См.: рус. *Ещё не факт, что эти Хроники выстрелят. Уж больно трешловатый синопсис вырисовывается* (Kg.portal.ru, 06.11.18); *Хотите взглянуть? Введите хэштег #featherbrow (#featherbrows). Вуаля! Перед вами – фриковатые и откровенно трешовые вариации этого тренда* (Elle.ru, 28.04.17); *Сильно хайповато заявлено, но в бюджет полюбасу не уложится*

(tvisterrmr1.livejournal.com, 11.03.20); *«Выглядит криповато»: уральцы не оценили куклы Брежневки и Рожкова из «Уральских пельменей»* (Ural.kp.ru, 20.12.19); хорв. *Ovaj bend je dokaz da se i u 2018. godini može svirati rock koji nije trešast, kilav i dosadan i koji ne davi ponavljanjem matrica iz 70-ih nego donosi nešto svježije i novo* (Huknet1.hr, 26.08.18); *Ove druge dvije opcije su mi malo kripaste, pa to probaj izbjeći* (Forum.hr, 01.10.13); *A kakva je serija, ne znam. Izgleda teen i trashasto po traileru, no možda provjerim koju epizodu u budućnosti* (Reboot.hr/forum, 03.11.15); *Burning man mi nekako fejkasto djeluje, nije to to* (Forum.hr, 16.10.18).

На основе сопоставительного исследования нам удалось выявить основные сходства и различия, касающиеся самых продуктивных в языке современных российских и хорватских СМИ и интернет-коммуникации словообразовательных типов при аффиксальном производстве дериватов от лексем английского происхождения. Анализ собранного языкового материала показал, что определенные новейшие англицизмы как в русском, так и в хорватском языках особенно активно выступают в качестве производящей базы для образования новых существительных, глаголов, прилагательных, а также наречий по исконно русским и хорватским словообразовательным моделям (Что касается именно указанных в данной работе примеров, среди самых продуктивных заимствований английского происхождения можно выделить, например, *selfie*, *creep*, *fake*, *freak*, *trash*, *hype*). Таким образом, в обоих исследуемых языках на основе англоязычных заимствований создаются целые ряды производных слов, составляющих постоянно пополняющиеся сложные и разнообразные словообразовательные гнезда, что, несомненно, свидетельствует, с одной стороны, о коммуникативной востребованности и актуальности названных производящими англицизмами предметов и явлений, а с другой стороны – о высокой степени ассимиляции определенных слов английского происхождения в принимающем языке.

На наш взгляд, как в русском, так и в хорватском языках особенно интересно создание глагольных дериватов, а также образование производных существительных, прилагательных и наречий путем присоединения к англоязычной основе русских и хорватских суффиксов субъективной оценки. В связи с этим появляются требующие дальнейших изысканий вопросы, например, причины параллельного образова-

ния относительно сходных вариантов, различия и совпадения в их значении и в частотности употребления, возможное устранение вариантности и, что касается исключительно глагольных дериватов, принадлежность к определенному классу спряжения и проблема функционирования в соответствии с грамматическими правилами, регулярно применяемыми к исконным глаголам принимающего языка, и проч.

* * *

1. Коряковцева Е.И. «Глобанглизация» и словообразовательные неологизмы – русские, польские и чешские субстантивы-экспрессивизмы // *Globalizacja a języki słowiańskie = Globalization and Slavic languages* / E. Koriakowcewa (red. nauk.). Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. С. 32–45.

2. Muhvić-Dimanovski V. Neologizmi: problemi teorije i primjene. Zagreb : Filozofski fakultet, Zavod za lingvistiku FF-press, 2005. 133 s.

3. Nikolić-Hoyt A. Hrvatski u dodiru s engleskim jezikom. // *Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima. Prilagodba posudenica* (ur. Sočanac, L., et al.). Zagreb : Nakladni zavod Globus, 2005. S. 179–205.

4. Рацибурская Л.В. Интернациональные элементы в российском медийном словообразовании в эпоху глобализации // *Globalizacja a języki słowiańskie = Globalization and Slavic languages*. E. Koriakowcewa (red. nauk.). Siedlce : Wyd. Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. С. 67–76.

5. Радченко М.В. Активные процессы в словообразовании современного русского и хорватского языков // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 11–12. С. 74–79.

6. Радченко М.В. Иноязычные элементы в словообразовании современного русского и хорватского языков // *Globalizacja a języki słowiańskie = Globalization and Slavic languages* / E. Koriakowcewa (red. nauk.). Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. С. 57–65.

7. Sočanac L. Studije o višjezičnosti. Zagreb : Nakl. Zavod Globus, 2010. 232 s.

8. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ. Siedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2016. 152 с.

9. Коряковцева Е.И. Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // *Globalizacja a języki słowiańskie = Globalization and Slavic languages* / E. Koriakowcewa (red. nauk.). Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. С. 11–31.

10. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие. М. : Флинта, 2017. 160 с.

11. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М. : Флинта, 2015. 180 с.

12. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // *Мир русского слова*. 2017. № 2. С. 33–39.

13. Своеобразие лексических новообразований в русском и хорватском медиатексте / Маркова Е.М. [и др.]. Московский государственный областной университет. 2017. № 1. С. 36–39.

14. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 272 p.

15. Лутовинаова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки*. 2008. № 11(71). С. 58–65.

16. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты) : монография. М. : РУДН. 2008. 436 с.

17. Алтухова Т.В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации // *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 1. С. 150–154.

18. Прокофьева А.В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенностях его языковой организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 85–96.
19. Filipović R. Teorija jezika u kontaktu. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Školska knjiga, 1986. 324 s.
20. Filipović R. Anglizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku: porijeklo, razvoj, značenje. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Školska knjiga, 1990. 336 s.
21. Filipović R., Menac A. Engleski element u hrvatskome i ruskom jeziku. Zagreb : Školska knjiga, 2005. 78 s.
22. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка : учебное пособие. М. : Флинта, 2013. 296 с.
23. Дьяков А.И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке // Вестник науки Сибири. 2012. № 4(5). С. 252–256.
24. Ермакова Е.Н., Прокутина Е.В. Словообразовательные возможности англицизмов в современном русском языке // Вестник Челябинского педагогического университета. Филологические науки. 2016. № 10. С. 159–163.
25. Маринова Е.В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст : коллективная монография. Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 65–149.
26. Радбиль Т.Б. Словообразовательное освоение заимствований современным русским языком сознанием: лингвокультурологический аспект // Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов : коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М. : Флинта : Наука, 2018. С. 11–53.
27. Субботина М.В. Тенденция к интернационализации и современные деривационные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3(1). С. 349–355.
28. Воробьева С.В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Московского государственного университета. Сер. 1. Филология. 2009. № 5(42). С. 178–186.
29. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т. 1. № 2(1). С. 5–14.
30. Радбиль Т.Б. Активные процессы в грамматике и прагматике современного русского языка как отражение русской языковой картины мира // Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии : коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 7–34.
31. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Флинта : Наука, 2011. 328 с.
32. Bugarški R. Žargon. Lingvistička studija. Beograd : Biblioteka XX vek, 2003. 180 s.
33. Плотникова Л.И. Лексические новообразования в русском языке: разноаспектный анализ // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований : коллективная монография / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильцова. Майкоп : Магарин О.Г., 2017. С. 304–324.
34. Рацибурская Л.В. Активные деривационные процессы как отражение языковой картины мира // Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии : коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 35–49.
35. Радбиль Т.Б. Окказионализмы на базе неолексемы хайп в контексте проблемы словообразовательного освоения инокультурных концептов // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения»/ гл. ред. М.Н. Русецкая. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 565–570.
36. Земская Е.А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени // Acta Neophilologica, VIII. 2006. С. 9–21.
37. Babić S. Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku. Zagreb : HAZU – Nakladni Zavod Globus, 2002. 619 s.
38. Štebih B. Morfološka adaptacija posuđenica // Suvremena lingvistika. 2008. 66, № 2. S. 243–259.
39. Marković I. Uvod u jezičnu morfologiju. Zagreb : Nakl. Disput, 2012. 556 s.

**НОВЕЙШИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В ОБЛАСТИ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(РУССКО-ЧЕШСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

**LATEST ANALYTICAL ADJECTIVES IN SPORTS TERMINOLOGY
(RUSSIAN-CZECH COMPARATIVE ASPECT)**

© 2021

Л. Плесник

L. Plesnik

В статье рассматривается вопрос об аналитических прилагательных, точнее о новейших формах аналитических прилагательных, в области спортивной терминологии. В начале статьи представлены определение термина, указаны его основные особенности. Внимание уделяется спортивной терминологии, причем подчеркивается факт, что развиваются новые виды спорта, спорт становится всё более профессиональным, на что лексический состав языка реагирует, пополняясь новыми терминологическими единицами. Названы две основные особенности спортивной терминологии: динамика развития данного пласта лексики и приток иноязычных терминов. Несмотря на значительную роль стандартных греко-латинских компонентов, все время возрастает количество терминоэлементов английского происхождения. Именно такого рода лексические единицы образуют большую часть аналитических прилагательных в области современной спортивной терминологии. В статье рассматриваются новейшие аналитические прилагательные данного типа. В качестве примеров приводятся многочисленные лексические конструкции, содержащие аналитическое прилагательное, причем примеры на русском языке сопоставлены с соответствующими эквивалентами на чешском языке. На основе представленного анализа делается вывод о том, что в русском языке компоненты аналитических прилагательных фиксируются на письме при помощи дефисного написания; в чешском же языке на их месте преобладают полные изменяемые формы имен прилагательных, образованные в подавляющем большинстве случаев на основе словообразовательных элементов английского языка.

Ключевые слова: аналитическое прилагательное; аналитическая конструкция; термин; особенности термина; терминологический элемент; спортивная терминология; заимствование; заимствованное слово; сопоставительный аспект; русский язык; чешский язык; английский язык.

The article discusses the issue of analytical adjectives, more precisely about the latest forms of analytical adjectives, in the field of sports terminology. At the beginning of the article, the definition of the term is presented, its main features are indicated. Attention is paid to sports terminology, and the fact is emphasized that new sports are developing, sports are becoming more and more professional, to which the lexical composition of the language reacts, replenishing with new terminological units. Two main features of sports terminology are named: the dynamics of the development of this layer of vocabulary and the influx of foreign language terms. Despite the significant role of standard Greco-Latin components, the number of term elements of English origin is constantly increasing. It is this kind of lexical units that form most of the analytical adjectives in the field of modern sports terminology. The article deals with the latest analytical adjectives of this type. Numerous lexical constructions containing an analytical adjective are given as examples, and examples in Russian are compared with the corresponding equivalents in Czech. On the basis of the presented analysis, it is concluded that in the Russian language the components of analytical adjectives are fixed in writing using hyphenated spelling; in the Czech language, in their place, full changeable forms of adjectives prevail, formed in the overwhelming majority of cases on the basis of derivational elements of the English language.

Keywords: analytical adjective; analytical construction; term; features of the term; term element; sports terminology; borrowing; borrowed word; comparative aspect; the Russian language; the Czech language; the English language.

Лексика терминологического характера, с одной стороны, представляет собой устойчивую систему слов, с другой стороны, являясь неотъемлемой частью языковой системы, непрерывно пополняется

и расширяется за счет новых лексических единиц. Такого рода явление, без сомнений, наблюдается в последнее время почти во всех сферах человеческой деятельности, в том числе в обла-

сти спорта, точнее в области спортивной терминологии.

Лексические новообразования спортивной терминологии разнообразны. В результате процесса неологизации появляются номинации, образованные на базе корней или основ английского языка. Среди них имеют место лексические единицы, относящиеся к классу аналитических прилагательных (далее АП).

Центральным понятием любой терминологической системы является понятие «термин». В.М. Лейчик определяет термин как «лексическую единицу определенного языка для специальных целей, обозначающую общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [1, с. 32]. Лингвистические словари современного русского языка называют основные особенности термина, к числу которых относятся: 1) системность; 2) наличие специального определения; 3) тенденция к однозначности в пределах своего терминологического поля; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность (Н.В. Васильева [2], Т.В. Жеребило [3, с. 402], А.М. Молдован [4, с. 771]). Следует отметить, что «эти свойства термина реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои системные и дефинитивные характеристики – детерминологизируется» [4, с. 771]. Такого рода особенности характерны и для терминов области спорта, образующих таким образом специальную тематическую область спортивной терминологии.

Прежде чем затронуть вопрос о спортивной терминологии, необходимо вкратце отметить, что в течение последних десятилетий значительно вырос интерес к активному образу жизни, т.е. к спорту вообще. Люди начали массово увлекаться спортом, вести здоровый образ жизни и заботиться о своем физическом состоянии. Наряду с этим развиваются новые виды спорта, спорт становится всё

более профессиональным, на что соответственно реагирует лексический состав языка, пополняясь новыми терминологическими единицами. Как отмечает Г.М. Асаналиева, «в силу того и наш словарный запас в последние годы постоянно пополняется новой спортивной лексикой. Спортивная терминология является одной из самых активно развивающихся терминологий современного русского языка. <...> Не вызывает сомнений, что спорт – это специализированная область деятельности, требующая адекватной языковой оснащённости. Таким образом, спортивная лексика относится к сфере профессионально ограниченной, и правомерно считать спортивные наименования терминами» [5, с. 108].

С этим согласны авторы толкового словаря-справочника «Терминология спорта» А.Н. Блеер, Ф.П. Суслов и Д.А. Тышлер, которые указывают динамику развития в числе двух основных особенностей спортивной терминологии. По их мнению, несмотря на то что терминология в общем смысле слова характеризуется устойчивостью, терминология разных видов спорта постоянно обновляется – как в соответствии с развитием спорта в целом, так и в связи с совершенствованием языка. «С возникновением новых явлений в физической культуре и спорте, с ростом спортивного мастерства, с появлением новых элементов и соединений, с изменением правил соревнований появились и, естественно, будут появляться и новые термины для их обозначения» [6, с. 4].

Другой основной особенностью спортивной терминологии авторы словаря называют приток иностранных терминов. Данное явление берет начало в популярности многих новых видов спорта, в появлении новых спортивных дисциплин. С одной стороны, возвращаются первоначальные названия, названия старинных игр или национальных видов спорта (*борьба на кулаках, гандбол, греко-римская борьба*), с другой стороны, появляются абсолютно новые терминологические номинации, которых раньше в языке спорта не было (*брейк-данс, зорбинг, скейтбординг*). Несмотря на то, что в роли стандартных терминологических элементов в области спортивной терминологии все время принима-

ют активное участие морфемы греко-латинского происхождения, ставшие интернациональными компонентами, которые полностью приняты во всех европейских языках [7, с. 48], появляются термины, образованные на базе корней или основ английского языка.

Исследование спортивной терминологии новейшего времени показывает, что многочисленные термины по форме являются АП. Такого рода лексические единицы представляют собой неизменяемые слова, выступающие в функции определяющего компонента по отношению к главному слову. Теоретическое обоснование АП дано уже в конце 1960-х – начале 1970-х годов в работах М.В. Панова [8, с. 154–156 ; 9, с. 240–253]. Следует отметить, что в современной лингвистике сформировались широкое и узкое понимание АП. При широком понимании АП рассматриваются в качестве несклоняемых атрибутивных компонентов, представленных, как правило, префиксоидами и греко-латинскими терминологическими элементами, тогда как при узком понимании АП объясняются в качестве несклоняемых прилагательных, выступающих как самостоятельные лексические единицы, выделяющиеся как графически автономные слова [10, с. 37]. Описывая класс АП, мы исходим из общего определения Е.В. Мариновой, которая отмечает, что «аналитическим прилагательным считается неизменяемая языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному» [11, с. 628].

Следует подчеркнуть, что трудность в описании этого класса слов связана и с тем, что в плане выражения АП вполне могут совпадать с существительными (*рок-группа – слушать рок*), вследствие чего подобные случаи можно рассматривать как процесс конверсии. Е.В. Маринова указывает, что «регулярность конверсии “существительное →

аналитическое прилагательное” является проявлением усилившейся на рубеже XX–XXI вв. тенденции к аналитизму. Многие исследователи отмечают также интернациональность, точнее универсальность, самой модели, представляющей собой сочетание двух существительных (с формально не выраженной грамматической связью между ними), одно из которых служит определением другого. Во многих языках мира есть подобная модель» [11, с. 629].

Итак, цель настоящей статьи – определить новейшие терминологические элементы спортивной терминологии современного русского языка, относящиеся к классу АП, дать обзор АП данной терминологической области, указать соответствующие примеры конструкций с АП и представить их в сопоставительном русско-чешском плане.

В целях исследования мы создали базу языковых данных на материале «Словаря новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой [12] и «Современного словаря иностранных слов» Л.П. Крысина [13].

Ниже представлен обзор АП, входящих в новейшие спортивные термины русского языка. С целью более наглядного анализа мы их разделили на четыре лексико-семантические группы, а именно:

1) АП водных видов спорта – *виндсерф...*, *дайв...*, *дайвинг...*, *кайт...*, *каяк...*, *серф...*;

2) АП лыжных видов спорта – *джиб...*, *карв...*, *сноуборд...*, *фрирайд...*;

3) АП экстремальных видов спорта – *бейс...*, *дрифт...*, *зорб...*, *скейт...*, *скейтборд...*, *экстрим...*;

4) АП общего характера – *воркаут...*, *коуч...*, *фитнес...*

В рамках каждой лексико-семантической группы указаны отдельные АП и соответствующие им примеры аналитических конструкций, которые подобраны на материале Национального корпуса русского языка [14] и Чешского национального корпуса (Český národní korpus) [15]. Все примеры представлены в русско-чешском сопоставительном плане.

Первая лексико-семантическая группа включает АП водных видов спорта:

– **виндсерф...** – ‘относящийся к виндсерфу’ (от англ. *windsurf* < *wind* ‘ветер’, *surf* ‘скользить по волнам’), спортивному снаряду для виндсерфинга в виде доски с укрепленной на ней свободно вращающейся мачтой с парусом: *виндсерф-клуб, виндсерф-лагерь, виндсерф-марафон, виндсерф-туризм, виндсерф-школа* // *windsurfingový klub, windsurfingový tábor, windsurfingový maraton, windsurfingová turistika, windsurfingová škola*);

– **дайв...** – относящийся к дайву (от англ. *dive* ‘ныряние’), единичному акту погружения в воду в процессе дайвинга: *дайв-инструктор, дайв-квалификация, дайв-страховка, дайв-центр, дайв-экспедиция* // *instruktor potápění, osvědčení k potápění, pojištění k potápění, potápěcí centrum, potápěcí expedice*);

– **дайвинг...** – относящийся к дайвингу (от англ. *diving* < *dive* ‘нырять, бросаться в воду, погружаться’), погружению с аквалангом под воду на длительные промежутки времени в целях изучения подводного мира или для развлечения: *дайвинг-магазин, дайвинг-сезон, дайвинг-снаряжение, дайвинг-сообщество, дайвинг-тур* // *obchod s potápěcími potřebami, potápěcí sezóna, potápěcí výstroj, potápěcí spolek, potápěcí exkurze*);

– **кайт...** – относящийся к кайту или к кайтингу и кайтерам (от англ. *kite* ‘воздушный змей’); кайт – парашют для кайтинга, называемый также воздушным змеем и выпускаемый в нескольких модификациях, одна из которых известна как аэрофойл: *кайт-зрелище, кайт-клуб, кайт-снаряжение, кайт-фестиваль, кайт-школа* // *kitesurfingová podívaná, kitesurfingový klub, kitesurfingové vybavení, kitesurfingový festival, kitesurfingová škola*);

– **каяк...** – относящийся к каяку или каякингу (от англ. *kayak* ‘одноместная лодка’); каяк – современная одноместная (реже двухместная) спортивная лодка из пластмассы или полиэтилена: *каяк-двушка, каяк-клуб, каяк-слалом,*

каяк-фестиваль, каяк-экстрим // *dvoumístný kajak, kajakový klub, kajakový slalom, festival kajakových sportů, kajakový extrémní sport*);

– **серф...** – ‘относящийся к серфу или к серфингу и серферам’ (от англ. *surf* ‘скользить по волнам’ – спортивный снаряд для серфинга, виндсерфинга или скайсерфинга в виде доски специальной формы, обычно с килями): *серф-движение, серф-место, серф-соревнование, серф-станция, серф-школа* // *surfingový pohyb, místo pro surfing, surfingový závod, surfingová základna, surfingová škola*).

Вторая лексико-семантическая группа включает в себя АП лыжных видов спорта:

– **джиб...** – относящийся к джиббингу (от англ. *jib* ‘поворачиваться, вертеться’) дисциплине некоторых видов спорта, в том числе сноубординга, основанной на скольжении по различным поверхностям с выполнением акробатических трюков: *джиб-парк, джиб-подвиг, джиб-снаряд, джиб-трюк, джиб-фигура* // *jibbingový areál, jibbingový kousek, jibbingové vybavení, jibbingový trik, jibbingová figura*;

– **карв...** – относящийся к карвингу (от англ. *carve* ‘вырезать, резать’), технике управления лыжами или спортивными досками в повороте, основанной на ведении обеих лыж или доски на канте (резаное ведение) во всех фазах поворота; *карв-катание, карв-поворот, карв-слалом, карв-стадион, карв-съезд* // *carvingové lyžování, carvingový oblouk, carvingový slalom, carvingový stadion, carvingový sjezd*;

– **сноуборд...** – ‘относящийся к сноуборду или к сноубордингу и сноубордерам’ (от англ. *snowboard* < *snow* ‘снег’, *board* ‘доска’); сноуборд – спортивный снаряд в виде доски с креплениями для ног, предназначенный для скольжения по снегу: *сноуборд-выходные, сноуборд-лагерь, сноуборд-парк, сноуборд-снаряжение, сноуборд-школа* // *snowboardový víkend, snowboardový tábor, snowboardový areál, snowboardové vybavení, snowboardová škola*;

– **фрирайд...** – ‘относящийся к фрирайду’ (от англ. *freeride* < *free* ‘свободный’, *ride* ‘катание’), свободному катанию на спортивном снаряде без определенного стиля, часто вне специально оборудованных трасс: *фрирайд-зона, фрирайд-катание, фрирайд-линия,*

freeraid-проект, *freeraid*-соревнование // *freeridový* prostor, *freeridové* lyžování, *freeridová* trasa, *freeridový* projekt, *freeridový* závod.

В третью лексико-семантическая группа входят АП экстремальных видов спорта:

– **бейс...** – относящийся к бейсджампингу или к бейсджамперам (от англ. *BASE* – сокр. от *Building* ‘здание’ *Antenna* ‘антенна’ *Span* ‘пролет моста’ *Earth* ‘земля’); бейсджампинг – вид спорта в виде прыжков с высотных зданий, пролетов мостов и других объектов с парашютом: *бейс*-движение, *бейс*-полет, *бейс*-прыжок, *бейс*-путешествие, *бейс*-тусовка // *base jumpingový* pohyb, *base jumpingový* let, *base jumpingový* skok, *base jumpingové* cestování, *base jumpingová* pártý);

– **дрифт...** – относящийся к дрифтингу или дрифту (от англ. *drift* ‘относить ветром, течением’), виду спорта в форме автомобильных гонок с управляемым заносом, в которых не только учитывается скорость передвижения, но и начисляются очки за стиль: *дрифт*-курс, *дрифт*-машина, *дрифт*-модель, *дрифт*-телега, *дрифт*-шоу // *driftovací* auto, *lekce driftování*, *driftovací* model, *driftovací* (moto)kára, *driftovací* show;

– **зорб...** – относящийся к зорбу или зорбингу (от англ. *zorb*, точнее *orb* ‘сфера’), спортивному развлечению в виде спуска человека с горы в прозрачном шаре, называемом зорб: *зорб*-аттракцион, *зорб*-парк, *зорб*-прокат, *зорб*-риск, *зорб*-техника // *zorbingový* atrakce, *zorbingový* areál, *půjčování zorbingových koulí*, *riziko při zorbingu*, *zorbingová* technika;

– **скейт...** – относящийся к скейту или к скейтингу и скейтерам (от англ. *skate* ‘кататься, скользить’); скейт – то же, что скейтборд, т.е. доска на роликах для занятий скейтбордингом: *скейт*-группировка, *скейт*-клуб, *скейт*-магазин, *скейт*-молодежь, *скейт*-площадка //

skate shromáždění, *skate klub*, *skate obchod*, *skate mládež*, *skate prostranství*;

– **скейтборд...** – относящийся к скейтборду или к скейтбордингу и скейтбордерам (от англ. *skateboard* < *skate* ‘кататься, скользить’, *board* ‘доска’); скейтборд – спортивный снаряд для скейтбординга в виде доски с роликами; *скейтборд*-журнал, *скейтборд*-команда, *скейтборд*-компания, *скейтборд*-культура, *скейтборд*-мероприятие // *skateboardový* časopis, *skateboardový* tým, *skateboardová* parta, *skateboardová* kultura, *skateboardová* akce.

Особое положение занимает АП **экстрим...**, которое в прямом смысле слова не называет определенный вид спорта, однако служит обобщающим по отношению в вышеперечисленным термином данной тематической группы. Итак, АП *экстрим...* – относящийся к экстриму (от англ. *extreme* ‘экстремальный’), спортивному увлечению, связанному с риском для жизни, а также к любым действиям, условиям, ситуациям, связанным с опасностью для жизни, требующим чрезмерных физических или душевных сил; *экстрим*-отдых, *экстрим*-путешествие, *экстрим*-спорт, *экстрим*-туризм, *экстрим*-услуга // *extrémní* odpočinek, *extrémní* cestování, *extrémní* sport, *extrémní* turistika, *extrémní* služba.

Последнюю группу новейших АП в области спортивной терминологии мы назвали терминами общего характера. АП данной группы по их семантике нельзя, как правило, отнести к конкретному виду спорта. К ним принадлежат:

– **воркаут...** – относящийся к воркауту (от англ. *workout* ‘тренировка’), уличной силовой гимнастике на тренажерах: *воркаут*-движение, *воркаут*-зона, *воркаут*-парк, *воркаут*-площадка, *воркаут*-элемент // *posilovací* pohyb, *workoutová* zóna, *workoutový* areál, *workoutové* hřiště, *workoutové* prvky;

– **коуч...** – относящийся к коучу и коучингу (от англ. *coach* ‘тренировать’); коуч – тренер-консультант, специалист по коучингу, представляющему собой инструмент личностного и профессионального развития, т.е. по обучению или консультированию, направленным на раскрытие потенциала человека; *коуч*-консультант, *коуч*-менеджер, *коуч*-позиция,

коуч-сессия, коуч-центр // *koučovací poradce, koučovací manažer, koučovací pozice, koučovací setkání, koučovací centrum*;

– *фитнес...* – относящийся к фитнесу (от англ. *fitness* ‘пригодность, приспособленность’), общей физической подготовке, включающей разные системы физических упражнений, обычно совмещаемой со сбалансированным питанием: *фитнес-клуб, фитнес-оборудование, фитнес-студия, фитнес-тренер, фитнес-центр* // *fitness klub, fitness vybavení, fitness studio, fitness trenér, fitness centrum*.

Подводя итоги представленного выше анализа, хочется, в первую очередь, отметить очень широкую семантику всех названных АП, что доказывают многочисленные примеры аналитических конструкций. Также можно сделать общий вывод относительно происхождения названных АП: все упомянутые лексические единицы восходят к английскому языку. Этим подтверждается склонность современного русского языка заимствовать из английского языка – и не только отдельные лексические единицы, но и полные конструкции с компонентом в форме АП.

Рассматривая представленные АП с формально-структурной точки зрения, можно отметить следующее. В русском языке они представляют собой выражения, графически фиксированные с помощью дефисного написания (*виндсерф-туризм, джиб-парк, карв-поворот*). В чешском языке преобладают изменяемые прилагательные в полной форме, причем в абсолютном большинстве случаев все они образованы на основе английских словообразовательных элементов (*windsurfování turistika, jibbingový*

areál, carvingový oblouk). По нашим наблюдениям, своего рода исключение представляют АП *скейт...* и *фитнес...*, которые в чешском языке не обладают изменяемой полной формой прилагательного, а переводятся с помощью компонента, заимствованного из английского языка (*скейт-группировка / skate shromáždění, фитнес-студия / fitness studio*). В чешском языке они фиксируются на письме при помощи оригинальной формы английского языка, т.е. *skate* и *fitness*. Сравнение спортивных терминов с компонентами-АП в русском и чешском языках показывает также некоторые другие особенности терминологической номинации. К примеру, есть термины русского языка, входящий в которые определитель в форме АП переводится на чешский язык адъективно-субстантивной конструкцией: *дайвинг-магазин / obchod s potápěcími potřebami, зорб-прокат / půjčování zorbingových koulí, каяк-фестиваль / festival kajakových sportů*. Стоит также отметить, что АП *бейс...* переводится на чешский язык комбинированным способом – оригинальной лексемой *base* в сочетании с изменяемой полной формой прилагательного, мотивированного словообразовательной основой английского языка *jumpingový*: *бейс-прыжок / base jumpingový skok*.

В заключение можно констатировать, что словообразовательные компоненты в форме АП в русском языке имеют свое место в новейшей спортивной терминологии, в чешском же языке они встречаются гораздо реже. Относительно тенденции к аналитизму русского и чешского языков на лексическом уровне стоит подчеркнуть, что аналитизм проявляется в большей степени в русском языке, тогда как чешский язык все время предпочитает в функции определительного компонента изменяемую полную форму имени прилагательного. Данное наблюдение свидетельствует о стабильной склонности чешского языка к синтетическому способу выражения.

* * *

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : Либроком, 2014. 264 с.
2. Васильева Н.В. Термин // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 508–509.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Русский язык : энциклопедия / под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб.и доп. М. : АСТ-Пресс школа, 2020. 904 с.
5. Асаналиева Г.М. Спортивная лексика современного русского языка // Вестник КГАФКиС. 2016. № 1. С. 107–111.
6. Блеер А.Н., Суслов Ф.П., Тышлер Д.А. Терминология спорта : толковый словарь-справочник. М. : Академия, 2010. 464 с.
7. Джониц В. Способы образования спортивной терминологии в русском языке // ФАСТА UNIVERSITATIS. Series: Linguistics and Literature. 2004. № 1. С. 47–56.
8. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). В 4 кн. Кн. 1. Лексика современного русского литературного языка / под ред. М.В. Панова. М. : Наука, 1968. 185 с.
9. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М. : Наука, 1971. С. 240–253.
10. Plesník L. Typologická charakteristika tzv. analytických adjektiv (na příkladovém materiálu ruštiny, češtiny a polštiny). Ostrava : Ostravská univerzita, 2019. 218 s.
11. Маринова Е.В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 628–630.
12. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М. : Аст-Пресс книга, 2017. 576 с.
13. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М. : Аст-Пресс школа, 2020. 416 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения: 25.04.21).
15. Český národní korpus. URL: <https://www.korpus.cz/kontext/> (дата обращения: 24.04.21).

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В РОССИИ И ЧЕХИИ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**ENGLISH BORROWINGS
IN POLITICAL DISCOURSE IN RUSSIA AND CZECH REPUBLIC:
PRAGMATIC ASPECT**

© 2021

Е.А. Рычева

E.A. Rycheva

Политики дают оценку предмету/явлению и показывают отношение к нему при помощи специфических языковых средств. Одной из особенностей современного политического дискурса в России и Чехии является активное употребление англоязычной лексики и фразеологии. В речи политиков используются различные термины из экономической, политической и социальной сфер (*отмывание денег, налоговая гавань, фейк ньюс* и пр.), а также пословицы и поговорки (*solve the problem when you face it*), крылатые выражения (*světlo na konci tunelu* ср. *light at the end of a tunnel*) и другие прецедентные феномены (*Don't worry, be happy*). Англоязычная лексика и фразеология встречается в политическом дискурсе в виде как калек, так и иноязычных вкраплений: выбор той или иной формы зависит от целевой аудитории, к которой обращается политик, а также свидетельствует об особой коммуникативной стратегии говорящего. Использование англицизмов способствует реализации манипулятивного адресного влияния говорящего на сознание слушающего, достижению политических целей (смещению фокуса внимания, решению проблем определенным образом, формированию отношения к предмету и пр.). Англицизмы в речи российских и чешских политиков часто сопровождаются различными метаязыковыми комментариями, которые интенсифицируют прагматическое воздействие высказывания и активизируют оппозицию «свой/чужой».

Ключевые слова: политический дискурс; термины; прагматическое воздействие; манипулятивное воздействие; адресант; адресат; целевая аудитория; речевая стратегия; речевые тактики; коммуникативная неудача; англицизмы; англоязычные заимствования.

Politicians assess the subject/phenomenon and show the attitude towards it using specific linguistic means. One of the features of modern political discourse in Russia and the Czech Republic is the active use of English-language vocabulary and phraseology. In the speech of politicians, various terms are used from the economic, political and social spheres (*отмывание денег, налоговая гавань, фейк ньюс* etc.), as well as proverbs and sayings (*solve the problem when you face it*), catchphrases (*světlo na konci tunelu* cf. *light at the end of a tunnel*) and other precedent phenomena (*Don't worry, be happy*). English vocabulary and phraseology is found in political discourse in the form of both calques and foreign language inclusions: the choice of one form or another depends on the target audience to which the politician addresses, and also indicates a special communicative strategy of the speaker. The use of anglicisms contributes to the implementation of the speaker's manipulative targeted influence on the listener's consciousness, the achievement of political goals (shifting the focus of attention, solving problems in a certain way, forming an attitude towards the subject, etc.). Anglicisms in the speech of Russian and Czech politicians are often accompanied by various metalanguage comments that intensify the pragmatic impact of the utterance and activate the "friend/foe" opposition.

Keywords: political discourse; terms; pragmatic influence; manipulative influence; addressee; addresser; target audience; speech strategy; speech tactics; communicative failure; anglicisms; English language borrowings.

Активные изменения, происходящие в современном мире, обуславливают повышенный интерес к политической коммуникации – политическая повестка занимает значительное место в информационном пространстве масс-медиа и социальных сетей. Особое внимание уделяется языку по-

литики как инструменту манипулятивного воздействия на аудиторию, его содержанию и структурному аспектам.

Условием успешной коммуникации является точное осознание адресантом (говорящим) особенностей адресата (слушающего), к которому он обращается (Н.Д. Арутюнова

[1], М.Р. Желтухина [2], Г.В. Колшанский [3], Ю.С. Степанов [4] и др.). Поэтому при анализе особенностей политической коммуникации следует уделять внимание специфике целевой аудитории (адресата), к которой обращается политик (адресант).

Под целевой аудиторией в данной статье понимается группа людей, выделенная по одному или нескольким параметрам (возрасту, полу, социальному положению, профессиональной принадлежности, национально-культурной принадлежности, культурному и образовательному уровню и пр.), к которой обращается политик.

Апеллируя в процессе коммуникации к целевой аудитории, политик учитывает ее интересы, реальные или потенциальные проблемы и их актуальность и предлагает возможные варианты удовлетворения потребностей адресата. Он должен осознавать и учитывать особенности восприятия речи адресатом, который может получить ложную или искаженную информацию вследствие неправильно выбранной коммуникативной стратегии или языкового наполнения высказывания. Недооценивание специфики целевой аудитории может вести к коммуникативной неудаче, так как «смысл и референция, которыми говорящий снабжает свое высказывание, не совпадают с тем, который приписывает высказыванию реципиент» [5, с. 99].

При этом следует принимать во внимание, что при политической коммуникации зачастую происходит «симуляция» диалогического взаимодействия между адресатом и адресантом, однако отношения между политиком и аудиторией остаются одновекторными, то есть подразумевающими активную роль только говорящего. Если в других сферах общения у слушающего обычно есть возможность переспросить собеседника для уточнения информации и таким образом избежать коммуникативной неудачи, то в области политики говорящий должен предупреждать возникновение возможных проблем в восприятии сообщения, чтобы избежать неверного толкования своих слов и действий реципиентом.

Говоря о прагматических особенностях политического дискурса, следует уделять внимание целевой установке самого адресанта, который регулирует интеллектуальную деятельность своего собеседника [6, с. 21]. Поэтому одной из ключевых особенностей политического дискурса является манипулятивное воздействие, которое заключается в адресном влиянии говорящего на сознание слушающего для достижения политических целей (смещения фокуса внимания, решения проблем определенным образом, формирования отношения к предмету и пр.).

Большое влияние на ход процесса коммуникации в сфере политики имеет речевая ситуация: время и место событий и определенный набор акторов. Учет данных факторов помогает правильно интерпретировать высказывание, уточнить его смысл, выявить причинно-следственные связи произнесения сообщения с другими событиями и т.д.

Обращаясь к целевой аудитории, политик старается нивелировать возможность возникновения культурного барьера между собой и аудиторией. По словам С.Г. Тер-Минасовой, культурный барьер опаснее языкового, так как первый подразумевает уверенность собеседников, что своя культура – эталонная, правильная и нормативная [7, с. 66]. Именно это становится причиной появления противоречия «свой/чужой», которое может быть актуализировано в процессе коммуникации.

Оппозиция «свой/чужой» помогает концептуализировать понятие борьбы, которое в политическом дискурсе является ведущим, так как политические действия предполагают наличие противоборствующих сторон (Т.А. ван Дейк [8], Р. Водак, Н. Фэрклаф [9], А.П. Чудинов [10], Э.В. Будаев [11] и др.). Понимание «чужеродности» представляется главным образом вербально через акты референции. По словам Е.И. Шейгал, «оппозиция “свои – чужие” представляет специфику политического дискурса, так же как оппозиция “добро – зло” является базовой для области морального, “прекрасное – безобразное” – в области эстетического <...> любые ценностные

противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичным по отношению к данной оппозиции» [12, с. 122]. Эта бинарная оппозиция имеет амбивалентный характер и соотносится с особенностями агональной природы политического дискурса [13].

Дифференциация «свой/чужой» может быть актуализирована в контексте и трансформироваться под воздействием обстоятельств. Отнесение субъекта к группе «своих/чужих» обычно связано с наличием доводов и доказательств. При этом говорящий может как намеренно дистанцироваться от слушателя (например, показывая более высокий уровень осведомленности в каком-либо вопросе), так и сблизиться с ним.

Политики дают оценку «своему» или «чужеродному» предмету/явлению и показывают отношение к нему при помощи специфических языковых средств.

Особую роль в создании оппозиции «свой/чужой» в российском и чешском политическом дискурсе играет англоязычная лексика и фразеология.

В рамках настоящей работы изучение специфики функционирования англицизмов проходило на основе материала, собранного методом сплошной выборки из стенограмм публичных выступлений политиков в России и Чехии с 2016 года по настоящее время.

Как показало исследование, к прагматически значимым для политического дискурса свойствам англицизмов относятся:

- 1) сохранение связи с английским языком, которая может дополнительно подчеркиваться за счет употребления метаязыковых комментариев,
- 2) способность к образованию ассоциативных связей;
- 3) способность выступать в качестве эвфемизмов/дисфемизмов.

Использование англицизмов определяется особенностями конкретного жанра политического дискурса или коммуникативными установками говорящего [14].

В речи политиков встречаются различные англоязычные термины и терминологизированные выражения, которые могут упо-

требляться в виде как калек, так и иноязычных вкраплений: «*A mezi konkurentem a nepřitelem je přece jenom jistý rozdíl, pokud bychom tento rozdíl neuznávali, tak se vrátíme do doby studené války*» (М. Земан) [15]; «*Наши двусторонние связи оказались на низшей со времён “холодной войны” точке*» (В. Путин) [16].

Иноязычные вкрапления в речи политиков встречаются в ситуации, когда говорящий обращается к целевой аудитории, способной адекватно толковать англицизм, то есть к подготовленному слушателю: «*Ohledně Evropské unie nadále bojujeme za náš projekt reverse charge. Už čtyři roky a blížíme se do finále*» (А. Бабиш) [17]. В данном случае политик использует английский термин «*reverse charge*» (рус. «обратное налогообложение») несмотря на то, что в чешском языке существует эквивалент «*přenesená daňová povinnost*». Он употребляет иноязычное вкрапление для того, чтобы продемонстрировать свою профессиональную компетентность в сфере экономики. «Политик, использующий англицизмы в речи, подчеркивает высокий уровень своей образованности, профессиональной компетентности и информированности и претендует на лояльность целевой аудитории» [13].

Использование англицизмов может быть частью речевого портрета говорящего. Например, в речи А. Бабиша англицизмы часто встречаются в виде иноязычных вкраплений: «*Agentura Frontex by měla pomáhat v boji proti nelegálním pašerákům a jiným osobám, které z nelegální migrace těží. Měla by přispět k likvidaci těchto mafianských gangů*» [18]; «*Vydali jsme se na cestu, která má jediný cíl – udělat ze strašáka v podobě jednání s úřady jednoduchou, a třeba i příjemnou záležitost pro všechny lidi, pro naše občany, aby z toho neměli horor, když jdou na úřad*» [19]. Иноязычные вкрапления передают оценку и отношение говорящего к предмету или явлению (представляют собой экспрессивный компонент прагматики) и сообщают слушателю о социальном положении говорящего (культурный компонент прагматики).

Отличительной чертой речевого портрета некоторых политиков может быть употребление жаргонных слов и выражений. Например, в речи Д. Медведева встречаются единицы молодежного жаргона: «*По всем этим направлениям, конечно, желательно сейчас интенсифицировать работу, для того чтобы добавить драйва в развитие наших экономик*» (Д. Медведев) [20].

Прагматическая коннотация англицизмов выражается в сохранении связи с английским языком, которая актуализируется в контексте и наполняется дополнительным содержанием.

Англицизмы участвуют в реализации тактики самопрезентации, за счет которой говорящий делает акцент на готовности к международному сотрудничеству: «*Symbolické je i to, že dnes odlétáme do Izraele, do země, která nás v našich plánech velmi inspirovala, a kde máme naplánováno cíleně několik návštěv výzkumných center. Začínáme světu sdělovat, že jsme země pro budoucnost – Country for The Future*» (А. Бабиш) [21]. Политик намеренно повторяет выражение «*Земля для будущего*» на чешском и английском языках, так как он учитывает особенности аудитории, к которой обращается. При этом англицизм является смысловой доминантой высказывания и выполняет резюмирующую функцию. Кроме того, в речи политика реализована тактика солидаризации, демонстрирующая его стремление показать свою сопричастность к позитивным событиям, происходящим в стране.

Англицизмы могут выполнять в речи политиков эвфемизирующую функцию [22], снимая смысловое напряжение и придавая высказыванию позитивный тон: «*Кстати, это соглашение [Парижское соглашение] даже не вступило ещё в силу. Он должно вступить в силу с 2021 года, так что у нас ещё есть время. Если мы все будем конструктивно работать, мы ещё можем о чём-то договориться. Don't worry, be happy!*» (В. Путин) [23]. Иноязычное вкрапление (прецедентное выражение) помогает реализовать стратегию раскрытия содержательного анализа и оценки ситуации, кото-

рая подразумевает ведение диалога и открытость к переговорам.

В политическом дискурсе англицизмы зачастую используются для конденсации прагматического воздействия и реализуют комплексное коммуникативно-прагматическое воздействие на адресата. Это выражается в употреблении иноязычного вкрапления и его толкования: «*Nedovedu a ptám se na něco jiného. Ptám se na to, když Barrantov přijde o licenci, což se může teoreticky stát podle médií, jestli už přišla nabídka od někoho jiného?*», политик отвечает: «*Zaprvé, nepřišla. A zadruhé, je takové hezké anglické přísloví – solve the problem when you face it. No a já řeším problémy, když nastanou*» (М. Земан) [24]; «*Islámský terorismus kromě toho, že velmi pravděpodobně bude vést takzvanou gerilovou válku, to znamená foreign fighters, kteří se budou vracet ze středního východu do Evropy. Tento terorismus teď najde svoji základnu v Afghánistánu.*» (М. Земан) [25]. В данном случае говорящий использует тактику пояснения, показывая слушающему свою компетентность и осведомленность.

В политическом дискурсе англицизмы могут подвергаться структурно-семантическим трансформациям в результате языковой игры. Прагматическое воздействие на адресата может усиливаться в результате повторения слова или выражения: «*Продолжая то, что сказано Президентом, я хочу сказать, что такие шоу просто не должны продолжаться. Show must not go on!*» (Д. Медведев) [26]. В данном высказывании политик добавляет слово-компонент в состав устойчивого оборота (*Show must not go on!*) с целью дополнительно привлечь внимание адресата к необычной форме и содержанию выражения. Говорящий реализует стратегию дискредитации оппонента, апеллируя к «чужеродности» и искусственности обвинений (шоу – ‘ложь, выдумка, постановка’).

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

– прагматическая ориентация политического выступления предполагает обяза-

тельный учет национально-культурных, социо- и психолингвистических особенностей целевой аудитории;

– прагматическая направленность политического дискурса детерминирует структурные и композиционные особенности высказываний и влияет на отбор языковых средств, в том числе англоязычных заимствований;

– отличительной чертой речи российских и чешских политиков является прагматическая направленность употребления ан-

глицизмов для поддержания оппозиции «свой/чужой»;

– следствием особой прагматической ориентации политического дискурса является передача коммуникативного сообщения реципиенту с использованием специфических стратегий и тактик.

Дальнейшие исследования особенностей функционирования англоязычных заимствований в политическом дискурсе могут включать анализ речевого портрета говорящего и изучение англицизмов как доминант в организации текста.

* * *

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание : большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 389–390.

2. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 358 с.

3. Колшанский Г.В. Прагматика языка. М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. 176 с.

4. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 325–332.

5. Серебрякова А.Ю. О причинах коммуникативных неудач // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 10. С. 98–100.

6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : УРСС, 2003. 284 с.

7. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации : учебное пособие. М. : АСТ, 2007. 286 с.

8. Dijk T. A. van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. 1985. Vol. 1. P. 1–10.

9. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London : Sage, 1997. Vol. 2. P. 258–284.

10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.

11. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 46 с.

12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

13. Соломина В.В. Особенности реализации оппозиции «свой – чужой» в различных видах дискурсов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 3. С. 176–182.

14. Rozhovor prezidenta republiky pro ČTK 11.03.2019. URL: <http://www.zemanimilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-ctk-97025.htm> (дата обращения: 20.03.2021).

15. Встреча с представителями российского и американского бизнеса 02.06.2017. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/54665> (дата обращения: 20.03.2021).

16. Projev předsedy vlády čtyři roky a blížíme se do finále. Andreje Babiše v Poslanecké sněmovně před hlasováním o vyslovení důvěry vládě 15. 7. 2018. URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-predsedy-vlady-andreje-babise-v-poslanecke-snemovne-pred-hlasovanim-o-vysloveni-duvery-vlade-167555> (дата обращения: 20.03.2021).

17. Projev premiéra Babiše na konferenci Prague European Summit 19. 6. 2018. URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-premiera-babise-na-konferenci-prague-european-summit-166926/> (дата обращения: 20.03.2021).

18. Projev předsedy vlády čtyři roky a blížíme se do finále. Andreje Babiše v Poslanecké sněmovně před hlasováním o vyslovení důvěry vládě 15. 7. 2018. URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-predsedy-vlady-andreje-babise-v-poslanecke-snemovne-pred-hlasovanim-o-vysloveni-duvery-vlade-167555> (дата обращения: 20.03.2021).

19. Встреча Дмитрия Медведева с Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым 8.04.2016. URL: <http://government.ru/news/22529/> (дата обращения: 20.03.2021).

20. Projev premiéra při zahájení konference Czech Republic: The Country For The Future 18. 2. 2019. URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-premiera-pri-zahajeni-konference-czech-republic-the-country-for-the-future-171859/> (дата обращения: 20.03.2021).

21. Рычева Е.А. Sorry jako: англицизмы в современной политической фразеологии в Чехии и России // Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии. Greifswald : Universität Greifswald, 2020. С. 97–104.

22. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 02.06.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54667> (дата обращения: 20.03.2021).

23. Rozhovor prezidenta republiky pro Pressklub na Frekvenci 1. 10.02.2019. URL: <https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/soucasny-prezident-cr/vybrane-projevy-a-rozhovory/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-pressklub-na-frekvenci-1-2-1458> (дата обращения: 20.03.2021).

24. Rozhovor prezidenta republiky pro ČTK 11.03.2019. URL: <http://www.zemanmi-los.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-ctk-97025.htm> (дата обращения: 20.03.2021).

25. Разговор с Дмитрием Медведевым. Текст интервью пяти телеканалам 15.12.2016. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2833434> (дата обращения: 20.03.2021).

Наши авторы

Адумян Астхик Симиговна, магистрант филологического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).
E-mail: asyaadumyan@gmail.com.

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт литературы им. М. Абеяна Национальной академии наук Республики Армения (Ереван, Армения).
E-mail: nerses91@rambler.ru.

Белкина Юлия Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).
E-mail: ulanova@samaradom.ru.

Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тверской государственный университет (Тверь, Россия).
E-mail: Bushev.AB@tversu.ru.

Валчак-Миколайчакова Мариола, доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой южнославянских языков, Университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).
E-mail: mawal@amu.edu.pl.

Возняк-Вжесиньска Эвелина, магистр, факультет польской и классической филологии, институт польской филологии, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша).
E-mail: ewewoz@amu.edu.pl.

Вяткина Анжела Ивановна, преподаватель кафедры русского языка, Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Сызрань, Самарская область, Россия).
E-mail: vai0301@mail.ru.

Галушко Елена Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия).
E-mail: ms.galushko@bk.ru.

Джинджолия Гигла, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Западно-чешский университет (Пльзень, Чехия).
E-mail: giglad.17@gmail.com.

Дзурякова Яна, доктор философии, Жилинский университет (Жилина, Словакия).
E-mail: jana.dzuriakova@fhv.uniza.sk.

Долгова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).
E-mail: dolgova@pgsga.ru.

Зоричич Ника, аспирант докторантуры гуманитарных наук, дидактический ассистент (русский язык), Бергамский университет (Бергамо, Италия).
E-mail: nika.zoricic@gmail.com.

Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).
E-mail: ivanyan@pgsga.ru.

Карякина Валентина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).
E-mail: karyakina@pgsga.ru.

- Кудрявцева Екатерина Сергеевна**, аспирант кафедры белорусского языка и литературы, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).
E-mail: olkaterina@tut.by.
- Кузнецова Наталья Николаевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия).
E-mail: natlog65@mail.ru.
- Лацкова Марта**, доктор педагогических наук, доктор философии, Жилинский университет (Жилина, Словакия).
E-mail: marta.lackova@fhv.uniza.sk.
- Лелакова Эва**, доктор философии, доцент кафедры английского языка и литературы, Жилинский университет (Жилина, Словакия).
E-mail: eva.lelakova@fhv.uniza.sk.
- Маковский Антон Олегович**, аспирант кафедры славянских языков, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).
E-mail: mao-iroc@yandex.ru.
- Михайлова Анна Александровна**, студент филологического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).
E-mail: mikhaylova.99@sgspu.ru.
- Мишурная Юлия Вячеславовна**, аспирант кафедры второго иностранного языка (английский), Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).
E-mail: yulya.mishurnaja@yandex.ru.
- Мурзаева Тамара Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).
E-mail: palma5109@yandex.ru.
- Питонакова Славка**, доктор философии, доцент кафедры медиаматики и культурного наследия, Жилинский университет (Жилина, Словакия).
E-mail: slavka.pitonakova@fhv.uniza.sk.
- Плесник Лукаш**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славистики, Остравский университет (Острава, Чехия).
E-mail: lukas.plesnik@osu.cz.
- Подлецки Матеуш**, магистр, факультет польской и классической филологии, Университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).
E-mail: mateuszpodlecki@gmail.com.
- Радченко Марина Васильевна**, доктор филологических наук, профессор отделения русистики, Задарский университет (Задар, Хорватия).
E-mail: radcenko@unizd.hr.
- Русанова Оксана Сергеевна**, аспирант, ассистент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).
E-mail: o.s.rusanova@yandex.ru.
- Рычева Екатерина Алексеевна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель института восточноевропейских исследований философского факультета, Карлов университет (Прага, Чехия).
E-mail: ekaterina.rycheva@ff.cuni.cz.
- Шестернёва Лилия Георгиевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь).
E-mail: lilija.s0607@gmail.com.
- Шетэля Виктор**, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).
E-mail: szetela@mail.ru.

Our Authors

Adumyan Astkhik Simikovna, Master's Degree Student of the Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: asyaadumyan@gmail.com.

Belkina Julia Alekseevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: ulanova@samaradom.ru.

Boushev Aleksandr Borisovich, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Journalism, PR and Advertising, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: Bushev.AB@tversu.ru.

Dolgova Elena Yurievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: dolgova@pgsga.ru.

Dzhyndzholiia Gigla, PhD in Philology, Associate Professor of Department of the Russian Language, University of West Bohemia (Pilsen, the Czech Republic).

E-mail: giglad.17@gmail.com.

Dzuriaková Jana, DPhil., Faculty of Humanities, Zhilin University (Zhilina, Slovakia).

E-mail: jana.dzuriakova@fhv.uniza.sk.

Galushko Elena Fedorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia).

E-mail: ms.galushko@bk.ru.

Hayryan Zaruhi Gevorkovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Literature named after M. Abegyan, the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia).

E-mail: nerses91@rambler.ru.

Ivanyan Elena Pavlovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: ivanyan@pgsga.ru.

Karyakina Valentina Leonidovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of the Russian Language, Speech Culture and Their Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: karyakina@pgsga.ru.

Kudriavtseva Ekaterina Sergeevna, Postgraduate Student of Department of the Belarusian Language and Literature, Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus).

E-mail: olkaterina@tut.by.

Kuznetsova Natalya Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Language and Teaching Methodology, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia).

E-mail: natlog65@mail.ru.

Lacková Marta, DEd., Zhilin University (Zhilina, Slovakia).

E-mail: marta.lackova@fhv.uniza.sk.

Leláková Eva, PhD, Associate Professor of Department of the English Language and Literature, Zhilin University (Zhilina, Slovakia).

E-mail: eva.lelakova@fhv.uniza.sk.

Makovsky Anton Olegovich, Postgraduate Student of Department of Slavic Languages, Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus).

E-mail: mao-iroc@yandex.ru.

- Mikhailova Anna Aleksandrovna**, Student of Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).
E-mail: mikhaylova.99@sgspu.ru.
- Mishurnaya Yuliya Vyacheslavovna**, Postgraduate Student of Department of the Second Foreign Language (English), Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus).
E-mail: yulya.mishurnaja@yandex.ru.
- Murzaeva Tamara Ivanovna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Language Theory and History and Applied Linguistics, Saratov State University (Saratov, Russia).
E-mail: palma5109@yandex.ru.
- Pitoňáková Slavka**, PhD., Associate Professor of Department of Mediamatics and Culture Heritage, Zhilin University (Zhilina, Slovakia).
E-mail: slavka.pitonakova@fhv.uniza.sk.
- Plesnik Lukas**, PhD., Teaching Assistant of Department of Slavistics, University of Ostrava (Ostrava, the Czech Republic).
E-mail: lukas.plesnik@osu.cz.
- Podlecki Mateusz**, M.Sc., Faculty of Polish and Classical Philology, Adam Mickiewicz University (Poznan, Poland).
E-mail: mateuszpodlecki@gmail.com.
- Radchenko Marina Vasilievna**, PhD in Philology, Professor of Department of Russian Studies, Zadar University (Zadar, Croatia).
E-mail: radcenko@unizd.hr.
- Rusanova Oksana Sergeevna**, Postgraduate Student, Assistant Professor of Department of the Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).
E-mail: o.s.rusanova@yandex.ru.
- Rycheva Ekaterina Alekseevna**, PhD in Philology, Assistant Professor of Department of East European Studies, Faculty of Arts, Charles University (Prague, the Czech Republic).
E-mail: ekaterina.rycheva@ff.cuni.cz.
- Shesterneva Lilia Georgievna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Media Linguistics and Editing, Belarusian State University (Minsk, Belarus).
E-mail: lilija.s0607@gmail.com.
- Szetela Victor**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).
E-mail: szetela@mail.ru.
- Viatkina Anzhela Ivanovna**, Teacher of Department of the Russian Language, Branch of the Military Education and Research Center of Air Force, Air Force Academy named after Prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin (Syzran, Samara Region, Russia).
E-mail: vai0301@mail.ru.
- Walczak-Mikołajczakowa Mariola**, DH., Professor Ordinarius, Head of Department of South Slavic Languages, Adam Mickiewicz University (Poznan, Poland).
E-mail: mawal@amu.edu.pl.
- Wozniak-Wrzesinska Evelina**, M.Sc., Faculty of Polish and Classical Philology, Adam Mickiewicz University (Poznan, Poland).
E-mail: ewewoz@amu.edu.pl.
- Zoričić Nika**, PhD Student, Doctoral School of Humanities, Didactic Assistant (the Russian Language), University of Bergamo (Bergamo, Italy).
E-mail: nika.zoricic@gmail.com.

Требования к публикациям

К публикации принимаются статьи по следующим *научным направлениям*: Филологические науки (10.00.00); Педагогические науки (13.00.00); Психологические науки (19.00.00). Материалы подаются в редакцию до 1 января (№ 1), до 1 апреля (№ 2), до 1 июля (№ 3), до 1 октября (№ 4).

Редакция проводит *рецензирование* рукописей, а также проверку в корпоративной версии системы «Антиплагиат». Наличие отрицательной рецензии является основанием для отказа в публикации в текущем номере.

Статьи размещаются в системе РИНЦ. Статьи публикуются бесплатно.

Требования к содержанию статьи. Статья должна иметь следующие элементы: **1)** постановка проблемы в общем виде и в связи с важными научными и практическими задачами; **2)** анализ последних исследований, в которых рассматривались аспекты проблемы и на которых основывается автор; выделение ранее не разрешенных вопросов; **3)** формулировка цели статьи (постановка задания); **4)** изложение основного материала исследования с обоснованием полученных результатов; **5)** выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий в рамках данного направления; **6)** научный аппарат (не менее 20 наименований, среди которых не менее трех изданий последних пяти лет).

Статьи реферативного характера к публикации не принимаются.

Требования к структуре статьи. Статья должна быть выстроена в соответствии со следующей структурой: **1)** коды УДК (для определения УДК можно использовать ссылку <https://www.teacode.com/online/udc/> или <http://www.naukapro.ru/metod.htm>); **2)** фамилия, имя, отчество автора (авторов) (полностью) (на русском и английском языках); **3)** место работы каждого автора в именительном падеже (на русском и английском языках), должность (указания не должны допускать разночтений); **4)** контактная информация (почтовый адрес с индексом, контактный телефон, e-mail) для каждого автора; **5)** название статьи (на русском и английском языках); **6)** аннотация (не менее 150–200 слов) (на русском и английском языках); **7)** ключевые слова (250–280 символов) (на русском и английском языках). Каждое ключевое слово или словосочетание отделяется точкой с запятой; **8)** список источников, пронумерованный *вручную* (автоматическая нумерация не допускается); нумерация осуществляется *по порядку появления ссылки на источник в тексте статьи* (не по алфавиту); источник, цитируемый в статье неоднократно, указывается в списке *только при первой* ссылке на него.

Требования к оформлению статьи. *Текст статьи* представляется в формате Microsoft Word. Объем статьи – от 10 до 16 страниц формата А4 (не считая ссылок). Перед набором текста настройте, пожалуйста, указанные ниже параметры текстового редактора: все поля по 2 см, ориентация листа – книжная, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине, абзацный отступ 0,5 см (абзацы задаются автоматически, а не с помощью пробелов или табуляции; установите автоматическую расстановку переносов. Необходимо ставить неразрывные пробелы между цифрами, между инициалами и фамилией. Не путать тире (–) и дефис (-).

Научный аппарат оформляется в виде затекстовых ссылок согласно ГОСТ Р 7.05-2008 (полное название книги, включая подзаголовки и другие сведения, имеющиеся на титульном листе издания, указание издательств, общего числа страниц для книги и местоположения страниц статьи в книге – с ... по). Нумерация сносок в тексте сквозная (от 1 до...); повторной ссылке присваивается номер, использованный первый раз. Так, [8, с. 6] означает, что в восьмой ссылке цитируется шестая страница источника; указание на другую страницу (например, 17-ю) того же источника в дальнейшем тексте статьи будет выглядеть как [8, с. 17].

Допускается наличие таблиц (не более трех, объем таблиц не должен превышать 1 печатную страницу), *формул и рисунков* по тексту (не более трех). Суммарное количество таблиц и рисунков не больше пяти. Обязательно наличие подрисуночных подписей и надписей к таблицам. Всем иллюстрациям и таблицам необходимо давать сквозную нумерацию. Необходимо избегать повторений данных в таблицах, графиках и тексте рукописи. Графический материал должен быть представлен без использования сканирования, цветного фона, жирных рамок. Шрифт текста в таблицах, рисунках не меньше 10 pt; текст должен поддаваться редактированию. Не рекомендуется использовать символы, набранные редактором формул. Формат рисунков TIFF или JPEG, режим – черно-белый или градиент серого, разрешение – 300 пикс/дюйм. *При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право изъять таблицы и рисунки из текста статьи.*

Формулы оформляются через редактор формул «Microsoft Equation» или «MathType». Длина формул не должна превышать 80 мм. Размеры символов в формулах (Microsoft Equation, MathType):

обычный – 10 pt, крупный индекс – 7 pt, мелкий индекс – 5 pt, буквы латинского алфавита набираются курсивом, греческого алфавита – прямым шрифтом, математические символы cos, sin, max и т.д. – прямым шрифтом. Номер формулы пишется в круглых скобках у правого поля страницы на уровне формулы. Нумеровать следует те формулы, на которые есть ссылки в тексте. Размерность всех характеристик должна соответствовать системе СИ.

Требования к информации для РИНЦ:

- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес организации,
- e-mail (на русском и английском языках) (если авторов несколько, то информация дается на каждого автора);
- научное направление, к которому относится статья: Филологические науки (10.00.00), Педагогические науки (13.00.00), Психологические науки (19.00.00).

Контактная информация (почтовый адрес с индексом, контактный телефон, личный e-mail) при публикации не размещается.

Требования к сопроводительным документам. Сопроводительное письмо в электронном (отсканированном) варианте вместе с текстом статьи пересылается в редакцию по электронной почте: inessayakovleva2013@mail.ru. Оригиналы сопроводительных документов предоставляются в редакцию лично или почтой по адресу: 443090, г. Самара, ул. Блюхера, 25, ауд. 519, 520, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Яковлевой Инессы Юрьевны.

Дополнительную информацию можно получить у заместителя главного редактора журнала, кандидата филологических наук *Яковлевой Инессы Юрьевны*.

E-mail: inessayakovleva2013@mail.ru; тел.: (846) 207-41-41.